

ДЖОАННА
АКЦИОНАЛЬД

СОМНИТЕЛЬНЫЕ
ЦЕННОСТИ

Молодая привлекательная женщина Катриона Стюарт, казалось бы, должна быть довольна своей жизнью: она управляющий крупного банка, в нее влюблен богатый бизнесмен. Но постепенно страсть уходит, Катриона понимает, что она всего лишь очередная любовница пресыщенного миллионера. Деньги, карьера, суета и пошлость высшего эдинбургского общества оказываются сомнительными ценностями. Она хочет вернуться на родной остров, встретить надежного, порядочного человека, создать семью. И кажется, мечты ее начинают сбываться...

- [Джоанна Макдональд](#)

- [ГЛАВА 1](#)
  - [ГЛАВА 2](#)
  - [ГЛАВА 3](#)
  - [ГЛАВА 4](#)
  - [ГЛАВА 5](#)
  - [ГЛАВА 6](#)
  - [ГЛАВА 7](#)
  - [ГЛАВА 8](#)
  - [ГЛАВА 9](#)
  - [ГЛАВА 10](#)
  - [ГЛАВА 11](#)
  - [ГЛАВА 12](#)
  - [ГЛАВА 13](#)
  - [ГЛАВА 14](#)
  - [ГЛАВА 15](#)
  - [ГЛАВА 16](#)
  - [ГЛАВА 17](#)
  - [ГЛАВА 18](#)
  - [ГЛАВА 19](#)
  - [ГЛАВА 20](#)
  -
-

Джоанна Макдональд
Сомнительные ценности

— Это просто нелепо! Я хочу видеть управляющего.

Рассерженная дама в элегантном темно-синем костюме барабанила полированными ногтями по мраморной крышке стола, не обращая внимания на летящие во все стороны чешуйки ярко-алого лака. Ее голос был таким же холодно-прозрачным, как и сверкающие на пальцах бриллианты.

— Конечно, миссис Монкрайф, — поспешно кивнула сидящая по другую сторону мраморного стола приятная блондинка, поднимая телефонную трубку. — Кто из управляющих ведет ваш счет?

В ответ раздался нетерпеливый вздох.

— Откуда я знаю? С какой стати утомлять себя такими деталями? Я всегда считала «Стьюартс» образцовым банком, но эта история с двойной подписью совершенно неприемлема! — Кусочек покрытого алым лаком ногтя, обломившись, заскользил по каррарскому мрамору. — Черт! — Пальцы перестали выстукивать дробь, бриллианты описали сверкающую дугу в воздухе, их владелица начала внимательно изучать нанесенный ущерб. — Пожалуй, к тому времени, когда состоится этот чертов развод, у меня не останется ни единого ногтя.

— Сейчас я узнаю, кто из управляющих свободен, — пробормотала блондинка, торопливо набирая номер.

На столе между ними лежала причина скандала — раскрытая чековая книжка в тисненном кожаном переплете с заполненным верхним чеком.

— О, привет, Катриона. Если ты не очень занята, то не могла бы подойти в холл и поговорить с миссис... э-э... — девушка бросила взгляд на подпись на чеке, — миссис Викторией Монкрайф? Она хочет, чтобы ей объяснили новую инструкцию, касающуюся ее объединенного счета.

— Миссис Монкрайф хочет не объяснений, а денег! — прошипела обладательница поломанных ногтей, сжимая руку в кулак, чтобы предупредить следующую серию сокрушительной барабанной дроби.

— Сейчас сюда спустится один из наших управляющих, — успокаивающим тоном произнесла блондинка. — Может быть, вы пока присядете? — Она жестом указала на пару кресел, стоявших под позолоченным зеркалом в предназначенной для посетителей части офиса.

Другая половина приемной, отделенная столом с мраморной крышкой, выглядела куда более строго: компьютер, небольшой сейф, ящик для наличных, калькулятор, сигнальная кнопка и все остальное, необходимое для банковской деятельности. От других банковских офисов этот отличался подчеркнутым отсутствием защитной перегородки: «Стьюартс» относился к числу банков, всячески заботившихся о том, чтобы его битком набитые деньгами клиенты (а такие здесь составляли большинство) чувствовали себя как можно комфортнее и спокойнее.

— Надеюсь, ожидание продлится не настолько долго, чтобы нужно было садиться, — парировала Виктория Монкрайф и, стуча высоченными каблуками, начала мерить шагами приемную.

В своем модном костюме, украшенном развевающимся шелковым шарфом, с

переброшенной через плечо кожаной сумочкой, она выглядела тем, кем и была на самом деле: хорошо обеспеченной, выхоленной дамочкой средних лет, расстроенной крушением семьи, но намеревающейся, несмотря на это, отправиться в поход по магазинам.

Вошедший в холл высокий, с крючковатым носом мужчина в мешковатом твидовом костюме и поношенной рубашке приветствовал блондинку за конторкой как хорошую знакомую:

— Привет, Джиллиан. Пожалуйста, дорогая, выпиши нам новую чековую книжку. — Он положил на стол заполненный бланк и вежливо поклонился в сторону вышагивающей женщины, пробормотав: «Доброе утро».

Виктория Монкрайф ответила неразборчивым хмыканьем. Она злилась на всех мужчин в мире, и даже этот немолодой незнакомец, случайно попавший в поле ее зрения, вызывал у нее раздражение. Казалось бы, при этих обстоятельствах она должна была быть довольна, что вызванный по ее требованию управляющий оказался женщиной, однако, судя по ее вздернутым бровям, это было не так.

Катриона Стюарт, менеджер по операциям с частными вкладами, была высокой, стройной, с умным лицом. Прекрасная кожа, высокие скулы и большие выразительные серые глаза, в которых сверкали серебряные искорки, притягивали внимание. Наиболее бросающейся в глаза чертой ее внешности была грива густых огненно-рыжих, отливавших золотом волос. На ней был строгий, мужского покроя бледно-желтый жакет, из-под которого виднелась простая черная мини-юбка, открывавшая длинные, хорошо вылепленные ноги в тонких черных колготках. Дружелюбно улыбаясь, Катриона приблизилась к рассерженной клиентке и протянула руку, на которой не было колец.

— Добрый день, миссис Монкрайф. Меня зовут Катриона Стюарт. Чем я могу вам помочь?

Складка между бровями Виктории Монкрайф стала еще глубже.

— Вы управляете нашим счетом? — воскликнула она, едва дотронувшись до протянутой руки. Очевидно, это открытие отнюдь не принесло ей облегчения.

— Да, я одна из управляющих. Хоть я и недавно работаю у «Стьюарта», надеюсь, что смогу разрешить ваши проблемы, — осторожно сказала Катриона, увидев, что стрелка барометра близка к отметке «Буря». — Наверно, вы предпочтете обсудить дело в каком-нибудь более уединенном месте?

— Что я бы предпочла, так это поскорее получить наличными по чеку, но, судя по всему, теперь это уже невозможно сделать без разрешительной подписи моего мужа. — Виктория Монкрайф не скрывала, что возмущена подобным ограничением своих прав. — А поскольку мы с Чарли не разговариваем, то получить такую подпись, мягко говоря, затруднительно.

— Если вы пройдете со мной, миссис Монкрайф, то я постараюсь все вам объяснить. — Катриона распахнула перед клиенткой дверь и бросила взгляд на мужчину в потертой рубашке, который с интересом прислушивался к их беседе. — Это не займет много времени. Я уверена, мы найдем способ все уладить.

— Это было бы чудом! — фыркнула Виктория, но тем не менее в сопровождении Катрионы выплыла из холла.

— Супружеские неурядицы? — поинтересовался посетитель в твидовом костюме, подмигнув блондинке, которую он назвал Джиллиан.

Та таинственно улыбнулась и покачала головой.

— На моих устах печать, сэръ Уильям, — заявила она, тем не менее весьма соблазнительно улыбаясь.

— Ага! — со смешком воскликнул баронет. — Прославленная конфиденциальность «Стьюартса»!

— «Ваши деньги — это наше дело, но больше ничье!» — продекларировала Джиллиан. — Им следовало бы сделать это изречение девизом нашего банка.

«Стьюартс и Компания», первоклассный банк для привилегированного круга клиентов, занимал отреставрированный старинный особняк эпохи короля Георга в Голден-Майл, одном из деловых кварталов Эдинбурга. Несмотря на красивое название, вымощенный тусклыми бетонными плитами квартал был заполнен в основном мужчинами в серых костюмах, поэтому многие испытывали невольное облегчение, увидев на этом скучном фоне со вкусом подобранный яркий жакет Катрионы Стюарт. Проводив свою капризную клиентку в небольшой конференц-зал позади банковского холла, Катриона проследила, чтобы та с удобством устроилась в кресле, и лишь потом сама опустилась на стул.

— Мне очень жаль, миссис Монкрайф, что вы получили такой неприятный сюрприз, — отважно начала она. — Вчера мы отправили вам письмо, но, видимо, сегодня утром вы не успели просмотреть почту?

— Сейчас я живу не там, где всегда, — буркнула Виктория Монкрайф. — Почту должны мне пересылать.

— Тогда все понятно, — кивнула Катриона. — Ваш муж прислал нам письмо с сообщением, что вы разъехались, и речь идет о разводе. Он попросил ввести обычный в таких случаях порядок, предусматривающий взаимный контроль обоих партнеров над всей общей собственностью, в том числе над общим текущим счетом. — Она сочувственно улыбнулась. — Это только временная мера, до тех пор, пока вопрос не будет окончательно решен в законном порядке.

Лицо миссис Монкрайф стало еще более хмурым, чем раньше.

— Но как же мне получить деньги? Не может же Чарли оставить меня без единого пенни!

— Конечно, нет, миссис Монкрайф, вам не нужно об этом беспокоиться. Мы можем договориться об определенной сумме наличными, которой будет достаточно, скажем, на неделю, пока юристы составят временное соглашение о вашем денежном содержании. Меня удивляет, что ваш адвокат ничего этого вам не объяснил. — Катриона старалась говорить как можно мягче, чтобы уменьшить удар.

Однако ей не удалось успокоить Викторию Монкрайф. Наоборот, неожиданная теплота, проявленная этой приветливой и женственной служащей банка, лишь приоткрыла клапан на котле ее кипящих эмоций.

— Что толку от этих адвокатов! Мой сказал мне только, что я не должна была покидать супружеский кров. Но как я могла остаться? Хотите знать, до чего дошел этот выродец, мой муж? Спутался с девчонкой, которая готовит ему охотничьи завтраки! Он это называет «слегка пощипать фазанчика». А я-то, идиотка, сама ее наняла! Поймала их в самый решающий момент — лежали, сплетясь, как сиамские близнецы. — Она потрянула головой, отгоняя неприятное воспоминание. — А вы охотитесь, мисс Стюарт?

Катриона уверила ее, что не охотится. Она могла бы добавить, что охота, как и другие забавы богатых землевладельцев, закрытая книга для тех, кто, подобно ей, вырос на ферме в Хайлэнде, где ружье использовали разве что против ворон и кроликов или, в крайнем случае,

чтобы шуточным салютом отметить такую свадьбу, какая была у ее сестры Мэри — беременной, но ничуть этим не смущенной невесты. Катриона могла бы объяснить все это, но промолчала. Крупные землевладельцы составляли большую часть клиентуры банка, так что Катриона довольно быстро изучила их нравы и причуды и уже не находила их странными.

— Я тоже не ходила на охоту, — продолжала Виктория Монкрайф, начиная выстукивать сигнал тревоги по полированной поверхности стола. — Но сейчас понимаю, что это была ошибка. Чарли вывалял меня в грязи, а теперь вдобавок намерен довести до нищеты. — Поломка очередного ногтя казалась неминуемой.

— Уверяю вас, миссис Монкрайф, все не так ужасно, как вам кажется, — возразила Катриона. — Адвокаты скоро придут к соглашению, а пока что только скажите мне, какую сумму вы хотели бы получить сегодня, и я постараюсь это уладить.

— Полагаю, вы начнете ему звонить, — проворчала обманутая жена. — Почему я должна отчитываться перед этим сукиным сыном в каждом пенни?

— Да, но это же действует для обеих сторон, — напомнила ей Катриона. — Он тоже не может снять со счета деньги без вашего ведома. Такая система придумана, чтобы защитить вас обоих.

— Ха! — саркастически хмыкнула миссис Монкрайф. — Насколько я знаю Чарли, он наверняка завел себе отдельный счет, где держит большую часть денег.

— Ничего не могу сказать по этому поводу, — осторожно ответила Катриона. Она никогда не встречалась с этим человеком, но из документов знала, что владевший обширными земельными участками высокородный Чарльз Монкрайф был к тому же крупным и удачливым бизнесменом с солидным доходом и несколькими банковскими счетами. — Если вы дадите мне ваш чек, я постараюсь устроить так, чтобы вы сейчас же получили деньги.

— Все-таки я считаю это возмутительным, — продолжала разгневанная леди, вырвав заполненный чек и вручив его Катрионе. Но вы были очень добры ко мне, — поспешно добавила она, тускло улыбнувшись. — Сожалею, что из-за меня у вас столько хлопот.

— Ничего страшного, просто, к несчастью, вы не получили наше письмо, — улыбнулась Катриона и, взяв чек, положила перед клиенткой блокнот и ручку. — Не могли бы вы дать нам свой нынешний адрес и телефон? Может случиться так, что и ваш муж захочет получить доступ к счету.

— Чтобы эта маленькая грязнуля могла наложить лапы на мои деньги? — воскликнула миссис Монкрайф, но тем не менее начала писать. — Думаю, мне следовало бы сдать сюда на хранение свои драгоценности, а не то скоро она будет подавать ужин к столу, надев мои сапфиры!

Катриона ответила на это циничное высказывание легким пожатием плеч.

— Пожалуйста, поверьте, что мы всеми силами стараемся вам помочь, — продолжала настойчиво убеждать она, направляясь к дверям. — Сейчас я попробую получить ваши деньги. Постараюсь вас не задерживать.

— Спасибо, — произнесла клиентка, оценивающе глядя на нее. — В конце концов, может быть, что-то и есть в том, чтобы банковскими служащими были женщины. По крайней мере, я чувствую, что вы на моей стороне.

— Приятно слышать. — Катриона спрятала лукавую улыбку и вышла из комнаты.

Умение исполнять роль сострадающей утешительницы не значилось в списке

профессиональных требований, выдвигаемых «охотниками за головами», которые два месяца назад заманили ее к «Стьюартсу», но Катриона полагала, что оно может быть весьма полезным дополнением.

Одной из главных функций банка «Стьюартс» было инвестирование денег крупных клиентов в выгодные проекты. Катриону привлекало то, что в отличие от других крупных банков «Стьюартс» по-прежнему делал это на индивидуальной основе. В огромном банке, где она работала раньше, дружелюбно настроенный управляющий, который занимался бы непосредственно с клиентом, давно превратился в вымирающее животное. Даже птицы высокого полета, вроде нее самой, к тридцати годам достигшей головокружительных высот заместителя начальника отдела, не имели права принять решения по предоставлению кредита, не пропустив предварительно все материалы через жесткую компьютерную систему отбора. Подобная обезличенная система разочаровала Катриону, впитавшую с детства дух открытости и дружелюбия. Ей хотелось самой принимать решения, а не слепо следовать указаниям бездушной и деспотичной микросхемы. Кое-кто из родни Катрионы склонен был рассматривать переход девушки в великосветские финансовые салоны «Стьюартса» как предательство ее корней, но когда ее укоряли элитарностью и недоступностью этого банка, она всегда возражала, уверяя, что, по крайней мере, он отличается от других человечностью.

Однако, переговорив по телефону с высокородным сэром Чарльзом Монкрайфом, Катриона вынуждена была признать, что отдельные клиенты банка не столь благородны и человечны, как остальные.

— Раз уж Виктория ушла и не ведет хозяйство, какого дьявола я должен ей что-то платить? — обиженным тоном вопрошал он. — Она расхныкалась, как школьница, и убежала без всяких уважительных причин, а теперь некому выгуливать проклятых собак, да к тому же потекло масло из отопительного котла. Все это чертовски некстати, честное слово!

В конце концов высокородный Чарли крайне неохотно согласился на то, чтобы его супруге выдали триста фунтов наличными, но непоколебимая уверенность в собственной правоте и отсутствие малейших признаков раскаяния оставили у Катрионы неприятный осадок и вызвали прилив сочувствия к его обманутой жене. Девушка даже проводила Викторию до дверей, бормоча слова сочувствия и женской солидарности.

Возвратившись в офис на первом этаже, который она делила с двумя другими управляющими среднего звена, Катриона остановилась у ближайшего к двери стола.

— Джон, можно тебя отвлечь на минутку? — спросила она у сидящего за ним широкоплечего мужчины с приятным свежим лицом.

Джон Хоум-Мур с готовностью поднял на нее добрые серо-зеленые глаза:

— Тебя что-то беспокоит, Кэт?

— Да — сэр Чарльз Монкрайф. Ведь это ты ведешь его счета?

— Только те, что связаны с лесом. Если хочешь узнать обо всех остальных, а также о многочисленных оффшорных вкладах, спроси у Дональда.

На лице Джона при этих словах появилось выражение недовольства, даже отвращения, что очень удивило Катриону: Хоум-Мур, бывший игрок сборной Шотландии по регби, был самым добродушным и беззлобным человеком из всех, кого она знала. Познакомившись с ним, Катриона вначале даже удивлялась, как такой человек смог уцелеть в тех бешеных схватках, что то и дело возникают на площадке во время игры в регби, но потом Джон объяснил, что был защитником, от которого требуется много и тяжело работать ногами, но

зато при этом он почти не рискует носом, глазами и ушами.

— Чем и объясняется мой замечательный внешний вид, — посмеиваясь, говорил он.

Третий обитатель офиса выглянул из-за экрана своего компьютера. Дональд Камерон, подвижный, начавший лысеть и полнеть, был старше своих коллег, но тем не менее продолжал считать себя неизменно привлекательным для противоположного пола.

— Неужели я слышу внушающее ужас имя Монкрайфа? — поинтересовался он. — Будь осторожна, вступая на эту темную тропинку, Кэт.

— Почему? Он что, крыса?

— Да, и притом весьма опасная. А что с ним такое?

— Пока тебя не было, здесь разыгрался не очень-то красивый инцидент с его женой.

— А-а, с бесплодной, — понимающе кивнул Дональд.

— Что ты имеешь в виду? — удивилась Катриона.

— Она не может иметь детей, поэтому сэр Чарльз и хочет от нее избавиться. Ты ведь знаешь, как эти второразрядные аристократы беспокоятся о своих наследниках. — Дональд цинично усмехнулся и пожал плечами.

— Но она сказала, что застала его на месте преступления с одной из прислуживающих в доме особ.

— Так оно и было — благодаря его стараниям. Чарли хотел поскорее развестись, а Виктория не желала идти ему навстречу, вот он и устроил так, чтобы она наверняка застала его с другой.

— Боже, до чего отвратительно, — вознегодовала Катриона. — Бедная женщина.

— Да, порой потрясаешься, видя, как далеко могут зайти некоторые особы в своем стремлении услужить хозяевам.

Поглядев на бесстрастно-вежливое лицо Дональда, Катриона сердито усмехнулась:

— Я вовсе не имела в виду ту девицу, Дональд! Я говорила о бедной миссис Монкрайф.

— Любая женщина, которой приходится иметь дело с сэром Чарльзом, заслуживает нашей симпатии, — поучительно заметил тот. — Пусть это послужит тебе уроком, юная Катриона Стюарт. Не выходи замуж ради денег и не имей дела с женатыми мужчинами.

На щеках Катрионы заиграли ямочки.

— Вместо этого я постоянно имею дело с деньгами и окружена женатыми мужчинами.

— Одни мужчины женаты больше, а другие меньше, — многозначительно изрек Дональд. — Джон, понятное дело, безнадежен, но я уже вижу свет в конце туннеля.

— Валяй, Дональд. Ты еще не развелся, но планы одной из банковских служащих в отношении тебя уже вполне определились, — довольно сухо отметила Катриона, садясь за свой стол.

— Внешность обманчива. Моя свобода уже близка, а с Джиллиан мы просто друзья, — возразил Дональд.

— Ну, конечно, — рассеянно кивнула Катриона, вглядываясь в экран компьютера. — Тем не менее в глазах этой леди, когда они устремлены на тебя, появляется маниакальный блеск, поэтому мы, остальные девушки, не рискуем с ней соревноваться.

— Не сдавайся, Катриона, не сходи с дистанции! Я — Дональд, попробуй меня! — Он замахал руками, как крыльями.

— Благодарю покорно, я слишком высоко ценю свою жизнь, — рассудительно произнесла Катриона.

— Послушайте, не сошли ли вы оба с ума? — громыхнул Джон. — Я тут мучаюсь с

инвестициями в лесоводство и из-за ваших разговоров за деревьями не вижу леса.

Катриона и Дональд притихли, обменявшись виноватыми взглядами. Они постоянно развлекались, флиртуя друг с другом подобным невинным образом.

— Извини, друг, — пробормотал Дональд и застучал по клавиатуре своего компьютера.

Через несколько секунд на экране перед Катрионой появилось его электронное послание:

«К вопросу о высокородном Чарли: предоставь этого аристократа мне, Кэт. По крайней мере, я смогу обыграть его в гольф».

Улыбаясь, Катриона отстучала ответ:

«О'кей, но позаботься о Виктории. Большая сестра смотрит на тебя!» — «Я — Дональд, разве ты забыла? Я добр ко всем женщинам». — «Конечно, Дональд. Мы все знаем, что ты добрый утенок. Пока». Жестом пояснив, что у нее дел по горло, Катриона отключила связь. Шуточная перепалка с Дональдом могла и подождать. Ей нравились оба ее коллеги, особенно неизменно добродушный Джон Хоум-Мур. Его жена Элисон стала близкой подругой Катрионы. Элисон — искусствовед-эксперт — работала для шотландского отделения международной фирмы «Вентворс». Используя семейные связи, Джон недавно сделал удачный ход, уговорив эту фирму вести свои дела через «Стьюартс», чем очень угодил президенту банка, лорду Невису, который, сам будучи завзятым коллекционером, предписал всему управленческому персоналу банка посещать выставки и вернисажи «Вентворс». Вот и сейчас перед Катрионой лежал тисненый золотом пригласительный билет на этот вечер:

«Дирекция фирмы «Вентворс» приглашает Вас посетить выставку живописи и серебра...»

Часом позже, едва переступив порог банка, Катриона зажмурилась, когда резкий порыв ветра запорошил ей глаза уличной пылью. После мягкого полумрака офиса яркий свет весеннего дня казался ослепительным, и девушке почудилось, будто вибрирующий воздух, как на волынке, играет перед глазами. От этой торжествующей, ослепительной яркости и сверкания, царящих на восточном побережье Шотландии, у Катрионы всегда захватывало дух. Этот блистающий столб света, льющийся через Северное море прямо из Арктики, был гораздо ярче и резче, чем мягкий, рассеянный, напоенный влагой свет западного побережья, где она выросла.

— Осторожно, — предупредил Дональд, подхватывая Катриону под локоть, когда она, на мгновение ослепнув, оступилась на самой верхней ступеньке лестницы. — Я знаю, ты без ума от Брюса, но это еще не повод, чтобы падать к его ногам.

Катриона несколько раз моргнула.

— Спасибо, Дональд, — кивнула она, парируя его поддразнивающий взгляд. — Я постараюсь устоять перед этим искушением.

Когда зрение вновь вернулось к ней, Катриона с облегчением убедилась, что тот, о ком они говорили, находился достаточно далеко и не мог слышать реплики Дональда. Брюс Финли работал одним из исполнительных директоров банка, и Катриона вынуждена была признаться себе, что находит его властный вид привлекательным. И хотя ее собственные отношения с ним оставались сугубо официальными, Катриона подозревала, что Брюс не склонен отталкивать интересующихся им женщин, несмотря на то, что имеет жену и двух детей-подростков.

— Нам необходимо ваше финансовое чутье, мисс Стюарт, — серьезным тоном заявил

ей Брюс при первом знакомстве, — но вы также весьма улучшите наш имидж. Мы по-мужски бесцветны и грубоваты. У вас же совсем иной стиль.

В тот момент Катриона не могла понять, воспринять это замечание как комплимент или обидеться на намек, что ее принимают на работу скорее благодаря внешним данным, нежели профессиональным. В конце концов, она ответила милой улыбкой, про себя решив в ближайшие месяцы упорным трудом доказать, что ее способности финансиста затмевают все остальные достоинства.

Лорд Невис, предложивший подвезти их в своем лимузине, галантно ожидал Катриону возле задней дверцы машины, чтобы усадить девушку первой.

— Благодарю вас, — кивнула она в ответ на любезное приветствие седовласого аристократа, проскальзывая на заднее сиденье «мерседеса».

Рядом с ней взгромоздился Брюс Финли, оценивающе поглядывая на изгиб обтянутой черной лайкрой женской ноги, но Катриона осталась невозмутимой. За восемь недель работы у «Стьюартса» она научилась спокойно воспринимать нескрываемое восхищение коллег-мужчин ее внешностью, убедившись, что оно вполне безобидно и никак не связано с их мнением о ее профессиональных качествах. Она даже начала находить это приятным и успокаивающим, подпитывающим ее женское «эго» развлечением. Рядом с Брюсом устроился Дональд. Джон Хоум-Мур должен был прийти на вернисаж позже, поскольку у него назначено важное совещание с клиентом.

— Думаю, Катриона, вы получите удовольствие, — своим приятным голосом с англо-шотландским выговором, отшлифованным шестью годами обучения в закрытой английской школе, проговорил Брюс. — Обычно подобные вернисажи становятся настоящим событием.

— Я с нетерпением ожидаю этого, — весело соврала Катриона. — Хотя, боюсь, ничего не смыслю в искусстве.

— Со временем вы научитесь разбираться, — изрек лорд Невис, усаживаясь впереди. Он кивнул шоферу, и лимузин рванул с места, влившись в поток движущихся вокруг площади автомобилей. — Многие из клиентов «Стьюартса» вкладывают средства в произведения искусства.

— Да, я уже это заметила, — согласилась Катриона.

— Сам-то я поклонник колористов, — ввернул Брюс, имея в виду школу шотландских живописцев начала века, ставивших во главу угла чистоту цвета и линии, хотя порой их краски и манера письма могли показаться странными человеку со старомодными пристрастиями.

— В самом деле? — В рафинированно-утонченном голосе лорда Невиса прозвучал оттенок удивления. — А я никак не могу примириться с их голубыми скалами и прочим. Предпочитаю старых добрых импрессионистов. — Брюс скрыл циничную усмешку за легким покашливанием.

— Гм-м... Да, Джордж, я с вами согласен, но импрессионисты куда сильнее ударяют по кошельку.

— Купишь Мане — останешься без монет, — сострил Дональд, на свое счастье не увидев гримасы раздражения, промелькнувшей при этих словах по лицу его патрона.

— Подумываешь о том, чтобы купить ее, Брюс? — Вопрос заставил Брюса Финли оглянуться. Рядом с ним стоял прекрасно одетый мужчина среднего роста, но с великолепной осанкой, его голубые глаза были устремлены на полотно, которое так внимательно изучал Брюс.

— А-а, добрый день, Мелвилл, — с наигранным энтузиазмом отозвался он. — А она совсем недурна, правда?

Раскинувшаяся на картине художника-колориста Дж. Д. Фергюсона обнаженная женщина вызывающе смотрела на зрителя, как будто предлагала ему найти какой-то изъян в ее теле. Контуры ее бедер и особенно два огромных полушария груди были ярко обозначены черными линиями.

— Она выглядит так, будто ей вставили силиконовые имплантанты, — брезгливо хмыкнул голубоглазый мужчина. — Обниматься с такой все равно что окунуться в жидкую пластмассу.

Хэмиш Мелвилл был одним из крупнейших предпринимателей Шотландии, вкладывавшим деньги в торговлю продуктами питания, производство виски и в индустрию развлечений. Он владел десятками предприятий, состоял во втором браке и имел грозную репутацию жесткого, оборотистого дельца и завзятого сердцееда. Помимо этого, он был известен как увлеченный коллекционер шотландского искусства.

В ответ на замечание Мелвилла Брюс издал короткий смешок. По некоторым личным причинам в присутствии именно этого человека ему не хотелось проявлять свое прославленное обаяние, но Брюс был достаточно осторожен, чтобы сохранять хорошие отношения с Мелвиллом — одним из крупнейших клиентов «Стьюартса».

— Я думал о том, как бы повесить ее, а не положить, — с любезной улыбкой ответил он, — но понимаю, о чем ты говоришь. А тебе здесь что-нибудь понравилось?

Хэмиш пожал плечами.

— Вон там висит Джоан Эрдли, за которого я бы поборолся на аукционе, если бы, конечно, цена не поднялась слишком высоко.

Брюс уже видел картину, о которой зашла речь, — морской пейзаж, который лично ему больше всего напоминал тарелку недоеденных спагетти, но он предпочел оставить это мнение при себе. Оглядывая заполненное людьми помещение, чтобы найти повод переменить тему, Брюс заметил замершую перед каким-то пейзажем Катриону и сделал легкий жест в ее сторону.

— Ты уже знаком с нашим новым управляющим, Хэмиш? Вон она, Катриона Стюарт.

Хэмиш проследил за направлением взгляда собеседника, и его глаза тут же изумленно расширились.

— Нет, еще не знаком, — задумчиво ответил он. — Рискую показаться чересчур сексуальным, замечу, что она слишком хорошо выглядит, чтобы работать в банке, даже в таком, как «Стьюартс».

Пока они наблюдали за ней, Катриона выпрямилась, откинув назад гриву роскошных, отливающих медью волос, и медленно поднесла к губам бокал. Она стояла в свободной, расслабленной позе, со слегка приподнятым подбородком и прямой, но отнюдь не казавшейся жесткой спиной. Катриона позволила себе расстегнуть жакет, и теперь благодаря белой шелковой блузке, смягчившей ее имидж деловой женщины-банкира, выглядела элегантно-женственной. Поглощенная созерцанием картины, она не замечала ни устремленных на нее глаз, ни приливов и отливов толпы.

— В данном случае ты скоро убедишься, что внешний вид — это еще не все, — пробормотал Брюс, шагнув по направлению к девушке. — Что это вы здесь нашли, Катриона? — спросил он, заинтригованный ее вниманием к заурядной акварели с видом западного побережья.

Катриона настолько погрузилась в свои мысли, что, услышав неожиданное обращение, вздрогнула и едва не подпрыгнула, но, узнав Брюса, улыбнулась:

— Это Виг-Бэй на острове Скай, — объяснила она. — Мой дом. Посмотрите, вот он. — Она показала на один из пяти или шести маленьких домиков, рассыпанных вдоль широкой дуги опоясанного цепью холмов залива. — Так странно увидеть это здесь... — Катриона вздохнула, пытаясь справиться с волнением, которое сдавило ей грудь, пока она всматривалась в знакомый пейзаж. Девушке не хотелось, чтобы эти толстокожие бизнесмены заметили, какой внезапный порыв тоски вызвала в ней эта скромная акварель. Прошло уже несколько месяцев, как она не навещала Скай, и Катриона чувствовала, что нуждается в том душевном заряде, в той поддержке, которые остров неизменно давал ей.

— Катриона, я хочу представить вам Хэмиша Мелвилла, одного из самых крупных клиентов «Стюартса», — ровным тоном проговорил Брюс. — Хэмиш, это Катриона Стюарт.

— Очень приятно, — отозвалась Катриона, чувствуя, как ее руку сжала сухая твердая ладонь, и встретившись с пронизательным, понимающим взглядом внимательных темно-голубых глаз, оставивших у нее впечатление того, что их владелец заметил не только охватившую ее только что волну ностальгии, но и все остальные скрываемые ею мысли и чувства. — Конечно, я слышала о вас, — встревоженная его вниманием, быстро добавила она, чтобы как-то отвлечь Мелвилла. — Вокруг вашего имени в финансовых кругах ходят легенды.

Темные брови Хэмиша слегка приподнялись.

— Вот как? Легенды? Что ж, от вас я готов принять это как комплимент, — произнес он, сделав ударение на слове «вас».

Медленная улыбка скользнула по его обманчиво невинному лицу. Катриона еще не знала, что неотразимое обаяние Хэмиша Мелвилла вполне достойно того, чтобы войти в легенды наравне с его талантами бизнесмена.

Щеки девушки чуть-чуть порозовели. Ей не раз доводилось встречаться с крупными бизнесменами, но утонченное внимание ее нового знакомого почему-то выбивало ее из колеи.

— Надеюсь, что вы воспримете это именно так, — ответила Катриона, высвобождая руку.

Кто-то из посетителей выставки, протискиваясь мимо Брюса, задел того за локоть, расплескав содержимое его бокала.

— Тьфу! Что за давка! — рассерженно прошипел Брюс, стряхивая с руки выплеснувшееся вино. — Если вы уже насладились этим зрелищем, Катриона, вам можно здесь больше не задерживаться. Я думаю, мы выполнили свой долг перед банком.

Катриона покачала головой.

— А мне здесь нравится, — призналась она. — Честно говоря, я даже не ожидала.

— Это потому, что вы обнаружили здесь картину с родным пейзажем? — поинтересовался Хэмиш, поворачиваясь, чтобы лучше рассмотреть акварель. — Как, по-вашему, удался ли он художнику?

Катриона сочла вопрос заслуживающим некоторого обдумывания.

— Я недостаточно сведуща, чтобы судить об этом, — в конце концов ответила она, — но мне эта картина нравится. Она написана до того, как построили паромную переправу, так что сейчас там все выглядит по-другому. Виг стал основным портом на Саус-Вист, и теперь

там над всем доминирует Калмакская дамба — она протянулась отсюда вот до этого места. — Катриона показала на картине размеры дамбы. — С разных точек зрения это или пример ужасающей, губительной для пейзажа ошибки проектировщиков, или существенный элемент транспортной линии, облегчающей связь с Гебридскими островами.

Хэмиш улыбнулся и пожал плечами.

— Я не знаю эту местность так хорошо, как вы. Но в любом случае рад, что мне не придется вступать с вами в спор. Вы намерены купить эту вещь?

Катриона выглядела удивленной.

— Такая мысль даже не приходила мне в голову, — сказала она. — А сколько, по-вашему, она может стоить?

— Давайте посмотрим. — Хэмиш раскрыл каталог и быстро заскользил взглядом по строчкам. — От четырех до пяти сотен фунтов, если верить оценке Элисон Хоум-Мур, а она редко ошибается.

— Вы знаете Элисон? — снова удивилась Катриона.

— Вряд ли в Шотландии найдется хоть один коллекционер, который бы ее не знал. Общение с ней — одна из самых приятных сторон этого занятия, не так ли, Брюс?

— Что-что? — рассеянно переспросил Брюс. — Да, конечно, совершенно справедливо. Знаете что, пойду-ка я лучше поищу свою жену. В этой толпе она может сто лет высматривать меня и не увидеть. До завтра, Катриона. До свидания, Хэмиш. Скоро увидимся.

Проводив глазами исчезнувшего в толпе Брюса, Хэмиш повернулся к Катрионе.

— Мне кажется, нам пора что-нибудь выпить, — объявил он, жестом подзывая пролетающего мимо официанта. — Вы любите «Боллинджер»? — спросил Мелвилл, пока они наблюдали, как пенящаяся жидкость наполняет их бокалы. Фирма «Вентворс» гордилась тем, что поддерживает отношения с поставщиками лучших французских вин.

Катриона коротко рассмеялась.

— Если честно, я не отличу «Боллинджер» от «Джерман Брют», — призналась она. — Это большой грех?

Хэмиш улыбнулся и покачал головой.

— Было время, когда я и сам не отличал их от «Ирн Брю», — конфиденциально сообщил он. — Более того, «Ирн Брю» нравилось мне больше всякого другого. Ну что ж, за наше счастливое знакомство. — Хэмиш приподнял бокал и затем отпил из него с видом знатока.

Катриона последовала его примеру, и в этот момент заметила высокую темноволосую молодую женщину в бросающемся в глаза ярко-красном платье, которая с насмешливым видом вела беседу с каким-то краснолицым мужчиной.

— Элисон! — окликнула Катриона, повысив голос. — Иди сюда!

Раздражение на лице темноволосой женщины мгновенно сменилось радостью, и она поспешно подошла к ним.

— Катриона! Хвала небесам, наконец-то хоть одно милое лицо! Этот тип — один из тех журналистов, которым их племя обязано своей дурной репутацией. А как ты? Я боялась, что ты здесь начнешь зевать от скуки, ведь искусство — не твоя стихия.

— Я начала учиться, — рассмеялась Катриона, чмокая подругу в щеку. — С помощью одного эксперта, — с улыбкой кивнула она в сторону Хэмиша.

Обернувшись, Элисон сразу же узнала собеседника своей подруги.

— Привет, Хэмиш! — воскликнула она, обменявшись с ним поцелуем. — Надеюсь, вы сегодня в подходящем для покупок настроении. Вон в том конце чудная картина Эрдли.

— Да, я уже видел ее, — согласился Мелвилл. — Она действительно хороша, но в данном случае я сделал куда более приятную находку. Почему вы до сих пор не рассказали мне о новой очаровательной коллеге вашего мужа? — укоризненно спросил он.

В глазах молодой женщины заплясали огоньки.

— Катриона не только коллега Джона. Она еще и моя близкая подруга — мы вместе играем в сквош. Кстати, я назначила партию на завтра вечером, в шесть тридцать. — Катриона кивком подтвердила, что помнит о приглашении. — Что касается Катрионы, Хэмиш, — продолжала Элисон, — то я не знакомила вас с ней, потому что она не из тех женщин, кому может доверять богатый и привлекательный мужчина.

— Ну, спасибо! — разыгрывая негодование, воскликнула Катриона. Ее серебристые глаза, расширившись, приняли выражение оскорбленной невинности, и только слегка кривившийся в ус мешке рот выдавал, что она тоже принимает участие в игре. — В кои-то веки я так хорошо себя вела, а ты все испортила!

Едва познакомившись, Элисон и Катриона обнаружили друг в друге общую страсть к розыгрышам и теперь частенько упражнялись в этом.

— Хэмиш все равно разоблачил бы тебя, несмотря на твой ангельский вид, — насмешливо «утетила» Элисон. — Он мастер закулисных интриг, стратег великосветских гостиных.

— Как вы сказали? Стратег гостиных? — переспросил Хэмиш, глядя на Элисон смягчившимися от изумления голубыми глазами.

— А что? Вы считаете себя стратегом не только в гостиных, но и в некоторых других комнатах? — скромно поинтересовалась Элисон. — Видишь, Кэт? С Хэмишем Мелвиллом ты не сможешь безнаказанно использовать все свои коварные кошачьи уловки!

— Я учту это, — улыбнулся Мелвилл, наконец уразумев, что его разыгрывают, и оценив остроту. — Однако даже кошки должны есть. Почему бы вам не пообедать со мной, когда кончится это мероприятие? — Он обвел рукой заполненное людьми помещение, где уровень шума постепенно возрастал пропорционально количеству выпитого шампанского.

— А как насчет миссис Мелвилл? — уточнила Элисон с лукавой улыбкой. Она тоже присоединится к нам?

— Миссис Мелвилл в Париже, — с непонятной угрюмостью ответил Хэмиш. — Ее, вероятно, сегодня кормят и поят Кристиан Лакруа или Карл Лагерфельд. Это самое меньшее, что они могут для нее сделать, учитывая те миллионы франков, которые она проматывает в их шикарных салонах.

— Как вы можете говорить «проматывает», в то время как она всегда так изумительно выглядит! — возмутилась Элисон. — Кэт, ты должна познакомиться с женой Хэмиша. Линда одевается лучше всех женщин в Эдинбурге.

При одной мысли о возможности одеваться в Париже маска невозмутимости слетела с лица Катрионы.

— Ваша жена одевается у Диора? — недоверчиво, даже с некоторым придыханием спросила она.

Хэмиш пожал плечами.

— Должен же кто-то у него одеваться, — пренебрежительно бросил он.

Элисон проигнорировала это замечание.

— Ну что ж, раз кутюрье увели у Хэмиша жену, сжалимся над ним, Катриона? Я уверена, — обратилась она к Мелвиллу, — Джон не будет возражать, если вы присоединитесь к нам за обедом — в особенности если вы намерены на аукционе побороться за Эрдли.

— Против чего не будет возражать Джон? — уточнил сипловатый голос уроженца южной Шотландии, и они увидели широкие плечи и застенчивую улыбку Джона Хоум-Мура.

— О, Джонни, тебе удалось вырваться! — радостно воскликнула Элисон, бросившись на шею мужа и запечатлев на его устах исполненный энтузиазма поцелуй. — Отлично! А я думала, что ты пойдешь прямо в ресторан.

Несмотря на облик деловитой, поглощенной работой дамы, в душе Элисон оставалась простой, непритязательной женщиной. Она усердно холила их очаровательный викторианский домик с террасами, обожала своего добродушного, застенчивого мужа и втайне страстно мечтала о ребенке, который бы увенчал их трехлетний безмятежно счастливый союз.

Немного покраснев от смущения, Джон ответил на объятие жены и с виноватой улыбкой попросил:

— Только не говорите Брюсу, но я предоставил остальным без меня обсуждать статьи закона о наследстве. Как вы знаете, я не силен в данной области.

— Я уверена, что Брюс только поддержит тебя, когда узнает, что ты отправился на помощь жене, — одобрительно заметила Элисон. — Хэмиш собирается присоединиться к нам за обедом.

— Чудесно. — Прошел всего лишь год с тех пор, как Джон Хоум-Мур сыграл свой последний матч за сборную Шотландии по регби, и Мелвиллу пришлось испытать всю силу бывшего фулбэка, которую тот вложил в сердечное рукопожатие. — Надеюсь, вам нравится томатный соус и спагетти? Это примерно все, что мы можем получить в том местечке, куда собрались пойти.

Хэмиш потихоньку пошевелил пальцами, желая убедиться, что они выдержали приветствие Хоум-Мура.

— Мне нравятся итальянские блюда, но при условии, что они приготовлены итальянцами, — заявил он. — Только они знают, как правильно их готовить.

— О-о, Джузеппе — настоящий итальянец, — заверил Джон. — Совершенно настоящий.

— Послушайте, раз уж Джон здесь, то я должна увести его для беседы со своим шефом, — извиняющимся тоном проговорила Элисон, беря мужа за руку. — Почему-то наш президент считает, что он центр Вселенной, но, с другой стороны, он ярый болельщик регби. Встретимся примерно через полчаса, когда толпа немного поредеет.

Глядя вслед друзьям, Катриона заметила:

— Не понимаю, как Элисон умудряется оценивать некоторые из этих работ. Многие из них кажутся мне не стоящими и гроша, а тем не менее они оцениваются тысячами фунтов. Неужели чем больше вы заплатили за картину, тем она кажется вам лучше?

Хэмиш рассмеялся, подняв руки ладонями вверх.

— Ну, тут мы затрагиваем слишком глубокие материи! Дело в том, что полотно Пикассо, принадлежащее одному мужчине, может оказаться смертельным ядом для другого.

— И для женщины? — под влиянием инстинктивного порыва феминизма уточнила Катриона.

Мелвилл покорно наклонил голову.

— Да, конечно, — или для женщины. Неужели вы так чувствительны к подобного рода вещам?

— Не очень, ну разве что совсем чуть-чуть. Мне просто нравится мысль о том, что в один прекрасный день я, независимая, самостоятельная женщина, окажусь в состоянии купить Пикассо. А кстати, у вас он уже есть?

— Да, — с оттенком спокойного удовлетворения произнес он. — Да, у меня он уже есть.

— Потрясающе! — сдавленным от восторга голосом выдохнула Катриона, но потом к ней вернулось природное контральто. — Вы купили эту картину из-за ее ценности или потому, что она вам понравилась?

Хэмиш отнесся к вопросу с таким же вниманием, с каким перед этим разглядывал Катриону. Боже правый, как она красива, эта девушка-банкир с точеной, как у фарфоровой статуэтки, гибкой фигурой и водопадом тициановских волос!

Он прикрыл глаза, чтобы немного привести в порядок свои мысли.

— Это нелегкий вопрос, и я не могу на него однозначно ответить, — наконец произнес Мелвилл. — Вы должны как-нибудь зайти и сами взглянуть на нее. Она висит у меня в офисе.

Катриона заинтересованно кивнула:

— С удовольствием, благодарю вас!

В ресторане было шумно и тесно. От длинного стола, протянувшегося вдоль одной стены, доносились шутки и смех. Наверно, отмечают день рождения, подумала Катриона, войдя в зал. В другом конце зала, отгороженном деревянным барьером, двое раскрасневшихся поваров под яркими лампами колдовали над дымящимися противнями и кастрюлями. В воздухе витал дразнящий запах пиццы.

Владелец ресторана «Кастелло», низкорослый, подвижный калабриец по имени Джузеппе, одетый в невероятно яркий, расшитый люрексом жилет, сверкая золотым зубом, приветствовал Джона и Элисон — завсегдатаев этого заведения. Оживленно тараторя, он проводил их к угловому столику, где Джон отрекомендовал его Хэмишу Мелвиллу, которого итальянец приветствовал вежливо, но без горячности, зато по отношению к Катрионе ресторатор проявил преувеличенную галантность, собственноручно пододвинул девушке стул и прикрыл ее колени салфеткой. Может быть, если бы Джузеппе знал, что Хэмиш в состоянии купить всю улицу, на которой расположен ресторан, близлежащую крепость, в честь которой он назван, а также драгоценности, хранящиеся за бронированной дверью в сокровищнице замка, то он бы более равномерно распределил свое внимание между новыми гостями. Впрочем, учитывая горячую итальянскую кровь, этого нельзя утверждать наверняка. Хозяин ресторана знал, что может заслужить одобрение своих гостей-мужчин, ухаживая за их дамами.

«Если весело тебе, то делай так: хлоп! хлоп!» — распевали за длинным столом, хлопая в ладоши и жестами приглашая остальных посетителей присоединиться к их веселью.

— Сегодня здесь очень оживленно, — извиняющимся тоном заметила Элисон, обращаясь к Хэмишу, — но мы любим это местечко, а готовят здесь просто потрясающе. Полагаю, раньше вам не доводилось здесь бывать, иначе Джузеппе вспомнил бы об этом. Он никогда не забывает своих гостей.

— Занимательный тип, — подтвердил Хэмиш, наблюдая, как итальянец ловко лавирует между столиками, на ходу, как оркестром, дирижируя официантами. — Судя по всему, этот ресторан очень популярен, и ему наверняка пришлось здорово потрудиться, чтобы сделать его таким. Такие люди заслуживают всяческого уважения.

Катриона заметила, что голос Хэмиша обладает глубиной и звучностью, позволяющей хорошо слышать его даже в общем шуме, причем без каких бы то ни было видимых усилий со стороны его обладателя. Является ли это результатом того, что он управляет огромной финансовой империей, или, наоборот, именно своим данным он обязан достигнутыми успехами? Она смотрела, как Хэмиш рассеянно играет ножами, и обратила внимание на его ловкие сухощавые руки с массивным золотым перстнем-печаткой на левом мизинце. Если по рукам можно судить о характере, то эти принадлежали человеку с повышенным самоконтролем, целеустремленному, энергичному и уверенному в себе.

Катриона приступила к изучению меню.

— Вы уже выбрали? — спросила она Хэмиша, увидев, что тот едва скользнул взглядом по списку предлагаемых блюд.

На его лице заиграла лукавая усмешка.

— Я подумываю о спагетти «Путанеска», — понизив голос, сообщил Мелвилл, — но боюсь, что Элисон может этого не одобрить. Ведь это означает «ночная бабочка», или

попросту «путана», а миссис Хоум-Мур подозревает, что я и так слишком много времени потратил на подобного рода дам. — Он хитро взглянул на молодую женщину. — Не так ли, Элисон?

— Я жду не дождусь, когда одна из них окончательно запутает вас в своих сетях, Хэмиш, — с дерзкой улыбкой парировала Элисон, не упустившая ни единого слова. — Пусть это будут хотя бы длинные спагетти «Путанеска»!

— Такой страшной судьбы, да еще преподнесенной на тарелке, мне бы хотелось избежать, — нахмурился Хэмиш. — Что вы мне посоветуете, Катриона? Я уверен, вы хорошо разбираетесь в таких вещах.

— Я плохо разбираюсь в итальянской кухне, — сделав вид, что не поняла намека, с невинным видом ответила Катриона. — Моя сильная сторона — все гэльское, шотландское, а не чеснок и томат.

— Интересно, что подаст Джузеппе, если мы закажем хлебцы по-гэльски? — вдруг засмеялась Элисон.

— Ох! — воскликнул Джон, передернувшись. — Однажды в Фрейзерборо я попробовал нечто, что они называли спагетти «Бучанезе». Никогда в жизни больше в рот не возьму этой гадости. По-моему, соус там был из требухи с овсяной мукой. Нет уж, я останусь верен своему любимому блюду — «Пенне алла Маре».

— А я закажу «Лазagne», — уверенно заявил Хэмиш. — По крайней мере, это безопасно.

— Я тоже присоединюсь к вам, — решила Катриона, расстегивая и снимая жакет. — А здесь жарко, правда?

Хэмиш привстал, чтобы помочь ей.

— И я весьма этому рад, — бросил он, пожирая взглядом вырез ее белой блузки.

— Боже мой, Хэмиш, — вмешалась Элисон, — всем известно, что вы льстец и дамский угодник. Не слушай его, Катриона. Он такой шелковый. — Потянувшись к Хэмишу, она пощупала край кремовой манжеты, торчавшей из-под рукава его пиджака. — Конечно, так я и думала. Вы всегда носите шелковые рубашки?

— А почему бы и нет? — пожал плечами Хэмиш. — Шелк так удобен.

— Да, но попробуйте его отгладить, вздохнула Элисон. — Правда, я полагаю, что вы об этом не знаете.

— И ошибаетесь, — сообщил Хэмиш. — Когда мне не нравится, как выглажены мои рубашки, я беру утюг и глажу их сам.

— Спасите — это само совершенство, а не мужчина! — фыркнула Элисон, но не стала продолжать, поскольку в этот момент к столу приблизился официант, чтобы принять заказ.

Катриона с удивлением прислушивалась к этому диалогу, думая о том, что обычно спокойная и уравновешенная Элисон, должно быть, немного перевозбудилась и устала, готовя к вернисажу картины и каталоги. Наблюдая, с каким терпением миллионер переносит колючие выпады ее подруги, Катриона пришла к выводу, что он на удивление добродушен.

Приготовленные из желания угодить клиентам-шотландцам хлебцы по-гэльски в исполнении итальянских поваров издавали стойкий запах чеснока, к которому примешивался другой, более знакомый аромат.

— По-моему, это виски, — догадалась Катриона, отщипнув маленький кусочек. — Джузеппе пропитал их виски!

— И овсяная мука, — добавил Джон, заметив чешуйки овсяных хлопьев на хрустящей, блестящей от масла корочке. — Он мог бы подавать это в Бернсовские дни.

— «В тебе я славлю командира всех пудингов и пицц всех мира», — процитировал Джон «Оду шотландскому пудингу «Хаггинс» Роберта Бернса, добавив не предусмотренное великим поэтом упоминание о пицце.

— Бедняжка Робби! — возмутилась Элисон. — Ты заставил его перевернуться в могиле!

— А я думаю, что Бернсу это местечко пришлось бы по душе, — возразил Хэмиш, оглядывая переполненный ресторанный зал, где царило оживление и веселье. — Подозреваю, что это чем-то похоже на трактиры того времени.

— Только тогда песни были более непристойными, а помещение и посуда — куда более грязными, засмеялась Катриона.

За длинным столом, где веселилась большая компания, становилось все более шумно. Мимо со стопкой грязных тарелок в руках как раз проходил Джузеппе.

— Если весело тебе, то делай так! — во все горло распевала девушка, которая, судя по всему, и была виновницей торжества.

Вскочив, она захлопала в ладоши, показывая, что обращается к нагруженному тарелками ресторатору. Джузеппе был не из тех, кто мог устоять против подобного вызова со стороны хорошенькой женщины, поэтому в следующее мгновение, широко ухмыльнувшись, он остановился, с преувеличенно смиренным видом возвел глаза к потолку и... заплодировал.

Тарелки с грохотом обрушились на пол. В ресторане на секунду воцарилась мертвая тишина, которая тут же сменилась общим взрывом веселья. Именинница истерически хохотала, в изумлении всплескивая руками и восклицая:

— Никогда не думала, что вы выкинете такой фокус! Джузеппе, вы сошли с ума!

Позднее, когда им подали еду, Хэмиш еще раз удивил Катриону.

— Что заставило вас покинуть Скай? — неожиданно спросил он.

Катриона никак не ожидала подобного вопроса. Ее вилка замерла в воздухе на полпути ко рту. Рядом с ними Джон и Элисон, сблизив головы, вполголоса оживленно обсуждали, стоит ли им разбивать цветник позади дома.

— Мне предложили перевод с повышением, — объяснила девушка, опуская вилку. — Из Портри в Пэйсли.

— Наверно, вам было тяжело уезжать оттуда?

Катриона смотрела на Хэмиша, поражаясь его пронизательности.

— Да, со временем я это почувствовала. Но вы должны знать, как это бывает. Разве вам не приходилось покидать родные места, что-то оставлять, куда-то перебираться?

— Я вырос в Мотеруэлле, — ответил Хэмиш, — среди сталелитейных заводов, так что мне не было трудно уезжать оттуда.

— Но вы когда-нибудь возвращались в те места? Чтобы повидаться с родными?

Хэмиш покачал головой.

— Там никого не осталось. Родители умерли, братья и сестры разъехались. Кстати, один из них недавно появлялся... с протянутой рукой. — Его лицо омрачилось, гнев и сожаление обозначились на нем.

— А вы протягиваете руку помощи? — мягко спросила Катриона.

— Как правило, да, — Хэмиш не пожелал вдаваться в подробности. — Скай — гораздо более интересное место. Его не так легко забыть.

— Конечно, но, с другой стороны, и остров не забывает вас, — нахмурилась Катриона. — Он не отпускает, зовет к себе. Иногда кажется, что лучше бы этого не было.

— Почему? Те, чьи корни берут начало в простых сельских общинах, как правило, обладают чувством собственного достоинства и верными понятиями о добре и зле.

— Это так. — Катриона вновь подивилась тому, как хорошо понимает ее этот человек. — Но порой эта ноша нелегка.

— Расскажите мне о вашей семье, — попросил Хэмиш, подавшись к ней и, казалось, совершенно забыв о еде.

Катриона, не подозревавшая о том, что Мелвиллом могут двигать какие-то скрытые побуждения, была польщена его вниманием.

— Мой отец работает мастером в порту. Когда-то он был моряком торгового флота, но произошел несчастный случай — лопнувший трос ударил его по голове. Это случилось, когда я была совсем маленькой. В результате отец потерял глаз и получил тяжелую травму черепа, но выжил, и, как мне кажется, это несчастье не ожесточило и не озлобило его. Это удивительный человек! — Катриона не скрывала своего восхищения отцом, ее глаза сияли любовью и гордостью.

Ее горячность произвела впечатление на Хэмиша. Девушка казалась такой искренней, бесхитростной, неспособной на обман.

— А ваша мать? — настойчиво продолжал расспрашивать он.

— О, она тоже удивительная. Она не уроженка Ская — выросла в Клайде. Там они с отцом и познакомились, когда его судно стояло в тамошнем доке. Мама говорит, что это была любовь с первого взгляда. На Скай мы переехали только после несчастья с отцом. Вначале маме было очень трудно, но теперь она почти играючи управляет с хозяйством — водит трактор, заготавливает сено, ухаживает за овцами.

— Как же вы стали банкиром? Какой-то совершенно необычайный прыжок.

— С фермы в банк, хотите вы сказать? — пожала плечами Катриона. — Многие так думают. Просто когда я кончила школу, открылась вакансия в банке в Портри. Как-то само собой получилось, что я туда поступила. Потом я поняла, что мне нравится эта работа. — Она замолчала, опасаясь, что уже наскучила собеседнику, и склонилась над тарелкой.

Повинуясь внезапному импульсу, Хэмиш дотронулся до ее сверкающих волос, пригладил выбившийся локон, но когда Катриона удивленно взглянула на него, тотчас же отдернул руку.

— Извините. Я просто думал о том, откуда мог взяться такой необыкновенный цвет. Кельтская кровь, полагаю?

Она покачала головой и улыбнулась:

— А вы уверены, что это не краска? Нет, конечно. В семье моего отца все ярко-рыжие, а мать — блондинка. У меня же получилось что-то среднее.

— Удивительный цвет, — подтвердил Хэмиш. — Напоминает летний закат. Иногда я плаваю вдоль западного побережья, закаты там потрясающие. Впрочем, вы, разумеется, знаете это лучше меня.

— Да, знаю, только до сих пор не предполагала, что сама выгляжу как один из них, — засмеялась Катриона.

— Может быть, только я это увидел, — тихо произнес он.

— О чем это вы там говорите? — вмешалась Элисон, покончив с вопросом о цветнике. — Какие коварные замыслы ты вынашиваешь, Кэт? Хэмиш, не спускайте с нее

глаз!

— С удовольствием! — тут же откликнулся Хэмиш.

Элисон бросила на него острый взгляд, затем подозрительно всмотрелась в Катриону. Ее подруга определенно выглядела куда менее спокойной и собранной, чем обычно: серые глаза расширились, щеки порозовели. В голове у Элисон зазвенели предупреждающие колокольчики. Она была знакома с Катрионой всего несколько недель, но уже успела к ней привязаться. Они обнаружили у себя много общего: чувство юмора, честолюбие, схожие интересы, но у них еще не было достаточно времени, чтобы как следует присмотреться друг к другу, узнать сильные и слабые стороны друг друга. Тем не менее у Элисон возникло стойкое подозрение, что, несмотря на их частые шутки по поводу кокетливой и склонной к флирту натуры Катрионы, в области отношений с противоположным полом ее подруга оставалась, если можно так выразиться, на уровне выпускницы первой ступени провинциальной школы — легко увлекающейся, легко обманываемой, ранимой и уязвимой. Хэмиш же, напротив, давно заслужил докторскую степень во всем, что касалось любовных интриг, сумев при этом избежать каких-либо сердечных травм. Его чувства, как и его бизнес, должны были всегда оставаться под контролем и приносить прибыль.

Элисон, прикусив губу, погрузилась в размышления. Она не была уверена, нужно ли ей вмешиваться, но, похоже, Хэмиш повел энергичную наступательную кампанию и уже добился некоторого успеха, задев какую-то чувствительную струну...

Эта ночь была не самой подходящей для теракта — слишком ярко светила луна, да и небо было достаточно ясным, но новоявленные террористы делали только первые шаги на этом поприще. До сих пор организация «Шотландия для шотландцев», или ШДШ, как они себя называли, ограничивалась словами. Они рассылали грубые, грязные, написанные корявым языком анонимные письма людям, носившим английские фамилии или говорившим с английским акцентом, но имевшим отвагу или безрассудство поселиться в сельских районах Шотландии или открыть там свое дело. Здесь, в маленьком, лежащем среди холмов Саус-Морар селении Лэгган, в последнее время с помощью английской финансовой компании начавшей быстро превращаться из сонной деревушки в модный курорт, активисты ШДШ впервые готовились перейти от слов к делу.

Две безмолвные фигуры с лицами, скрытыми под вязаными масками да к тому же вымазанными черным гримом, бесшумно скользили по скалистому склону среди зарослей дрока. Еле заметная тропинка вела вниз, туда, где у подножия холма в узкой долине стояли полдюжины белых, только что выстроенных, но еще не заселенных домиков. Луна выплыла из-за облака, и злоумышленники застыли, ожидая, пока она скроется, чтобы затем кубарем скатиться на покрытую травой лужайку к окружавшему домики свежевыкрашенному забору.

— Чертова луна, — с ярко выраженным хайлэндским акцентом пробормотал один из них. — Надо было нам подождать до завтра.

— Нет уж, дружище, — возразил второй, более высокий и стройный и говоривший гораздо лучше. — Завтра мне надо быть далеко отсюда. Все будет о'кей. Пошли! Просто смотри на это как на охоту. — Включив фонарь, он начал расстегивать молнию на черной нейлоновой сумке, стоявшей у его ног.

Террорист извлек из сумки прямоугольный металлический ящик, в котором стояли шесть контейнеров, издающих сильный запах бензина. В свете фонаря блеснули белые зубы высокого.

— Ты рисуй, а я буду поджигать.

На втором черном лице заиграла ответная ухмылка.

— Ладно. Тебе повезло, что нет ветра. Дай мне десять минут, а потом начинай.

Кивнув, низенький перемахнул через забор, и вскоре оттуда донеслось прерывистое шипение, похожее на звук горящего полена.

Когда настало условленное время, человек с фонарем извлек из ящика один из контейнеров. Это был знаменитый «коктейль Молотова» с тряпичным фитилем. Террорист поджег фитиль и швырнул контейнер в окно ближайшего домика. Грохот разбитого стекла и громкое «ш-ш-ш» разгорающегося пламени взорвали ночную тишину. Поджигатель подхватил сумку и вдоль забора побежал к следующему домику, где проделал то же самое. Процедура повторилась возле каждого из шести домиков, после чего террорист скрылся в зарослях елей, где его уже поджидал сообщник.

— Жаль, что они недолго будут гореть, — раздраженно бросил поджигатель. — Я ожидал большего.

Пламя уже угасало, превращаясь в мерцающие алые точки внутри каждого из строений. В долине опять наступила тишина, которую теперь нарушал только пронзительный крик потревоженных сов.

— Наверно, мало бензина, — разочарованно вздохнул второй. — И дома еще пустые — нечему гореть внутри. Зато посмотри-ка на мою работу — все как надо.

На белых стенах теперь ярко виднелись хорошо различимые черные надписи. АНГЛИЧАНЕ, было написано на первом домике. УБИРАЙТЕСЬ, гласила надпись на втором. ПРОЧЬ, добавлял третий. Послание дублировалось на второй тройке обожженных и варварски изуродованных зданий: АНГЛИЧАНЕ, УБИРАЙТЕСЬ ПРОЧЬ. АНГЛИЧАНЕ, УБИРАЙТЕСЬ ПРОЧЬ.

Для того чтобы ни у кого не возникло сомнений относительно авторов террористического акта, злоумышленники, быстро орудуя баллончиком с краской, оставили на заборе свою визитную карточку, несколько раз написав ШДШ.

На следующее утро, едва Катриона приступила к работе, раздался телефонный звонок.

— Привет, Кэт. Ну как, благополучно добралась вчера домой? — Это была Элисон.

Катриона в это время занималась ежедневной рутинной — проверяла депозиты, вылавливая урожай неправильно оформленных переводов.

— Да, прекрасно. А я думала, ты уже стоишь на сцене с молоточком аукциониста.

Голос Элисон был наполнен кипучей энергией.

— Так и будет через несколько минут. Сегодня ожидается хорошая распродажа — зал уже переполнен. Я только хотела убедиться, что у тебя все в порядке. Бесстыдник Хэмиш иногда бывает назойлив. Я опасалась, не приставал ли он к тебе вчера ночью.

Катриона засмеялась.

— Ищешь материал для сплетен, Элли? — уколола она. — Но тебе не повезло. Он остался неуязвим для моих чар.

Вчера после обеда они с Хэмишем вместе уехали от ресторана на такси, предоставив Джону и Элисон, жившим в противоположной стороне, ловить другое. Перед тем, как высадить Катриону у порога ее дома, Хэмиш вполне по-дружески чмокнул ее в щеку, оставив у девушки легкий привкус разочарования и вместе с тем смутное ощущение вины. Вины — потому что более глубокая и честная сторона ее натуры осуждала другую, необузданную и фривольную, зато, что та находила Хэмиша привлекательным. Во всяком случае, сказала

себе Катриона, если бы он повел себя более решительно, она шарахнулась бы от него, как ошпаренная, разве нет?

— Прекрасно. — В далеком голосе Элисон прозвучало облегчение. — Значит, ты в хорошей форме и готова вечером со мной сразиться?

— О, я и забыла, что мы назначили партию в сквош. Ну вот, меня ждет еще одно поражение. — Катриона только начинала учиться игре, и ей было еще очень далеко до Элисон.

— Напитки за счет победителя! Не забудь — в шесть тридцать. Пока!

— Пока. — Катриона положила трубку и подпрыгнула, потому что телефон тотчас же пронзительно зазвонил снова.

На сей раз это была Джиллиан из приемной.

— Тебе тут прислали цветы, — сообщила она голосом, в котором так и сквозило любопытство. — Невероятно красивые. Послать Ронни, чтобы принес их?

Ронни, веселый немолодой хайлэндец, был швейцаром. Сидя за конторкой в роскошной униформе, он приветствовал всех входящих широкой улыбкой. Всех — кроме тех, кого не знал в лицо. Тем он вежливо, но решительно преграждал путь и нажимал спрятанную кнопку, открывавшую вход в холл, только после тщательного осмотра.

— Как здорово! — Катриона почувствовала, как ее сердце забилось немного быстрее. — Не надо беспокоить Ронни, пусть держит палец на своей кнопке. Я пришлю Мойру.

Мойра Кэмпбелл, двадцатилетняя очаровательная, задорная, умелая и энергичная девушка, была секретарем Катрионы. Она вернулась из холла, едва не шатаясь под тяжестью своей ароматной ноши — блистательного изобилия оранжерейных лилий и роз.

— Кто-то ограбил ботанический сад, — предположила она. — Вскрыть письмо?

Среди стеблей белел небольшой конверт.

— Нет-нет, я сама, — поспешно сказала Катриона, вдруг осознав, что у нее дрожат руки.

На карточке было написано: «Спасибо за прекрасный вечер. Хэмиш».

— Это от клиента, — почти не солгав, объяснила она Мойре, пряча карточку в ящик и не зная, хмуриться ей или улыбаться.

Противоречивые чувства — восторг, беспокойство, неловкость, радость, смятение — одно за другим сменяли друг друга. Катриона благодарила судьбу за то, что Джона и Дональда в этот момент не было в комнате, иначе, без сомнения, они замучили бы ее намеками и поддразниваниями относительно личности дарителя.

— Я думаю, нужно отнести их в Стюартс-Рум, — торопливо предложила Катриона, стремясь поскорее избавиться от цветов, чтобы избежать шуток своих коллег. — Раз уж они подарены клиентом, пусть другие клиенты ими и любуются.

Стюартс-Рум была самой роскошной и элегантной комнатой банка, предназначенной для приема посетителей, а также для совещаний. Там за кофе и напитками, в комфорте и уединении можно было спокойно обсудить вопросы о предоставлении кредитов или о крупных капиталовложениях. Комната, как и банк, была названа в честь сэра Джеймса Стюарта, известного шотландского экономиста XVIII века, предшественника Адама Смита.

Мойра неохотно подхватила букет и понесла к дверям. На пороге она столкнулась с Брюсом Финли, который, пропуская девушку, с интересом покосился на цветы. Приблизившись к столу Катрионы, он спросил:

— От поклонника?

— От клиента, — коротко ответила она. — Вы ко мне?

— Да. — Брюс положил на стол письмо, которое держал в руке, и опустился на стул напротив Катрионы. — По-моему, это как раз такие клиенты, как вы любите. Возьметесь вести их дела?

Девушка просмотрела письмо.

— Каррузерс, обратный адрес — Кент. Англичане?

Брюс приподнял бровь и издал нетерпеливое восклицание.

— Неужели и вы подвержены предрассудкам? Да, они англичане, но их рекомендовал один из наших самых уважаемых вкладчиков и, похоже, это как раз подходящие клиенты для «Стьюарта».

Катриона слегка порозовела.

— Я вовсе не имела в виду... — начала она, но запнулась, а потом продолжила уже более уверенно: — Я созвонюсь с ними и условлюсь о встрече.

— Хорошо. Они остановились в отеле «Каледония» и не намерены долго оставаться в нашем городе. — Брюс взглянул на часы. — Думаю, что я еще успею сбежать на Вентвортский аукцион, просто посмотреть, как идут дела.

— Собираетесь поторговаться за Фергюссона? — спросила Катриона.

— Что? Думаете, мне следует это сделать?

— Конечно. Если картина вам нравится.

С выражением живейшего интереса Брюс подался к ней.

— А вот у меня почему-то сложилось впечатление, что вам она не нравится.

— Просто мне кажется, что эта дама выглядит... ну, скажем, слишком агрессивной, вот и все.

— Да, может быть, вы и правы. Ну, я пойду. — Поднявшись, он вдруг о чем-то вспомнил и добавил: — Да, кстати, что вы думаете об этой шотландской версии Ричарда Брэнсона?

Катриона вначале не поняла, кого он имеет в виду.

— Что?.. А-а, Хэмиш Мелвилл! — Она улыбнулась забавному сравнению. — Он интересный, — осторожно ответила она. — А вы действительно считаете, что он похож на Ричарда Брэнсона?

— Не совсем, — уступил Брюс. — У него далеко не столь добродушный вид и он вовсе не безгрешен.

— Спасибо, что так быстро приняли нас, мисс Стюарт.

Мужчина, пожимавший Катрионе руку, был среднего возраста, с темными, начавшими седеть на висках волосами. На его тяжеловатом лице выделялись крупный нос и набухшие вены, но широко поставленные светло-карие глаза смотрели прямо и искренне. Супруга, выглядевшая лет на пять моложе него, поддерживала форму с помощью краски для волос, корсета и макияжа. Она вырядилась в платье из цветастого шелка, ярко-голубой плащ и бусы из жемчуга. Оба они отличались высоким ростом и, судя по всему, повышенной самоуверенностью.

Ник и Сью Каррузерс раньше владели рестораном в Эшли-Вилд в Кенте, а теперь собирались открыть подобное заведение в Шотландии. Из состоявшегося перед встречей короткого телефонного разговора Катриона поняла, что Каррузерсы сделали остановку в Эдинбурге, прежде чем отправиться дальше на север. Они договорились, что встретятся в тот же день после обеда и обсудят финансовые проблемы супругов.

Катриона провела посетителей в Стюартс-Рум, где их уже ожидал поднос с серебряным чайником и позолоченным фарфоровым сервизом.

— Какая прелесть! — заметила Сью Каррузерс, увидев стоявший в вазе букет Хэмиша Мелвилла. — Наверно, они чудесно пахнут?

Возившаяся с чайником и чашками Катриона, не Поднимая головы, ответила:

— Да, очень хорошо. У нас контракт с ближайшим цветочным магазином. Молоко, сахар?

Супруги выразили свои пожелания, взяли чашки и очень скоро уже оживленно рассказывали о своих планах (по их словам, решительных и бесповоротных) всей семьей переехать в Шотландию.

— Мы — хорошие рестораторы, — отважно заявил Ник. — Сью занимается кухней и меню, а я — финансами, поставками и дизайном. В Кенте у нас был обширный круг постоянных клиентов, теперь мы намерены создать нечто подобное здесь.

— Но если ваши дела шли так успешно, почему вы решили переехать? — спросила Катриона.

— Это все из-за детей, — откровенно призналась Сью Каррузерс. — Нашим парням одному двенадцать, другому — четырнадцать. Они ходят в школу, но там подвергаются просто ужасающему влиянию. Наркотики, угон автомобилей, алкоголь, девицы — и это в их-то годы! Может быть, в Хайлэнде они и не превратятся в ангелов, но по крайней мере избегнут того, чтобы стать слугами дьявола.

Катриона просмотрела всю информацию, которую успела собрать о финансовых делах новых клиентов.

— Я вижу, вы готовы вложить около ста тысяч фунтов.

— Это то, что мы выручили, продав ресторан, — с гордостью объяснил Ник. — Но основная часть сразу же уйдет в уплату за нашу новую собственность.

— Да? И где же она находится? — поинтересовалась Катриона.

— По дороге на острова, — с таким торжеством объявила Сью Каррузерс, как будто была фокусником, доставшим из шляпы кролика. — Между Форт-Уильямом и Мэлли — кажется, это так произносится? — уточнила она, делая ударение на первом слоге.

Катриона подтвердила, что «Мэлли» произносится действительно так, и продолжила:

— Кстати, я очень хорошо знаю эти места. Как называется селение, где вы покупаете дом?

— Глендоран. Это где-то возле Гленфинна. Вы знаете? — спросил Ник.

— Глендоран, — задумчиво повторила Катриона. — Да, я знаю это место. Когда-то там стоял лагерем принц Карл.

— Это одна из причин, почему мы хотим купить дом именно там. Агент из бюро путешествий объяснил нам, что туристы охотно посещают это место даже зимой, — пояснила Сью. — Дом, который мы покупаем — точнее, усадьба с прилегающими постройками, — когда-то были частью большого поместья, но потом оно пришло в упадок. Оно идеально подходит для наших целей, тем более что находится всего в нескольких метрах от дороги.

Ник порылся в папке с документами и вытащил несколько скрепленных вместе листов, верхний из которых оказался бланком известной фирмы по торговле недвижимостью.

— Вот подробное описание, — сказал он.

Катриона просмотрела документы.

— О каких суммах мы сегодня ведем речь? — уточнила она.

— Дело обстоит так: наше первоначальное предложение в семьдесят пять тысяч за землю и строения было принято, но нужны еще деньги на переоборудование. Общая смета превышает сто тысяч. Конечно, мы можем получить субсидию в «Хайлэндс и Айлэндс Энтерпрайз», но на это потребуется время, а мы пока что нуждаемся в деньгах для покупки мебели, оборудования, ну и жить нужно на что-то, пока мы не начнем работать. Мы надеемся окончательно перебраться сюда к Пасхе и открыть ресторан в конце мая. Вот здесь я все это расписал, а вот калькуляция ежегодного дохода. — Ник достал из папки еще два листа.

Его финансовый план был четким и понятным, и Катриона начала проникаться теплом к этому человеку. Он казался добросердечным, рачительным и умелым хозяином, но видно было, что он знает счет деньгам и не станет бросать их на ветер.

— Итак, вам необходимы кое-какие оборотные средства, которые позволили бы довести до конца ваш замысел.

— Да, хотя в данный момент я не могу назвать точную сумму.

— Разумеется, нам необходимо обеспечение. Мы можем сделать это в форме закладной, тогда все дела по вашей собственности будут идти через нас.

Ник заколебался.

— Неужели это необходимо? Может случиться, что нам понадобится не так уж много, не больше пятидесяти процентов от суммы закладной.

— В любом случае, мы никогда не даем больше шестидесяти пяти, и это зависит от независимой экспертной оценки. Само собой, мы должны будем сделать и свою собственную оценку и провести все это через наших юристов. Я вижу, вы уже указали здесь имя вашего адвоката. — Сделав пометку в блокноте, Катриона подняла голову и ободряюще улыбнулась. Каррузерсы были людьми как раз такого типа, с которыми она предпочитала иметь дело — диаметрально противоположными Чарльзу Монкрайфу и ему подобным. — Что ж, все это выглядит весьма многообещающе, — признала она. — Как вы смотрите на то, чтобы я сама взглянула на ваше будущее владение? Тогда я составлю более полное представление.

— Как пожелаете. Мы как раз собираемся съездить туда на несколько дней, — кивнул Ник. — Приезжайте, когда сможете.

— Хорошо. Сейчас я уточню свое расписание у секретаря. — Катриона потянулась к телефону. — Мойра? Посмотри, пожалуйста, что у меня на пятницу? Ничего? Прекрасно. Пометь, пожалуйста, что меня не будет в городе. — Она посмотрела на Каррузерсов. — Пятница вас устроит?

Ник и Сью, обменявшись быстрыми взглядами, одновременно кивнули.

Когда они выходили из комнаты, от их шагов качнулся столик, на котором стоял букет Хэмиша Мелвилла. Длинные стебли затрепетали, и до Катрионы донеслась волна нежного аромата.

— Не унывай, Катриона, когда-нибудь ты разобьешь меня в пух и прах, — утешала подругу Элисон после партии в сквош.

Учитывая, что последние полчаса она провела на корте, молодая женщина выглядела необычайно свежей и ничуть не уставшей. Раскрасневшаяся Катриона, чувствуя себя далеко не столь бодрой, вышла из-под душа и начала вытираться.

— Гоняешь меня по корту, как тебе вздумается, а после этого еще хочешь, чтобы я шутила и хорошо выглядела? — шутливо упрекнула она, становясь на весы. Стрелка остановилась на цифре пятьдесят два. — По крайней мере, это поддерживает меня в форме.

Катриона достала из сумки белые кружевные трусики и быстро натянула на гладкие бархатистые бедра.

— Ты такая худенькая, — заметила Элисон, критически оглядывая подругу. — Если, хочешь выиграть у меня, наращивай мускулы.

Рассмеявшись, Катриона надела шелковую блузку и отбросила с лица и шеи влажные волосы.

— Ты тоже не амазонка, Элли. Ты победила меня не мышцами, а опытом и умением.

Элисон взглянула на свое тело, гладкое, но более округлое, с более полными грудями и бедрами.

— У меня появляется животик, — констатировала она. — Я ничего бы не имела против, если бы это было связано с беременностью, но увы...

Катриона сочувственно улыбнулась.

— По-прежнему не везет?

Она знала, что подруга хотела бы иметь ребенка, но не знала о тех щемящих приступах горя и тоски, которые испытывала та всякий раз, когда убеждалась, что ее надежды вновь не осуществились.

Элисон надела юбку от своего изящного черного костюма. Обе они пришли в спортклуб прямо с работы.

— Нет, — сквозь зубы пробормотала она, застегивая молнию. — Может быть, в будущем месяце получится. — Накинув жакет, Элисон заставила себя улыбнуться: — Ну, а ты все ждешь своего прекрасного принца, Кэт? Похоже, никому не дано иметь все, что он хочет?

Катриона усмехнулась.

— Мне все еще вместо прекрасных принцев попадают одни лягушки. Все, что пока удалось достичь — получить цветы от Хэмиша Мелвилла.

Элисон помедлила, прежде чем ответить.

— Вот это успех, — без всякого энтузиазма произнесла она. — И что же ты сделала, чтобы этого добиться?

Катриона удивленно уставилась на подругу.

— Ты меня в чем-то упрекаешь?

— Я ни в коем случае ни в чем тебя не упрекаю, Кэт! Но я твоя подруга, и вправе о тебе беспокоиться.

— Хотела бы я, чтобы было о чем беспокоиться! Если хочешь знать, я с удовольствием завела бы хороший роман.

Катриона провела щеткой по волосам, и они пушистым огненным ореолом засияли вокруг ее головы.

— Пожалуйста, но только не с Хэмишем Мелвиллом. Почему бы тебе не пофлиртовать с Дональдом Камероном? Он-то полон желаний и всегда готов. — Элисон умело подкрасила губы яркой помадой и напудрилась, чтобы скрыть появившийся в последнее время желтоватый оттенок кожи. В зеркале отразился укоризненный взгляд Катрионы.

— Фу! Ухаживания Дональда — не более чем сотрясение воздуха, пустая болтовня. Кроме того, ты же знаешь, у него роман с Джиллиан.

— Да, но они не женаты.

— В отличие от Хэмиша Мелвилла, хочешь ты сказать? Руки прочь от женатых мужчин?

— Кэт, просто ты совсем не подходишь для того, чтобы водиться с женатыми мужчинами. И потом, Хэмиш такой... безжалостный.

Катриона поразмышляла над этим определением и отрицательно покачала головой.

— Нет, я не думаю, что он безжалостный. Сильный, жесткий, может быть, хитрый, но безжалостный — нет. Так или иначе, почему мы его обсуждаем? Ведь это не более чем несколько цветов, посланных, возможно, в тот момент, когда он смотрел, как его жена примеряет новые парижские туалеты, и прикидывал, во что они ему обошлись!

Элисон рассмеялась, представив себе эту картину.

— Да, может быть, ты права.

— Конечно, права, — жизнерадостно откликнулась Катриона, застегивая сумку. — Давай пойдем и чего-нибудь выпьем.

Часом позже, выйдя из клуба, они оказались почти в полной темноте. Лишь висящий над входом фонарь освещал ступеньки. Машина Элисон стояла совсем близко, в освещенном круге, и Катриона еще на несколько минут задержалась возле нее, чтобы поболтать с подругой и помахать ей на прощание. Ее собственный серебристый «фольксваген-гольф» стоял в стороне, в тени платановой аллеи. Не успела Катриона отпереть замок, как распахнулась дверца стоящего рядом приземистого черного «ягуара» и оттуда вынырнула какая-то темная фигура.

— Добрый вечер, Катриона.

Катриона едва не подпрыгнула.

— Хэмиш! Господи, как вы меня напугали! Я подумала, что вы грабитель или что-нибудь в этом роде. — Учащенно дыша, она прислонилась к автомобилю.

— С каких это пор грабители разъезжают на «ягуарах»? — засмеялся Хэмиш и, подойдя поближе, успокаивающе дотронулся до ее руки. — Прошу прощения. У меня не было ни малейшего намерения пугать вас. Я ожидал вас здесь, чтобы поговорить.

— Почему же вы не вошли в клуб? — Отперев багажник, Катриона закинула туда спортивную сумку.

— Хотел поговорить наедине. Я вспомнил, что вы должны играть здесь в сквош с Элисон. Вы получили мои цветы?

— Да, большое спасибо. Хотя, наверно, вы не должны были этого делать.

— Почему нет? — Она увидела, как в темноте сверкнули его зубы. — Красивые девушки должны получать цветы.

— Почему-то мне кажется, что ваша жена не согласилась бы с вами.

На его лице появилась лукавая обезоруживающая улыбка.

— Может быть, и нет, хотя в свое время я частенько посылал цветы и ей. Вы пообедаете со мной?

Катриона была застигнута врасплох.

— Не знаю, — растерянно пробормотала она.

— Что значит — не знаю? — В его голосе все еще чувствовалась усмешка. — Разве вы не хотите есть?

Катриона была голодна как волк и как раз собиралась заехать пообедать в ближайший китайский ресторанчик.

— Хочу, — честно призналась она.

— Тогда все в порядке. — Он приоткрыл дверцу своего «ягуара», и оттуда донесся запах натуральной кожи. — Вы любите рыбу? — спросил Мелвилл.

Теперь засмеялась Катриона.

— Разве вы не знаете, что если бы люди на островах не любили рыбу, то им вообще пришлось бы голодать? — почти что возмущенно поинтересовалась она.

— Зато я знаю место, где так готовят морской язык по-дуврски, что он тает во рту. И подают его с ледяным французским «Полли Фюме». — Хэмиш еще шире распахнул дверцу, и в салоне загорелся манящий огонек.

Не раздумывая, Катриона грациозно скользнула на сиденье.

— Вы поймали меня на крючок, — отважно заявила она. — Но Элисон этого не одобрит.

— А мы ей не скажем, — заговорщически подмигнул он, захлопывая дверцу.

Кафе «Маринетти», небольшое и незаметное, скромно пряталось на одной из боковых улочек Лейта — когда-то независимого города и порта на берегу залива Ферт-оф-Форт, ныне ставшего одним из районов Эдинбурга. Тем не менее ему удалось сохранить индивидуальность и остаться своеобразным богемным островком, заполненным ресторанами, картинными галереями и необычными жилыми домами, перестроенными из пакгаузов. Если Эдинбург порой подавлял своей буржуазной солидностью, то в Лейте царил гораздо более свободный дух.

Хэмиша и Катриону усадили за угловой, освещенный свечой столик, стоявший у наполовину зашторенного выходящего на улицу окна. Сосновый паркет, столы и стулья — все было красиво и удобно. В ресторане основной акцент делали на вкусной еде, а не на сопутствующих эффектах. Почти все столики были заняты, но ощущения тесноты не возникало.

— Я был здесь всего один раз, — сказал Хэмиш. — Этот ресторанчик открылся сравнительно недавно.

— И я думаю, вы не приводили сюда жену, — заметила Катриона, внимательно рассматривая столовые приборы.

— Что заставляет вас сделать такое предположение? — мягко спросил он, отодвигая свечу, чтобы лучше видеть ее лицо.

— Потому что, как мне представляется, вы очень тщательно организовали свою жизнь, — ответила Катриона, подняв голову и смело глядя ему в глаза. — Есть места, куда вы водите только жену, а есть и другие — для приятельниц, для девушек.

— Стало быть, вы уверены, что у меня есть подружки?

— Наверно, по одной в каждом порту, — пошутила Катриона, показывая ровные белые зубы. — Но я рада тому, что мне достался Лейт. Мне здесь нравится.

— Прекрасно. Потому что, по странному совпадению, это мой любимый... порт, — уверенно заявил Хэмиш.

Мерцающая свеча создавала иллюзию уединенности. Отблески пламени плясали в их глазах, серых и голубых, как будто скрепляя печатью незримый договор.

Хэмиш раскрыл меню.

— Хотите взглянуть или сразу заказываем морской язык?

— О, безусловно, язык, — сказала Катриона. — И еще это, ледяное, как там вы его называли? Иначе я решу, что вы не держите слова.

— Этого я никак не могу позволить. Значит, как и договаривались, «Полли Фюме» и

рыба по-дуврски.

Принесли рыбу, свежую, сочную, посыпанную петрушкой и смазанную маслом. К ней подали хрустящий картофель фри в корзиночках. Хэмиш и Катриона ели неторопливо, наслаждаясь каждым кусочком и смакуя живительное прохладное вино.

— Да, вы знаете, как доставить девушке удовольствие, — очередной колкостью прервала молчание Катриона. — Рыба и чипсы в портовом кабачке.

— В этом и заключается секрет моего успеха, — принял шутливый тон Мелвилл. — А вот в чем секрет вашего? Еще почти дитя — и уже банковский управляющий.

Катриону рассмешила его угодливость.

— Не знаю. К тому же быть управляющим, пусть даже у «Стьюартса», не бог весть какой размах.

— Вот как? — Он удивленно приподнял бровь. — А что же тогда, по-вашему, размах?

— Заниматься бизнесом, контролировать миллионы, идти на риск. Это, должно быть, захватывающе. — Она наклонилась к нему. — Разве не так?

Мелвилл пожал плечами.

— Как сказал гном мальчику в одной детской сказке: «Я кажусь себе таким же большим, как ты кажешься себе».

— Вот уж не думала, что вы знаток детских сказок! — воскликнула Катриона, смущенно покачивая головой.

— Что только доказывает, что и вы можете ошибаться, — отозвался он. — Приятно узнать, что вы тоже не являетесь совершенством.

— Я ни на минуту не поверю, будто вы считали меня совершенством.

Загадочно улыбаясь, Хэмиш приподнял свой бокал.

— Почти совершенством, — проговорил он. Его голос был сладким, как мед, а глаза — мягкими и ласкающими, как голубой бархат. — Особенно здесь, сейчас, при этом освещении.

Его взгляд, тон и слова, весь его облик подействовали на Катриону завораживающе и лишили дара речи. Она почувствовала, как под его взглядом ее захлестнула обжигающая волна. Ни один из знакомых мужчин, начиная от парней с острова, с которыми Катриона дружила в юности, и кончая обходительными, вкрадчивыми, опытными светскими львами, встречавшимися ей в последнее время, никогда не вызывал в ней такой мгновенной и острой вспышки. Это было невозможно, невероятно, невыносимо! Ее дыхание участилось, сердце готово было выпрыгнуть из груди, Катриона едва не вскрикнула, таким глубоким и пронзительным было это ощущение. Дрожащая, растерянная, беспомощная, она молча сидела, ожидая, пока оно пройдет.

Катрионе казалось, что ее спутник не мог не заметить, какую бурю он вызвал, однако Мелвилл никак этого не показал. Наконец она овладела собой и, положив нож и вилку поперек тарелки, отодвинула ее от себя. Хэмиш с удивленным видом опустил бокал.

— А я-то думал, что вы голодны, — заметил он, окинув взглядом остатки ее ужина.

— Была голодна, — поспешно подтвердила Катриона. — Но теперь уже нет. Это было великолепно.

Мелвилл вытащил из ведерка со льдом запотевшую темно-зеленую бутылку.

— Во всяком случае, вы не можете отказаться помочь мне покончить с этим. Особенно если учесть, что именно я повезу вас домой.

Катриона молча наблюдала, как он наполнил ее бокал. Она уже совершенно

успокоилась, и от бешеного внутреннего огня, пожиравшего ее минуту назад, остались лишь тлеющие угольки.

— Здесь очень уютно, — заметила она, оглядывая расположившихся за другими столиками посетителей. — Гораздо тише, чем у «Кастелло».

— Конечно. Я так и подумал, что это более подходящее место для беседы. Джузеппе, разумеется, яркая личность, но его ресторан не располагает к интимному общению. А сегодня я не расположен делить вас ни с кем, даже с этим общительным и обаятельным итальянцем.

— Не только он обладает монополией на обаяние, — пробормотала себе под нос Катриона, отпивая из запотевшего бокала. Затем она спросила уже нормальным голосом: — Между прочим, вы сегодня были на аукционе?

Легкое движение губ Хэмиша показало, что комплимент не остался нерасслышанным.

— Да, я там был. Вот уж потеха! Элисон осталась довольной.

— По-моему, так и есть. Вы купили Эрдли?

Мелвилл покачал головой.

— Кто-то хотел его гораздо сильнее, чем я, и заплатил цену, которую я счел чрезмерной.

— Вы часто покупаете на аукционах?

— Нет. В основном через дилеров. Они дают мне знать, когда у них появляется нечто, что может меня заинтересовать.

— Именно так вы приобрели Пикассо?

— А-а, Пикассо... Нет, не так. — В мерцающем свете свечи Хэмиш выглядел немного таинственно. — Эта картина, можно сказать, сама свалилась мне в руки.

— Вот так просто? Пикассо — и вдруг падает прямо в руки? — недоверчиво спросила Катриона. — Это звучит довольно загадочно.

Он как-то странно усмехнулся.

— Ничего загадочного, скорее, обычная случайность. Она принадлежала одному американскому дилеру, который хотел кое-что, что было у меня. Мы обменялись.

— Что же такого он мог хотеть, что по стоимости равнялось Пикассо? — изумилась Катриона.

— Мою жену, — лаконично ответил Хэмиш. — Он хотел жениться на моей первой жене. Почему-то он считал, что она стоит Пикассо. Бедняга не догадывался, что я отдал бы ее за кусок картона.

— Вы шутите! — возмущенно воскликнула Катриона. — Вы шутите, правда?

Хэмиш пожал плечами.

— Не совсем. Он увез ее и таким образом хотел загладить свою вину. Неужели я должен был отказаться?

— Да! — убежденно воскликнула она. — Нельзя превращать людей в предмет для бартера.

— Вот как. — Хэмиш казался пристыженным. — Что ж, а я это сделал.

Несколько секунд она молча смотрела на него.

— Это очень хорошая картина Пикассо, — добавил Мелвилл, как бы умоляя понять его.

Катриона пребывала в смятении, не зная, верить ему или нет, а если верить, то можно ли простить такой поступок? Она растерянно покачала головой и вздохнула:

— Даже не знаю, как вас воспринимать.

Прищурившись, Хэмиш взглянул на нее.

— А не надо никак меня воспринимать, — сказал он, взяв ее за руку. — Просто давайте поедem и посмотрим на нее.

Штаб-квартира компании Хэмиша Мелвилла располагалась на верхнем этаже одного из деловых небоскребов эдинбургского Нью-Тауна, современного здания, вторгшегося в изящные кварталы построек в стиле короля Георга, типичных для этой части города. Отсюда Хэмиш управлял своей финансовой империей, покупая и продавая контрольные пакеты акций самых разнообразных предприятий. Ему нравилось оставаться постоянной загадкой для финансовых кругов; он забавлялся, заставляя деловой мир гадать, где, в какой новой, неожиданной сфере в следующий раз проявятся его интересы. У одних он слыл ангелом милосердия, спасающим казавшиеся обреченными предприятия, другие, наоборот, считали его предвестником скорого краха, порождением дьявола, чье появление на сцене означало гибель и разорение. Однако и поклонники и хулители единодушно признавали в нем недюжинный предпринимательский талант.

Ночной швейцар, казалось, ничуть не удивился тому, что глава фирмы вдруг появился в столь поздний час, и пропустил Мелвилла и его спутницу через главный вход с вежливым: «Добрый вечер, сэр, добрый вечер, мадам». Однако, когда Катриона шла за Хэмишем по пустынному гулкому холлу к лифту, она спиной почувствовала похотливо-любопытный взгляд дежурного, и ей стало не по себе. У нее даже возникло желание обернуться и объяснить ему, что они идут всего лишь взглянуть на картину Пикассо...

В коридоре на нужном им этаже горела только одна аварийная лампочка. Не успела Катриона удивиться, почему Хэмиш не включает освещение, как они вошли в просторную комнату, казавшуюся огромной из-за широких окон, сквозь которые были видны несущиеся по залитому лунным светом небу рассеянные облака. Катриона подумала о том, что в дневное время отсюда, наверно, открывается панорама залива Ферт-оф-Форт и лежащих за ним холмов, но сейчас они превратились в далекие, смутно различимые темные горбы позади сияющего водоворота уличных огней, подобно кулисам ярко освещенной сцены... Пол комнаты украшал толстый и мягкий ковер.

— Обернитесь, — тихо сказал Хэмиш и нажал на выключатель.

Катриона послушно повернулась и тут же задохнулась от удивления и восторга. Вспыхнувшие лампы сфокусировались на обшитой деревянными панелями стене, оставив в полумраке большую часть комнаты, и под их лучами проявилась и ожила висящая на стене картина. Это был ранний, романтический Пикассо, Пикассо периода увлечения Арлекинадой. На картине была изображена Коломбина в серо-голубом, расшитом бриллиантами платье, с обнаженными покатыми белыми плечами, зачесанными назад рыжими кудрями и огромными черными, источавшими ненасытную чувственность глазищами. Может быть, искусствовед мог разглядеть в этой работе будущее увлечение художника кубизмом и абстракционизмом, но, за исключением некоторой асимметрии форм, фигура была вполне женственной, и женщина эта определенно была возбуждена, о чем свидетельствовал полуоткрытый яркий рот и руки, жадно тянущиеся к невидимому объекту ее желаний.

Выросшая на острове Катриона была лишена возможности изучать великие произведения искусства по оригиналам, да и в общем-то никогда не испытывала такой потребности, поэтому она оказалась совершенно не подготовлена к тому эмоциональному шоку, который вызывает созерцание шедевра. Девушка была ошеломлена собственной

реакцией, тем, насколько мгновенно она распознала чувственность Коломбины, как будто пылкое желание последней в один миг передалось ей самой.

— О Господи, это потрясающе! — выдохнула Катриона дрожащим от благоговения голосом. — Я никогда не представляла себе...

— Никогда не представляли чего? — спросил Хэмиш, становясь позади нее и осторожно кладя руки ей на плечи. — Что только с помощью краски и кисти можно выразить такую степень чувственности? Или что вы, в свою очередь, можете ощутить то же самое, что испытывали до этого тысячи людей, когда сталкивались с гением?

Захваченная картиной Катриона вначале не обратила внимания на его руки, но когда они крепче сжали ее плечи, она почувствовала в его объятии неистовую гордость собственника, проявление сдерживаемых, скрытых эмоций и что-то еще — что-то более настойчивое, требовательное, интимное, что росло и крепло с ошеломившей ее скоростью. Его пожирала страсть к обладанию красивыми вещами. Пикассо был одной, а она, Катриона, — другой. Хэмиш наклонил голову и прижался губами к ее шее.

Катриона, и без того взбудораженная картиной, почувствовала, что окончательно теряет голову. Как и в ресторане, ее тело захлестнула волна огня, поглотившая и волю ее, и разум. Она никогда раньше не сталкивалась с человеком, подобным Хэмишу Мелвиллу, человеком, от которого исходила бы такая властная мужская сила. Вокруг него витал ореол власти, денег, желания и чего-то еще — острый, мускусный, влекущий аромат, которому она не в силах была сопротивляться. Это было наваждение, но не только его — теперь это было уже и ее желание. Оно налетело и поглотило Катриону, и пока его губы блуждали по ее шее, сопротивление стало невозможным. Она беспомощно повернулась к нему.

— Как ты прекрасна, — прошептал он, щекоча губами ее ухо и погрузив руки в благоухающую массу ее волос. — Гораздо красивее, чем Коломбина, красивее любой картины в мире!

Катриона не сознавала уже почти ничего, ощущая только мощное, глубокое пульсирование крови. Их губы встретились, и от этого соединения по ее телу прокатилась волна блаженства. Ни о чем не думая, она отдалась своему влечению, с равным пылом возвращая Хэмишу его ласки и торопливо помогая ему справиться с пуговицами и молниями. Их одежда упала на пол. Ковер был глубоким, мягким и манил к себе. Осыпая поцелуями ее трепещущий обнаженный живот, Хэмиш издал ликующий крик, прежде чем зарыться лицом в темно-рыжие завитки, пламенеющие между ее бедер.

Стремительно возносясь к вершине блаженства, Катриона забыла обо всем на свете, но в решающий момент он с ловкостью опытного любовника вдруг остановился.

— Красота не должна совершать ошибки, — проговорил Хэмиш, быстро принимая меры предосторожности, в то время как она лежала, едва сознавая, что он делает.

Затем он одним движением поднял ее и усадил поперек своих бедер. Его голубые глаза впилась в ее серебристо-серые, и его стремительное, неистовое вторжение заставило ее вновь задохнуться.

— Но я должен видеть твое лицо, особенно когда на нем написано наслаждение!

На обочине дороги, ведущей в Лагган-Глен, остановился видавший виды «лендровер», и из него медленно вылез очень старый человек. Его твидовая кепка и мешковатая плотная куртка были старомодными и поношенными, а суковатая палка, которую он держал в руках, казалась скорее аксессуаром, чем предметом первой необходимости. Он бродил среди

оскверненных, обожженных домиков, время от времени отдыхал, оперевшись о забор, заглядывал в разбитые окна и всматривался в грубо намалеванные на светлых оштукатуренных стенах буквы. Если не считать последствий террористического акта, домики выглядели очень мило: каждый с мощным внутренним двориком, оборудованным площадкой для барбекю, мусорными баками и приспособлениями для сушки белья. Все они были выстроены по одному проекту: три спальни, две ваннные комнаты, открытая веранда-гостиная, прекрасная кухня, небольшая прачечная. Оставалось привезти мебель — и они полностью готовы к предстоящему туристскому сезону.

— Англичане, убирайтесь прочь, — повторил старик, грустно покачивая головой. — Что ж, вряд ли какая-то английская семья теперь захочет провести здесь пасхальные каникулы, — заключил он, глядя на простиравшуюся перед ним долину, скалы, траву и с шумом ниспадающий с гребня скалы ручей.

Низко нависшие тучи поливали землю мелким морозящим дождем, затуманившим очки старика. Тревожно поцокав языком, он развернулся и направился назад к автомобилю.

— ШДШ, — сердито обратился он к водителю, взгромоздясь на сиденье, — что это значит?

— Шотландия для шотландцев, — последовал ответ.

— Лучше сказать, Шотландия для тупиц! — пробурчал старик, трясая головой. — Как будто этим они чего-нибудь добьются! Англичане только заупрямятся, и кончится тем, что скоро мы увидим здесь сторожевых собак и ночные патрули. Долина превратится в открытый концлагерь.

— Что ж, тебе не следовало в свое время выпускать землю из рук, Хэмпс, — нравоучительно заметил молодой человек.

— Нужно было платить долги, будь они прокляты! И ты прекрасно об этом знаешь. И скажи на милость, откуда я мог знать столько лет назад, что здесь построят английский кемпинг?

— Может, он и не откроется. Может быть, теперь никто из туристов не осмелится сюда приехать, и им придется по дешевке продать дома тем из местных, кому они нужны.

— Ха! Так вот на что надеются эти типы из ШДШ! Но это только лишний раз доказывает, какие они идиоты. — Старик пристегнул ремень безопасности. — Шотландии нужно, чтобы ее умные головы оставались здесь, а не увозили свои мозги в Лондон или за океан. Тогда нам не придется оставаться здесь с одними тупицами вроде этих ШДШ. Ладно, все равно никто меня не слушает. Я ведь всего только старый ворчун! Давай, парень, поехали домой. Меня ждет работа.

— Может быть, мне и не следовало этого делать, — без тени раскаяния или сожаления сказала Катриона. — Но я просто не могла устоять, Элли. Наверно, ты считаешь меня ужасно испорченной.

— Нет. Я готова убить проклятого Хэмиша Мелвилла, вот и все, — с нажимом произнесла Элисон, яростно ковыряя вилкой в тарелке с салатом.

Они сидели в баре, куда Катриона, которой необходимо было с кем-то поделиться, упросила Элисон прийти на ленч.

— Только он не должен знать, что я тебе рассказала. Это секрет.

— Разумеется, — сухо подтвердила Элисон.

Катриона с упреком взглянула на подругу.

— Пожалуйста, постарайся понять меня, Элисон. Он такой необычайный человек, честное слово. Ты просто совсем его не знаешь.

— О нет, знаю. Он змей-искуситель. Обаятельный, благовоспитанный, респектабельный, вкрадчивый — и богатый. — Голос Элисон стал совсем ледяным.

Катриона глупо хихикнула.

— А я люблю змей. В эдинбургском зоопарке я проводила целые часы в серпентарии.

— Серьезно? Тьфу! — передернулась Элисон. — Ну ты и чудачка, Кэт.

— Может быть. Наверно, мне следовало бы испытывать муки совести, но я их не чувствую. Элисон, ты, как мне кажется, считаешь, что он соблазнил меня, но это не так. Я хотела его так же страстно, как и он меня. Я никогда раньше не вступала на этот путь — я имею в виду связь с женатым мужчиной, — но теперь, коль скоро это произошло, не собираюсь останавливаться. Это ужасно, да? — Отпив глоток из своего бокала, Катриона вызывающе взглянула на Элисон.

Их столик стоял в отдельной уютной нише с низким потолком, где они могли спокойно беседовать. Бар размещался в помещении бывшего винного подвала, и ниша когда-то предназначалась для огромной бочки.

— Что ж, мне остается только радоваться тому, что мы сидим здесь и нас никто не слышит, — пожалала плечами Элисон, — поскольку, судя по всему, ты намерена исповедоваться до конца. Нет, Кэт, я не думаю, что это ужасно, просто считаю, что это не твое. Ты женщина совсем не того типа, которая без малейших угрызений совести прыгает в постель к женатому мужчине. Такая женщина, как ты, должна испытывать к этому инстинктивное отвращение. Ты слишком хороша для этого. Тем не менее, если ты твердо решила обжечься, то Хэмиш Мелвилл, безусловно, самое подходящее для этого пламя!

— Почему я непременно должна обжечься? Я пошла на это с открытыми глазами!

— Однако сейчас ты ослеплена, — возразила Элисон. — Признай это. Ты никогда не сталкивалась ни с кем, подобным Хэмишу. И если бы он не был богат, как Крез, еще неизвестно, захотела ли бы ты видеть его рядом с собой. Ты играешь с огнем, Кэт, и сама прекрасно это понимаешь.

Катриона недовольно поморщилась.

— Его деньги совершенно ни при чем, — возмущенно заявила она. — Прошлой ночью я видела звезды, а не крупные банкноты. Так или иначе, пока мы должны временно охладить свой пыл, поскольку сегодня возвращается его жена.

— Господи, ты уже рассуждаешь, как любовница! Прислушайся к себе! — Элисон выглядела всерьез обеспокоенной. — Мне это не нравится, Кэт, и я была бы очень рада, если бы Хэмиш Мелвилл оставил тебя в покое. Ты совсем не подходишь для того, чтобы сидеть и ждать, пока Его Величеству удастся на полчаса улизнуть от жены. Ты стоишь гораздо большего — и самое печальное, что он это знает. Иначе он просто не увлекся бы тобой.

Катриона виновато улыбнулась.

— Мне очень жаль, что ты меня осуждаешь, но, прошу тебя, не лишай меня своей дружбы. Ты так нужна мне. И все-таки, пожалуйста, храни все это в тайне, хорошо?

Темные брови Элисон нахмурились.

— С какой стати? Мы что, уже состоим в Секретной службе Ее Величества? — Перехватив беспомощный взгляд Катрионы, она смягчилась и неохотно согласилась: — О'кей, молчу. Но я не одобряю это, запомни. — Выпрямившись, Элисон скрестила руки на груди, давая понять, что считает тему закрытой. — А теперь я тоже хочу кое о чем тебе

сообщить.

— О чем же?

— Я решила лечь в клинику по лечению бесплодия.

— Вот как? Ты действительно думаешь, что это необходимо? — В свою очередь встревожилась Катриона.

— Джон так не считает, а я уверена. Ведь вот уже восемнадцать месяцев, как мы пытались — и все безуспешно, а оба мы уже не первой молодости. Биологические часы тикают, у нас осталось не так уж много времени, и я хочу знать, что не в порядке.

— Тебе всего лишь тридцать три, Элли, это далеко еще не старость! Тем не менее я считаю, ты поступаешь разумно. Легко ли получить направление в эту клинику?

— Да. Доктор сказала, что достаточно одного моего слова. Я попросила, чтобы это было как можно скорее.

— И когда же ты ложишься?

— На следующей неделе.

— Удачи тебе. — Катриона погладила подругу по плечу. — Я не сомневаюсь, что Джон будет очень внимателен и заботлив, но дай мне знать, если тебе понадобится и моя поддержка.

— Есть кое-что, что ты можешь для меня сделать, — серьезно сказала Элисон.

— Что же?

— Продолжай свои делишки с Хэмишем, если это уж так тебе необходимо, но не вздумай забеременеть!

Направляясь домой после окончания рабочего дня, Катриона старательно избегала запруженных людьми торговых кварталов и, перейдя улицу, направилась вниз по относительно пустынной Принцесс-Стрит-Гарденс. Мелкий дождик, моросивший почти весь день, прекратился, но тяжелые сине-серые тучи все еще низко висели над землей, и только на западе приоткрылся кусочек голубого неба, сквозь который заходящее солнце бросало косые лучи на четкий силуэт Эдинбургского замка.

Это было зрелище, которым Катриона готова была любоваться бесконечно. Монументальная громада замка с его отвесными каменными стенами, казалось, выросшими из гранитного основания, возвышалась над раскинувшимися вокруг строениями с их бесконечной разноголосицей крыш, дымовых труб и фронтонов. Замок, эта твердыня Малькольма, могучий кулак Давида I, опора шотландского королевства, был горделивым обломком истории, одиноким часовым, сторожившим деловые кварталы. Он и сейчас казался стойким и неприступным, таким, каким и должен быть настоящий замок — без всяких бесполезных башенок и прочих викторианских финтифлюшек, но, конечно, это была не более чем видимость. Эдинбургский замок — памятник умершему государству. Он перестал быть резиденцией правительства с тех пор, как король Иаков VI позволил английским дворянам убедить себя в том, что ему удастся объединить два трона, два государства, и отправился на юг, в Лондон, где стал Иаковом I. Шотландия была повержена, уничтожена, хотя ее парламент для видимости переехал в Вестминстер. Последние лучи заходящего солнца четко очертили силуэт замка на фоне розового неба. Сейчас он казался особенно величественным и гордым, совсем как та неистовая нация, которую он воплощал. От этих мыслей в горле Катрионы встал комок.

Перейдя через площадь, Катриона оказалась перед кварталом, который своим хаосом

башенок, балконов, двускатных крыш и разнообразных окон всегда напоминал ей дворец из диснеевского мультфильма. Это были многоквартирные дома, построенные в викторианскую эпоху, и в одном из них, на третьем этаже, Катриона снимала небольшую уютную квартиру. Ее привлекло не только удобное расположение — в самом центре, — но и открывающийся из окна вид на старую часть города, от которого захватывало дух.

Пока Катриона поднималась по холму к своему дому, заходящее солнце окрасило влажный тротуар в малиновый цвет. Пройдя по бульжной мостовой, она зашла под заостренную арку и по винтовой лестнице поднялась к своей квартире. Там, напротив двери, ее ожидал большой плоский пакет, обернутый в коричневую бумагу. Отперев замок, она подняла сверток и прошла в гостиную. Встав у окна, Катриона разорвала бумагу.

Это была та самая картина, которой она любовалась на вернисаже. Виг-Бей, сероголубой полумесяц залива, пурпурные вершины холмов. И приютившееся среди зелени строение с треугольным коньком и покатою, крытой шифером крышей — ее дом, выглядевший на картине гораздо проще и грубее, чем на самом деле, но тем не менее до боли знакомый.

Катриона почувствовала, что у нее подкашиваются ноги и, сжимая в руках раму, опустилась на стоящий возле окна пуфик. Должно быть, Хэмиш купил эту вещь на аукционе. Почему? Просто для того, чтобы сделать приятное случайной знакомой? Конечно же, нет! Это слишком много. Это судьба. Это чудо. Она начала улыбаться, потом засмеялась, потом вдруг почувствовала, как слезы потекли по ее щекам. Отчасти она плакала от радостного изумления, но главным образом ее слезы были вызваны приступом внезапно нахлынувшей тоски по дому. Должно быть, при первой встрече Хэмиш заметил ее эмоциональную реакцию на картину, понял, как много она для нее значит, и захотел подарить ей эту акварель. Как он заботлив, внимателен и щедр — и в то же время как экстравагантен! Он просто необыкновенный!

К посылке не было приложено письма, но Катриона не сомневалась, что она от Хэмиша. Отсутствие хотя бы маленькой записки немного разочаровало девушку и напомнило об одном неприятном моменте, единственном, больно уколотившем ее прошлой ночью.

Позанимавшись любовью под сенью Пикассо, они покинули офис и отправились в расположенную неподалеку квартиру Хэмиша, где он ночевал в тех случаях, когда было уже слишком поздно ехать на загородную виллу. Там они улеглись в постель и продолжили оркестровку столь удачно начатой любовной темы. Катриона вспыхнула при воспоминании об этой страстной ночи. Их пыл был неиссякаем, еще ни разу в жизни ей не приходилось испытывать ничего подобного. Умело направляемые и поощряемые Хэмишем, ее руки и губы проделывали вещи, которые до этого она не представляла даже в самых диких фантазиях. Ее плоть содрогалась в бесконечном оргазме, пока она не почувствовала, что еще немного — и ее вены и артерии лопнут, не выдержав этой утонченной, иссушающей агонии.

На рассвете они пили шампанское — единственное, что оказалось в пустом холодильнике.

— Мне нужно идти, — нерешительно произнесла Катриона, в то время как он наливал ей второй бокал, хотя в глубине души больше всего на свете ей хотелось остаться и уснуть, свернувшись калачиком рядом с Хэмишем и уткнувшись в его плечо. — Право, не знаю, как я сегодня смогу заставить себя работать.

Его ответ обескуражил Катриону.

— Но ведь ты заставишь себя, дорогая? Иначе люди начнут задавать ненужные вопросы. — Хэмиш поставил бутылку и встал, обернув простыню вокруг бедер. — Я вызову тебе такси.

Реальность обрушилась на Катриону подобно холодному душу. Сладостная, ленивая истома мгновенно испарилась. Катриона отодвинула бокал с шампанским и поспешно начала одеваться, прислушиваясь к тому, каким безразлично-деловым тоном он говорит по телефону, и удивляясь, почему же так быстро исчезло сказочное наваждение. К тому моменту, когда Хэмиш закончил разговор, она была уже одета.

— Все в порядке, можешь не беспокоиться, — сказала Катриона, изо всех сил стараясь, чтобы ее голос звучал ровно и спокойно, как всегда. — Я не собираюсь рисковать работой из-за одной ночи с женатым мужчиной, даже если он угостил меня рыбой и чипсами.

В одно мгновение шарм вновь вернулся к Хэмишу, как будто никогда и не исчезал. Вынув из рук девушки сумочку, он заключил ее в объятия и покрыл поцелуями шею и влажные тяжелые локоны.

— Не сердись, Катриона, — нежно прошептал он. — Я знаю, что ты очень квалифицированный и ответственный работник. А то, что ты еще и сверхсексуальная женщина с невероятно чувствительным и прекрасным телом, будет нашим с тобой секретом, который я обязуюсь не разглашать.

В его объятиях она немного расслабилась.

— Таким образом, ты даешь мне понять, что никто не должен знать о нас с тобой? Не считай меня дурочкой, Хэмиш Мелвилл, хоть мне и легко вскружить голову.

Хэмиш сделал обиженное лицо.

— Я считаю тебя необыкновенной, восхитительной, невероятно соблазнительной, но хочу, чтобы об этом знал только я один. Разве это так ужасно? — Его рука легла на ее грудь, и он улыбнулся, почувствовав сквозь свитер, как начал твердеть и набухать сосок. — Я счастлив, если мне удалось хоть немного вскружить тебе голову, потому что сам я опьянен тобой. — Он поцеловал ее в губы, и в этот момент звякнул дверной звонок. — Вот и такси, — сказал Хэмиш и торопливо добавил: — Хоть я и женатый мужчина, но это не единственная наша ночь. — Отступив на шаг, он театрально прислонился к двери, как будто у него подогнулись колени. — Правда, сейчас я уже не стою на ногах, и если ты немедленно не уйдешь, то упаду прямо здесь.

Катриона ушла от него, улыбаясь.

Доносящиеся снаружи звуки — шум автомобилей, грохот поездов, время от времени исчезающих в туннеле Вэверли или выныривающих из него, — заставили Катриону очнуться. Поглаживая позолоченную раму, она прислонилась пылающей щекой к прохладному оконному стеклу и задумалась. Катриона чувствовала, что в сексуальном отношении прошлой ночью она перешла на новую ступень, или, правильнее сказать, проснулась, достигла зрелости. Вместо привычной робкой застенчивости она обнаружила в себе безрассудную опрометчивость, о которой даже не подозревала. Воспоминания об этом тревожили и возбуждали Катриону, и даже сейчас, несколько часов спустя, ее тело не могло успокоиться.

Но может ли она оставить у себя картину? В прошлом ей случалось получать от мужчин цветы, шоколад и даже небольшие сувениры, которые она принимала не задумываясь, но сейчас совсем другое дело. Разве такой дорогой подарок нельзя рассматривать как

вознаграждение, как расплату за приятные утехи, разве таким образом она не превращается в пользующуюся благоприятной возможностью хищницу — тип, абсолютно ей ненавистный, а Хэмиш — в «доброе дядюшку», в котором она никогда не нуждалась?

Как ей воспринимать Хэмиша? Не обольщается ли она на его счет? Он, безусловно, обаятельный и привлекательный мужчина, но, может быть, как утверждает Элисон, он еще и безжалостный, расчетливый интриган? В делах, возможно, но с ней, с Катрионой? Прошлой ночью он был внимателен, нежен, импульсивен. Его так же, как и ее, захватили и увлекли обстоятельства. Она вовсе не собиралась становиться его любовницей, но теперь, когда это произошло, она не в силах заставить себя отказаться от него. Так, может быть, этим подарком он, в свою очередь, всего лишь хочет ей показать, как много она для него значит?

— Привет, дорогой. Как ты тут жил без меня? — Стоя посреди холла их элегантного загородного дома, Линда Мелвилл по французской моде поцеловала супруга в обе щеки и затем, коротко и прохладно — в губы. — Ты выглядишь уставшим. Много работал?

Хэмиш привлек ее к себе и поцеловал более крепко. Он знал, что в супружеской жизни, в отличие от сторонних отношений, никогда не лишне демонстративно проявить свои чувства.

— Бросила меня здесь одного, дрянная девчонка! Мне было так холодно и одиноко.

Линда засмеялась и высвободилась из его объятий, пригладив блестящие прямые темные волосы. Ее миловидное личико сердечком расплылось в сладкой, как глазированный пряник, улыбке.

— О Господи, дорогой мой, меня не было всего лишь три дня. Не набрасывайся на меня, как пещерный человек!

Хэмиш постарался скрыть, что, получив отказ, испытал только облегчение. Ему нравилось изображать страстного мужа, но иногда достаточно было и внешних проявлений — особенно после такой ночи, как вчера.

— Как Париж? — поинтересовался он, сбрасывая с плеч пальто.

Подхватив его, Линда направилась в гардеробную, на ходу отвечая:

— О, коллекция просто волшебная! Ты должен взглянуть на бисерные лифы Диора — их просто хочется проглотить!

— Довольно дорогостоящая закуска, я полагаю, — буркнул Хэмиш. — Сколько ты купила?

— Всего лишь два. Я должна немедленно показать тебе.

Линда подошла к нему. На ней была светлая кашемировая туника и обтягивающие брюки, — и выглядела она так, будто только что сошла с подиума. Несмотря на то, что прошло уже больше десяти лет с тех пор, как она закончила карьеру профессиональной модели, Линда все еще была очень фотогенична, и ее необычные, цвета жженого сахара глаза часто мерцали на страницах модных журналов — правда, теперь уже в колонках светской хроники.

— А что, эти лифы прикреплены к чему-нибудь земному, вроде юбки? — осведомился Хэмиш, взяв в руки свой кожаный чемоданчик и делая несколько шагов по направлению к своему кабинету.

Линда остановилась у подножия лестницы. Когда Мелвиллы приобрели Лаверокбанк, обширное поместье времен короля Георга, обнаружилось, что старинная дубовая лестница изъедена древесным жучком, поэтому ее пришлось заменить новой, сделанной из бледно-

розового ясеня, материала, редкого для Шотландии, но очень подходящего к общей атмосфере этого дома с его лепными потолками и старомодными каминами.

— Юбка есть, но очень прозрачная и воздушная. Романтический стиль. Тебе понравится. — Она сделала нетерпеливый жест в сторону чемоданчика. — Только не задерживайся, дорогой, хорошо? Сегодня мы обедаем с Мак-Эвансами.

— Я только на минуту. Будь добра, наполни мне ванну.

Хэмиш был доволен предстоящей встречей с крупным промышленником и его женой. Несмотря на плебейское происхождение, Линда обладала природным талантом поддерживать знакомство с нужными людьми, что Хэмиш умело использовал. За время своего замужества Линда довела эту способность до уровня искусства.

Запершись у себя в кабинете, Хэмиш достал из портфеля длинную плоскую коробочку, обтянутую серым бархатом. К коробочке прилагался чек на бланке известнейшей в Эдинбурге ювелирной фирмы, в который от руки было вписано: «Один браслет в виде змеи. Платина с бриллиантами. Восемь тысяч пятьсот фунтов стерлингов». Хэмиш подошел к вмонтированному в стену телевизору и нажал на спрятанный под ним выключатель. Телевизор отъехал в сторону, открыв дверцу маленького потайного сейфа.

Поскольку наверху в гардеробной у Линды был свой собственный сейф, Хэмиш полагал, что она не знает о существовании этого. Но даже если она и была осведомлена о нем, то уж наверняка не знала кодовой комбинации цифр: его вес в килограммах, размер воротничка, длина его возбужденного пениса в дюймах — 77.15.08. Личные ассоциации кода льстили его самолюбию. Хэмиш выбился в люди своими силами, он был настоящим «человеком, который сам себя сделал», поэтому даже комбинация его сейфа была ориентирована на него. Он нажал нужные кнопки, дверца открылась, и коробочка заняла свое место среди других вещей.

Вард-Стрит в лондонском Сохо — улица актеров, сценаристов и киношников, заполненная суетящимися людьми, которые считают себя гениями и с утра до вечера бегают между офисами, студиями и захудалыми театриками, таская за собой в ярких портфелях или модных сумочках все необходимое для их ремесла: звуко- и видеозаписи, папки с фотографиями, коробочки с гримом, усыпанные блестками клочки сетки, призванные прикрывать наиболее интимные места во время исполнения стриптиза. Это перекресток судеб, средоточие шоу-бизнеса, это место, где музыка встречается с фильмом, деньги — с продюсером, где запускают на орбиты будущих звезд или ставят крест на последних надеждах. Только там продюсеры кинофильмов сталкиваются с акулами видеопроката, а диск-жокеи запанибрата разговаривают с менеджерами звукозаписывающих фирм, и все это в атмосфере, насыщенной запахами сигарного дыма, кокаина и несбыточных надежд.

В офисе, расположенном на первом этаже здания, где когда-то был стриптиз-клуб, не выдержавший конкуренции с порновидео, за столом сидел симпатичный мужчина в обычном деловом костюме в возрасте между тридцатью и сорока, с квадратным подбородком и четкими чертами лица, на котором сейчас царило выражение непреклонности, и короткими, слегка вьющимися светло-каштановыми волосами. По другую, предназначенную для посетителей, сторону стола сидели двое — мужчина и женщина, выглядевшие, каждый по-своему, весьма своеобразно, но сразу можно было сказать, что оба они принадлежат к артистическому миру, раскованны и чужды условностей. Женщина, стройная брюнетка с прямыми, расчесанными на прямой пробор длинными

волосами и серьезным лицом, в очках как у Джона Леннона, была в оливково-зеленом брючном костюме. Мужчина был трагически красив: стройная фигура в черной кожаной куртке, выцветшей льняной рубашке без воротника и белых джинсах, с гривой взлохмаченных каштановых кудрей, прямым носом и прекрасно очерченными губами.

— Но мы не можем так этого оставить, — протестовала брюнетка, хмуро глядя на разбросанные по столу бумаги. — Мы очень тщательно все просчитали!

— На фильм не хватает еще как минимум миллион долларов, Изабель, — тоном, свидетельствующим о том, что он уже устал повторяться, ответил мужчина в деловом костюме. — Ваша смета занижена, вы даже не предусмотрели достаточно средств для выплаты гонорара актерам. Даже если Джил Манро согласится на то, что он называет мелочью, его агент заверил меня, что все равно он потребует как минимум миллион сверх своих пяти процентов от прибыли. Исполнителям второстепенных ролей надо платить хотя бы полагающийся по закону минимум, а это две сотни фунтов в день в течение по крайней мере десяти недель. Эту же сумму вы должны умножить на четыре для основных ролей. Что касается главных героев, то, как бы ни были молоды актеры, звездные роли требуют звездных гонораров. Итого мы имеем три миллиона, плюс еще три миллиона для съемочной группы. Таким образом, мы уже подошли к цифре семь миллионов, а ведь не рассматривали еще смету на костюмы и реквизит, которая тоже занижена, не говоря уже о расходах на обслуживание, налогах и ваших собственных предварительных расходах. Я расписал все это по пунктам и утверждаю, что десяти миллионов просто не хватит. Мы не можем подписать с вами контракт на производство фильма на основании этой сметы.

— Но, Роб, парни из «Минервы» были от нее в восторге, — запротестовал второй мужчина, с симпатией поглядывая на брюнетку. — Неделю назад Изабель была в Голливуде, и они все одобрили. Они даже утвердили Изабель исполнительным продюсером.

— Вот что, Андро, никто не может быть официально утвержден ни на какую должность, пока не подписан контракт, — с оттенком нетерпеливого раздражения в голосе напомнил Роб. — Послушай, я знаю, что вы с Изабель несколько месяцев работали над этим проектом и вам чертовски неприятно это слышать, но я вынужден сказать, что никто не согласится начать работать с вами, если не будет уверен, что его труд будет оплачен вне зависимости от того, завершатся съемки фильма или нет.

— Но если такая крупная компания, как «Минерва», уверена, что наш проект жизнеспособен, — взорвалась Изабель, — кто ты такой, черт возьми, чтобы утверждать, что это не так?

Роб устало пожал плечами и подпер подбородок кулаком.

— Валяй дальше, Изабель. Ты же знаешь, что это моя работа. Может быть, ваши партнеры из «Минервы» и ловкачи управятся с долларами, но они ничего не смыслят в фунтах и пенсах и в том, как делать фильмы в Англии. В этом они полагаются на нас. И я не работал бы на самую известную и уважаемую в Лондоне компанию по производству фильмов, если бы, черт возьми, не разобрался в своем деле. Я не могу подписать контракт на основании этих цифр, пусть хоть все голливудские воротилы будут от них в восторге.

— А без контракта, без ваших денег мы не можем снимать фильм, — огрызнулась Изабель, угрюмо глядя на Андро. — Спасибо за одолжение. Так что, дорогой, распрощайся с надеждой стать новым Хью Грантом.

— Я не обязан делать Андро никаких одолжений, — возразил Роб. — И я точно так же расстроен тем, что произошло, как и вы. Если хотите, можете обратиться к кому-нибудь

другому, но я гарантирую, что результат будет тот же. Однако дело вовсе не безнадежно. Все, что вам нужно, — еще один миллион. Может быть, вам удастся найти какого-нибудь влюбленного в кино богатого филантропа? Кино сейчас в моде, так что не сдавайтесь.

Изабель встала и, сдернув с носа очки, сердито звякнула ими о футляр. Несмотря на угрюмость, она оставалась весьма привлекательной женщиной с умными карими глазами, изящным греческим носом и полными, чувственными губами. Даже унылый зеленый костюм не мог скрыть ее красоты и значительности. Собрав бумаги, она сложила их в папку и спрятала в черный чемоданчик, который до этого стоял у ее ног.

— Вставай, Андро, пойдем посидим в каком-нибудь баре, пока не кончится дождь, — бросила она. — Может быть, найдем там миллион фунтов, чтобы спасти проект. Во всяком случае, там не будет никаких жалких брокеров из дурацких кинофирм!

Выстрелив в Роба уничтожающим взглядом, Изабель рывком открыла дверь и вылетела из офиса.

Лениво поднявшись, Андро мотнул головой в сторону двери.

— Не сердись на нее, Роб. Сам знаешь, этот фильм значит для нее чертовски много.

Роб пожал плечами.

— Я думаю, для тебя он значит не меньше, — заметил он. — Разбейся в лепешку, Андро, но постарайся найти благодетеля. Вы задумали отличный фильм. Шотландия нынче в моде, а Джил Манро — выдающаяся личность. Единственное, что вам нужно — миллион фунтов.

— Участок, безусловно, очень подходящий, — оценила Катриона, выбравшись из машины и поздоровавшись с встречавшими ее Каррузерсами. — Не у самой дороги, но прекрасно виден оттуда и совсем близко.

Она оценивающе втянула в себя воздух. Приятно вновь вдохнуть острый, пряный воздух Хайлэнда после соленого эдинбургского бриза. Приятно ранним мягким весенним утром проехать на автомобиле по открытым полям Драмохтера, вдоль обдуваемых ветрами берегов озера Лох-Лагган, по зеленым хвойным рощам Глен-Спейна и, полюбовавшись глубокими водами романтического озера Лох-Эйл, добраться до Глендорана.

— На шесть миль вокруг нет других гостиниц, — с энтузиазмом расписывала Сью Каррузерс. Ветер растрепал ее обесцвеченные волосы, безжалостно обнажив темные корни. — Пойдемте, посмотрите, как внутри. — Радостно улыбаясь, Сью подхватила Катриону под локоть. — Там еще очень грязно, так что будьте осторожны, не испачкайтесь о стены.

Усадьба представляла собой пример неудавшегося сельскохозяйственного эксперимента. Подобно многим крупным землевладельцам прошлого века, местный владелец земли — лерд, как их называют в Шотландии, увлекся идеей очистить принадлежащие ему долины от мелких арендаторов с тем, чтобы затем разделить землю на более крупные участки и получать более высокую арендную плату от честолюбивых фермеров, вознамерившихся развивать в Шотландии молочное животноводство. Глендоранская усадьба была построена именно с такой целью, но коровы плохо переносили жесткий хайлэндский климат, поэтому в конце концов их заменили овцами, коровники переоборудовали в курятники и гаражи. Нынешний лерд, радикал и реформатор, вновь взял дело в свои руки, вернул большую часть земли мелким арендаторам, а оказавшиеся ненужными строения продал.

В хлеву, как ни странно, сохранились неповрежденными столетней давности деревянные стойла.

— Мы собираемся сохранить перегородки, — с гордостью объявил Ник, хлопнув ладонью по одной из них и взметнув при этом огромное облако пыли. — Это бесценный антиквариат. Эту часть здания мы превратим в семейное кафе со столиками в каждом стойле. Наверху надстроим еще один этаж, где сделаем более изысканный ресторан и бар, из окон которого будет открываться прекрасный вид на озеро.

Катриона кивнула.

— Хорошая идея. Многие приезжают сюда на отдых семьями, особенно во время школьных каникул.

— Так нам и сказали в местном туристическом бюро, — подтвердила Сью. — Мы обращались за информацией к местным властям. Здесь уже действуют несколько таймшерных фирм, построены сотни меблированных коттеджей для отдыха. Эти места, связанные с якобитским движением, привлекают туристов из Северной Америки, Европы и даже Японии.

— Да, Хайлэнд — это настоящая золотая жила туризма, — восторженно подхватил Ник.

— Да, конечно, с туристами проблем не будет, но что касается местного населения, могут возникнуть сложности, — охладила их пыл Катриона. — Вы читали репортажи об инциденте, который произошел неподалеку отсюда, в местечке под названием Лагган?

Сью встревоженно вскинула голову.

— Нет. А что там случилось?

— Несколько новых домиков для отдыха были облиты краской и подожжены. Ответственность взяла на себя так называемая организация ШДШ. Об этом вчера была статья в «Скотсмэн», хотя сам инцидент произошел дня три назад. Подобные случаи были также в Гэллоувэе и Эйршире.

— Подождли, зачем? — испуганно повторила Сью.

— Кто они такие, эти молодчики из ШДШ, если не считать того, что они выжившие из ума вандалы? — требовательно спросил Ник.

— Их название расшифровывается как «Шотландия для шотландцев». Они протестуют против всего английского, — объяснила Катриона.

— Сумасшедшие они, что ли?

— Нет, просто фанатики, — неуверенно ответила Катриона, жалея, что затронула эту тему и не предоставила Каррузерсам самим узнать о существовании ШДШ. Постольку поскольку дело касалось банковского кредита, она могла обезопасить его с помощью страховки.

— Означает ли это, что дети столкнутся с трудностями в школе? — задумчиво спросила Сью. — Могут к ним цепляться из-за того, что они англичане?

Катриона задумалась. Она не помнила, чтобы за время ее пребывания в высшей школе в Портри кого-нибудь унижали, задирали или запугивали из-за того, что они англичане. Впрочем, в Хайлэнде сравнительно недавно заговорили о «культурном империализме» и «англиканизации», причем эти громкие слова с политическим подтекстом звучали в основном в барах и пабах.

— Вы можете поговорить с директором школы, но я уверена, он скажет вам, что волноваться не о чем. Мы, хайлэндцы, славимся своим дружелюбием! — Она ободряюще улыбнулась. — Давайте до конца осмотрим ваши владения. Гораздо важнее то, чтобы вы

могли оправдать доверие банка.

Каррузеры с гордостью показали ей коттедж пастуха, который они намеревались перестроить для себя, старый каменный загон для овец, где должны были разместиться кухни и подсобные помещения, и участок, где они собирались построить хозблок с душевыми, прачечными и туалетами. Это был честолюбивый проект, но, учитывая компетентность и опыт Каррузеров, ясно, что он стоит того небольшого риска, на который шел банк, предоставляя им кредит. Катриона уже почти убедилась, что может рекомендовать банку предоставить заем.

Завершив осмотр усадьбы, они остановились около окаймлявшего участок ручья, который затем проходил под мостом и устремлялся дальше, к озеру. Позади дома вздымался крутой склон холма, и ручей за долгие годы выдолбил в нем глубокое ложе, по обе стороны которого выстроились стройные серебристые березы. В противоположной стороне, за озером, виднелись Мойдартские горы, которые, казалось, выросли прямо из водной глади. Их покрытые вереском подножия резко переходили в захватывающе прекрасные, суровые остроконечные пики.

— Этот вид будет открываться из бара и ресторана. Правда же, он восхитительно красив? — вздохнула Сью Каррузерс, обращая лицо навстречу резкому холодному ветру, заставившему их всех спрятать руки в карманы пальто.

— Красота этих мест заставляет воспринимать причастность к ним как награду, как привилегию, — согласился ее муж. — Мне уже не терпится начать поскорее.

— Когда вы рассчитываете переехать? — спросила Катриона.

— Как только у детей в школе начнутся каникулы, — ответил Ник. — В любом случае мы должны будем скоро освободить наш дом в Кенте, так что как-нибудь устроимся в коттедже, пока будет строиться ресторан. Это — в первую очередь, потому что к началу июня мы должны открыться.

— О, конечно! — воскликнула Катриона. — К тому времени все дороги, и большие и малые, уже будут запружены караванами туристов.

...Брюс Финли медленно двинул вперед свой «ауди», одновременно включив электронный механизм, управляющий воротами его дома, расположенного в южной части Эдинбурга.

— Проклятье! — выругался он, заметив серебристо-серый «вольво», загородивший въезд в гараж.

Этот автомобиль принадлежал одной из приятельниц его жены по гольф-клубу, той самой, что особенно сильно действовала Брюсу на нервы и которую он терпеть не мог из-за ее пристрастия к джину. А он-то предвкушал, как мирно проведет вечер, задрав ноги перед телевизором...

— Это ты, Брюс? — раздался сверху голос его жены. — Не сердись из-за машины Элизабет. Ты поставишь свою в гараж позже, хорошо?

Улыбающееся, бодрое женское лицо с заблестевшими под воздействием алкоголя голубыми глазами показалось над сосновыми перилами балкона. Фелисити Финли была типичным продуктом английской женской школы для высшего класса — светло-каштановые волосы, подтянутая фигура и бьющая через край жизнерадостность. Приближаясь к сорока годам, она тем не менее предпочитала юбкам и блузкам брюки и простые свитера, надевая к ним золотые цепочки и серьги.

— Поднимайся скорее, выпьешь с нами, — пригласила она мужа.

Брюс скривился. Фелисити знала, что он плохо переносит общество Элизабет. Подхватив портфель, он неохотно поплелся в дом. В холле Брюс снял плащ и сердито швырнул его на стул, затем начал медленно подниматься по лестнице, хотя гораздо охотнее укрылся бы в своем кабинете на первом этаже.

— Давно она торчит здесь? — прошептал Брюс, коснувшись губами щеки жены. — И долго ли еще намерена оставаться? — добавил он, прикладываясь к другой щеке.

— Мы собираемся начать новую благотворительную кампанию, — сообщила она ему, проигнорировав его вопросы, и вместо ответа схватила за руку и буквально втащила в гостиную.

Оказавшись в поле зрения нежеланной гостьи, Брюс принудил себя улыбнуться:

— Рад вас видеть, Элизабет. Как поживаете?

— Прекрасно, как никогда! — объявила гостья, худощавая, громкоголосая дама лет пятидесяти с коротко стриженными седыми волосами и длинным носом.

Элизабет Николсон, вдова известного в свое время юриста, была президентом Мюррейфилдского гольф-клуба и по совместительству страстной сплетницей. Демонстративно приподняв свой бокал, она одним глотком осушила его.

— Еще? — лаконично осведомился Брюс. — Джин с тоником, если не ошибаюсь?

— Разумеется, — кивнула Элизабет. — Спасибо.

— Фелисити? — подняв бровь, Брюс вопросительно взглянул на жену. — Тебе то же самое?

Фелисити протянула мужу пустой бокал.

— Да, пожалуйста.

— Хорошо. — Брюс направился в сторону расположенного в углу комнаты бара. — Какого рода благотворительность сегодня на повестке дня? — спросил он через плечо.

Фелисити, подобрав под себя ноги, удобно устроилась в углу огромной обитой ситцем софы. Дом Финли, старинная викторианская вилла, наряду с другими похожими, но не идентичными домами, размещался на садовом участке площадью в пол-акра и был комфортабельно обставлен соответствующей его стилю антикварной мебелью. Убранство комнат, традиционные занавески и обивка мебели в цветочек прекрасно гармонировали с лепниной и изящными пропорциями помещений.

— Это будет приют для детей, которые нуждаются в помощи. Элизабет организовала комитет, который займется сбором средств за счет проведения спортивных мероприятий, и любезно предложила мне присоединиться. — Фелисити радостно усмехнулась, глядя на приятельницу. — Наша команда будет называться «Веселые клюшки»!

Из того угла, где находился бар, донеслось шипение открываемой бутылки с тоником, но никаких признаков смеха. Брюсу явно не хватало чувства юмора.

— Мне кажется, если ты вступишь еще в один комитет, Флик, тебе просто не хватит времени, чтобы самой заниматься спортом.

Фелисити страстно увлекалась теннисом, бадминтоном и гольфом, и редкий ее день проходил без занятий тем или иным видом спорта. Когда друзья восторгались ее потрясающей активностью, Фелисити обычно отвечала, что должна же она чем-то заниматься, чтобы не оставаться целый день наедине с бутылкой джина.

Элизабет недовольно покосилась на спину Брюса.

— Это всего лишь на год, и поскольку мы будем зарабатывать деньги спортом, она сможет участвовать во всех соревнованиях.

Брюс возвратился и оделил их напитками.

— Прошу прощения, Элизабет, если кажусь вам человеком, отравляющим другим удовольствие, но Флик и без того уже состоит в комитете по устройству благотворительного бала, в двух школьных советах, а недавно стала еще и президентом своего теннисного клуба. Разве этого недостаточно?

Элизабет, крепко обхватив пальцами бокал, насмешливо приподняла брови.

— Кажется, я почуяла мужчину, который озабочен тем, что его рубашки не будут выглажены и обед вовремя не окажется на столе?

— Брюс считает, что благотворительность должна начинаться с дома, — ровным тоном вставила Фелисити. — Разумеется, его собственное участие в спортивных комитетах и обществе любителей искусств в счет не идет.

Брюс отпил первый глоток джина и скривился.

— На самом деле я больше беспокоюсь о детях, — сказал он. — Кстати, где они?

— У Айоны тренировка, а Гас пошел к скаутам. Они пришли из школы, вдвоем до крошки слопали целый пирог и снова умчались. — Фелисити улыбнулась мужу. — Так что мы с тобой, дорогой, можем провести приятный вечер наедине.

Брюс метнул в сторону Элизабет взгляд, красноречиво говорящий: «Да, если бы не было ее!» — и счел за лучшее переменить тему.

— Вы знаете, Элизабет, на днях я едва не купил новую картину для этой комнаты, — начал он. — Интересно, что бы вы о ней сказали?

— Почему? Это что, была обнаженная натура или что-то в этом роде? — уточнила их невозмутимая гостья.

— В общем-то, да. Работа Дж. Д. Фергюсона. Я подумал, что она неплохо бы смотрелась здесь над камином. — Он показал на стене место, где сейчас висел обычный пейзаж. — Это было на аукционе у «Вентворс», но я не стал участвовать в торгах.

— Почему же?

Брюс пожал плечами.

— Просто не стал, и все. Поберег наши денежки.

— Скажи Элизабет правду, Брюс, — весело воскликнула его жена. — Ты подумал о том, что Айона будет хихикать, а у Гаса и его приятелей всякий раз, когда они на нее глянут, будет случаться эрекция. Давай признавайся!

Раскатистый хохот Элизабет еще раз убедил Брюса в том, что не зря он ее терпеть не может. Эта респектабельная вдова на самом деле не более чем грубая и вульгарная баба.

— Я всего лишь подумал о том, что мне не хочется, чтобы они чувствовали себя неловко в своем собственном доме, — пожал плечами Брюс, сделав очередной глоток.

— Отсутствие ню — лучшая ню, — зашла в очередном приступе веселья Элизабет, переглядываясь с Фелисити.

— Может быть, вы считаете, что я все-таки должен был ее повесить и потом проклинать себя? — Брюс сдерживал себя из последних сил.

— Тогда Гас мог бы каждый раз брать с приятелей по пятьдесят пенсов за просмотр в пользу нашего нового фонда, — захихикала Фелисити.

По мнению Брюса, она уже перебрала, что довольно часто случалось с ней в обществе Элизабет.

— У меня немного болит голова, — вдруг сказал он, поставив на стол свой наполовину полный стакан. — Пожалуй, пойду-ка приму ванну. — Он кисло улыбнулся Элизабет: — Вы

ведь извините меня, Элизабет?

— О, дорогой! — выкрикнула та, чувствуя, что уже плохо соображает, и пытаюсь собраться с мыслями. — Головная боль. Какой стыд. Как раз когда вы с Флик собрались провести приятную ночь.

Брюс проигнорировал эту остроту.

— Если вам понадобится, в баре есть еще джин, — не преминул уколоть он, направляясь к дверям. — Эту бутылку вы уже почти прикончили.

Сидя перед зеркалом, Линда Мелвилл стерла с лица остатки макияжа и, натянув кожу на висках, всмотрелась в свое отражение. Еще несколько лет, и тебе придется делать пластическую операцию, моя девочка, мрачно подумала она. Подбородок начал обвисать, кое-где наметились морщинки, а глаза! Как у китайского мандарина. Это всегда было проблемой: удлинённые глаза в сочетании с прямыми черными волосами придавали ее облику что-то восточное. Но нельзя же носить модели Диора, если ты выглядишь как жертва культурной революции!

Какой восхитительный вояж по парижским салонам она только что совершила! Одобрительный шепот, когда она облачалась в модели Карла Лагерфельда, действовал на нее как понюшка кокаина. Даже сам великий кутюрье выразил ей свое восхищение. Это вернуло ее назад в те времена, когда ей было восемнадцать и она выиграла конкурс на звание «Модель года». Наградой было место в крупном лондонском доме моделей, что позволило ей вырваться из опостылевшего, отчаянно скучного родительского дома в Эйрдри, где ее отец работал водопроводчиком. Пять лет спустя, на пике своей карьеры, она встретила Хэмиша, который как раз потерял жену и приобрел Пикассо. Нелегко было заставить его жениться второй раз, но Линда считала, что, родив сына, которого он страстно желал, наладив и помогая вертеться колесам его светской машины, стала ему хорошей женой. Но теперь ей уже тридцать шесть. Тридцать шесть!

Поднявшись, она провела руками по гладкому шелку пеньюара, ощупывая свое тело. Оно было по-прежнему твердым, но Линда знала, что на груди и бедрах кожа уже стала обвисать. К счастью, Хэмиш слишком поглощен своим бизнесом, чтобы замечать ее морщинки. Благодарение Богу, обычно он вообще бывает настолько рассеян, что не обращает внимания на то, что касается его жены.

— Забыла сказать тебе, Хэмиш, я дала согласие «Интродакшнз», — крикнула она через открытые двери своей гардеробной.

Их личные покои располагались вокруг огромной белой ванной комнаты с овальной ванной на мраморных опорах. Три двери вели из нее в отдельные гардеробные каждого из супругов и общую спальню с огромной, застеленной стеганым покрывалом кроватью, французскими обоями ручной работы и толстым кремовым ковром.

Хэмиш заглянул в дверь.

— Что ты говоришь? — переспросил он.

Он был в запахнутом вокруг талии красно-золотом индийском саронге, открывавшем верхнюю часть крепкой белой, без видимых следов увядания груди. Его рыжеватокаштановые густые волосы, в которых едва начала пробиваться седина, были еще влажными после ванны. Он выглядел ухоженным, хорошо сохранившимся и довольным жизнью.

— «Интродакшнз» хочет посвятить нам целый разворот. Они приедут сюда, нащелкают кучу снимков, а потом красочно распишут, как хорошо мы живем. Это бесценная реклама. —

Линда начала резкими движениями расчесывать челку.

Хэмиш недовольно засопел.

— Это явное и грубое вторжение в частную жизнь, — сердито заявил он. От его хорошего настроения мгновенно не осталось и следа. — Нам совершенно ни к чему в это впутываться.

— Мне казалось, что это пойдет нам на пользу, укрепит наш имидж. Ты же знаешь, как они это представляют: совершенная гармония красоты и бизнеса. Неужели тебе не хочется похвастать нашей восхитительной семейной жизнью?

— Нет, не хочется. И я не намерен терпеть, чтобы мы с идиотским видом позировали тут перед каким-то проклятым фотографом. Если ты считаешь, что это необходимо, делай, как знаешь.

Хэмиш ретировался в ванную комнату и взял зубную щетку.

Линда, надувшись, последовала за ним.

— Тебе не кажется забавным, если люди будут читать о нашем безоблачно счастливом браке при подозрительном отсутствии на фотографиях одного из супругов? — поинтересовалась она.

— Значит, просто откажи им, Христа ради! Уж наверно, они могут заменить нас кем-нибудь из второстепенных членов королевской фамилии или восходящей кинозвездой? — Он начал энергично чистить зубы, временно потеряв возможность говорить.

— И все-таки я думаю, что это было бы забавно. Я чертовски много работала, чтобы сделать этот дом фотогеничным, и было бы приятно иметь несколько хороших его снимков.

Последовала напряженная пауза, во время которой Хэмиш продолжал чистить зубы, а Линда, изогнувшись, прислонилась к двери, раздумывая, следует ли ей попытаться так или иначе уговорить Хэмиша или отступить. Потом она поняла, что самой ей не нужно ничего делать. Его убедит Квинни, решила она. На следующий вечер они были приглашены на обед к лорду и леди Невис, и даже такая искусенная светская дама и аристократка, как царственная леди Невис, со своим дворцом, знаменитыми коллекциями антикварной мебели и старинного фарфора, обширным собранием произведений искусства Франции и Шотландии, не могла бы устоять перед возможностью появиться на страницах «Интродакшнз»!

Рано утром в субботу Катриона в панике позвонила Элисон. Накануне она была настолько поглощена делами Каррузерсов, что только поздно вечером, вернувшись домой из Глендорана, вспомнила о предстоящем ей очень важном светском мероприятии.

— Ты должна помочь мне, Элли, — умоляющим тоном начала она. — Что мне надеть сегодня вечером на обед к Невисам? У меня нет ничего подходящего.

— Перестань, Кэт, — проговорила Элисон, дожевывая утренний тост. — Как насчет того симпатичного платьица, в котором ты была на последней вечеринке у Дональда?

— Но оно же в стиле диско! — ужаснулась Катриона. — Я не могу прийти на вечерний прием в облегающем ярко-красном мини-платье, Элли, особенно на ЭТОТ прием! Мне необходимо что-нибудь умопомрачительно элегантное!

— О Господи... Теперь поняла. Там будут Хэмиш и Линда. — В голосе Элисон появился арктический холод. — Если ты помышляешь о том, чтобы вступить в соревнование с Линдой, то это либо должна быть модель от Версайка, либо... либо тебе лучше внезапно заболеть.

— Нет уж, я не собираюсь сдаваться, — с вызовом заявила Катриона. — Где в Эдинбурге я могу найти Версайка?

— Нигде, — лаконично объяснила ее подруга.

— Элли, помоги мне, — взмолилась Катриона. — Не обращай со мной как с безнадежным должником, прошу тебя!

Элисон немного смягчилась.

— Ну, ладно. Но это противоречит всем моим принципам.

— Мне не нужны принципы! Мне нужно что-нибудь первоклассное!

— У меня очень хорошие принципы. Я им многим обязана! — фыркнула Элисон.

— Да, я знаю, но сейчас дело не в этом. Ты не идешь на этот обед — так не могла бы ты позаимствовать мне что-нибудь из своих вещей? Ты говорила, что прошлой осенью в Лондоне купила какой-то фантастический туалет.

— Да, пожалуй, я могла бы одолжить тебе мою Кэролайн Чарльз. Оно жутко шикарное, но короткое.

— Что плохого в том, что короткое? В конце концов, ноги мое сильное место. Могу я прийти к тебе и примерить его?

— Да, только боюсь, оно будет тебе велико. Разве что адюльтер вдруг сделал тебя пышной и упитанной.

— Едва ли. Кстати, можно ли участвовать в адюльтере, не будучи замужем?

— Не знаю. Тебе еще предстоит пройти эту школу и все выяснить.

— Ох, Элли. Слава Богу, ты хоть начала шутить на эту тему. А я уж испугалась, что ты потеряла чувство юмора.

— Ладно, давай-ка побыстрее мчись сюда. Сегодня приезжает моя свекровь, и у меня еще куча работы по дому.

— Сейчас буду!

За великолепным столом, равного которому Катрионе еще не доводилось видеть, сидело человек двадцать. Стол с инкрустированной мозаикой из цветной древесины и

позолоченной витиеватой резьбой был старинной итальянской работы и вполне соответствовал общему флорентийскому убранству резиденции Невисов, которую так и хотелось назвать «палаццо», а не просто «дворец». Фасад украшали каменные античные урны и лавровые венки, а внутри царило великолепие пышных драпировок: изумрудно-зеленых, алых, золотых, соперничавших друг с другом богатством и разнообразием оттенков.

На гигантском бюро красного дерева была выставлена коллекция северского фарфора. Позолоченные блюда, вазы, тарелки, украшенные изящными картинками на мифологические сюжеты, демонстрировали чистоту розового, голубого и зеленого цветов, которыми славится знаменитая французская фабрика.

Три серебряных канделябра оттеняли сверкающее великолепие столовых приборов и хрусталя. Вместо скатерти, которая лишила бы гостей возможности любоваться красотой инкрустированной поверхности, возле каждого места лежал серебряный подносик ручной работы, — еще один шедевр флорентийских мастеров. По той же причине — чтобы не заслонять мозаику — середина стола не была украшена цветами, но пышные гирлянды плюща, в который были вплетены лилии, свисали со светильников.

Леди Рене Невис, или Квинни, как ее прозвали друзья с намеком на значение ее французского имени, вот уже тридцать лет из пятидесяти пяти оттачивала свое умение принимать гостей. Ее частые приемы славились элегантностью и оригинальностью.

Катриона явилась, чувствуя себя немного скованно в чужом наряде. Короткое черное платье Элисон было сшито из нескольких слоев шелкового шифона, которые взлетали, кружились, шелестели и переливались, чудесно оттеняя ее пламенные волосы, стройную фигуру и длинные ноги, но в то же время оно контрастировало с более сдержанными туалетами других дам, за исключением Линды Мелвилл.

Катриона знала, что увидит Мелвиллов, но первое ее потрясение за этот вечер было связано с самим Хэмишем. Облаченный в черный вечерний костюм, причесанный волосок к волоску, он стоял у входа в гостиную, беседуя с леди Невис и постреливая вокруг острыми голубыми глазами. Хозяйка представила ему Катриону, как будто они не были знакомы.

Увидев смущение девушки, Хэмиш взял ее за руку и немедленно просветил леди Невис.

— Должен признаться, Квинни, что Катриона и я уже встречались как-то на днях на вернисаже у Вентворта, но, увидев ее в столь ослепительном туалете, я просто растерялся. Мы должны поблагодарить вас за возможность полюбоваться ею сегодня.

Леди Невис откинула назад безукоризненно причесанную голову и рассмеялась:

— Никогда не устаю выслушивать красивые фразы из опытных уст, — сказала она, тепло улыбаясь Катрионе. — Заметьте, одним движением своего шелкового языка Хэмиш ухитрился польстить нам обеим. Он просто неисправим.

— Как ты думаешь, это она намекает на нас с тобой? — шепнул Хэмиш Катрионе, когда леди Невис отошла в сторону, чтобы приветствовать очередного гостя.

И, не дав Катрионе опомниться, он подхватил ее под локоть и повел в противоположный конец гостиной.

— Я хочу сам представить тебя Линде, прежде чем это сделает кто-нибудь другой, — огорошил он девушку.

Женщина, к которой он подвел Катриону, безусловно, была самой эффектной из всех присутствующих дам — высокая, тонкая, грациозная брюнетка с упрямым подбородком, личиком в форме сердечка и фигурой балерины. Она была в обманчиво простом декольтированном вечернем платье без рукавов с облегающим, сплошь расшитым

драгоценными камнями и бисером лифом из тафты и длинной юбкой из черного полупрозрачного шифона. Издали казалось, будто стройная женская фигура вырастает из воздушного темного облака. Ее кожа как будто светилась изнутри, как драгоценная раковина, в ушах и на шее сверкали бриллианты. Линда Мелвилл, угрюмо подумала Катриона, это вторая Одри Хэпберн, причем без малейшего налета вульгарности.

— Линда, с удовольствием представляю тебе Катриону Стюарт. Она — одна из наших банковских управляющих, сравнительно недавно получившая эту должность. Катриона, это моя жена, Линда.

Хэмиш с такой равнодушной улыбкой взирал на обеих, как будто ему никогда не приходилось доводить ни одну из них до оргазма.

Катриона без излишней горячности пожала Линде руку, подумав при этом: «Имея такую жену, он начал ухаживать за мной?»

Линда посмотрела на Катриону и подумала: «Это, должно быть, та самая, о которой без умолку твердит Брюс».

Бесспорно, эти двое были самыми красивыми из присутствующих здесь женщин. От этой мысли на лице наблюдавшего за ними Хэмиша появилось выражение самодовольства и превосходства, но ни одна из его дам этого не заметила.

Из дальнего конца комнаты за церемонией представления с интересом следил Брюс Финли, размышляя: «Вот две птички совершенно разной породы, обе яркие, заметные, но порхающие в абсолютно различных сферах. Даже необыкновенный Хэмиш рядом с ними выглядит почти скучным, точнее, правильнее было бы сказать — чопорным, напыщенным». Брюс нахмурился. С чего бы это Хэмишу так пыжиться от удовольствия?

— Я догадалась, что вы с острова Скай, — доверительно сообщила Катрионе Линда. — Уверена, что вы знаете все шотландские деревенские танцы. Вы должны прийти на мой благотворительный бал. — Из ее тона не было ясно, подчеркивает ли она принадлежность или характер бала.

Катриона недоумевала, откуда у Линды такая осведомленность. Вряд ли Хэмиш обсуждал свою любовницу с собственной женой.

— Боюсь, что я не очень-то разбираюсь в сельских танцах, — возразила она.

— Неужели? Но ведь вы наверняка бывали на ежегодных балах в Портри, где танцуют все эти прелестные танцы с такими диковинными названиями — Веретено, Плуг, Мельница. Я считала, что вы, деревенские девушки, едва выскочив из колыбели, уже владеете этим искусством. — Линда казалась очень расстроенной тем, что Катриона отказалась вписываться в воображаемый стереотип. — Всегда очень полезно, чтобы на балу оказалось несколько симпатичных девушек, которые хорошо танцуют. Тогда остальные могут хотя бы наблюдать за ними, если не умеют танцевать сами.

— Да, наверно, — улыбнулась Катриона, — но не думаю, что я могу вам чем-нибудь помочь. Я никогда не бывала на таких балах у себя на острове. Мы просто собирались и плясали и прыгали под музыку диско, кто как может.

— Какая жалость, — вздохнула Линда, передернув плечами. — Мне кажется ужасным, что все эти прелестные деревенские обычаи вымирают.

— Что ж, к счастью, вы успешно пытаетесь сохранить их в городах, — заключила Катриона, поворачивая голову, чтобы взглянуть на ирландца-дворецкого, и не заметив поэтому раздражения, появившегося на лице Линды.

За столом Хэмиша усадили между Катрионой и леди Невис, справа от Катрионы был

Брюс Финли, а рядом с ним — Линда. На противоположном конце стола слева от лорда Невиса сидела Фелисити Финли, а справа — остроумная и обаятельная художница-модельер Фенелла Друммонд-Эллиот, прибывшая со своим новым мужем Тэлли Маклином, высоким красавцем, похожим на Мела Гибсона, что не мешало ему, как проинформировала Катриону леди Невис, быть владельцем «красивейшего отеля Шотландии».

— Вы обязательно должны побывать там, моя дорогая. Вам там понравится!

— Какой у вас красивый дом, — через Хэмиша обратилась к хозяйке Катриона, пока дворецкий разливал полагавшийся к консоме сухой шерри. — А этот стол — вообще нечто исключительное.

— Да, довольно необычная вещь, не так ли? — подтвердила польщенная леди Невис. — Поверите ли, я купила его в Лукке, на обычной распродаже, когда путешествовала по Тоскане. Это было сто лет назад — в шестидесятых годах, когда такие вещи там продавали за бесценок. По-моему, перевозка сюда обошлась мне гораздо дороже, чем сам стол.

— Похоже, он в безупречном состоянии, — заметил Хэмиш.

— Да. Во всяком случае, в лучшем, чем его хозяйка! — рассмеялась леди Невис и, наклонившись к Хэмишу, вполголоса поинтересовалась: — Как вы относитесь к тому, что один из ваших банковских менеджеров рассуждает как Адам Смит, а выглядит как Клаудиа Шиффер?

— Я пытаюсь привыкнуть к этой мысли, — не задумываясь, ответил тот. — К сожалению, я еще не удостоивался ее личного внимания, как банкира.

— Однако, я надеюсь, вы не рассчитываете удостоиться ее личного внимания ВНЕ банка? — с лукавым видом воскликнула его собеседница. Квинни Невис обожала скандалы и сплетни ничуть не меньше, чем старинный фарфор. — Имея такую ослепительную жену, вам нет нужды искать развлечений на стороне!

Катриона почувствовала, что покрывается холодным потом. Элли права: если она намерена и дальше играть в эти игры, ей следует пройти курс обучения в школе адюльтера.

— Моя жена, может быть, и ослепительна, Квинни, но, если Катриона умеет управлять деньгами, то Линда заслуживает докторской степени в умении их тратить, — сухо отозвался Хэмиш, бросив на жену многозначительный взгляд. — Полагаю, ей следовало бы завещать свой гардероб Национальному музею костюма. Уверен, что лет через двадцать им пришлось бы отвести ей целую галерею.

— Мне кажется, мужчины не должны делать саркастические замечания в адрес своих жен в их присутствии. А вы как считаете, Брюс? — ясным, звонким голосом произнесла Линда Мелвилл. — Это подрывает взаимное доверие.

— По-моему, Хэмиш не столько намеревался подорвать ваше доверие, сколько старался поддержать Катриону, — предположил Брюс, ехидно глядя на свою соседку.

— Которая, на мой взгляд, совершенно в этом не нуждается. — Четкая дикция Линды свидетельствовала, что она не напрасно посещала курсы развития речи после того, как выиграла конкурс красоты.

С противоположной стороны стола Фелисити Финли заинтересованно наблюдала за своим мужем. Сидя между двумя такими красавицами, Брюс должен быть чертовски доволен, думала она. С самого начала своего знакомства с Катрионой Стюарт Фелисити не переставала делать различные предположения о последствиях ее назначения в банк. Катриона была таким живым, ярким созданием и среди своих коллег в серых пиджаках выглядела, как жемчужина на булыжной мостовой. Какие волны вызовет она на поверхности

пруда, именуемого Брюс Финли?

Появление дворецкого и двух его помощниц-официанток, которые принесли вторую перемену, на некоторое время сделало продолжение разговора невозможным.

— Линда уверяет, что вам удастся уговорить меня дать согласие «Интродакшнз», — обратился Хэмиш к леди Невис, когда они взяли вилки для рыбы. — Я ни на мгновение в это не поверил, но...

— Почему нет? — запальчиво воскликнула хозяйка дома. — Это такие милые люди! Они никогда не позволили себе написать о ком-нибудь гадость, а фотографии, которые они делают, просто бесподобны. На их снимках наш дом смотрелся просто как дворец.

— Моя дорогая Квинни, но ваш дом и ЕСТЬ дворец, — с ударением произнес Хэмиш. — Я удивляюсь лишь, что в этом случае вы не превратили его в крепость, окружив рвом и повесив подъемный мост.

Некоторое время, пережевывая кусочек форели, леди Невис обдумывала его замечание.

— Наверно, это все-таки была гордыня, — наконец призналась она. — Греховная гордыня. Мне просто льстила мысль, что они считают мой непритязательный дом и его довольно скучных обитателей интересными.

Хэмиш окинул взором роскошный стол леди Невис, ее великолепную позолоченую посуду, посмотрел на старинное аметистовое кольцо, украшавшее ее длинную аристократическую шею, на ее гордый патрицианский профиль и, безнадежно покачав головой, повернулся к Катрионе, надеясь вовлечь ее в беседу.

— А вы как считаете, Катриона? Скучный? Непритязательный?

Катриона, улыбаясь, покачала головой.

— Я бы сказала — невероятный, фантастический.

— Вот так-то, Квинни. Мы сошлись на том, что вы неповторимы, исключительны. А стало быть, мне нечего надеяться превзойти вас, поэтому я не могу появляться на страницах «Интродакшнз».

— Не можете или не будете? — не удержалась от колкости Катриона и в следующее мгновение едва не вскрикнула, почувствовав, как рука Хэмиша коснулась ее бедра и, сминая шифон, скользнула под юбку. Это был не только ответ на ее выпад, но и сексуальный намек, жест собственника, утверждающего свое мужское превосходство и доминирование. Катриона была ошеломлена — такого она никак не ожидала.

— О Хэмиш, иногда вы бываете так сладкоречивы, но порой превращаетесь в неуклюжего простака, — снисходительно вздохнула Квинни, не заметившая того, что проделывал ее сосед под прикрытием стола.

Катрионе даже не удалось бросить на Хэмиша негодующий взгляд, поскольку, едва она успела одернуть юбку, к ней повернулся Брюс:

— Не хотелось бы говорить здесь о делах, но все-таки, как ваши дела с Каррузерсами?

Выбросив из головы выходку Хэмиша, Катриона начала рассказывать Брюсу о проекте придорожного ресторанного комплекса и о том, что склоняется к тому, чтобы предоставить Каррузерсам кредит.

— Проект представляется вполне перспективным. Каррузерсы опытные рестораторы и будут получать хороший доход, особенно в летние месяцы.

— Но вы уверены в том, что это достаточно престижное предприятие? — настаивал Брюс. — «Стьюартс» не желает иметь дело ни с чем низкопробным. Где находится этот участок?

— В Глендоране, на Мэллайнской дороге. Вы знаете, где это?

У Брюса в этот момент был занят рот, но он утвердительно кивнул. Однако, прежде чем он успел заговорить, его опередила леди Невис.

— Мне показалось или вы упомянули Глендоран, моя дорогая? — поинтересовалась она со своего конца стола.

— Глендоран — фамильное поместье лорда Невиса, — пояснил Хэмиш. — Видимо, ваши клиенты покупают свою собственность у графа Лохабера?

— Вынуждена признать, что я не настолько глубоко вникла в это дело, — растерялась Катриона.

— Лохабер — мой свекор, — объяснила леди Невис.

— Конечно, я знаю это, — уверила ее Катриона. — Но мне не было известно, что его владения находятся в этой части страны. Хотя следовало бы догадаться — в конце концов, гора Бен-Невис тоже неподалеку, не так ли? Надо было просто сложить два и два.

— Я считаю своим долгом предупредить вас на случай, если придется иметь дело с моим свекром, — он не большой поклонник «Стьюартса», — продолжала леди Невис. — Он полагает, что владение землей налагает определенные обязанности, нечто вроде священного долга короля, и что Джорджу следовало направить свои таланты на управление поместьем, а не растрачивать их попусту в каком-то банке.

— Но ведь он наверняка понимает, что деньги, которые Джордж заработает в банке, в конечном счете будут вложены в поместье? — констатировал Хэмиш. — Законы рынка диктуют: делай деньги там, где можешь, и вкладывай туда, куда захочешь.

Леди Невис звонко рассмеялась:

— Я не уверена, что мой свекор верит в законы рынка. Он немного социалист, и националист, и вообще большой чудак.

— Нарисованный вами образ настолько не соответствует нашим представлениям о крупных аристократах! — изумился Хэмиш.

— Вот именно. Боюсь, что бедный Джордж страдает из-за отца, — без особого сожаления сказала леди Невис. — Они похожи на пару быков, которым тесно на одном пастбище. Их надо держать подальше друг от друга, иначе они сцепятся. Вот почему мы очень редко ездим в Глендоран. Мальчики довольно часто навещают деда, но мы стараемся этого избегать.

— Мальчики? — переспросил Хэмиш. — Ах, да, у вас же двое сыновей, я не ошибся, Квинни?

— Хотя нельзя сказать, что я их часто вижу, — согласилась она. — Один работает в Лондоне, а второй порхает то тут, то там как умственно, так и физически. Кошка, которая гуляет сама по себе.

Катриона потихоньку обратилась к Брюсу:

— Как вы думаете, может быть, не следует предоставлять кредит Каррузерсам?

Но внимание Брюса было сосредоточено да Линде, потчевавшей его забавными историями, привезенными из французских салонов.

— Похоже, лучше тебе быть поосторожней с этим старым графом, — прошептал Хэмиш, в отличие от Брюса расслышавший слова Катрионы.

— Почему? Ты что, думаешь, он тоже будет лапать меня под столом? — так же тихо упрекнула Катриона, получив в ответ быструю улыбку, в которой, однако, не было и тени раскаяния.

Тем временем леди Невис продолжала повествование о своем свекре.

— Да, он и в самом деле смешной старый чудак. Ходит в ужасном древнем комбинезоне, как какой-нибудь тракторист. К тому же занимается резьбой по дереву. Самоучка, конечно, как вы понимаете. Он всегда жалуется на то, что в Итоне их не научили чему-нибудь полезному, вроде плотницкого ремесла.

Катриона, заинтригованная историей о графе-плотнике, поинтересовалась:

— А какого рода вещи он делает?

— О, все, что угодно: ложки, стулья, табуретки, маленькие столики — словом, все, что обычно продается в деревенских лавках. Некоторые из этих вещей очень милы. Он использует только упавшие деревья из своего поместья. Говорит, что они разговаривают с ним и сами объясняют, что из них сделать.

Обед шел своим чередом. За главным блюдом — олениной в сливовом соусе — последовал десерт: фруктовый мусс с легкими, как пух, вафлями, поданный в стаканах венецианского стекла. На протяжении всей трапезы в вине не было недостатка, и обстановка становилась все более оживленной.

— Давайте поиграем в «Откровение»! — закричала Фелисити Финли, когда на столе появились блюда с сыром и графины с портвейном. Ее щеки, достаточно розовые от природы, под воздействием вина совсем покраснелись. — Вы не возражаете, Квинни? В прошлый раз это было так забавно.

— Ну конечно же, не возражаю, дорогая, — милостиво улыбнулась леди Невис. — Если только все обещают думать, что говорят. Я не люблю этих захватывающих откровений, потому что потом не могу их вспомнить.

— Ну, вопросы, как правило, бывают еще более откровенными, чем ответы, — залилась смехом Фелисити. — Кто начнет? Вы, Джордж! — Она игриво потрепала хозяина дома по руке.

Благородные седины лорда Невиса, обычно гладко причесанные, сейчас совсем растрепались, сделав его похожим скорее на расшалившегося школьника, нежели на уважаемого банкира. Он переводил лукавый взгляд с одной женщины на другую и наконец остановился на Линде Мелвилл.

— Линда! — громко окликнул он. — Какого цвета ваши штанишки?

Катриона не верила своим ушам. Ничего подобного она никогда не представляла. Ее удивило и то, что женщины не удалились из-за стола с появлением портвейна. Не думала она, что женское равноправие проникло уже и в аристократические салоны. А теперь еще фривольные игры! Неужели и в самом деле богатые так развлекаются?..

Линда ничуть не растерялась — по-видимому, ей уже приходилось играть в эту игру и, возможно, даже отвечать на этот самый вопрос.

— А у меня вообще их нет, — без запинки ответила она, даже не порозовев.

Катриона вспомнила платье Линды, полупрозрачные волны шифона, сквозь которые так соблазнительно просвечивали очертания фигуры, и решила, что Линда, возможно, говорит правду, что делало ее ответ еще интереснее.

— Но когда она надевала их, то они были черные! — торжествующе провозгласил Брюс, вытаскивая из кармана своего вечернего костюма миниатюрный предмет женского туалета и размахивая им над головой.

Его выходка вызвала взрыв гомерического хохота. Катриона, не удержавшись, шепотом спросила у Хэмиша:

— Он что, принес это с собой?

Ей было очень интересно, как он относится к тому, что именно его жена стала объектом этой пусть невинной, но все же весьма смелой шутки.

— Если и так, то уж во всяком случае, эти трусики принадлежат не Фелисити, — холодно отозвался он, не выказывая, однако, ни малейших признаков замешательства. — Для нее они недостаточно прочные.

Развеселившаяся компания требовала продолжения игры.

— Теперь очередь Линды! — воскликнул кто-то.

Линда наигранно нахмурилась и погрозила пальцем Брюсу.

— Попозже я заберу их назад, — пообещала она. — А в отместку за это скажите нам, когда вы в последний раз покупали своей жене лифчик и какого он был размера.

— Это нечестно! — беспомощно рассмеялась Фелисити. — Нельзя задавать вопросы, которые могут внести разлад между супругами!

— Уж не намекаешь ли ты, что я не знаю ответа? — вознегодовал ее муж. — Я как сейчас помню этот день. Это было в семьдесят втором году во время нашего медового месяца. У тебя лопнул лиф купальника, его унесло волной, и ты не могла выйти из моря, пока я не сбегал и не купил новый. Размер семьдесят восемь.

По красным щекам Фелисити от смеха уже текли слезы.

— Ах ты, чудовище! — взвизгнула она. — Это же в сантиметрах!

— Ну, разумеется, я сказал неправду, — ухмыльнулся Брюс. — Но ведь так и положено по условиям игры. Ты ведь сама не хотела, дорогая, чтобы все узнали, что это был размер девяносто два?

— Какой вздор! — весело отмахнулась Фелисити. — Это был нудистский пляж. Брюс проиграл. Моя очередь.

Она начала обводить глазами сидящих за столом, намечая очередную жертву, но остальные уже потеряли интерес к игре.

Линда Мелвилл встала из-за стола и, проходя возле стула леди Невис, вполголоса извинилась:

— Прошу прощения, я на минуточку.

Еще несколько человек, в том числе Брюс, последовали ее примеру, кто-то воспользовался возможностью пересесть на освободившиеся места, чтобы поговорить с другими гостями. Образовалось несколько отдельных беседующих групп, вошедшие официантки накрывали стол для кофе. Хэмиш по приглашению леди Невис отошел с ней к столу с фарфором, чтобы полюбоваться ее новыми приобретениями. Катриона, оставшись одна, почувствовала себя довольно неуютно и поспешно пробормотала, что, пожалуй, она тоже хочет попудрить нос.

— Ради Бога, дорогая, — отозвалась леди Невис, беря Хэмиша под руку. — Это наверху, слева.

Поднявшись по лестнице и повернув налево, Катриона оказалась в коридоре, где было несколько закрытых дверей. Она наугад отворила одну из них, но сразу же поняла, что попала не в пустую ванную комнату, а в спальню, причем спальня эта была совершенно недвусмысленно занята.

На кровати, сплетаясь в тесном объятии, сидела парочка. Женщина оседлала колени мужчины, прикрыв их своими пышными темными юбками, но ритмичное покачивание и поскрипывание матраса не оставляло сомнений в том, чем они занимаются. Руки мужчины

крепко сжимали ягодицы женщины, в полумраке комнаты отчетливо виднелся ее расстегнутый сверкающий драгоценностями лиф. Мужчина зарылся лицом между грудями партнерши, а она, выгнувшись и запрокинув темноволосую голову, жадно хватала ртом воздух в предвестии приближающегося оргазма.

Катриона на мгновение оцепенела, но тут же поспешно ретировалась, успев, однако, несмотря на искаженное страстью лицо, узнать в женщине Линду Мелвилл. Что касается мужчины, ей не было нужды видеть его лицо, чтобы узнать Брюса Финли.

Катриона была ошеломлена. Когда она, осторожно приоткрыв еще две двери, обнаружила наконец ванную комнату, то несколько минут сидела там в глубоком раздумье. Ее ужаснула собственная реакция на увиденное. Сидевшая в ней девушка с острова, разумеется, была шокирована: таким наглым, откровенным, кричащим было это минутное соитие под самым носом супругов, друзей и коллег. Но, несмотря на омерзительность, идея эта показалась Катрионе в то же время щекочущей, возбуждающей, как порнографический фильм. Оказывается, где-то глубоко в ней таилась другая женщина — чувственная и похотливая, которая не могла осудить этих любовников и которая втянула Катриону в ее нынешние любовные дела.

У Катрионы голова шла кругом. Может быть, если жена Хэмиша так весело и спокойно ему изменяет, Катриона имеет право забыть о своих угрызениях совести? По тому, как вели себя любовники, было ясно, что они занимаются этим не впервые. Знает ли об этом Хэмиш? И хотел бы он знать? А Фелисити? Тоже не в курсе дела? А может быть, и у нее есть связь на стороне? Уж не заразен ли адюльтер, как грипп?

Осознав, что время идет, Катриона поспешно причесалась и подкрасила губы. Она покрутилась перед зеркалом, рассматривая в разных ракурсах свое изображение. Девушка чувствовала себя чужой, незнакомой, как будто ей стало неуютно в своей собственной коже. Теперь она уже не могла сказать, что знает себя. Шикарно одетая, элегантная, искушенная молодая женщина, которую она видела в зеркале, не имела ничего общего с невинной деревенской девушкой, десять лет назад покинувшей Скай. Но островная девочка еще жила в ней, глубоко внутри, под многими слоями циничного опыта, и своими патриархальными понятиями о верности, преданности, семейных ценностях делала жизнь Катрионы такой сложной... В этом странном мире метрополии, мире аморальности и скандалов, настоящая, целомудренная Катриона Стюарт стояла на страже.

В столовой Линда Мелвилл, выглядевшая ничуть не менее свежей, опрятной и подтянутой, чем в начале вечера, уже сидела за столом. Лиф был тщательно застегнут, прическа безукоризненна, и только глаза после недавнего возбуждения блестели сильнее обычного. Никто бы не мог предположить, что всего несколько минут назад эта женщина неистово занималась любовью, с невольным угрюмым восхищением подумала Катриона. С чувством, похожим на страх, Катриона в ответ на приглашающий жест Линды уселась возле нее.

— Садитесь и выпейте со мной чашечку кофе, — с томной кошачьей улыбкой промурлыкала Линда. — Я умираю от желания узнать, как вы стали банкиром. Вы, должно быть, невероятно умны!

— Я думаю, это скорее дело случая: оказаться в нужный момент в нужном месте, — ответила Катриона, вдруг безумно испугавшись того, что десять минут назад вторглась в чужую жизнь. А ведь Линда тоже могла ее увидеть. Впрочем, успокоила себя Катриона, Линда была не в том состоянии, чтобы воспринимать что-либо, кроме своих сексуальных

ощущений.

— Не может быть, что дело только в этом, — возразила Линда, наливая Катрионе кофе.

В этот момент в комнату фланирующей походкой вошел Брюс, подойдя к ним, слегка улыбнулся своей любовнице, взял со стола графин с портвейном и направился в другой конец столовой, где подсел к хозяину дома. Он тоже выглядел невозмутимо-спокойным, без малейших следов беспорядка в одежде: ни сбившегося набок галстука, ни расстегнутой заправки.

— У вас, наверно, большие способности к математике, — продолжала Линда. — А вот обо мне Хэмиш говорит, что единственные цифры, которые я в состоянии запомнить, это номера моделей.

— Что ж, вы и сами выглядите как модель, — попробовала сделать комплимент Катриона.

— Вы так считаете? Как это мило, — Линда выглядела довольной. — Уверю вас, моя фигура видала лучшие дни. Конечно, с возрастом приходится прилагать все больше усилий, чтобы выглядеть на уровне...

— Вы и сейчас выступаете на показах мод?

— Только изредка — на благотворительных мероприятиях. Все-таки вы должны позволить мне послать вам приглашение. Если не хотите показывать сельские танцы, так по крайней мере посмотрите последние моды. Я вижу, вы и сами этим увлекаетесь. — Она пощупала платье Катрионы. — Кэролайн Чарльз, если не ошибаюсь? У нее очень приличные модели.

Исключительно из упрямства Катриона решила сказать правду:

— В самом деле? Боюсь, что я в этом ничего не понимаю. Это платье я одолжила у подруги.

Линда недоверчиво приподняла брови.

— Вот как? Какая у вас добрая подруга. Я свою одежду никому не одалживаю.

— Честно говоря, вашу я бы и не осмелилась надеть, — с улыбкой проговорила Катриона, показывая на усыпанный драгоценностями лиф. — Слишком большая ответственность, если судить по этому туалету.

— О, одежда, выполненная настоящими кутюрье, гораздо крепче, чем кажется на первый взгляд, — отозвалась Линда. — Она чертовски хорошо сделана. Просто изумительно, какую свободу движений она предоставляет. Люди могут обмануть вас, но кутюрье — никогда.

Глаза Катрионы расширились, встретившись с вызывающим взглядом Линды. Она видела меня, подумала девушка, поспешно отхлебнув большой глоток кофе. И это ее беспокоит!

В этот момент позади них возник Хэмиш.

— Прошу прощения, что нарушил вашу беседу, — произнес он, — но нам пора идти, Линда.

Его жена слегка вздохнула, как будто сожалея о прерванном разговоре, но тем не менее с готовностью кивнула.

— Да, пожалуй. Вас подвезти, Катриона? Домой машину поведу я. Сегодня я была такой хорошей девочкой и почти не пила!

Не успела Катриона решить, содержится ли сарказм в последней фразе, как увидела, что Хэмиш слегка ей подмигивает. В ответ на предложение Линды она покачала головой:

— Нет, спасибо. Моя машина здесь, и я тоже следила за тем, сколько и чего пью.

— Очень благоразумно, — одобрила Линда, взметнув ворохом своих юбок. — Ничто так плохо не отражается на фигуре, как алкоголь! Посмотрите на Фелисити Финли.

— Линда! — прошипел Хэмиш. — Тише!

Не обращая на него внимания, его жена как ни в чем не бывало подплыла к этой самой Фелисити и к ее мужу и расцеловалась с ними на прощание.

Катриона искала момента, чтобы поблагодарить Хэмиша за картину, но, не успела она рта раскрыть, как он отрывисто пожелал ей спокойной ночи и отошел, чтобы распрощаться с хозяевами дома. На протяжении всего вечера единственными знаками внимания с его стороны были грубая выходка за столом в начале и подмигивание в конце.

Испытывая разочарование и опустошенность, по дороге домой Катриона увещевала себя: «Элли скажет: «Я же тебе говорила — ты для этого не создана!» И, черт побери, может быть, она права!»

На следующее утро Катриону разбудил телефонный звонок. Ей снилось, будто она снова девочка, снова на острове и, догоняя сестру, карабкается по черным мокрым камням, выступившим из-под воды во время отлива. Обе девочки хохотали, потому что их ноги то и дело соскальзывали с гладких валунов размером с огромные мячи, путались в водорослях, не давая им быстро двигаться вперед. Они знали, что уже опаздывают домой и их ждет нагоняй, но, несмотря на это, хихикали и поддразнивали друг друга, чувствуя себя по-детски счастливыми и беззаботными. Смех Марии становился все громче и пронзительнее, пока не превратился в надсадный визг телефона... И только тогда Катриона поняла, что это действительно звонит телефон, стоящий на столике рядом с ее кроватью.

— Алло, — спросонья ее голос звучал хрипло и сердито. Ее сон был таким реальным, она так радовалась, что снова дома, и чувствовала себя такой счастливой...

— Я тебя разбудил? — Это был Хэмиш. — Прошу прощения.

— Нет, все нормально. Где ты? — Катриона села на постели, стряхивая наваждение сна. В этот момент она почувствовала, что предпочитает реальность.

— В машине. Еду на виллу, нужно забрать оттуда кое-какие бумаги.

— Я не очень хорошо тебя слышу. — Катриона окончательно проснулась. Голос Хэмиша казался звучащим откуда-то издалека.

— Плохой сигнал. Сегодня во второй половине дня я вернусь в город. Ты будешь дома?

— Думаю, что да. — Ее сердце начало стучать и подпрыгивать от счастья, как это было во сне.

Она была безгранично рада тому, что он позвонил, но не очень хорошо понимала, как себя вести.

— У меня нет никаких определенных планов, — неуверенно добавила Катриона.

— Зато у меня есть, — недвусмысленно заявил он. — **ОЧЕНЬ** определенные планы. Я буду у тебя около пяти. Не одевайся.

Она была уверена, что и на расстоянии он почувствовал, как она вспыхнула.

— Тогда я просто останусь, как есть, — сказала Катриона, завертываясь в покрывало.

— М-м-м! Я бы пообещал думать о тебе, но у меня будет ленч с приятелями, и, боюсь, это может стать заметно.

— Слышимость ужасная — ты сказал, опасно?

— Домысливай сама, Иезавель. До свидания.

Шипение и треск в трубке сменились тишиной.

Катриона чувствовала себя до абсурда благодарной и счастливой. После вчерашнего вечера она вбила себе в голову, что больше он не захочет с ней встречаться, и эта мысль повергала ее в ужас. Во время обеда у Невисов он был так холоден, так отстранен, если не считать того момента, когда вдруг полез к ней под юбку, но потом и этот жест стал казаться ей скорее проявлением неуважения, даже презрения: «Я знаю, что могу получить тебя, если захочу, но я не хочу!» Теперь же ей стало легко и спокойно, как в детстве, когда кто-то погладит по голове и пообещает, что все будет хорошо.

И только позже, занимаясь скучной домашней работой, Катриона начала анализировать свои чувства. Почему она должна испытывать благодарность? Благодарность — унижающее, ограничивающее чувство. До сих пор в отношениях с другими мужчинами

она никогда не испытывала ничего похожего. Смешно быть благодарной за то, что тебя хотят. Любовь не нуждается в том, чтобы говорить «спасибо». И тем не менее, она чувствовала себя внутренне благодарной Хэмишу за то, что он готов уделить ей несколько часов своего драгоценного времени. Должно быть, это еще один отрицательный аспект связи с женатым мужчиной — Благодарность в дополнение к Угрызениям совести. Большое Б в сочетании с большим У.

Когда он приехал, Катриона с несвойственной ей робостью подошла к двери — так угнетало ее сознание того, что она впускает мужчину, пришедшего сюда с одной-единственной четко определенной целью, причем мужчину, одни часы на руке которого стоили больше, чем все ее скромное достояние, не считая, разумеется, квартиры, но и та не принадлежала ей до полной выплаты ссуды. Она так нервничала и дрожала от страха, что у нее едва хватило сил, чтобы повернуть замок.

— Ты насквозь промок! — воскликнула Катриона.

Все ее страхи мгновенно улетучились, едва она увидела его, с потерянным и несчастным видом стоявшего на коврике около двери. Волосы Хэмиша и верхняя часть плаща потемнели от влаги.

— Там проливной дождь, — уныло улыбаясь, сообщил он, переступая порог. — А я не хотел оставлять машину поблизости на случай, если кто-нибудь ее узнает.

Катриона захлопнула за ним дверь.

— Еще бы, ее трудно не узнать, — согласилась она.

Черный ягуар последней модели, на котором ездил Хэмиш, носил запоминающийся номер ХМ-100. В этом автомобиле вряд ли можно было путешествовать инкогнито.

В ту же секунду, когда щелкнул замок, он схватил ее в объятия и поцеловал долгим, жадным, изучающим поцелуем, развеявшим малейшие сомнения, которые еще могли оставаться у Катрионы.

— Ты промочишь весь холл! — рассмеялась она, когда у нее появилась возможность вздохнуть.

Ее лицо и верх шелковой блузки уже стали влажными.

— Тогда пойдем и поскорее промочим спальню, — предложил Хэмиш, торопливо стаскивая плащ. — Целый день я старался не думать о тебе и вместо этого воображал твою белоснежную спальню со старомодной кроватью и вышитыми льняными простынями.

Спальня находилась как раз напротив холла.

— Что ж, насчет белого ты не ошибся, — усмехнулась Катриона, показывая ему дорогу. — Что касается льна, то позволь представить тебе мою подругу Полли Эстер. — Жестом фокусника она показала на синтетическое белое покрывало. — Работающим девушкам некогда гладить льняные простыни.

С довольной улыбкой осмотрев комнату, Хэмиш сдернул и небрежно швырнув на пол шелковый галстук с маркой «Пако Рабанне». Затем повернулся к ней и, ухватив за полы вышитого индейского жилета, который она надела поверх блузки и джинсов, привлек к себе.

— Какое племя трудилось, чтобы создать такой изумительный наряд? Ориноко?

Крутанувшись, Катриона выскользнула из объятий Хэмиша, оставив в его руках жилет.

— Так ты сможешь лучше разглядеть его. А я пока сварю какао.

— Не так быстро, вертушка Кэт!

Катрионе не удалось проскользнуть мимо него к двери. Издав радостное восклицание, Хэмиш сгреб ее в охапку, бесцеремонно повалил на постель и начал расстегивать пуговицы

на блузке. Не прошло и двух минут, как девственно белая и ровная поверхность кровати начала походить на изъезженный горнолыжниками склон. Вскоре покрывало было отброшено в сторону вместе со сдержанностью, и вслед за ним на покрытый зеленым ковром пол полетели брюки, рубашки и индейский жилет. Но потом, когда они затихли, прильнув друг к другу в блаженной истоме, Катриона подобрала покрывало и набросила его на их разгоряченные тела.

— Бр-р-р, — поежилась она, вжимаясь в плечо Хэмиша. — Мне следовало включить отопление. Просто обычно мне не приходится раздеваться среди бела дня.

— Рад это слышать, — сказал он, обнимая ее. — У меня тоже нет такой привычки. Однако во всем есть хорошая сторона: мне нравится, как этот холод действует на твои соски.

Его ладонь легла на ее грудь, нащупывая отвердевший сосок. Вскоре за рукой последовали губы, и они опять были вместе, глядя, лаская и целуя друг друга и сливаясь воедино под белым кольшущимся покрывалом.

— Господи, я так и не поблагодарила тебя за картину! — воскликнула Катриона, когда их дыхание опять выровнялась и она удобно устроилась, вжав бедра в полукружье его живота. Она встревоженно шевельнулась в кольце его рук. — Это была великолепная идея, но вряд ли я смогу оставить эту вещь у себя.

— Почему же нет? — с обидой и удивлением спросил Хэмиш. — Я считал, что она будет напоминать тебе о доме. Я уже предвкушал, что сегодня увижу ее на стене в твоей гостиной.

— Мне очень жаль. Она все еще завернута в бумагу, — призналась Катриона. — Она... слишком дорогая. Я не могу позволить тебе трагить деньги таким образом. Это ставит меня в дурацкое положение.

— Что ты имеешь в виду?

Испытывая неловкость и смущение, Катриона чуть-чуть отодвинулась от него.

— Ну, как будто меня покупают. А я не хочу ничего в награду за... ты понимаешь, за что. — Она сделала неопределенный жест в сторону постели и их обнаженных тел.

Лицо Хэмиша потемнело от гнева и он в свою очередь отпрянул от нее.

— Я не плачу за ЭТО! — резко произнес он. — Я купил картину, потому что увидел, как много она для тебя значит. Мне не хотелось, чтобы ею владел кто-нибудь другой, кто не будет дорожить ею так, как ты. Это всего лишь скромный подарок, напоминание о нашей первой встрече. Ты должна оставить ее у себя, иначе она просто пропадет, превратится в заурядное украшение стен, вроде репродукции Ван-Гога или картинки с летящими утками!

Катриона прикусила губу. Ей не хотелось обижать его, но, с другой стороны, она еще не до конца пришла к согласию сама с собой. Наступила напряженная тишина.

— Хорошо, я оставлю картину у себя — на память, как ты и предложил, — наконец сдалась она. — Большое спасибо.

И все-таки, как много значит в любви, если никогда не нужно говорить «спасибо», мрачно подумала Катриона.

— Не нужно благодарить меня, — как будто читая ее мысли, предостерег Хэмиш. — Просто повесь ее и иногда бросай на нее взгляд. — Он потянулся к ней и привлек к себе. Подождав, когда она устроится поудобнее, Хэмиш продолжал: — А теперь я могу наконец кое о чем спросить тебя.

Катриона дотронулась до волос на его руке, казавшихся совсем темными на фоне белой кожи.

— Мне казалось, что мы уже без слов сказали это друг другу, — мягко произнесла она.

— Я согласен, что с наиболее насущным вопросом повестки дня мы уже покончили, — серьезно, как будто он проводил деловое совещание, ответил Хэмиш, — но теперь пора перейти к пункту «Разное». Я хочу, чтобы в следующую пятницу ты вместе со мной поехала в Лондон. Мы проведем там вечер, остановимся в каком-нибудь роскошном отеле, ходим в театр, в ночной клуб, куда захочешь. Что ты на это скажешь?

Катриона была взволнована. Неискушенная девушка с острова, сидящая в ней, подпрыгнула от радости и захлопала в ладоши. Она всего лишь дважды была в Лондоне, один раз со школьной экскурсией, второй — на уик-энде с коллегами из того банка, где она раньше работала. Тогда она посмотрела с галерки «Отверженных», побывала в пиццерии на Пикадилли, в диско-клубе возле Лестер-сквера и провела ночь во второразрядном отеле где-то на окраине. И хотя у нее появлялся повод еще раз благодарить Хэмиша, перед идеей совместной поездки в Лондон невозможно было устоять.

— Да. О, да! — сказала Катриона. — Потрясающе! — Она еще сильнее прижалась к нему и закрыла глаза. — Тебе ведь еще не надо уходить, правда? — сонным голосом пробормотала она. — Пожалуйста, скажи, что тебе еще не нужно уходить.

— Пока еще нет, — прошептал Хэмиш, касаясь губами ее волос.

Он думал о том, что они пахнут, как осенние цветы, впитавшие в себя всю мощь летнего солнца. Она была нежной, теплой, спелой, но в то же время сохранившей какую-то нетронутость, как диковинный, еще висящий на дереве плод. Хэмишу хотелось быть тем, кто сорвет его, попробует, будет обладать им и наслаждаться его сладостным вкусом... Катриона была трофеем, призом, золотым яблоком, которого жаждет любой мужчина, но только ему, Хэмишу Мелвиллу, она будет принадлежать...

— Линда сказала, что это вы застучали нас в субботу вечером. — Лицо Брюса, протянувшего Катрионе стакан джина с тоником, выражало одновременно укор и досаду.

Ее рука дернулась, и блестящая жидкость потекла по пальцам девушки.

— Я... гм-м... Да. — Она поспешила поставить стакан на поднос, чтобы не закапать стол, и с виноватой улыбкой лизнула палец. — Прошу прощения. — Было не совсем ясно, просит ли она прощения за то, что проникла в их тайну, или за то, что расплескала джин.

— Мы — то есть Линда и я — как бы это сказать... знаем друг друга уже некоторое время, — неуклюже продолжал Брюс, потягивая джин и откидываясь на спинку стула. Он сидел за своим рабочим столом, и это давало ему некоторое чувство превосходства, в котором, учитывая обстоятельства, он нуждался, как никогда раньше. — Но, как вы понимаете, мы не можем часто встречаться, поэтому приходится... э-э... использовать любую возможность. — Брюс широко ухмыльнулся, как бы желая внушить Катрионе, что отныне она становится наперсницей и соучастницей их веселых и невинных эскапад. — Если Хэмиш узнает, будет скандал.

Катриона взяла свой стакан и отпила глоток. Холодная, пахнущая лимоном жидкость слегка обожгла ей горло.

— Да, наверно, — уклончиво согласилась она.

Брюс беспокойно зашевелился в своем кресле.

— В общем-то Линда уверена, что если он узнает, то немедленно с ней разведется.

— В таком случае меня удивляет, зачем она это делает, — неосторожно заметила Катриона. — В конце концов, ей есть что терять.

— О да, есть. — По лицу Брюса было ясно, что он объясняет безрассудство Линды исключительно своей неотразимой притягательностью. — Но ведь он же не узнает, не так ли?

— Во всяком случае не от меня, — вдруг выпалила Катриона. — Ведь именно это вас беспокоит? — В глазах Брюса промелькнуло облегчение. — Неужели вы всерьез думали, что я скажу ему? Почему?

— Нет, я не думал. Это Линда. Видите ли, она вас совсем не знает.

— Если бы она оказалась на моем месте, разве она сказала бы Фелисити? — с неожиданной резкостью спросила Катриона. — Уверена, что нет.

— Нет, конечно, но у нее более широкие взгляды, — отеческим тоном произнес Брюс. — Я бы сказал, современные, городские взгляды.

«А я — всего лишь деревенская дурочка», мысленно продолжила Катриона и вознегодовала.

— А вы? — осмелев, поинтересовалась она. — Вы не стыдитесь того, что обманываете Фелисити?

Брюс пожал плечами.

— В общем-то нет. Мои отношения с Линдой никоим образом не угрожают нашему браку.

Катриона умирала от желания узнать, что значат отношения с Линдой для самого Брюса. Было ли это просто острое наслаждение опасностью? Или он получал удовольствие при мысли, что водит за нос самого богатого человека в Эдинбурге?

Но вместо того, чтобы спросить об этом, Катриона переменила тему.

— Вы не станете возражать, если меня не будет на работе в пятницу после обеда? — внезапно спросила она.

Брови Брюса взлетели от изумления.

— Это что, шантаж?

Катриона, засмеявшись, покачала головой.

— Мне и в голову не пришло, что это можно так расценить. Просто мне понадобился длинный уик-энд.

— Вот как? Невинный или?.. — лукаво спросил Брюс.

— Благоразумный, — парировала Катриона. — Обязуюсь не ставить под удар репутацию банка.

— Если так, пожалуйста, — кивнул Брюс, допивая джин. — Желаю хорошо провести время.

— Спасибо. Кстати, я очень рада, что вы санкционировали заем Каррузерсов, — спокойно добавила она, — несмотря на то, что в дело замешан отец нашего президента.

— Вы проверили условия продажи?

— Да. Право собственности сохраняется на полезные ископаемые, так что если только на участке Каррузерсов вдруг не отыщется нефть или золото, им больше не придется иметь дело с Лохаберами.

— А разрешение на строительство уже получено?

— Да, и оно начнется со дня на день.

— Отлично. Кажется, дела идут хорошо. Если у Каррузерсов хватит ума, то они должны непременно пригласить старого графа на обед, как только откроют свое заведение.

— По каким признакам вы можете заключить, что у вашего мужа кто-то есть? — вдруг спросила Фелисити.

Они с Элизабет Николсон стояли на обочине поля для гольфа, ожидая своей очереди. В выходной день Мюррейфилдский гольф-клуб был заполнен игроками, главным образом женщинами. Стоял солнечный весенний день. Подстриженная трава была еще по-зимнему желтой, но кое-где уже проглядывали зеленые островки.

У Элизабет от любопытства задергался нос.

— Уже не помню, Флик. Расскажите мне обо всем, — вложив в свой тон максимум участия, предложила она. — Что заставило вас задать этот вопрос?

— Об этом легко догадаться. Брюс ведет себя как-то странно. — Фелисити чересчур старательно протирала мячик голубым полотенцем. — Он целует меня с таким видом, будто его мысли блуждают где-то очень далеко.

Элизабет издала смешок, больше похожий на собачий лай.

— Разве большинство мужей ведет себя иначе?

— Но до сих пор и не замечала за Брюсом ничего подобного, — с сомнением произнесла Фелисити. — Может быть, я идиотка, но до сих пор нам вдвоем всегда было спокойно, даже легко. А теперь я отчетливо чувствую напряженность. До вас не доходили никакие слухи? Вы ведь всегда держите руку на пульсе.

Сжав губы, Элизабет передернула плечами. Ей не очень-то льстила мысль, что ее считают признанной сплетницей.

— Нет, я ничего не слышала. А вы кого-нибудь подозреваете?

— Я подумываю о Катрионе Стюарт. Вы ее знаете, это новая служащая, которую он нанял. Она очень хороша яркая, умная, соблазнительная. Собственно говоря, меня бы не удивило, если бы он ею увлекся.

— Но это было бы совершенно непрофессионально, не так ли? Брюс всегда производил на меня впечатление человека весьма щепетильного и осторожного в делах такого рода.

— Это правда, — согласилась Фелисити. — Но сейчас у него опасный возраст — кризис середины жизни, ощущение, что его время уходит.

— Да. Мой муж всегда называл это мужской менопаузой. К несчастью, дожив до критического возраста, он не сделал паузу, а остановился навсегда! — Перехватив взгляд шокированной Фелисити, она опять рассмеялась: — Не обращайтесь внимания на мои шутки, Флик, просто у меня такой стиль. Но вернемся к Брюсу — ваши подозрения, наверно, основаны на чем-то еще, кроме ощущений?

— Да. Например, вчера на обеде у леди Невис он извлек из кармана прозрачные черные трусики. Я все гадаю, где он их взял, — призналась Фелисити. — Это была шутка, розыгрыш, и он сделал вид, будто снял их с Линды Мелвилл, но, разумеется, это не так. Но это и не мои — я никогда не ношу черное белье.

— Почему? — заинтересовалась Элизабет. — А я ношу. Это так удобно.

— Элизабет Николсон — вдова в черных кружевах, — хихикнула Фелисити.

— Лучше быть вдовой, чем обманутой женой, — парировала ее приятельница. — Но где же Брюс мог взять эти трусики?

Фелисити уныло вздохнула.

— Понятия не имею. Даже не знаю, какое предположение мне более отвратительно — что он снял их с какой-нибудь рыжеволосой красавицы или что сам зашел в магазин дамского белья и купил.

— Возможно, ни то, ни другое. Может быть, он получил их в качестве шуточного подарка на Рождество.

— И держал в кармане своего вечернего костюма, дожидаясь случая, когда они пригодятся? — с сомнением покачала головой Фелисити. — Как-то в это не верится!

— Случаются и более странные вещи, — невозмутимо заметила Элизабет. — А почему бы вам не спросить его прямо? Или, еще лучше, пригласите эту рыжеволосую на обед и посмотрите, как они будут себя вести. — Прищурившись, она посмотрела на поле. — Они покончили с последней лункой. Я не помню, сейчас ваша очередь или моя?

— Моя, — твердо заявила Фелисити и решительно шагнула вперед.

Как обычно, после еженедельной партии в сквош Элисон и Катриона зашли в бар спортклуба. Там было еще несколько посетителей, поэтому они устроились на высоких табуретах возле стойки и, сблизив головы, заговорили вполголоса.

— Когда ты пойдешь в клинику? — спросила Катриона.

— В пятницу. Я ужасно нервничаю, а Джон вообще похож на разъяренного медведя. Приходи к нам в пятницу вечером, все узнаешь. Нам необходимо с кем-нибудь поделиться.

— Мне ужасно жаль, Элли, но, честное слово, в пятницу я не могу. В любой день, но только не в пятницу.

Катриона искренне расстроилась, она знала, какое значение придает ее подруга этому дню.

Элисон немедленно вскинулась.

— Ага! Что такое? Срочная работа?

— Я еду в Лондон.

— В пятницу вечером? Значит, это не работа.

— Да, это не связано с работой.

Элисон прищурилась:

— Это Хэмиш, не так ли? Вот почему ты напускаешь такую таинственность. Думаешь, я не одобрю — и ты права, я этого не одобряю.

Катриона в ответ только улыбнулась. Даже осуждение Элисон не могло охладить радости, с которой она предвкушала эту поездку.

— Интересно, знает ли Джон, что он женат на Старой Матушке Гусыне? — с ехидной улыбкой начала она — и тут же прикусила язык.

— Он знает, что женат на той, кто была бы счастлива стать Матушкой Гусыней! — отчеканила Элисон. — Мне только очень жаль, что моя лучшая подруга в числе первых не узнает, суждено ли мне все-таки стать матерью, а вместо этого будет мотаться черт знает с кем и неизвестно где.

Страшно сожалея о своей бестактности, Катриона попыталась исправить положение.

— Извини меня, Элли. Мне правда очень жаль. Жаль, что я так сказала, жаль, что я не могу прийти в пятницу, и жаль, что ты не одобряешь моего выбора. Но я совершенно не раскаиваюсь в том, что еду в Лондон, и в том, что чувствую себя очень счастливой. Впрочем, меня не будет здесь всего один день. Как насчет того, чтобы встретиться не в пятницу, а позже? Разумеется, мне хочется как можно скорее узнать, что скажет доктор насчет твоих труб и прочих сложных частей тела.

— Скорее всего, мне посоветуют перестать волноваться и почаще выглядывать из окна, смотреть, не летит ли аист, — хмыкнула Элисон. — Но есть шанс, что они предложат что-

нибудь более конструктивное. О'кей, раз так, приходи вечером в субботу, Кэт, обменяемся новостями. Ты расскажешь мне о том, как это делается *in flagrante*, а я — о том, как *in vitro*. И будем надеяться, ни одна из нас не будет раскаиваться в своем выборе!

— Бывают моменты, когда я начинаю понимать, как хорошо иметь много денег, — со счастливой улыбкой признала Катриона двумя днями позже, усаживаясь в нанятый Хэмишем для поездок по Лондону роскошный «роллс-ройс» с обитыми светлой кожей сиденьями и шофером в униформе.

Только что они из ложи первого яруса посмотрели «Сансет бульвар», что, несомненно, обошлось Хэмишу в несколько сот фунтов, поскольку билеты на этот спектакль распродавали за несколько месяцев вперед, и теперь направлялись в ресторан «Кваглино», попасть в который без предварительной записи могли лишь очень знаменитые или очень богатые люди. Расстояние между театром «Адельфи» и рестораном вполне можно было пройти пешком, однако в этот прохладный вечер верхом роскоши было использовать лимузин с его кондиционером и встроенным холодильником, тем более что машина все равно находилась в их распоряжении.

— Как жаль, что не все и не всегда могут так жить, — добавила Катриона, глядя, как Хэмиш удобно устраивается рядом с ней.

— Это компенсация за предшествующий воскресный день, когда надо было отогревать твои замерзшие пальчики в твоей ледяной мансарде, — фыркнул Хэмиш, который в предыдущее воскресенье все-таки настоял на том, чтобы она включила отопление.

— По-моему, тебе удалось отогреть не только замерзшие пальчики, — возразила Катриона, убедившись, что стеклянная перегородка, отделявшая их от шофера, плотно закрыта. — Кстати, в данный момент твои руки еще не так сильно замерзли, чтобы мне нужно было их отогревать.

Последнее замечание было вызвано тем, что рука Хэмиша скользнула под ее шелковую бордовую юбку и, забравшись повыше, туда, где кончались чулки, которые на сей раз Катриона предпочла колготкам, нащупала голое тело.

— За время знакомства с вами, Хэмиш Мелвилл, я уже неоднократно убеждалась в том, что вы всего лишь грубый бабник, постоянно дающий волю рукам. — Изобразив возмущение, Катриона решительно отвела его руку в сторону. — Пусть лучше эта холодная рука достанет ту симпатичную зеленую бутылочку, которую мы открыли по дороге сюда.

— Если ты предпочитаешь выпить...

С обиженной миной на лице Хэмиш потянулся вперед, чтобы открыть дверцу холодильника. Потом, когда он никак не мог разлить шампанское в узкие высокие бокалы, они оба зашлись от смеха, а «роллс-ройс» тем временем спокойно катил вниз по Шафтсбери-стрит.

Поглощенные своими делами, они не обратили внимания на стоявшую у обочины пару. Пока высокий мужчина с вьющимися каштановыми волосами и открытым приятным лицом безуспешно пытался поймать такси, его спутница, пожилая дама, которая, несмотря на все протесты зеленых, была одета в норковое манто, заметила садившихся в «роллс-ройс» Хэмиша и Катриону и с интересом наблюдала всю сцену с шампанским. К счастью, подпольные маневры Хэмиша остались вне поля ее зрения. Квинни Невис в обществе своего старшего сына тоже посетила лондонский театр.

— Ты видел, Роб?! — задыхаясь от переполнявших ее эмоций, воскликнула она. — Ты

видел, кто отъехал в «роллс-ройсе»?

Ее сыну наконец удалось остановить такси. Роб Гэлбрайт давно привык к слабостям своей матери.

— Наверно, принцесса Диана с Майклом Виннером? — наугад предположил он, подводя леди Невис к машине. Дав указания водителю, он уселся рядом с матерью. — Или Ферджи опять вышла в свет вместе с принцем Эндрю?

— Ни то ни другое, — отмахнулась леди Невис. — Кое-что гораздо более интересное. Хэмиш Мелвилл, который, судя по его виду, готов был целовать ноги Катрионе Стюарт.

— Неужели? — воскликнул Роб. — Как же ты пришла к таким сенсационным выводам? И объясни, ради Бога, кто такая Катриона Стюарт?

— Это было видно. А Катриона Стюарт — одна из новых служащих твоего отца. Говорят, очень способная. Занимается управлением частными вкладами, но, по-моему, слишком красива для такой должности.

— Я не верю своим ушам, — хмыкнул Роб, делая вид, что рвет на себе волосы. — Уж не намекаешь ли ты, что там, где есть красота, нет места благоразумию? Какая-то сексуальная дискриминация.

Леди Невис была непоколебима.

— Я просто говорю, что она слишком соблазнительна, чтобы отдавать ее на растерзание беспардонным клиентам «Стьюартса». Ты же знаешь, как могут себя вести эти богатые разбойники. Когда они чего-то хотят, то считают само собой разумеющимся, что им нельзя отказать, а Катриона, хотя и выглядит как светская женщина, выросла на ферме, на острове Скай. Она совершенно неопытна в таких делах. В прошлую субботу она у меня обедала. Трудно себе представить более обаятельную девушку, но уж очень она... свежа. Ах! — Леди Невис испуганно прижала руку ко рту. — Это моя вина — за обедом я посадила ее рядом с Хэмишем Мелвиллом. Хотя, честно говоря, тогда я не заметила, чтобы между ними что-нибудь происходило. Мне не нравится, что сегодня я видела их вместе. Не к добру это.

Роб изумленно поглядел на мать и покачал головой.

— Не понимаю, почему ты так говоришь. Это ведь на редкость лакомый кусочек для ваших торговек сплетнями. Мне только очень жалко эту — как ее? — Катриону Стюарт. Хэмиш Мелвилл, вне всякого сомнения, продувная бестия.

Леди Невис бросила на сына обиженный взгляд.

— Я вовсе не торговка сплетнями! Но почему приятные молодые холостяки, вроде тебя, позволяют, чтобы женатые боровы уводили у них из-под носа всех мало-мальски хороших девушек, вот что мне хотелось бы знать?

— Если эти девушки такие хорошие, почему они соблазняются боровами? Ты не задумывалась над этим? — спросил Роб.

Его мать понимающе улыбнулась.

— Представь себе, задумывалась. Просто привлекательность не всегда идет рука об руку со здравым смыслом. Вот если бы ты не был таким милым, у тебя хватило бы здравого смысла, чтобы провести этот вечер с какой-нибудь юной красавицей, а не со своей ворчливой старой матерью. И что бы я тогда делала?

— Я напомню тебе об этом, когда ты в следующий раз приедешь в Лондон. Придется тебе самой о себе позаботиться.

В Лаверокбэнке Линда Мелвилл устраивала ужин-совещание для своего

благотворительного комитета. Леди (а их было пятеро) благополучно расправились с копченой семгой, тушеными цыплятами со спаржей и, хотя вначале хором возражали против этого блюда, с рисом по-японски. Заодно они покончили с повесткой дня, за исключением пункта «Разное».

— Послушайте, Минто, — обратилась Линда к прислуживавшему им величавому дворецкому с седыми нависшими бровями, — принесите-ка нам к кофе бутылочку «Старого кюре». Мы заслужили по рюмочке ликера после того, как славно потрудились.

— Насколько мне известно, мистер Мелвилл приберегал ее к скачкам, мадам, — почтительно пробормотал Минто.

— Чепуха. До тех пор вы раздобудете еще одну, и мистер Мелвилл ничего не узнает, не так ли? — твердо сказала Линда, весело подмигивая сидящей рядом Фелисити Финли. — Если мистер Мелвилл предпочитает проводить сегодняшний вечер в Лондоне, развлекаясь Бог знает как и Бог знает с кем, то одна бутылка французского ликера — достаточно скромная цена за такое удовольствие.

— Вы хотите сказать, что он не сообщил вам, зачем едет? — с изумлением спросила Фелисити.

— О, разумеется, он сказал, что обедает в Сити с какими-то финансовыми партнерами, но я ни на мгновение ему не поверила, — беззаботно пожалла плечами Линда. — Меня это не волнует, коль скоро завтра он вовремя встретит меня в Гатвике. Мы собираемся навестить нашего сына.

Фелисити выглядела озабоченной. Она до сих пор не разрешила загадку черных трусиков и даже хотела проконсультироваться по этому поводу с Линдой, но постеснялась.

— Мне совсем бы не понравилось, если бы Брюс мне солгал, — сдавленным голосом произнесла она.

— Хотите сказать, что верите всему, что он вам говорит? — фыркнула сидящая напротив Виктория Монкрайф.

Виктория цеплялась за свое членство в комитете, хотя порой ей казалось, что она сама может быть объектом благотворительности, такие сражения ей приходилось выдерживать с высокородным Чарльзом по поводу каждого чека.

— Теперь я не доверяю даже своему адвокату, — продолжала она, — несмотря на то, что он получает деньги, чтобы быть на моей стороне. В наше время все мужчины — лживые гадины.

— Что ж, вас можно понять, у вас сейчас трудное время, — сочувственно произнесла Фелисити. — Но у меня никогда не было оснований подозревать Брюса в измене. Для этого он слишком осторожен, не говоря уже обо всем остальном.

В глубине души она пожелала себе, чтобы это оказалось правдой.

— О'кей, в таком случае, что же он делает сегодня вечером? — невинно поинтересовалась Линда, поглядывая, как Минто, на лице которого было написано выражение уныния и покорности судьбе, разбивает печать на пресловутой бутылке французского ликера. — Точнее, что он вам сказал о том, что будет делать?

— Он сидит дома с детьми! — торжествующе выпалила Фелисити. — Уж тут-то он не мог солгать, не так ли? Иначе ему пришлось бы вовлекать в обман Гаса и Айону, а я уверена, что на это он никогда не пойдет. Кстати, он ужасно разворчался по поводу нашего совещания. Сказал, что назначать такие мероприятия на вечер пятницы — значит вмешиваться в семейную жизнь.

— О, дорогая, — сладко проворковала Линда, — я обязательно это запомню и постараюсь, чтобы наши встречи не мешали бедняжке Брюсу наслаждаться домашним очагом.

Фелисити засмеялась.

— Прекрасно! Но я запомню то, что вы говорили, Виктория. Может быть, я действительно чересчур благодушно настроена по поводу Брюса. Говорят же, что в тихом омуте черти водятся.

— Ну, я бы не назвала Брюса чересчур тихим, — заметила Линда, наблюдая, как дворецкий заканчивает наполнять рюмки ароматным, густым, цвета, меда ликером. Подняв свою, она обвела присутствующих смеющимися глазами. — Заткните уши, Минто. Я хочу провозгласить тост для дам. Что бы вы ни собирались делать, дорогие наши мужчины, не забывают: как аукнется, так и откликнется!

После обеда с шампанским «роллс-ройс» показался Катрионе чересчур громоздким и официальным. Чувствуя себя опьяневшей, она скользнула на сиденье и прижалась к Хэмишу.

— Давай не поедem в ночной клуб, — шепнула она.

Сжав ее руку, он поощрительно улыбнулся.

— А что же другое у тебя на уме?

— У нас такая прелестная комната в отеле, — игриво напомнила Катриона. — Позор, если мы не проведем в ней хоть некоторое время.

— Ах ты, распутница! Ты уверена? И ты не будешь чувствовать себя обманутой?

— Надеюсь, что нет! — воскликнула она. — Очень надеюсь...

Она просунула руку под пиджак Хэмиша, сквозь шелк рубашки ощущая тепло его крепкой груди. Катриона чувствовала себя отважной, безрассудной, отбросившей все запреты. В этот момент для нее не существовало ничего невозможного.

Поглядев на нее загоревшимися глазами, Хэмиш без дальнейших колебаний наклонился вперед и опустил стеклянную перегородку.

— Мы передумали, — сообщил он шоферу. — Поедем прямо в отель.

Получив новые инструкции, привыкший к прихотям клиентов шофер и глазом не моргнул. Кокарда «роллс-ройса» обязывала к соответствующему этикету.

Отель «Дюкс Корт» выбрала Катриона, потому что когда-то прочитала в рекламном проспекте, что это самая изысканная, роскошная и элегантная из маленьких гостиниц Лондона. Не прошло и нескольких минут, как «роллс-ройс» въехал под арку из красного кирпича и остановился у подъезда здания, расположенного на одной из узких, отходящих от Пэлл-Мэлл улочек. Шикарный вестибюль отеля был отделан красным деревом, с портьерами малинового бархата с золотой бахромой. Повсюду были расставлены горшки с живыми цветами, насыщавшими воздух приятными ароматами. Здесь царила обстановка другого времени — века моноклей, усов и безрассудного гедонизма.

Войдя в свою комнату, Хэмиш и Катриона помогли друг другу снять пальто.

— Теперь, наконец, мне будет позволено тебя обнять? — поинтересовался Хэмиш, прижимая к себе Катриону. — Весь вечер я ждал этого момента!

— Слава Богу, что твое терпение не лопнуло раньше, иначе весь свет увидел бы мои подвязки, — ответила Катриона, извиваясь в его настойчивых руках.

— Это единственная причина, почему я не сделал этого раньше, — заявил Хэмиш, добравшись до самого верха ее теплых бедер. — Я хотел сохранить все это для себя.

Он встал сзади, чтобы расстегнуть две пуговицы у нее на поясе. Юбка Катрионы полетела на пол, и при виде открывшегося зрелища — стройных белых бедер, перечеркнутых черными подвязками, — у Хэмиша перехватило дыхание. — Твоя кожа напоминает мне парное молоко, — признался он, касаясь мягкой чувствительной плоти, — или сливки, когда их только что принесли с фермы.

— Где это ты такое видел? В Мотеруэлле? — удивилась Катриона, вздрагивая от его прикосновений.

— Моя тетя работала на ферме, — объяснил Хэмиш. Его ласки становились все более интимными и настойчивыми. — Мы всегда ездили к ней на каникулы.

— Посмотрим, многому ли ты там научился, — сказала Катриона, чувствуя, что его усилия начинают достигать цели и у нее подкашиваются ноги. — Надеюсь, ты сможешь донести меня до кровати.

— Нет проблем, — усмехнулся он, взваливая ее на плечо. — В деревне мне приходилось таскать тюки с сеном и все такое. — Он бесцеремонно сбросил ее на постель и начал расстегивать брючный ремень.

— До чего же приятно! — потянулась Катриона и, глядя, как он раздевается, сняла блузку.

— Все девушки обожают, когда их носят на руках, — подтвердил Хэмиш, снимая рубашку.

— Да, только если их не сравнивают при этом с тюком сена, — засмеялась Катриона.

Хэмиш остановился, наблюдая, как Катриона, лежа на постели, снимает чулки и подвязки. Подняв ногу и выгнув носок, она с мастерством опытной стриптизерши дразнила и распалила его, не спеша скатывая прозрачную черную паутину сначала с одной, а потом со второй ноги. Подыгрывая ей, Хэмиш начал изображать барабанную дробь.

Черный пояс с подвязками полетел в угол.

— Если бы у тебя была возможность провести вечер где угодно, как угодно, что бы ты выбрал? — вдруг спросила Катриона.

— Кроме того, чему я только что был свидетелем? — усмехнулся он, однако, снимая ботинки, поразмыслил над вопросом и ответил: — Доминго, Верди, Парижская Опера, затем ужин у «Максима», а затем... отель «Георг Пятый» с моей Катрионой. — Он бросил на нее такой же жадный взгляд, как в «роллсе», и так же игриво усмехнулся. — Подумай о таком варианте.

— А чем тебя не устроил Эндрю Ллойд-Вебер? — поинтересовалась Катриона. — Недостаточно волнующий?

— На мой взгляд, он не задевает те душевные струны, что Верди.

— И каких бы высот мы сейчас достигли, если бы были вдохновлены Верди? — съязвила Катриона.

В ответ Хэмиш шагнул к столику и снял телефонную трубку.

— Сейчас мы это выясним. В конце концов, этот отель считается первоклассным... — Он соединился с бюро обслуживания и, повернувшись спиной к кровати, тихо заговорил в микрофон.

— Что ты придумал? — спросила заинтригованная Катриона.

— Потерпи, увидишь, — с таинственным видом ответил Хэмиш. Опустившись на постель рядом с ней, он исследовал пальцем линию ее плеча, небрежно сдвинув в сторону бретельку. — Или ты уже не можешь ждать?

— Ха! — с негодующим видом Катриона выпрямилась, поправила бретельку и, усевшись по-турецки, изрекла: — Я-то могу ждать, если ты можешь.

Не прошло и минуты, как к ним постучали. Хэмиш, в голубых спортивных трусах, прошествовал к двери и, приоткрыв ее, получил небольшой портативный магнитофон. Комнату сразу же заполнил ласкающий слух тенор.

— А вот и он — «Трубадур»! — торжествующе объявил Хэмиш, поставив аппарат на столик возле кровати. — Ночной портье заслужил высший балл.

— Доминго? — выгнув бровь, осведомилась Катриона.

Хэмиш прислушался и покачал головой:

— Нет. Каррерас. Но и он хорош.

Он жадно набросился на нее и, сдернув комбинацию, покрыл поцелуями ее небольшие груди с розовыми сосками.

— Ты прав, — выдохнула Катриона, когда его ласки стали бурными в унисон музыке. — Каррерас хорош.

Однако, вместо того, чтобы достичь высших ступеней экстаза, Катриона вдруг почувствовала, что в этот раз ее блаженство будет неполным. Почему-то она не могла забыться, окунуться в щекочущий водоворот страсти. Может быть, виной тому Верди, а может, просто она выпила чересчур много шампанского, но скорее всего, все дело в терзавших ее изнутри «большом Б и большом В», решила Катриона, занятая самоанализом в тот момент, когда ей следовало бы грезить. Большое Б — благодарность — заставило ее очень стараться, когда в предыдущие разы она позволила себе очертя голову ринуться в Сад наслаждений.

Тем не менее Хэмиш ничего не замечал. Наоборот, казалось, ее пассивность только еще больше распалила его. Но его неистовые и порой безжалостные ласки остались безответными и даже вызвали в ее равнодушном теле болезненные и неприятные ощущения. Катриона хотела попросить его остановиться, несколько раз пробовала отстраниться от него, но безуспешно. Она оставалась лежать, распростертая и пригвожденная его сильным телом, пока, наконец, ураган его страсти не разрешился таким могучим оргазмом, что Катриона едва не задохнулась. Потом он лежал, хватая ртом воздух, расслабленный и умиротворенный, а она все анализировала и гадала, что же сегодня было не так.

На этот раз ночь была как нельзя более подходящей для теракта. Вот-вот должен был пойти снег, темная масса туч закрывала небо, создавая почти непроглядную тьму. Движение на дорогах замерло, и лишь изредка случайная машина на мгновение высвечивала из темноты стройные стволы окружавших Глендоран берез.

Неосвещенная четырехколесная повозка перевалила через мост, пересекла шоссе и спряталась под прикрытием деревьев неподалеку от старого приземистого хлева. Мелькнула бесформенная черная фигура, скрючившаяся под тяжестью огромного рюкзака, и вскоре на светлой стене заплясали ярко-зеленые буквы злобного послания: «Англичане, убирайтесь прочь. ШДШ».

Ненадолго вспыхнул фонарь, потом раздался грохот, сопровождаемый яркой вспышкой, и через мгновение сквозь окна и двери рванулись языки пламени, осветив мрачную сцену и зловещую фигуру, отступившую, чтобы выбрать и поразить новую цель.

На сей раз бомбометатель не потерпел неудачи. Старые деревянные стойла легко загорелись. Пламя взвивалось до самой крыши, его отблески отражались на небе еще долго

после того, как поджигатель вскарабкался на свой велосипед и уехал, злорадно ликуя. С неба начали сыпаться снежные хлопья, но их было недостаточно, чтобы остановить или хотя бы приглушить пламя, которое пока так и осталось незамеченным.

— А что ты сказал Линде? — сидя у себя в номере за завтраком, спросила Хэмиша Катриона.

— Что сказал Линде... о чем? — осведомился Хэмиш, прожевывая круассан.

— Ну, о том, что ты будешь делать в Лондоне, где остановишься и так далее.

— Сказал, что обедаю с банкирами, а остановлюсь в этом отеле. Всегда лучше говорить правду, — улыбнулся он, — хотя бы на тот случай, если ей понадобится со мной связаться.

Катриона знала, что он крепко и спокойно проспал рядом с ней всю ночь, поскольку сама она не сомкнула глаз.

— Значит, если бы она позвонила, я могла взять трубку?! — Она задохнулась от удивления, смешанного с негодованием.

Хэмиш поднял голову и взглянул на нее.

— Нет, не могла, потому что я заплатил телефонистке на коммутаторе, чтобы она сообщала нам, кто звонит, прежде чем соединять.

— Можно подумать, что ты проделываешь все это далеко не в первый раз. — От бессонницы Катриона плохо себя чувствовала и поэтому говорила с несвойственным ей сарказмом.

Не заметив ничего необычного, Хэмиш рассмеялся.

— Нет, моя милая, просто хорошо все обдумал. Могли произойти какие-то изменения в программе. Мало ли что бывает.

— В какой программе?

— Мы условились о встрече.

— Ты встречаешься с Линдой в Лондоне? Сегодня?

— Да, в аэропорту. Мы собираемся навестить сына.

— Сына! — от изумления у Катрионы сорвался голос.

— Он учится в школе под Гилдфордом. Мы возьмем его на целый день.

— Я не знала, что у тебя есть сын.

Круассан, который начала есть Катриона, вдруг показался ей похожим на комок резины. Дрожащей рукой она опустила надкусанную булочку на тарелку.

Пораженный Хэмиш взглянул на нее и нахмурился.

— Неужели ты не знала?.. Господи! Макс уже девять. Он славный парень, хотя и сорванец. — Бросив взгляд на часы, он торопливо поднес к губам салфетку. — Мне пора собираться. С минуты на минуту подъедет «роллс-ройс». Ешь поскорее, дорогая. Если будешь готова через пару минут, подброшу тебя в аэропорт.

Потрясенная открытием, что у него есть сын, и удивляясь его внезапной холодности, Катриона уставилась на Хэмиша.

— Не беспокойся, — пробормотала она, покачав головой. — Я поеду поездом. Хочу еще пройтись по лондонским магазинам.

— О, отличная идея! — Он встал, стряхнул с рубашки крошки и наклонился, чтобы запечатлеть на ее губах быстрый прощальный поцелуй. — Жаль, что я не могу пойти с тобой. С удовольствием купил бы тебе что-нибудь блестящее, прозрачное и сексуальное.

Катриона с трудом выжала из себя улыбку.

— В таком случае, хорошо, что у тебя нет времени, — как можно спокойнее сказала она. — Ты же знаешь, как я отношусь к тому, чтобы ты мне что-нибудь покупал.

Хэмиш пожал плечами.

— Мне казалось, мы покончили с этим, — жизнерадостно отозвался он, застегивая молнию на своей сумке. — Но если еще нет, то обязательно сделаем это при следующей встрече. Я очень скоро позвоню тебе.

— Желаю хорошо провести день... с Максом, — выдавила Катриона, встав из-за стола, чтобы возвратиться ему поцелуй.

Я заслуживаю Оскара, думала она, глядя, как он уходит. Или, скорее, Премии за Смелость Взглянуть Правде в Глаза!

Как и множество других работающих жителей Эдинбурга, семейство Хоум-Мур обитало в симпатичном двухэтажном домике с террасой, расположенном на тихой зеленой улице Монингсайда в чистом пригороде. Летом фасад дома украшало множество роз, вьющихся по стене и обрамлявших удлиненные окна с фрамугами, но сейчас, когда весна еще боролась с уходящей зимой, в садике под сенью вишневых деревьев цвели только подснежники и крокусы, первые ростки новой жизни.

— Ты никогда не догадаешься, что произошло, — воскликнула Элисон и, схватив подругу за руку, не провела, а скорее протащила ее через весь дом прямо в отделанную сосновым деревом кухню, где царил уютный беспорядок. — Честное слово, тебе не угадать и за миллион лет!

Коридор, по которому они стремглав пролетели, напоминал галерею современной живописи: Гамильтон, Хокни, Вишневский — словом, отражавшая экстравагантные вкусы Элисон мешанина из работ американских, английских и шотландских художников. В самой кухне висел только один холст в позолоченной раме, на котором были изображены пасущиеся среди лесистых холмов овцы — дань консервативным пристрастиям Джона.

— А-а, Кэт. Привет, садись сюда. — Джон встретил ее улыбкой, поцелуем и стаканом красного вина.

Отодвинув стул, он усадил ее за уже накрытый для ужина стол. Из духовки доносился соблазнительный сырно-мясной запах, как нельзя более соответствующий тонкому аромату кьянти.

Катриона удивленно взглянула на Элисон.

— О чем мне не догадаться? Ей-богу, вы оба выглядите весьма загадочно.

— У меня будет ребенок! — с жестом фокусника объявила Элисон. — Да-да, в самом деле. У меня уже три месяца беременности!

Катриона на некоторое время лишилась дара речи. Она в растерянности переводила глаза с Джона на его жену и обратно, пока наконец не обрела способность говорить.

— Правда? Но как же — почему же вы не знали? О Господи, да это замечательно! Вы уверены?

Элисон от восторга захлопала в ладоши.

— Разве это не удивительно? Нет, я еще не вполне уверена. Как и ты, я никак не могу поверить — но милейший человек, доктор Форбс, со своим стетоскопом и сканером утверждает, что все-таки я беременна.

Перешагнув через стул, Джон занял место напротив Катрионы.

— Интересное место эта клиника по лечению бесплодия. Сверхскоростное обслуживание: не прошло и полутора часов, как мы туда вошли, а уже ожидаем ребенка. — Его широко поставленные серо-зеленые глаза излучали ликование. — Мне даже не пришлось сдавать сперму в пробирку.

— Эта перспектива больше всего сердила и пугала Джона, — прокомментировала Элисон и, потянувшись, потрепала мужа по волосам. — Бедняжка, он упустил свой единственный шанс на законном основании пустить слюни над порнографическими журналами.

— Неужели вам пришлось бы это делать? — проявила свою неосведомленность

Катриона. — Но как же ты все-таки могла не знать, что беременна, Элли? Ведь ты уже несколько месяцев только и занималась тем, что вычерчивала свои графики и диаграммы! Это невероятно!

— Это был коварный замысел, чтобы выжать из меня все соки, — пошутил Джон, подмигнув жене. — Личное изобретение Элли — способ удержать мужа на стезе добродетели. Изнурять его до такой степени, чтобы он уже не мог сопротивляться. А теперь все ее уловки вышли наружу. Оказывается, она беременна уже целую вечность! Наконец-то я смогу спокойно спать по ночам!

Элисон вспыхнула.

— Не язви! Я понимаю, что это смешно, но, оказывается, в редких случаях бывает, что месячные кровотечения не прекращаются и с наступлением беременности. Хочешь услышать подробности?

— Ну, конечно, мне нужны все детали, да еще и с иллюстрациями из учебника по гинекологии, — усмехнулась Катриона. — Но вначале скажи мне главное: когда он должен появиться на свет? Ты говорила, что тебя сканировали? Знаешь ли ты уже, мальчик или девочка?

— М-м-м... Отвечаю по порядку: в сентябре, да, нет. — Элисон по очереди загибала пальцы при ответе на каждый вопрос. — Ты имеешь право на двадцать вопросов. Осталось семнадцать.

— Ну что же, наверно, нет нужды спрашивать, довольны ли вы?

— Безусловно, — подтвердил Джон, наклонившись, чтобы погладить жену по животу. — Но еще больше мы рады тому, что справились сами, без посторонней помощи. Не понадобился даже холодный душ, не говоря уже о пробирках.

— Хотя, конечно, мы с благодарностью приняли бы любую помощь, — добавила Элисон. — Но Джон гораздо щепетильнее относится ко всему этому, чем я.

— Не понимаю, почему он такой чувствительный: ведь он столько лет наблюдал, как игроки в регби на поле рвали друг друга в клочья, — покачала головой Катриона.

— Именно поэтому: я ужасно боялся, что какой-нибудь старый удар мог быть причиной наших неудач, — признался Джон, на мгновение посерьезнев, но тут же вновь расплывшись в улыбке. — Тогда Элисон во всем бы обвинила регби, и мне уже никогда бы не удалось затащить ее ни на один матч.

— Зато теперь мы, наверно, назовем ребенка в честь всех игроков сборной Шотландии, — счастливо вздохнула Элисон.

— Что ж, это будет интересно, особенно если родится девочка, — подхватила Катриона. — Боже, я так рада за вас обоих! Джон, в понедельник с утра первым делом открой у «Стьюартса» счет на его имя.

— Разве у нас бывают счета для еще не родившихся младенцев? — удивился Джон.

— А я куплю для него картину кого-нибудь из старых мастеров, — тут же решила Элисон. — Этот ребенок должен смыслить в живописи ничуть не хуже, чем в банковском деле.

— И в спорте, — добавил ее муж. — Но только не в футболе!

— Давайте выпьем за Хоум-Мура-младшего! — предложила Катриона. — Гениального художника, финансиста и спортсмена и вообще абсолютно необыкновенного ребенка!

— Наверно, нам не следует начинать считать яйца, не высидев цыплят, — предостерегла Элисон, отпив минеральной воды. — А то можно...

— ...И сглазить. Вот именно, — подмигнул Джон. — Чего доброго, он станет любить футбол!

Когда на столе появилась еда — хлебцы по-гэльски, бифштексы от «Маркса и Спенсера», салат от Хоум-Муров, — Элисон вопросительно взглянула на Катриону.

— Теперь твоя очередь, Кэт. Как все прошло? Просвети нас.

Катриона положила вилку и залпом осушила свой стакан. Одно дело исповедоваться Элисон, но совсем другое — говорить о Хэмише в присутствии Джона.

— О, вам будет неинтересно, — в замешательстве произнесла она. — Мы просто сходили на «Сансет бульвар», а потом очень мило пообедали в ресторане, вот и все.

— «Вот и все», — передразнила Элисон. — «Очень мило» — провести ночь в Лондоне с самым богатым мужчиной Эдинбурга. Полагаю, вы ездили на омнибусе, ели в закусочной Макдональдса и спали в дешевой ночлежке! Давай, Кэт, мы жаждем узнать все роскошные подробности твоей красивой жизни! Мы обратились в слух.

Катриона беспомощно взглянула на Джона, и он сделал жене предостерегающий жест.

— Мне кажется, Катрионе не хочется об этом говорить, — сказал он. — И наверно, она права. Это ее личные дела.

— Он угадал, Кэт? — осведомилась Элисон. — Ты смущена? Стесняешься? Ты наконец-то осознала свою вину?

— Да нет! — вспыхнула Катриона. — Я стесняюсь, но не чувствую за собой никакой вины.

— О-о, Катриона Стюарт, Господь да простит тебя! — Элисон отщипнула кусочек хлеба и укоризненно уставилась на подругу. — Этот человек женат, и у него есть сын.

— Да, я знаю, — кивнула Катриона, отводя глаза.

Про себя она подумала: как жаль, Элли, что ты с самого начала не сказала мне о мальчике...

Наступила неловкая тишина, которую нарушил Джон.

— Мне кажется, Элли, с нашей стороны не очень-то вежливо пригласить Катриону на ужин, а потом мучить разговорами за накрытым столом. Пожалуй, она может рассердиться и запустить в нас нашей же салатницей.

Элисон вскинулась было, но тут же овладела собой и рассмеялась.

— Нет, надеюсь, она этого не сделает. Извини, Кэт. Я немного забылась. Отнеси это за счет гормонов.

Катриона подняла стакан и постаралась улыбнуться.

— За счет гормонов, Элли? Если бы не они, нам нечего было бы праздновать. Давайте поговорим о ребенке. Ты будешь рожать в воде или обычным способом?

— Помогите! Я еще ни о чем таком не думала. — Элисон соорудила уморительную рожицу, и обстановка моментально разрядилась. — Я так плохо плаваю...

— Если хочешь, чтобы я держал тебя за руку, лучше оставайся на твердой земле, — заметил Джон. — Если тебя интересует мое мнение, то рожать в воде приличествует китам, а не женщинам.

— Вероятно, скоро я буду выглядеть как настоящая китиха, — вздохнула Элисон. — Такая же огромная и раздутая.

— Ты будешь царицей китов, — поспешил утешить ее Джон.

— Ладно, только не вздумай сделаться похожим на царя китов, — предупредила его жена. — Такие мужья совсем не в моем вкусе.

Испытывая облегчение, Катриона с удовольствием прислушивалась к этому обмену репликами. Она тихо радовалась, что эпизод с Хэмишем разрешился более или менее благополучно. Жаль, что Элисон все-таки рассказала мужу о ее романе с Мелвиллом, но, видимо, это неизбежно. Они с Джоном работали бок о бок, в одной комнате, и, несмотря на то, что он ни разу не заговорил об этом, Катриона была уверена, что Джон не одобряет ее связи с клиентом.

Выпив помимо своей доли кьянти еще и половину порции Элисон, Катриона чувствовала себя переполненной вином и, возвратившись домой, обнаружила, что не может спать. Это было совершенно некстати, потому что она предпочла бы забыться в блаженном сне, а не провести еще одну ночь, сгорая в пламени мучительных размышлений, что являлось неизбежным следствием бессонницы. Помимо мыслей о сыне Хэмиша, досаждавших ей весь день, теперь ее душу язвило известие о беременности Элисон. Катриона совершенно не ожидала от себя такой реакции, однако факт оставался фактом: она безумно завидовала Элисон.

Это чудовищно! Как будто что-то грызло ее изнутри. Но по какой причине? Благодаря своей сестре она уже дважды становилась теткой, но ни разу не испытывала даже признаков душевной боли, а сейчас вдруг неизвестно почему ее снедали зависть и ревность. Но кроме мелочной и коварной зависти, она впервые отчетливо расслышала настойчивое тиканье своих биологических часов.

В свои тридцать два года Катриона впервые заглянула в колодец времени и вдруг увидела его пустоту. Впереди ее не ждали ни радость, ни веселье, ни светлый детский смех, ни приятные материнские хлопоты и заботы — лишь безликие колонки цифр, столбцы холодных, равнодушных фунтов и пенсов. И хотя она никогда не замечала в себе никаких признаков старости, но сегодня, лежа в постели, Катриона, казалось, ощущала, как первые невидимые ростки распада проникают в ее тело, как ее женские органы, предназначенные для воспроизводства новой жизни, сморщиваются и засыхают, превращаясь в бесполезный ком мяса и хрящей.

— Черт! — процедила она сквозь стиснутые зубы. — Черт, черт, черт!

Утром, когда Катриона после бессонной ночи пыталась смыть с себя неприятное ощущение усталости, сквозь дверь ванной комнаты она услышала, что звонит телефон. Это оказался не Хэмиш, а Брюс Финли, который сразу же извинился за ранний звонок.

— Хорошо, что я застал вас, Катриона. Я боялся, что вы еще не вернулись. Вы уже видели воскресные газеты?

Недоумевая, что же заставляет женатых мужчин по воскресеньям так рано выскакивать из постели, Катриона призналась, что еще не видела.

— Во всех газетах на первой полосе репортаж о новой атаке ШДШ. Они спалили какой-то дом в Глендоране, но в статье не упоминается имя владельца. Вам не кажется, что это может быть усадьба Каррузерсов? На фотографиях она выглядит полностью разрушенной.

— О Господи! Да, это возможно, хотя они только что начали работы. Там написано, когда это произошло?

— В пятницу ночью. У вас есть номер телефона, по которому можно с ними связаться? Пожалуй, надо бы позвонить им и попробовать все выяснить. Надеюсь, они застрахованы.

— Да, конечно. Я проверила это, когда смотрела их документы. Предоставьте это мне. Я позвоню вам, как только что-нибудь узнаю.

— Да, пожалуйста. Извините, что испортил вам выходной. Но надеюсь, вы успели

хорошо провести время? — В голосе Брюса отчетливо прозвучал намек, и Катриона даже на расстоянии представила себе его ухмылку.

Зато Фелисити, которая как раз в этот момент проходила мимо кабинета мужа, увидела ее воочию.

— Спасибо, прекрасно, во всяком случае, до вашего звонка, — ответила Катриона. — Бедные Каррузерсы! — Я все еще надеюсь, что это может быть не их дом.

— Не принимайте это чересчур близко к сердцу. Мы все обсудим позже. Впрочем, пожалуйста, не звоните до половины второго — я буду в гольф-клубе.

— Хорошо. До свидания.

— До свидания. — Брюс положил трубку.

Фелисити переступила порог кабинета.

— И кто это не должен звонить, пока тебя не будет дома? — язвительно осведомилась она, хотя прекрасно знала ответ.

Брюс засмеялся.

— О, это всего лишь Катриона, — небрежно ответил он. — Банковские дела.

Катриона торопливо оделась и сбегала вниз за газетами. Ошибки быть не могло: на газетных фотографиях позади сожженных строений отчетливо виднелось озеро, а за ним — заснеженная гряда Мойдартских гор. Нахлынувшая волна сочувствия заставила Катриону мгновенно забыть обо всех мучивших ее мыслях. Несчастные Каррузерсы! Все их планы и надежды теперь лежали в руинах. Она набрала номер их дома в Кенте — ответа не было. Плохие вести быстро доходят, подумала Катриона. Вероятно, они уже в пути к пепелищу своих хайлэндских надежд.

— Я хочу съездить в Глендоран, — сообщила Катриона Брюсу, когда он вернулся после гольфа. — Мне ужасно жалко Каррузерсов, и, кроме того, сейчас им понадобится вся финансовая поддержка, которую мы сможем предоставить.

— Вы же знаете, Катриона, что служащие банка не должны допускать никаких личных отношений с клиентами, — строгим голосом напомнил Брюс. — Не забывайте об этом.

— Да-да, я помню, — сухо ответила она, мысленно посоветовав Брюсу вспоминать это правило, когда он будет встречаться с Линдой. — Я просто съезжу туда, посмотрю, что и как, и вернусь завтра после обеда.

— Ладно, раз уж вы считаете это необходимым, поезжайте. Будьте осторожны на дороге. До завтра.

— Спасибо, до свидания, — ответила Катриона, не подозревая, что на том конце линии их слушает Фелисити, подозрения которой растут и укрепляются с каждой минутой.

Щеки Сью Каррузерс были испачканы золой, на которой виднелись мокрые дорожки от слез, а лицо ее мужа казалось окаменевшим.

— О, Ник, какой несчастье! — воскликнула Катриона, выйдя из машины и глядя на еще не пришедших в себя от шока хозяев.

Уже наступили сумерки, но свет отражался от тонкого слоя снега, покрывшего все, кроме угрюмого черного остова обгоревшего здания. Снег перестал падать раньше, чем погасли последние языки пламени, поэтому на фоне белоснежного покрова руины казались вдвойне мрачными.

Ник был не в состоянии говорить, но Сью ухватилась за Катриону, как утопающий за соломинку. Слезы рекой лились из ее покрасневших глаз.

— Как это чудесно, что вы приехали! — всхлипнула она, поднося к лицу уже насквозь мокрый платок. — Мы добрались сюда только полчаса назад, и все это время просто стояли и смотрели. Какой ужас, правда?

— А как вы узнали? — спросила Катриона, пряча руки в карманы.

С наступлением ночи становилось все холоднее, снег под ногами уже начал поскрипывать. В морозном воздухе еще витал острый запах дыма.

— Мы оставили в полиции свои координаты. После того, что вы рассказали нам о ШДШ, мы попросили их присматривать за нашим участком, — объяснила Сью. — Они позвонили еще вчера, но нам не с кем было оставить детей, поэтому мы смогли выехать из Кента только сегодня на рассвете.

— Разве это люди? — сквозь стиснутые зубы выдавил Ник. Схватив комок снега, он запустил им в стену, на которой ярко выделялись буквы ШДШ. — Ублюдки, выродки!

— Я понимаю, что вам от этого не легче, — сочувственно начала Катриона, — но их не так уж много. Это только горстка дошедших до крайности негодяев, жалкая кучка отщепенцев, и вы лишь по несчастливой случайности стали их жертвой.

— Уж я бы им показал, попадись они мне в руки! — Ник в ярости затопал ногами по промерзшей твердой земле. — Старые панели, балки, перекрытия, стойла — все, что создавало неповторимый колорит этого места, погибло.

— Да, это невосполнимая потеря. Но как насчет стен? Они, кажется, целы?

— Мы сможем что-либо сказать только после заключения специалиста.

— Банк в состоянии вам в этом помочь — один из наших клиентов является экспертом в этой области.

— Неужели все пошло прахом? — прорычал Ник. — Наша смета была очень напряженной, но выполнимой, и к пику сезона мы бы могли открыться. А теперь из-за этих помешанных националистов мы оказались в куче дерьма! Один Господь знает, сколько времени и сил еще отнимет оформление страховки! Полиция уже пыталась задавать нам довольно странные вопросы. Не удивлюсь, если они подозревают, что мы сами организовали этот пожар, чтобы получить страховку.

— Как они могут?! — гневно вскричала Сью. — Зачем нам это делать? Все наше будущее связано с этим домом. Точнее, было связано... — Она снова заплакала.

— Послушайте, — торопливо заговорила Катриона, видя, что Сью не может справиться с истерикой, а ее муж — с параноидальным оцепенением, и чувствуя, как, несмотря на утепленные ботинки, холод постепенно сковывает ее ноги, — в нескольких милях отсюда есть паб. Почему бы нам не отправиться туда, чтобы хоть чуточку согреться? Кроме того, подозреваю, что сегодня вы толком ничего не ели. Немного еды и тепла — вот что вам нужно.

В маленьком жарко натопленном баре для них нашелся столик-бочка совсем рядом с камином. Жизнерадостный толстяк-бармен принял у них заказ на горячие сэндвичи и сразу же налил по большой порции виски, добавив несколько традиционных замечаний о погоде.

В добросердечной и приветливой обстановке бара застывшее серое лицо Ника начало оттаивать, постепенно приобретая нормальный цвет. У Сью, наоборот, нос распух и покраснел, как вишня, что в сочетании с заплаканными глазами и выбившимися из-под шерстяной шапки спутанными волосами создавало неповторимый эффект. Конечно, оба супруга выглядели неважно, но, по крайней мере, они уже не походили на пару замороженных рыб, решила Катриона, маленькими глотками отпивая виски, в то время как

Ник даже приподнял свой стакан в некоем подобии салюта, а затем одним глотком наполовину опустошил его.

— Да, теперь мне гораздо лучше, — торжественно заявил он. — Еще парочка таких же стаканчиков, и я, может быть, даже смогу опять улыбаться.

— А вы не думаете, — понизив голос, заговорила Сью, оглядываясь по сторонам, — что те, кто совершил поджог, сейчас, возможно, спокойно сидят здесь и выпивают.

— Возможно, — согласилась Катриона, слегка напуганная такой одержимостью несчастной женщины. — Но с такой же вероятностью они могут сидеть где-нибудь в Инвернесе или в Питлохри. Нет никаких причин считать, что они местные. Если верить газетам, ШДШ рекрутирует своих членов по всей Шотландии.

— Но едва ли кто-нибудь там знает о нас, — возразила Сью. — Мы только что начали переоборудование усадьбы. Мы никого не оповещали о своих планах, и только несколько местных жителей могли о них знать.

— Но вы получали разрешение на строительство в административном совете округа, — напомнила Катриона, — и ваша заявка находилась там в течение нескольких недель. Кто угодно мог увидеть ее и узнать о вашем английском происхождении.

— Может быть, — неохотно согласилась Сью. — Конечно, мне не хотелось бы думать, что тот, кто совершил поджог, живет где-нибудь по соседству. — Она испуганно поежилась. — Не уверена, что в этом случае я осталась бы в Глендоране.

— Но вы же не намерены отступить? — обеспокоенно спросила Катриона.

— Ни в коем случае, — твердо заверил Ник. — Кто бы ни швырнул эту бомбу в мое окно, ему предстоит увидеть, что окна застеклены, стены восстановлены и ресторан процветает несмотря на все его гнусные усилия. Пусть шотландцы не думают, что англичане так легко сдаются! — Одним глотком он допил то, что оставалось в его стакане. — Что бы там ни было, усадьба как таковая ничего не стоит. Все равно мы не справились бы без дополнительных инвестиций, и как только я буду уверен, что мы получим кредит — к черту любую ШДШ и всех, кто ей сочувствует!

— Хорошие слова! — воскликнула Катриона, взяв у него из рук стакан. — За такие слова надо еще раз выпить, к тому же, наверно, наши бутерброды уже готовы.

Когда Катриона подошла к стойке, чтобы заказать еще виски, возле нее сидели двое молодых людей. Девушка сразу же заметила, что один из них, с бросающейся в глаза демонической внешностью, очень хорош собой. Когда она вернулась, чтобы взять тарелки с сэндвичами и отнести их на свой столик, он легко соскользнул с табуретки и, подарив ей ослепительную улыбку мощностью по крайней мере пятьдесят мегаватт, подхватил одну из тарелок.

— Я помогу вам. Избавлю от необходимости возвращаться в третий раз.

— Большое спасибо, — ответила Катриона, возвращая ему улыбку, хотя и не столь широкую. — Мы сидим вон там.

— О, не беспокойтесь, я давно уже заметил, где вы сидите, — уверил он. — Разве можно было не обратить внимание на сверкающее золото ваших волос!

— Боюсь, что я не знаю, где какой сэндвич, — сказала Катриона, ставя тарелки на стол.

— Пустяки, — с безмятежной улыбкой заметил ее добровольный помощник. — Вот этот с пикулями, а два других — с горчицей.

Избавившись от своей ноши, он картинным жестом утер лоб, отбросив назад темную вьющуюся прядь. Его густые волосы выглядели так, будто их уже несколько дней не касался

гребень.

— Спасибо, — улыбнулась Сью, заметно оживившись при виде незнакомца. — С пикулями — это мой.

— Не за что, это доставило мне удовольствие, — подарив ей персональную суперулыбку, раскланялся он. — Традиционное хайлэндское гостеприимство.

— Однако вы говорите не как хайлэндец, — заметила Катриона, усаживаясь на свое место, — а скорее как выпускник Хэрроу.

Их собеседник схватился за голову.

— Только не Хэрроу! — выпалил он, широко раскрыв глаза. — В театральной школе тоже учат глотать согласные и округлять гласные.

— О-о, актер, — промурлыкала выглядевшая уже значительно менее несчастной Сью. — Теперь понятно, почему вы так мастерски изображаете официанта.

Ник, привстав, протянул незнакомцу руку и даже умудрился выдавить улыбку.

— Ник Каррузерс, а это моя жена, Сью. Выпейте с нами.

— Андро Линдсей, — представился актер. — Благодарю вас, с удовольствием. Я буду то же, что и вы.

— А как насчет вашего приятеля? — поинтересовался Ник, который определенно начал приходить в себя. Он встал и сделал шаг по направлению к бару.

— Фергюс? О, о нем можно не беспокоиться. Он не очень общительный тип, — отозвался Андро, придвигая себе стул.

Маленький, похожий на хорька человек, о котором шла речь, продолжал неподвижно сидеть на своем месте, спрятав лицо за развернутой «Санди Мэйл», и явно был не расположен к ним присоединяться. Андро повернулся к Катрионе:

— Но ведь вы-то, с такими кельтскими красками и с таким выговором, конечно, не англичанка?

Катриона рассмеялась.

— Нет, я с острова Скай. Катриона Стюарт.

Его рука была сухой и теплой и задержалась в рукопожатии немного дольше, чем того требовала простая вежливость.

— Как поживаете? — мягко спросил он по-гэльски.

— Спасибо, хорошо, — на том же языке автоматически ответила Катриона.

— Что это за язык? — заинтересовалась Сью.

— Гэльский, — объяснил Андро. — Не сомневаюсь, что Катриона владеет им в совершенстве, в то время как я могу сказать только «здравствуйте-прощайте».

— Вы действительно свободно говорите на нем, Катриона? — спросила Сью.

Слегка порозовев, Катриона кивнула:

— Да. Там, где я выросла, почти все владеют этим языком.

— Вот уж не думала! Я почему-то считала, что это умерший язык.

— Наоборот, сейчас он на подъеме и очень далек от умирания.

— А вот и виски, — объявил вернувшийся от стойки Ник, ставя стакан перед Андро. — Сода, вода?

— Немного простой воды, спасибо, — ответил Андро, наливая воду из стоявшего на столе кувшина. — Не знаю шотландца, который бы добавлял в виски содовую. Лимонад — еще куда ни шло, но только не содовую.

— Значит, вы местный? — спросил Ник, надкусывая свой бутерброд.

— Я остановился выше по дороге, — уклончиво ответил Андро. — А вы? Что вы делаете здесь, в суровом северном краю, так далеко от дома? До туристского сезона еще далеко.

Катриона увидела, как Ник и Сью обменялись взглядами, безмолвно советуясь, стоит ли им признаваться, какое отношение они имеют к Глендорану. Затем Сью, дожевав, коротко и ясно изложила их историю.

Андро слушал, не перебивая, с непроницаемым выражением темных глаз. Потом спросил:

— И что же вы теперь будете делать?

— Конечно, начнем все сначала, — решительно ответил Ник.

— А если опять повторится то же самое? — приподнял брови Андро.

— Они не посмеют, — сказал Ник. — Потому что в следующий раз им придется иметь дело со мной, а меня не так-то легко запугать. Но даже если они это сделают, мы опять начнем сначала. Они не должны думать, что могут чего-то добиться с помощью насилия.

— Смелые слова, — пробормотал Андро.

Катриона медленно жевала свой сандвич. Она восхищалась тем, с какой быстротой Ник овладел собой и из поверженного, разбитого существа вновь превратился в стойкого, сильного человека. Катриона понимала, что дело тут вовсе не в виски, и уже начинала верить, что Глендоранской усадьбе недолго осталось лежать в руинах.

— Где вы собираетесь ночевать? — спросила она Сью. — Здесь есть комнаты.

— Нет, мы лучше сегодня вечером поедem в Форт-Вильям, — ответила Сью. — Я хочу завтра успеть на утренний поезд, чтобы вернуться к детям, а Нику нужно побывать в полицейском управлении.

— Завтра к десяти тридцати мне нужно вернуться в Глендоран для встречи со страховым агентом, — добавил Ник и посмотрел на часы. — Наверно, нам пора собираться, дорогая. Уже восьмой час, а нам еще нужно найти отель.

— А вы что собираетесь делать, Катриона? — спросила Сью.

— Конечно, я могла бы поехать домой, но думаю, что, если найдется комната, то я здесь переночую. — Катриона чувствовала себя усталой, и перспектива провести за рулем еще несколько часов ее совсем не привлекала. — Завтра утром мы можем встретиться возле вашего участка, Ник. Возможно, тогда вы будете уже более отчетливо представлять, в каком состоянии ваши дела.

Ник кивнул.

— Отлично. — Он встал. — О'кей, Сью?

Обе женщины поднялись одновременно.

— Я провожу вас до машины, — сказала Катриона. — Заодно узнаю насчет комнаты.

Андро протянул руку.

— Ну что же, до свидания, Сью, до свидания, Ник. Спасибо за выпивку. Возможно, мы еще встретимся.

— С удовольствием, — ответил Ник, пожимая протянутую руку. — С ШДШ или без ШДШ, но мы останемся здесь.

— До свидания, Андро, — улыбнулась Сью. — Когда мы откроемся, приходите к нам в бар.

Андро ухмыльнулся.

— Не забудьте про лимонад для виски, — напутствовал он, затем обратился к Катрионе: — Раз вы намерены здесь переночевать, надеюсь, нам можно не прощаться?

Перед тем как забраться в машину, Сью с чувством чмокнула Катриону в щеку.

— Вы так добры, — сказала она. — Мне все время приходится напоминать себе о том, что вы — наш банковский управляющий.

— Не думайте об этом, — засмеялась Катриона. — Пусть я буду еще и просто вашим другом.

— О, безусловно, вы уже наш друг, и я надеюсь, настанет день, когда мы снова будем на коне и сможем отплатить за вашу доброту.

— Я уверена, что этот день не за горами. Желаю вам благополучно доехать. До свидания, Ник. Увидимся завтра утром.

Она помахала им вслед, твердо решив, что будет рекомендовать банку предоставить Каррузерсам максимально возможный кредит. Такие стойкие борцы заслуживают всяческой поддержки. Открыв багажник своего «гольфа», Катриона вытащила сумку с вещами и вернулась в гостиницу.

— Я взял для вас еще одно виски, — приветствовал ее Андро, когда, получив в свое распоряжение уютную чистую комнатку на втором этаже, Катриона возвратилась в бар.

Андро сидел на своем прежнем месте возле стойки, но его мрачного компаньона уже не было. Катриона села на соседний стул.

— Спасибо, — с грустной улыбкой ответила она. — Хотя, если я выпью еще несколько таких порций, то скоро свалюсь с этого высокого стула.

— Ха! К счастью, нам не придется нести вас слишком далеко. — Он ухмыльнулся. — Полагаю, вы уже взяли номер? — В ответ на ее кивок Андро продолжал: — Я сидел здесь и все гадал, какое отношение вы имеете к тем двоим. Но так и не смог прийти ни к какому выводу.

— Естественно, вам не от чего было оттолкнуться.

— Итак? — Он наклонил голову набок.

— Это связано с моей работой, — намеренно коротко ответила она.

— Попробую угадать. Вы — художник-дизайнер и приехали придумать, как использовать в интерьере сожженные балки.

— Какое безвкусное замечание, — скривилась Катриона. — Не угадали.

— Вы — психолог-консультант по расовым отношениям, помогающий надменным англичанам освоиться среди свирепых диких шотландцев, — с утрированным хайлэндским акцентом произнес актер и, оседлав стул, как лошадь, изобразил вождя горского клана.

Катриона засмеялась.

— Это слишком неблагоприятная и тяжелая работа. Попробуйте спуститься с небес на землю.

— Нейрохирург? Супермодель? Космонавт? — теперь он разыгрывал отчаяние.

Катриона наконец сжалась:

— Банковский управляющий. Я всего лишь их банковский управляющий.

Теперь уже Андро едва не свалился со стула.

— Вы — банковский служащий? Не могу в это поверить. Банковские клерки носят серые пиджаки и не имеют чувства юмора, не говоря уже о том, что, по определению, все они — мужчины!

— Но только не я, — заявила Катриона. — У меня есть и чувство юмора. Кроме того, я работаю отнюдь не в обычном банке.

— Ага! — Темные глаза Андро внезапно сузились. — Вы работаете на «Стьюартса», на

банк, где любят говорить: «Абсолютно, дорогая!» — Взмахнув рукой и изменив акцент, он мгновенно преобразился в великосветского хлыща.

Ее глаза округлились от изумления.

— Вы знаете наш банк?! Впрочем, он не так уж плох, как вы изображаете.

Андро вернулся к первоначальному образу взлохмаченного актера и изумленно затряс головой.

— Подумать только — вы банковский управляющий и работаете на «Стьюартса». Вы должны знать каждого миллионера к северу от Ньюкасла.

— Плюс-минус один-два, — пожалала плечами Катриона. — Хотя, следует заметить, далеко не все они — приятные люди.

— Любой человек, у которого много денег, не может не быть приятным, — цинично хмыкнул Андро. — Особенно в глазах лишенного средств актера.

Катриона удивленно взглянула на него.

— По вашей измятой рубашке и залатанным джинсам трудно судить, действительно ли вы бедны или просто давно не причесывались, однако я почему-то предполагаю последнее.

Андро подарил ей самую ослепительную из своего набора способных расщепить атом улыбок и, вывернув карманы, продемонстрировал их пустоту.

— А вот теперь вы ошиблись. И чтобы доказать это, я разрешаю вам купить следующую порцию.

Катриона с сомнением прикусила губу.

— Если я собираюсь продолжать пить, то мне нужен еще хотя бы один сандвич.

— О'кей, можете купить сандвич и для меня, — благосклонно кивнул Андро. — И тогда провались все пропадом!

Катриона не имела понятия, где Андро Линдсей провел эту ночь. Когда вечером она наконец добралась до постели, то была уже не в состоянии думать о таких пустяках, как уровень алкоголя в крови и безопасность вождения, впрочем, как и он. Единственное, что она знала, проснувшись на следующее утро, — это то, что накануне она слишком много выпила и, кажется, наговорила Андро много лишнего, — но если бы она еще могла вспомнить, что именно!

Но вчера ей было весело — неудержимо, глупо, безумно весело, и весь вечер и всю ночь ее не тревожили мысли ни о ШДШ, ни о Хэмише, ни о его сыне, ни о ребенке Элисон. Катриона не могла вспомнить, когда в последний раз она позволяла себе так расслабиться, но Андро был идеальным собутыльником — легким, необычным, располагающим к себе и необременительным. Они встретились как незнакомцы, а расставались как старые друзья. Единственное, что было во всем этом неприятного — это отвратительное похмелье!

Немного овсянки ей бы не повредило, но когда Катриона увидела огромную порцию чего-то жареного, услужливо поданную ей улыбающейся молоденькой официанткой, то смогла лишь в ужасе затрясти головой и пробормотать:

— Нет-нет. Только кофе, пожалуйста.

И парацетамол, сказала она себе, открывая сумочку.

Несмотря на все свои беды, Ник Каррузерс, когда они встретились возле сгоревшей усадьбы, выглядел куда более жизнерадостным, чем Катриона. Впервые осмотрев свои владения при дневном свете, он заключил:

— Ну что же, все обстоит не так уж безнадежно. Я, конечно, не специалист, но, по-

моему, стены стоят достаточно крепко, несмотря на обвалившиеся перекрытия. Надеюсь, что смогу организовать дело так, чтобы строители начали ремонт, прежде чем мороз довершит разрушения.

— Спокойно подписывайте чеки, — тусклым голосом промямлила Катриона, думая о том, почему же до сих пор не действует парацетамол. — Я собираюсь санкционировать увеличение кредита до двухсот тысяч. Как только я вернусь в Эдинбург, постараюсь побыстрее связаться с тем экспертом-строителем, о котором мы вчера говорили, и прислать его сюда. Вы пробудете здесь еще несколько дней?

— Я пробуду столько, сколько понадобится, — заверил Ник. — Полиция хочет, чтобы я был поблизости, кроме того, я собираюсь привести в порядок коттедж, чтобы Сью и дети могли бы переехать сюда во время пасхальных каникул. А потом нам предстоит дьявольски напряженная работа.

— Полиция уже не рассматривает вас как подозреваемого номер один?

— Кажется, нет, но мне еще предстоит убеждать страховую компанию, — уныло вздохнул Ник.

— Как только подсоединят телефон, сообщите мне номер и все время держите меня в курсе ваших дел, — наставляла Катриона, наблюдая, как по дороге медленно приближается красный «форд». — Похоже, это ваш страховой агент. Мне остаться?

— Нет-нет, спасибо, поезжайте. Во второй половине дня я позвоню вам в банк и сообщу, что он сказал.

Деревушка Глендоран состояла из нескольких домов, школы, церкви и почты, выстроившихся вдоль главной дороги в том месте, где ручей Доран-Берн впадал в озеро Лох-Эйлт. Сама же долина Глендоран располагалась выше, во впадине между горными кряжами. Катриона изучила карту и уяснила, что в сотне метрах от участка Каррузерсов должно быть ответвление от дороги, ведущее к поместью Лохаберов. Вместо того чтобы поехать напрямик в Эдинбург, девушка свернула с шоссе на узкую неприметную дорогу и направила машину вверх по крутому склону. Во-первых, ей хотелось отвлечься и немного проветриться, во-вторых, посмотреть на владения лорда Невиса. Примерно через полмили дорога стала более полой, и перед Катрионой открылась Глендоранская долина — «долина выдр» в переводе с гэльского. Согласно карте, в центре долины должен был находиться дом, носивший то же название — Глендоран-Хаус, хайлэндская резиденция графа Лохабера, главы клана Гэлбрайт.

Дом, приютившийся в укромном месте на краю небольшого озера, по меркам шотландской аристократии выглядел весьма скромно. Никакие пышные украшения не нарушали строгой простоты серых гранитных стен, только несколько высоких изящных дымовых труб оживляли очертания крытой шифером крыши, заканчивавшейся полукруглым парапетом над входом, к которому вела простая каменная лестница.

Дом и прилегавшие к нему пристройки и подсобные помещения были окружены невысокой стеной, создававшей иллюзию уютной отгороженности; вокруг росли деревья, которым, как показалось Катрионе, было столько же лет, сколько и самому зданию, то есть не меньше трехсот. Железные решетчатые ворота были гостеприимно распахнуты. Расхрабрившись, Катриона решила войти и ступила на усыпанную гравием дорожку.

Нигде не было заметно признаков жизни — ни припаркованной возле дома машины, ни движения за окнами. Катриона наугад обошла вокруг дома и, пройдя под полукруглой аркой, очутилась во внутреннем дворике, где располагались гаражи, конюшни и мастерские. Звук

работающего станка эхом отдавался от стен.

Подойдя к двери, откуда доносился шум, Катриона заглянула внутрь и увидела склонившуюся над токарным станком странную фигуру, голову которой украшал шлем. На полу валялись бревна, поленья, необработанные пни с торчащими, еще покрытыми землей корнями, доски, длинные и короткие ветки. Вдоль стен были прикреплены полки, уставленные готовой продукцией — деревянными чашами, кувшинами, горшками, тарелками, блюдами, корзиночками с игрушечными овощами и фруктами — яблоками, грушами, грибами. Резчик был настолько поглощен своей работой, что не замечал присутствия Катрионы, и некоторое время она наблюдала за тем, как в умелых руках мастера на ее глазах длинный кусок дерева превращается в изящно изогнутую ножку стула, а на полу у его ног вырастает горка бледно-желтых опилок.

Когда мужчина наконец поднял голову и сдернул защитные очки, Катриона увидела, что он уже очень стар. Из-под шлема торчали пряди седых волос, а с длинного, высохшего, испещренного морщинами лица на нее смотрели поблекшие голубые глаза. Старик был в выцветшем рабочем комбинезоне, что ничуть не удивило выросшую на ферме и привыкшую к такой одежде Катриону. Он нажал на кнопку, и станок, взвизгнув, замолчал.

— Прошу прощения, — смущенно начала Катриона. — Я искала кого-нибудь, чтобы спросить разрешения погулять вокруг озера. В лучах солнечного света оно выглядит просто изумительно.

Старик снял шлем, положил на скамейку и направился к дверям. Несмотря на возраст, он двигался очень легко.

— Оно изумительно в любую погоду, — откашлявшись, сообщил он. — Кха! Древесная пыль. Сейчас я выйду к вам. Нужно глотнуть немного свежего воздуха.

Его неожиданно правильная старомодная речь напомнила Катрионе героев Вудхауза. Нет, это не фермер и не обычный плотник. Застенчиво улыбнувшись, она спросила:

— Вы, наверно, граф Лохабер?

— Да, — подтвердил он, выйдя во дворик и сощурившись от яркого солнечного света. — Теперь я вижу, что вы так же хороши, как ваш силуэт. Могу ли я, в свою очередь, поинтересоваться, кто вы, раз уж вы почтили меня своим посещением?

От постоянной привычки склоняться над станком спина старика ссутулилась, но, несмотря на это, он оставался очень высок.

— Катриона Стюарт, — представилась она, протягивая руку. — Как поживаете? Я знакома с вашим сыном, лордом Невисом, поскольку работаю в его банке.

Лохабер презрительно улыбнулся.

— «Стюартс»! — фыркнул он. — Какое разочарование! Такое очаровательное создание, как вы, не должно работать в этом гадючьем гнезде.

Его рука была шершавой и мозолистой — рукой рабочего. Катриона обезоруживающе улыбнулась.

— Я — одна из управляющих. Это очень хорошая работа.

Он засмеялся сухим, шелестящим смехом.

— Уверен, что так и есть — для какого-нибудь пучеглазого счетовода. Но вам бы подошло что-нибудь более благородное — искусство, музыка.

— Боюсь, что нет. Банковское дело — это единственное, что я умею. У меня не такие талантливые руки, как, например, у вас. — Она продемонстрировала ему свои руки с длинными пальцами и ухоженными розовыми ногтями.

— Чтобы работать с деревом, нужны не только сильные руки, — сказал старый граф, поглаживая одну свою шишковатую, покрытую шрамами руку другой. — Нужно воображение и чутье, чтобы выявить природу, характер материала.

— С какими породами вы работаете? — заинтересованно спросила Катриона.

— Со всеми, которые растут в этих краях. Бук, дуб, ясень, вяз, сосна, береза, рябина — их так много! По всей округе люди знают — если где-то упало дерево, нужно сказать мне. — Он попристальнее взгляделся в Катриону: — Где вы живете?

— В Эдинбурге.

— Конечно, так и должно быть, раз вы работаете в банке, — разочарованно протянул он. — Но вы не похожи на городскую девушку.

— Вообще-то я выросла на острове Скай, — призналась она.

— Я это почувствовал! — заявил старик и тут же грозно нахмурился: — Почему же вы оттуда уехали?

Катриона едва не вскрикнула от изумления.

— Я... Меня перевели в другой банк. Это было повышение.

— Ба! — воскликнул он. — Вы должны были отказаться. Это принуждение, а не повышение. Ссылка. Обманном путем вам внушили мысль, что жить стоит только в большом городе. Вздор! Нужно хранить верность своим корням.

— Я не изменяю им, — запротестовала Катриона, удивляясь тому, каким образом оказалась вовлечена в этот странный спор, и не зная, как его прекратить. — Там живут мои родители, и я часто навещаю их.

— А как насчет того, чтобы завести свою собственную семью? — Старик скрестил руки на груди и заговорил тоном судьи, выносящего приговор: — Вы должны родить детей — таких же милых и красивых, как вы сами, и воспитать их так, чтобы они прославили остров Скай, а вместо этого вы растрачиваете свою жизнь, считая чужие деньги. — Он сокрушенно покачал головой и продолжал уже другим тоном: — Во теперь везде одно и то же. Повсюду только тщеславие, маммона стал богом. Никто не хочет возвращать долги земле, природе.

— И поэтому вы работаете с деревом? — мягко спросила Катриона.

Он уставился на нее, склонив голову набок, как будто никак не мог решить, кто перед ним — друг или враг, затем внезапно повернулся и, войдя в мастерскую, начал шарить по полкам, бормоча что-то себе под нос. Катриона топталась снаружи, недоумевая, следует ли ей уйти или остаться. Может быть, она чем-то обидела графа или он просто старый чудак, которому надоело с ней разговаривать?

Она уже готова была незаметно ускользнуть, когда он вновь появился в дверях, держа в руках какую-то круглую деревянную штуку.

— Мне хочется кое-что вам подарить, — неожиданно объявил старик.

Это были часы, сделанные из плоского отполированного куска дерева, светлого, цвета буйволовой кожи по краям и густого темно-красного — в середине. Резьба в виде концентрических кругов различной глубины и формы создавала неуловимую игру света и теней. Цифры и стрелки были изготовлены из какого-то другого, более темного дерева; часы показывали правильное время — одиннадцать часов.

— Какая прелесть! — вырвалось у Катрионы. — Но я не могу принять такой подарок, — тут же спохватилась она, вспомнив о Хэмише и подаренной им картине. Да, но сейчас я не сделала ничего, чтобы заслужить это!

Лукавая улыбка преобразила морщинистое лицо старого графа, вызвав на нем тень

далекой молодости. Он любовно провел пальцами по циферблату.

— Эти часы сделаны из рябины, которая росла здесь, рядом с домом. Ее повалил ветер и, разумеется, я тут же посадил на ее месте новую. Как островитянка, вы, конечно, знаете, что рябина защищает от порчи и сглаза, от злых сил и колдовства.

Его голос приобрел поэтические интонации и звучал уже скорее как гэльский, чем как английский. Старик вдруг показался Катрионе похожим на древнего пророка, сказителя легенд и прорицателя.

— Рябина — Дерево Мира, его корни уходят в ад, а крона достигает небес, — сказал он. — Это мощный и властный символ для всех уроженцев северной Шотландии.

Взглядом дав понять, что причисляет к ним и Катриону, старик продолжал:

— Я хочу, чтобы вы взяли эти часы из рябины с собой и повесили их на стену своего жилища. Когда будете смотреть на них, вспоминайте, что время в этом мире драгоценно и преходяще. И когда вы наконец поймете, как именно вам следует распорядиться отпущенным для вас его небольшим отрезком, возвратите часы мне, потому что тогда они уже не будут вам больше нужны. Так что, как видите, это вовсе не подарок, это всего лишь заем.

Катрионе стало не по себе — слова старика вновь заставили ее заглянуть в тот бездонный колодец, в который она уже смотрела бессонной ночью после того, как узнала о беременности Элисон. Старик вложил часы в ее руки, и она ухватилась за них, как утопающий за спасательный круг.

— Хорошо, — неуверенно произнесла Катриона. — Но я не думаю...

— А вы и не думайте, — перебил ее старик. — Продолжайте прогулку, любуйтесь пейзажем, а я вернусь к своей работе. Просто возьмите часы и возвращайтесь, когда почувствуете, что настало время и вы получили знак.

Он приподнял белую кустистую бровь и сразу стал похож уже не на пророка, а на старую овчарку, загоняющую непокорную овцу. Затем он повернулся и исчез в темном дверном проеме мастерской, откуда сразу же послышалось жужжание станка, как бы отгораживающее старика от внешнего мира.

Взглянув на деревянные часы, Катриона улыбнулась. Почему бы и нет, подумала она. Эти часы имеют скорее символическую, чем реальную ценность, зато у нее теперь есть предлог, чтобы вернуться...

Здесь, в горах, снег уже растаял, и колеи проселочной дороги, ведущей вокруг озера, превратились в глубокие лужи. Катриона порадовалась тому, что догадалась надеть более или менее подходящую обувь. Представший ее взору пейзаж напоминал старинную фотографию: черные горы с покрытыми снегом вершушками, встающие из зарослей вереска, кое-где пятна по-зимнему блеклой травы, сверкающие, искрящиеся льдом пики скал. Вдали виднелся лес, светлая молодая зелень одиночных лиственниц выделялась среди преобладания темно-зеленых елей. В ослепительно ярком солнечном свете линия горизонта дрожала, как трепещущий на фоне лазурного неба флаг. Март демонстрировал одну из своих многочисленных погодных ипостасей, и теперь в течение нескольких часов под теплыми лучами солнца будет подниматься пар от торфяных болот и оттаивать ледяные пальцы замерзших водопадов.

Озеро Доран служило прибежищем множеству водоплавающих птиц, и Катриона в течение нескольких минут наблюдала за скользящими по воде утками, суетливыми чомгами и замершими в неподвижном бодрствовании среди зарослей камыша цаплями. Одна из

цапель, обнаружив присутствие Катрионы, негодуяще захлопала крыльями. Высоко в небе парила какая-то крупная птица. Это мог быть и сарыч, но инстинкт подсказал Катрионе, что это редкий золотой орел.

Когда она опустила глаза, то увидела идущего ей навстречу вдоль берега озера мужчину. Это был Андро Линдсей, его темные кудри развевались на ветру, на красивом загадочном лице сияла улыбка.

— Привет тебе, Титания! — закричал он с расстояния в несколько метров. — Разнесся слух, что ты заблудилась среди этих проклятых, продуваемых ветром вересковых пустошей.

Он шагал размашисто и упруго, на ходу пиная ногами остроконечные кустики вереска.

— По-моему, вам пора обновить вашего Шекспира, — предложила Катриона, возвращая улыбку. — Среди вересковых пустошей бродил, скорее, король Лир. Титания, если не ошибаюсь, предпочитала лесные поляны. Как вы узнали, что я здесь?

— Меня вела путеводная нить, — торжественно заявил он. — Я шел по следам разбросанной вами серебряной паутины.

— Да? Вчера вы сами завели меня черт знает куда.

— Ха! Кто вел, кто сбился с пути? — Он остановился, предоставив Катрионе шлепать к нему по грязи. — Я проснулся в семь утра со свернутой шеей и раскалывающейся головой. Эта кушетка в гостиничном холле чертовски неудобна.

— Так вот где вы спали? — хихикнула она, но тут же с подозрением добавила: — Никто не знает, что я сюда поехала.

— Невозможно, чтобы такая рыжеволосая сирена, как вы, что-нибудь сделала в Глендоране и об этом тотчас же не узнали все его обитатели, — усмехнулся Андро. — Догги-Сточная Канава видел, как вы свернули с шоссе и поехали сюда.

— Ах, да, я видела какого-то человека, прочищавшего трубу под насыпью, — вспомнила Катриона. — Так его прозвали Догги-Сточная Канава? Бедняга. Однако зачем вы меня искали? Я задолжала вам выпивку?

Андро посмотрел на часы.

— Об этом стоит подумать, но сейчас мне некогда. Впрочем, вы ничего мне не должны. Просто я подумал о том, что вчера вечером вы совершили роковую ошибку и сегодня, может быть, захотите ее исправить.

— Какую ошибку? — удивилась Катриона.

— Вы забыли узнать мой номер телефона, на случай, если вам захочется позвонить и назначить мне свидание. — Бесспорно, он был очень красив. Даже густая поросль темной щетины не могла его испортить. Андро выглядел как Аполлон после бурно проведенной ночи.

— Действительно, обычно я не допускаю таких ошибок, — серьезным тоном произнесла Катриона.

— Так я и подумал, — с олимпийской самоуверенностью заявил Андро. — Поэтому приготовил для вас записку. — Он взмахнул желтым клочком бумаги. — Можете звонить в любое время дня и ночи. Но если вы не позвоните, я начну маячить возле дверей «Стьюартса», как кошмарный полтергейст. Думаю, ваши шефы не захотят, чтобы лохматый актер в дырявых джинсах и грязных ботинках пачкал их элегантный паркет?

— Разве что он будет нашим клиентом, — улыбнулась Катриона.

Они дошли до конца озера, где стоял его выдавший виды зеленый «сузуки». Андро забрался в машину и высунулся в окно.

— Может быть, я и хочу им стать, — заявил он. — Тогда вы сможете управлять моим счетом. Пока!

Его отъезд был обставлен со всей возможной театральностью. Мотор взревел, колеса забуксовали, разбрызгивая во все стороны комья грязи, затем машина резко рванулась вперед и умчалась, оставив позади улыбающуюся Катриону с зажатым в руке клочком бумаги. Похмелье, Хэмиш, ребенок Элисон — все было забыто.

Однако Хэмиш Мелвилл был не из тех, кто позволяет о себе забыть.

— Где, черт возьми, ты пропадала? — раздраженно-обиженным тоном спросил он, когда в этот же день вечером позвонил Катрионе домой. — Я звонил тебе не меньше ста раз!

— Мне неожиданно пришлось уехать, — ответила Катриона, удивляясь его резкости.

Она провела несколько часов за рулем, потом до семи часов работала в банке, чтобы нагнать упущенное, и теперь чувствовала себя очень уставшей и до сих пор не пришедшей в себя после похмелья.

— С кем? — отрывисто спросил Хэмиш. Он был совершенно не подготовлен к тому, что ее неожиданное отсутствие так сильно на него подействует. Его раздражала невозможность узнать, где она: Катриона не имела отношения к его счетам, поэтому Хэмиш не мог справиться о ней в банке.

Катриона нахмурилась. Он не должен был задавать этот вопрос. «Куда ты ездила?» или «Ты хорошо провела время?», но уж никак не «С кем ты была?» Она не была расположена отвечать.

— Катриона? Ты меня слышишь? — настаивал Хэмиш.

— Да, слышу. Как ты поживаешь? — Она говорила с обычной теплотой, но заметила, что кое-какие критические симптомы исчезли. Куда подевалось дикое сердцебиение, горячая волна, которая заливала ее всякий раз при звуке его голоса? Где то необъяснимое чувство благодарности, которое она испытывала раньше, когда он ей звонил?

— У меня все в порядке. Почему ты не ответила на мой вопрос? — В голосе Хэмиша, всегда такого сверхсамоуверенного, вдруг прозвучала растерянность.

— На какой вопрос?

— Ладно, не имеет значения. — Недоумение уступило место раздражению. — Во всяком случае, ты благополучно добралась до дома.

— Да, но только сегодня вечером... А-а, ты имеешь в виду из Лондона! Да, конечно. Это была чудесная поездка — просто фантастическая. Я так тебе благодарна.

Ее благодарность подействовала на Хэмиша, как бальзам. Его голос тотчас же понизился до интимного полусшепота:

— В следующий раз мы поедem в Париж. Опера, обед у «Максима», «Георг Пятый», все, как и было обещано.

— М-м-м. С нетерпением жду этого дня, — пробормотала Катриона.

Что это с ней? Куда подевались восторг, возбуждение, нервная дрожь, которые она испытывала до сих пор при одной только мысли о нем?

Не догадываясь о ее смятении, Хэмиш пылко продолжал:

— Я бы рванул к тебе прямо сейчас, но должен быть на обеде в клубе, в знаменитом Нью-Клуб. Впрочем, он продлится не так уж долго. Я могу прийти сразу же после этого, ведь я ночью в городе...

— Нет. — Это слово вырвалось само, раньше, чем Катриона успела что-либо сообразить. — То есть, я хочу сказать, конечно, это было бы прекрасно, Хэмиш, но сегодня я абсолютно вымотана. К девяти я, наверно, уже буду спать.

— Оставь ключ под ковриком — я разбужу тебя. Догадываешься, как?

— Могу себе представить. Но я не в форме и не поправляюсь тебе.

— Это невозможно, — тоном дамского угодника отозвался Хэмиш. — Я могу вытерпеть самый скучный обед с любым количеством старых нью-клубменов, если буду знать, что на десерт получу мою Катриону.

— Старые нью-клубмены — это звучит довольно странно, — заметила Катриона.

— Да, хоть он и называется «новым», но клуб этот уже очень древний, как и его члены, за одним, впрочем, исключением.

— И это исключение — ты?

— Конечно! Так что ты мне ответишь? Разрешешь ли предоставить им наслаждаться бренди и трубками без меня, в то время как я сразу после обеда вскарабкаюсь на этот ужасный холм к твоему дому? — с юношеским пылом настаивал Хэмиш.

— О-о, Хэмиш, честное слово, я слишком устала. Мы не можем перенести это на завтра? — Катриона надеялась, что он почувствовал в ее тоне искреннее сожаление. В конце концов, она говорит только правду, одну только правду, ничего, кроме правды.

— Конечно. Все нормально, не беспокойся. — Но в его голосе явственно прозвучали обида и разочарование. — К сожалению, на этой неделе это единственная ночь, когда я могу располагать собой.

— Да, я понимаю. — Катриона не знала, что сказать.

Часть ее существа еще хотела его та необузданная, импульсивная часть, которая тогда, в первый раз, бросила ее в его объятия, но другая половина Катрионы, та, что заставляла ее испытывать чувство вины из-за его сына, та, что увидела в ее отношениях с Хэмишем темный бесплодный тупик, уже отшатнулась от него.

— Что ж, значит, придется нам подождать до следующей недели, — наконец добавила она после длительной паузы.

— Катриона! — недоверчиво воскликнул Хэмиш. — Что с тобой? Мне казалось, что между нами нет недоразумений. Нам было так хорошо в Лондоне! У тебя появился еще кто-нибудь? Ты была с ним? Я понял, ты уезжала с другим мужчиной!

Он говорил грубо, сердито, и был совсем не похож на того учтивого, сдержанного, обаятельного Хэмиша, к которому она успела привыкнуть.

— О, Господи, ну конечно же, нет, — ответила Катриона. — Почему ты так резок?

Он издал нервный смешок.

— Извини, дорогая. Просто я расстроился. Признаюсь, мне ненавистна даже мысль о том, что ты можешь быть с кем-нибудь другим — с другим мужчиной. Ты осуждаешь меня?

— Нет. Наверно, нет. — Но она знала, что это не так. В конце концов, сам он продолжает жить с Линдой.

— Послушай, в субботу скачки Файф-Поинт-ту-Пойнт. Ты будешь там? — Судя по голосу, к Хэмишу вернулась былая самоуверенность.

— Наверно. Мы идем целой компанией из банка.

— А мы разместимся неподалеку от финиша, перед последним препятствием. Будем пить шампанское, есть омаров и так далее. Присоединяйся к нам, и там мы сможем договориться о более приватном свидании. Кстати, у тебя будет время подумать насчет увеселительной поездки. Я предложил Париж, но, может быть, ты предпочитаешь Флоренцию или Венецию — ночь в «Даниэлли», прогулка по Лидо, обед в «Ля Капанна»...

Катриона не могла не улыбнуться. В каком розовом свете он видит жизнь!

— Ты так это расписываешь, что устоять невозможно. Обещаю, что подумаю на эту тему. Значит, увидимся в субботу. Буду высматривать машущего клешней омара.

— Да. Из темно-синего «рейндж-ровера». Между прочим, меня только что ввели в попечительский совет Национальной галереи Шотландии. Кто из художников, после Пикассо, тебе нравится? Тициан? Тинторетто? Рембрандт? Теперь ты сможешь выбирать.

— Прими мои поздравления. Это большая честь. Но мне казалось, ты не выносишь мысли обо мне рядом с другим мужчиной, даже если это старый мастер.

— Нахалка! Ты уверена, что не передумала насчет сегодняшней ночи? Судя по голосу, ты не так уж устала.

— Ужасно устала, поверь мне. В этом вашем клубе есть холодный душ?

— Нет, душа нет, но я давно подозреваю, что они кладут в кофе тазепам. Иначе почему бы все засыпали сразу после обеда?

— Выпей две чашки!

— При том, что ты будешь меньше чем в полумиле от меня, мне понадобится гораздо больше. Увидимся в субботу, моя прелестная умненькая банкирша. Я сравню тебя с тем тюком сена, о котором мы говорили в Лондоне. Пока.

— Звучит сверхсоблазнительно, но опасно! Пока.

Не успела Катриона положить трубку, как раздался пронзительный звонок.

— Добрый день, Катриона. Это Фелисити Финли, жена Брюса. Вы работаете у «Стьюартса» уже три месяца и до сих пор еще ни разу у нас не пообедали. Я чувствую себя ужасно неловко. Что вы скажете насчет вечера пятницы? Вы свободны?

Катриона, не подозревавшая об истинных мотивах приглашения, с удовольствием приняла его:

— Да, свободна. Спасибо. Я обязательно приду.

— Прекрасно. Никаких формальностей. Будет только несколько друзей, в том числе и из банка. Приходите около восьми вечера.

— Отлично. Большое спасибо.

Катрионе было очень интересно, осведомлен ли Брюс о том, что она приглашена, и получит ли он удовольствие, увидев ее за своим семейным столом, учитывая, что она знает о его отношениях с Линдой. Вот он, риск от игр на стороне!

Поговорив по телефону, Катриона поставила варить суп из моркови, лука, фасоли и петрушки, и, пока он медленно закипал на плите, наполняя квартиру аппетитным, напоминающим о доме ароматом, углубилась в размышления. Запах супа пробудил в ней приступ глубокой тоски по дому, по относительно простой деревенской жизни, зависящей в основном от капризов погоды и смены сезонов, столь далекой от аморальности большого города и уж тем более от высоких финансовых сфер. При ее нынешней жизни перспективы выглядели довольно туманными, а ситуация — весьма проблематичной. Какие чувства она в действительности испытывает к Хэмишу? Почему существование Макса, его сына, так все осложнило? И, наконец, почему она так мучительно завидует Элисон?

На короткое время события, связанные с Каррузерсами, отодвинули все эти проблемы на второй план, а затем короткая интерлюдия с Андро вернула ей обычную жизнерадостность. Однако Андро оставался еще одной загадкой. Он появлялся и исчезал со своей ошеломляющей улыбкой, совсем как Чеширский Кот. Может быть, подобно Алисе в Стране Чудес, ей не следует придавать ему особого значения? Да, на короткое время между ними установилось полное взаимопонимание, и им было очень хорошо вдвоем, но, в общем-то, она ничего о нем не знает, не знает даже, каково его актерское амплуа. Их застольная беседа носила скорее философский, нежели личный характер. Они говорили о бедах этого

мира вообще и Шотландии в частности. Он проявил обостренное чувство национальной гордости, не оставившее Катриону равнодушной. Конечно, это был не более чем пьяный разговор. И все-таки он оставил ей номер телефона. Почему бы ей им не воспользоваться? Ключок желтой бумаги был наколот на специальный крючок возле кухонной двери. Переносной телефон стоял у нее под рукой. Повинуясь внезапному импульсу, Катриона набрала номер.

Она услышала четыре гудка, затем раздался щелчок, и записанный на магнитофон женский голос четко произнес:

— Говорит «Пресипитос Сити Продакшнз». В данный момент никто не может вам ответить, но если вы оставите свое имя и номер телефона, мы постараемся связаться с вами при первой возможности.

Катриона услышала тонкое попискивание, означавшее, что автоответчик готов принять ее сообщение. Немного подумав, Катриона, не говоря ни слова, нажала на рычаг. Она-то думала, что он дал ей свой домашний телефон. Кто эта женщина и что это за «Пресипитос Сити Продакшнз»?

Деревянные часы все еще лежали на столике в холле, куда она положила их, войдя в дом. Порывшись в ящике с инструментами, Катриона нашла гвоздь и молоток и, прихватив часы, направилась в гостиную. Оглядывая стены в поисках места для часов, она натолкнулась взглядом на висевший слева от каминной полки пейзаж Виг-Бэй. Симметричное место справа от камина было свободно, и Катрионе показалось вполне логичным разместить обе эти вещи, часы и картину, рядом, — два неожиданных дара, каждый по-своему настойчиво напоминающие ей о скоротечности бытия, о том, что ее время уходит и развеивается, как дым!

Вешая часы, Катриона как следует рассмотрела их. Часы были сделаны из двух половинок, срезанных с одной стороны ствола и склеенных посередине. Смутные воспоминания, вынесенные со школьных уроков работы по дереву, подсказали Катрионе, что одиночный поперечный срез ствола со временем искривляется, в то время как две половины, срезанные с одной стороны и склеенные по линии диаметра, сохраняются целыми и прямыми, одна половина компенсирует искривление другой. Это как в счастливом браке, подумала Катриона, вспомнив длительный счастливый союз своих родителей, связанных не только законом, но и любовью, и научившихся прощать друг другу маленькие слабости и недостатки. Разве достигла она в своей жизни чего-нибудь, что может с этим сравниться?

При мысли о родителях Катриону вдруг ужалила такая острая, жгучая тоска, которую она могла обозначить только одним шотландским словом, которым иногда пользовалась ее мать: werch, что означало слабость, хандру, состояние подавленности. В чем Катриона сейчас нуждалась, так это в хорошей старомодной дозе материнской болтовни.

Шина Стюарт была не из тех, кто долго ходит вокруг да около.

— Что случилось, дорогая? — спросила она, услышав голос дочери. — Ты что, потеряла фунт и нашла пенни?

— Неужели мой голос производит такое впечатление? — Катриона попыталась весело рассмеяться. — Извини!

— Тебе не удастся обмануть меня, моя девочка. Я могу подолгу не видеть тебя, но, слава Богу, я по-прежнему всегда могу сказать, когда моя Кэт не в порядке. Однако ты не из тех, кого легко свалить с ног. Что стряслось?

Они говорили по-английски, поскольку гэльский не был родным языком для выросшей

в Клайде Шины, но низкий, протяжный, музыкальный голос матери, даже искаженный телефоном, сразу заставил Катриону вновь почувствовать себя девочкой. Слезы жалости к себе самой потекли по ее щекам.

— Меня еще не свалили, ма, только чуть-чуть подрубили. Кажется, я подцепила «городскую лихорадку».

Ее мать коротко вздохнула.

— О-о! Это тяжелая болезнь. Но я скорее назвала бы ее Синдромом Дефицита Острова. — В тоне Шины Стюарт отчетливо прозвучали заглавные буквы. — У меня эта болезнь начинается уже через несколько часов пребывания на «большой земле», а ты прожила там уже почти десять лет.

Несмотря на угнетенное настроение, Катриона не могла не рассмеяться.

— Ты, как всегда, со своим СДО! Раньше я тебе не верила, но теперь начинаю думать, что, пожалуй, ты права.

— Что ж, Кэт, против этой хвори есть только одно лекарство. Тебе надо на несколько дней приехать домой. Ты сумеешь вырваться, любовь моя? Я жажду тебя увидеть, отец просто страдает, так он по тебе соскучился, а малышки, дочки Марии, уже почти не помнят свою тетю.

Катриона отчетливо представляла свою мать: скорее всего, она сидит на своем обычном месте, в кухне, за дочиста выскобленным сосновым столом, и заполняет ежедневник или составляет очередную картину из сухих разноцветных трав. Летом туристы с удовольствием раскупали эти картины в местной лавке, как память о дикой, пряной, специфической красоте Ская. Отец, должно быть, сейчас внизу, в баре местной гостиницы «Ферри Инн», куда он, как и большая часть мужского населения острова, ходит на часок-другой каждый вечер после обеда.

— Я приеду на Пасху. Осталось всего около трех недель.

— Хм-м. К тому времени твой СДО может перейти в хроническую форму. — Шина шутила только отчасти. Меланхолическая тоска по родине очень распространена среди уроженцев Хайлэнда и зачастую передается из поколения в поколение. Отсюда обычай собираться кланами даже в таких отдаленных местах, как Новая Шотландия или Новая Зеландия.

— Расскажи мне, что там у нас нового. — Катрионе хотелось послушать голос матери, повествующий о простых, обыденных вещах. В ее нынешнем состоянии это была своего рода первая помощь, накладывание пластыря на кровоточащую рану.

— Школьную учительницу видели, когда она покупала в лавке бутылку «Блу Нан», и в следующее воскресенье священник разразился проповедью на стих из Послания апостола Павла к ефесянам: «Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство».

Катриона хихикнула.

— Да ну?! А сам небось после проповеди направился напрямиком в «Ферри Инн»?

— О нет, дорогая. Только не в воскресенье.

— Раз уж речь зашла об учительнице, как продвигается ее роман с Донни Дж.?

«Дж.» добавлялось, чтобы отличить этого Донни от его многочисленных тезок, один из которых, Донни Б., был женат на Марии, сестре Катрионы.

— Все так же, ни шатко ни валко. А у тебя на горизонте есть кто-нибудь?

Шина вроде бы случайно задала этот вопрос, но Катриона знала, как беспокоит ее мать неустроенная личная жизнь дочери.

— Ох, ты же знаешь, мама. Как всегда, у дверей топчется дежурная очередь.

— И ни одного принца?..

— Но ведь и я не принцесса.

— Только не говори об этом отцу. Он-то думает как раз наоборот.

— Он в порядке?

— Да, такой же, как всегда. Здесь ничего особо не меняется.

— Кроме прилива.

— И погоды — она-то сейчас меняется каждые пять минут. Уж эти мне сумасшедшие мартовские ветры!

Когда речь зашла о погоде и о делах на ферме, Катриона сразу же почувствовала себя лучше. Где-то еще существовала простая, обычная, нормальная жизнь, без этой суеты и ухищрений, без сиюминутных уловок и обманов. Катриона начала понимать, что в словах старого графа был какой-то смысл. Может быть, она просто была ужом, попавшим в гадючье гнездо: внешне такая же, как они, но по природе своей совсем другая?

Когда деревянные часы показали десять часов, Катриона съела фасолевый суп и отправилась спать, не оставив ключа под дверным ковриком.

Ист-Ньюк-оф-Файф — прекрасная тайна, ревностно охраняемая теми счастливыми, которым удалось в нее проникнуть. Нефтяные магнаты пролетают над этим местом, направляясь в Абердин; иностранные туристы, нацеленные на полные лосося реки и заводы по производству виски в Спейсаде, проезжают совсем рядом; страстные любители гольфа огибают его, чтобы поскорее попасть напрямиком в Сент-Эндрюс. Мало кто знает, что при этом теряют шанс увидеть одно из красивейших мест Шотландии.

Как следует из названия, Ист-Ньюк — укромный уголок, лежащий позади восточной оконечности Файф-Несс и состоящий из нескольких необычных, но привлекательных обрывистых бухточек, окаймленных цепочкой белых домиков с красными черепичными крышами, в которых живут рыбаки. Домики кажутся нанизанными на узкую песчаную полосу пляжей, позади них возвышаются эффектные скалистые берега, а еще выше — холмистые поля и пастбища. Несмотря на соблазны Греции или Испании, летом эти места становятся Меккой для семей среднего достатка из центральной Шотландии, жаждущих спокойного и простого отдыха. Ибо по какому-то капризу природы Ист-Ньюк, как правило, нежится на жарком солнышке, в то время как остальная часть восточного побережья изнывает под тучами. Пляжи заполняются детьми, их родители тем временем развлекаются гольфом, теннисом и барбекю, на которых подают свежие бифштексы и розовое шампанское.

Ранней весной те же семьи, усевшись в соответствующие своему статусу автомобили, приезжают снова. Преодолев полосы пахотной земли и прошлогодней стерни, они выстраиваются правильными рядами вдоль трехмильной полосы препятствий, чтобы полюбоваться ежегодными скачками, устраиваемыми охотничьим и скаковым клубом Файф-Хант.

Катриона встретила со своими коллегами из банка на условленном месте возле смотрового круга. Она предпочла воспользоваться своей машиной, чтобы ни от кого не зависеть и иметь возможность уехать, как только ей этого захочется. Мойра, помощница Катрионы, привезла в своем автомобиле Джиллиан и Дональда, чем последний был очень доволен, поскольку это давало ему возможность «немножко расслабиться», не волнуясь о

том, как потом вести машину на обратном пути. Как и Катриона, они воспользовались пятифунтовой платной стоянкой, откуда им пришлось идти пешком примерно четверть мили до скакового круга. Поставить машину у самого ограждения стоило двадцать пять фунтов, а расположиться недалеко от финиша могли только члены клуба.

— Что-то я не вижу стоящих рядами зрите лей, — с удивлением заметила Катриона, обозревая редкие тенты и порталы вокруг скакового поля.

Ее знания о скачках были весьма поверхностны и базировались в основном на ежегодных телетрансляциях с розыгрышей двух главных кубков: Дерби и Большого национального. Здесь, кроме ряда моторизованных фургонов с лошадьми, мало что напоминало о скачках.

Дональд рассмеялся.

— Меня тоже всегда удивляло, что люди сидят там, где полагается стоять. Убежденные любители скачек предпочитают взбираться на крыши своих автомобилей, чтобы получить хороший обзор.

Мойра купила программу скачек и обсуждала ее с Джиллиан.

— До первого забега еще масса времени. Давайте пройдемся, может, встретим кого-нибудь из клиентов, кто захочет угостить нас.

Катриона тихонько улыбнулась. Конечно, встретим, подумала она. Девушка никому не говорила о приглашении Хэмиша, поэтому размахивающий клешнями синий «рейндж-ровер» должен был оказаться для них сюрпризом.

— Да, банк в достаточной степени занимается благотворительностью, так что его клиенты могут в кои-то веки вернуть нам хотя бы часть того, что задолжали, — заявил Дональд, сунув программку в карман и потирая руки то ли от холода, то ли в предвкушении бесплатного угощения. — Наши клиенты здесь кишмя кишат, и я всегда готов выпить с ними за поддержание деловых контактов.

Посмеиваясь и поддразнивая друг друга, они пошли дальше, но вдруг Мойра потянула Джиллиан в сторону большой шумной компании, толпившейся возле открытого багажника серого «вольво».

— Это же полковник Бьюкенен из полка моего отца! — обрадовалась она. — Пойдемте к ним!

Катриона и Дональд, переглянувшись, одновременно покачали головой.

— Идите, девочки, увидимся позже, — предложил Дональд. — Вперед!

Хотя дождя не было, тяжелые тучи низко нависали над четко очерченными, покрытыми короткой травой вершинами холмов, пологие склоны которых окружали широкую лошину, где располагалось скаковое поле. Приехавшие на скачки зрители охотно пили и закусывали, холодный северо-восточный ветер способствовал резкому понижению уровня жидкостей в их бутылках и фляжках, и побагровевшие носы и щеки встречались ничуть не реже, чем бинокли и твидовые кепи.

— Ты только посмотри! — ахнул Дональд, хватая Катриону за локоть.

На привилегированном месте, как раз посередине между последним препятствием и финишным столбом, стоял синий сверкающий «рейндж-ровер» Мелвиллов с открытым багажником. Рядом с ним небольшая толпа оживленно болтающих людей группировалась вокруг двух накрытых белоснежными скатертями и в изобилии уставленных тарелками и бутылками столов. В безупречно строгом наряде обслуживавшего столы дворецкого не было ни малейшей уступки ни погоде, ни спортивному характеру мероприятия: на нем были

черный фрак, белоснежная манишка, галстук-бабочка, полосатый жилет и белые перчатки. Непогрешимый, полный достоинства Минто с мрачным видом обходил «нахлебников» своего хозяина, предлагая им шампанское.

Оживленный, улыбающийся Хэмиш, одетый в бежевое ворсистое пальто с поясом, в коричневой фетровой шляпе, стоял посреди гостей, потихоньку руководя действиями своего дворецкого с помощью едва заметных кивков и жестов.

Линда Мелвилл закуталась в белоснежный кашемир, многочисленные слои которого облегли ее длинные стройные ноги, оборачивались вокруг гибкой талии и обвивали голову и плечи в виде своеобразного головного убора со свисавшим вниз длинным норковым шарфом. Своим экстравагантным видом, сверкающими зубами, яркими темными глазами, специфической позой манекенщицы с расставленными длинными ногами она, как показалось Катрионе, напоминала какого-нибудь удалого русского казачьего атамана. Сходство довершали блестящие высокие черные сапоги, к которым оставалось только приделать шпоры.

По сравнению с этой экзотической птицей Катриона в своем простом сером пальто из мягкой ворсистой шерсти и твидовых брюках почувствовала себя бесформенной, безвкусной колодой. Положение спасала только новая зеленая фетровая шляпа.

— Непохоже, что Линда Мелвилл приехала сюда ради лошадей, — шепнула Катриона Дональду.

— И уж, наверное, она здесь не ради пива, — согласился он. — Тогда ради чего же?..

В это время на противоположной стороне дорожки показались Брюс и Фелисити Финли. Компания Мелвиллов с энтузиазмом приветствовала их радостными криками, слышными на расстоянии пятидесяти метров.

— Возможно, у меня есть ключ к этой тайне, — цинично хмыкнула Катриона. — Пойдем, Дональд, выпьем и поедем за здоровье и за счет Их Величеств.

На номерной табличке «рейндж-ровера» значилось XM200. Когда Линда Мелвилл ездил по городу, ни у кого не должно было возникать сомнений, чья это супруга.

— О, я вижу, «Стьюартс» здесь мощно представлен! — воскликнул при виде них Хэмиш, приветственно помахав рукой. — Вы, если не ошибаюсь, Дональд Камерон? — уточнил он, когда они подошли поближе. — Мы уже встречались в банке. Прошу вас, выпейте с нами.

Мелвилл пожал руку Дональда и с видом заботливого хозяина повернулся к Катрионе:

— Катриона, ты выглядишь замерзшей. Может быть, тебе лучше выпить чего-нибудь более крепкого, чем шампанское?

— Нет-нет, шампанское — как раз то, что нужно, — ответила Катриона, обменявшись с Хэмишем, как это было принято в светских кругах, поцелуем в щеку и ощутив многозначительное пожатие на своем локте.

Улыбнувшись и поблагодарив Минто, Катриона взяла предложенный бокал с серебряного подноса. В этот момент к ней сквозь толпу пробралась Фелисити Финли.

— Привет. Надеюсь, вы довольны вчерашним вечером? Я боялась, не было ли вам скучно.

Фелисити не видела, как в этот момент за ее спиной Брюс с плохо скрытым энтузиазмом приветствует Линду Мелвилл.

— Вовсе нет, — с искренней теплотой ответила Катриона. — В особенности мне доставило удовольствие знакомство с вашей приятельницей Элизабет, э-э, кажется,

Николсон?

Большую часть вечера Катриона и брызжущая энергией Элизабет провели, обсуждая возможные способы добывания денег на постройку детских приютов с помощью спортивных мероприятий.

Фелисити кивнула:

— О, да. Она звонила мне сегодня утром. Элизабет в восторге от ваших идей, в особенности от предложения привлечь к нашим соревнованиям знаменитостей. Она уже ищет способы ее осуществления. Вы ее просто очаровали!

Однако Элизабет — не единственная победа, которую накануне одержала Катриона. Фелисити, поглощенная идеей поймать мужа на том, как он будет оказывать своей обворожительной подчиненной какие-то особые знаки внимания, к концу вечера пришла в замешательство, поняв, что, хотя Брюс и обращается с Катрионой чересчур по-дружески, сама она тоже весьма расположилась к девушке. Ей уже хотелось, чтобы ее подозрения оказались ошибочны, хотя она еще не могла полностью сбросить их со счетов.

— Правильно ли я понял, Фелисити, что вчера вечером Катриона была у вас в гостях? — забавляясь, с улыбкой поинтересовался Хэмиш. — Чем же провинились бедные Мелвиллы, что их не пригласили на это пиршество веселья и забав?

— Вот уж кого никак нельзя назвать бедным, так это вас, Хэмиш, — без тени раскаяния отозвалась Фелисити. — Кстати, если память мне не изменяет, вы были у нас всего недели три назад. Правда, боюсь, что наше скромное угощение нельзя даже сравнивать с этими гастрономическими изысками, — она махнула рукой в сторону уставленного деликатесами стола. — Здесь, пожалуй, больше икры, чем ее загружают на яхту королевы на весь карибский круиз!

И в самом деле, посреди стола в ледяном гнезде красовалась огромная хрустальная чаша, доверху наполненная крошечными черными шариками — теми самыми, что стоят двадцать фунтов за унцию, как будто компания действительно собралась на первом классе круизном лайнере, а не на продуваемом ветрами пятачке. Рядом громоздились чудовищных размеров блюда с креветками, омарами и истекающим розовым соком гигантским ростбифом, уже нарезанным тонкими ломтиками.

— Мне кажется, я уже вижу клешню, которая машет лично мне, — прошептала Катриона, вскользь улыбнувшись Хэмишу.

— Разве это не восхитительно? — вздохнула Фелисити. — Вы развращаете нас, Хэмиш. Я уже и не помню, когда в последний раз ела омара.

— А как вам удалось устроиться в такой близости к финишу? — осведомился Дональд, как следует глотнув шампанского. — Это самое привилегированное местечко. Разве вы член клуба?

— Нет, не я. Сам я предпочитаю держать своих лошадей на стене, в рамках. Желательно, чтобы они были нарисованы Стаббсом или Маннингом. Но Минто — член клуба. Он регулярно ездит на охоту, не так ли, Минто?

— Да, сэр, — пробормотал из-за плеча хозяина похожий на печального черного ворона дворецкий. — Когда обязанности позволяют.

— Он содержит в конюшне двух лошадей, — продолжал объяснять Хэмиш. — Видите, как хорошо я ему плачу.

— Да, сэр. Прошу прощения, — смущенно покашливая, пробормотал дворецкий и удалился, поскольку с другого конца площадки его позвала Линда.

— Я слышала, что вас назначили попечителем Национальной галереи, Хэмиш, — вставила Фелисити. — Брюс прямо-таки позеленел от зависти. Он удостоился такой чести только в Галерее изящных искусств.

— Боюсь, это зависит не от того, кто больше понимает в искусстве, а от того, у кого ту же набит денежный мешок. Человек, который соглашается быть попечителем, должен быть готов к тому, что ему постоянно будут выкручивать руки, — с несвойственной ему самокритичностью вздохнул Хэмиш.

— И как, вы уже это на себе почувствовали? — поинтересовалась Фелисити.

— Еще как! Мой денежный сундук уже зарос паутиной.

— Ну, уж в это верится с трудом, — усмехнулась Фелисити.

— Ладно, давайте просто скажем, что я немного подустал от живописи. Я собираюсь немного сменить курс и начать вкладывать деньги в другие виды искусства.

— Вы хотите сказать, что собираетесь освободить место, чтобы кто-нибудь другой с помощью денег мог стать мафиози от искусства? — с усмешкой подсказал Дональд.

— Вот именно, — бесстыдно ухмыльнулся Хэмиш.

— В какие именно другие виды искусства? — заинтересовалась Катриона.

— Я еще не решил. Просто у меня создалось впечатление, что живописи и скульптуре достаются слишком большие куски пирога, они того не заслуживают. Так что я пока думаю. Но в любом случае, это должно быть что-нибудь шотландское.

— Скоро у ваших дверей выстроится очередь просителей, — сказала Фелисити. — Все бездари и графоманы, мнящие себя гениями, начнут охотиться за вашими пенни и фунтами.

— Нет, это не пройдет, — невозмутимо пожал плечами Хэмиш. — Я не меценат, я инвестор. Мне нужно, чтобы мои денежки приумножились и вернулись ко мне.

В этот момент к ним подплыла Линда.

— Я сказала Минто, что можно начинать, — объявила она. — Через сорок минут — первый заезд, и Брюс говорит, что уже умирает с голоду.

Катриона подумала, что еще никогда не видела, чтобы кто-нибудь так откровенно демонстрировал свои отношения. Брюс постоянно терся возле Линды, и просто удивительно, что Фелисити ничего не замечает.

Минто, поставив поднос, откашлялся и торжественным тоном провозгласил, что кушать подано. Тотчас же, как по волшебству, появились Мойра и Джиллиан.

— Ага, — засмеялся Дональд, дружески обнимая их за плечи, — саранча слетелась, почуяв омара.

— Как можно вилкой есть целый ломтик ростбифа? — жалобно спросила Фелисити Финли, первой отходя от стола с доверху наполненной тарелкой.

Дональд моментально отреагировал на это замечание, подцепив с помощью упомянутого инструмента кусочек мяса с ее тарелки и отправив его себе в рот.

— Вот так! — невнятно проговорил он, пытаясь одновременно жевать, говорить и смеяться.

— Бессовестный воришка! — возмутилась Фелисити, поспешно засунув в рот другой ломтик и выставив вилку, чтобы оградить свою тарелку от дальнейших посягательств. — Руки прочь от моего омара, сэр!

Катриона тоже успела заполучить тарелку с крабами, омаром, икрой и порцией майонеза и с удовольствием предвкушала, как сейчас смешает все это и насладится единой непередаваемой вкусовой гаммой. С удовольствием отправив в рот очередную клешню,

наполненную икрой и майонезом, она вдруг услышала совсем рядом с собой знакомый голос.

— Наслаждаешься жизнью?

От неожиданности Катриона поперхнулась, и несколько икринок выскочило у нее изо рта, лишь по случайности не попав на белый кашемир Линды. Обернувшись, девушка увидела красивое худощавое лицо и всклокоченные длинные кудри, которые ассоциировались с этим голосом.

— Андро! — поразилась она. — Ты-то что здесь делаешь?

— Охочусь. — Глаза актера весело блеснули.

Катриона сунула ему в руки свою тарелку и с помощью вышитой салфетки, которую Минто предусмотрительно вручил каждому гостю, попыталась стряхнуть со своего пальто капельки майонеза и икры. Не теряя времени, Андро высмотрел самую большую клешню и с наслаждением впился в нее.

Он выглядел почти так же, как в Глендоране, — в джинсах, с обмотанным вокруг шеи длинным шарфом домашней вязки, в черной кожаной куртке. Его облик свободного художника гораздо больше подходил для того, чтобы украсить обложку журнала «Рампа», чем, скажем, «Гончие и лошади». Поскольку он пренебрег головным убором, его волосы были взъерошены и растрепаны сильнее, чем когда-либо. Кроме того, Катриона начала подозревать, что постоянно темнеющая на его щеках колючая щетина была необходимой составной частью имиджа, а отнюдь не объяснялась отвращением к бритью.

— Можешь доедать, — отрицательно покачала она головой в ответ на предложение вернуть ей тарелку. — Мне больше не хочется.

Он насмешливо приподнял бровь и, окуная следующую клешню в майонез, заметил:

— Да, сегодня ты выглядишь сытой и довольной. Или это теплое белье?..

Катриона разочарованно кивнула.

— Я обмотана им, как капуста. Не знаю только, зачем я сюда явилась.

— Потому что инстинкт подсказал тебе, что здесь буду я, — бойко отозвался он, жадно жуя и глотая. — О, в этом майонезе есть икра! Обожаю икру! — Взяв у нее из рук бокал, он запил икру шампанским.

— Да, здесь умеют пустить пыль в глаза, — фыркнула Катриона, с удовольствием засовывая освободившиеся руки в карманы, чтобы хоть немного согреть их. — Я впервые в жизни попробовала икру, а ты заставил меня ею поперхнуться.

— Вот и хорошо. Тебе не могла понравиться икра. Человек с хорошим вкусом не может любить икру.

— И все-таки, как ты узнал, что я здесь буду? — настаивала Катриона.

— А я и не знал. Это случайность, — безмятежно ответил Андро. — Или, если угодно, судьба. — Он показал на опустошенную тарелку: — Кстати, кого я должен благодарить за щедрость?

В этот момент рядом с ним появился Хэмиш. На его губах играла улыбка, но глаза оставались холодными.

— У нас новый гость? Твой друг, Катриона?

Она явственно почувствовала холодок в его тоне.

— Андро Линдсей, — немного нервничая, представила Катриона. — Андро, это наш хозяин, Хэмиш Мелвилл.

— Извините, что не могу пожать вам руку, — сказал Хэмиш, показывая на свою тарелку

и стакан. Заметив, что Андро держит бокал, в котором уже почти ничего нет, а руки Катрионы пусты, он мгновенно все понял и добавил: — Тебе вовсе не нужно было отдавать ему свое шампанское, Катриона. Минто! — Дворецкий моментально вырос рядом с хозяином. — Позаботься о мистере Линдсее. Что вы предпочитаете?

Каковы бы ни были вкусы Андро, ясно было, что сам он, Хэмиш, с удовольствием подбавил бы незваному гостю немного яду. Увидев Катриону перешучивающейся с молодым актером, он ощутил прилив необузданной ярости, испугавший его. Он почувствовал себя разъяренным львом, обнаружившим, что на его территорию вторгся чужак.

Андро покачал головой. Чутье подсказало ему, что здесь скрыты подводные течения, которые могут оказаться для него опасными, и он счел за лучшее отказаться:

— Нет, спасибо, не беспокойтесь. Я просто шел к букмекерам и проходил мимо. Пока, Катриона.

Он вернул ей тарелку и бокал и повернулся, чтобы уйти. Но Катриона вовсе не собиралась позволять Хэмишу контролировать ее отношения с друзьями. Широко улыбнувшись, она одним глотком допила шампанское и поставила тарелку и бокал на поднос остолбеневшего дворецкого.

— Грандиозно! Я тоже пойду с тобой к букмекерам, Андро, — решительно заявила она. — Я еще никогда не играла на скачках, и нужно, чтобы меня кто-нибудь просветил.

— О, ну тогда ты напала как раз на того, кто тебе нужен! — воскликнул Андро, с шутливым видом взяв ее под руку. — Мы с Гарри Темной Лошадкой вот так! — Он показал два сложенных пальца.

— Отлично, — произнесла Катриона, с вызовом отвечая на неодобрительный взгляд Хэмиша. — Спасибо за сказочный ленч, Хэмиш. Я еще вернусь и расскажу вам, какие ставки.

— Хорошо, — проговорил Хэмиш ей вслед, с трудом удержавшись от того, чтобы не схватить ее и не заставить вернуться. Прошла уже неделя с тех пор, как они были вместе, и у него болели руки от желания прикоснуться к ней!

— Но совсем не обязательно опять приводить сюда твоего дружка, — понизив голос, добавил он.

Гарри Темная Лошадка оказался Гарри Дином, одним из дюжины частных букмекеров, разместившихся неподалеку от смотрового круга. Он восседал под кричащим малиново-желтым зонтиком рядом с доской, на которой мелом были написаны ставки для каждого заезда. Для первого, где должны были бежать новички, они колебались от двух к одному до шести к одному.

— Ты подскажешь нам, на кого ставить, Гарри? — спросил Андро, когда они с Катрионой поравнялись с букмекером.

— О, да никак это малыш Линдсей собственной персоной! — провозгласил букмекер, веселый человек в сером, выдавшем лучшие дни пальто, замызганном шарфе и помятом котелке.

— Что я вижу, Гарри, новая шляпа! — заметил Андро. — На скачках в Перте ты был другой.

— Ну, она уже не совсем новая. Я купил ее в магазине подержанных вещей. Но я решил, что она улучшит мой вид. — Гарри приподнял котелок и поклонился Катрионе. — Добрый день, мадам. Надеюсь, вы не собираетесь следовать советам этого неотесанного увальня, вашего спутника, когда будете делать ставки. В прошлом году в Перте я получил с него сто фунтов, и по сей день он не вернул ни одного из них!

Катриона рассмеялась.

— В таком случае вы должны радоваться, если я последую его советам.

Гарри комично замотал головой.

— Это все равно что отнять полпенни у ребенка, мадам. Я не хочу, чтобы такая красotka, как вы, проигрывала.

— Вот что я вам скажу, — предложила Катриона, — я не буду ставить на тех же лошадей, что Андро. Тогда наши шансы выиграть удвоятся.

— У него все равно нет никаких шансов, — подмигнул Гарри, — но вот вы — другое дело. У вас, мне кажется, легкая рука. Только не слушайте его!

Андро внимал их диалогу с видом растущего негодования.

— Хорошо! — заявил он. — Я еще заставлю тебя, Гарри, съесть твою собственную шляпу. Ставлю пятерку на Голубую Диковину. Ты принимаешь на него четыре к одному, так что я надеюсь получить с тебя двадцать фунтов. — Андро протянул букмекеру банкноту.

— Голубая Диковина? — презрительно фыркнул тот. — Да он только и умеет, что сбрасывать жокея.

— Господи, да он просто ничего не понимает, ничего! — радостно возопил Андро. — Наездник — мой приятель.

— Какая разница? — потихоньку шепнул Гарри Катрионе. — Ну, а вы что-нибудь решили, красавица?

Катриона улыбнулась и покачала головой:

— Еще нет. Вначале я хочу взглянуть на лошадей.

— Взглянуть? — Букмекер выглядел глубоко уязвленным. — А, вы из тех, кто считает, что сможет разглядеть победителя по крупу.

— Нечто в этом роде, — согласилась она. — Я предпочитаю рыжих. Таких же, как я. — Она сняла шляпу и потрянула головой.

— Гнедая! — выдохнул букмекер, изумленно распахнув глаза.

Андро издал нетерпеливое восклицание.

— Ладно, Гарри. Такие молодые девушки не для тебя. Пойдем, Катриона, посмотрим, есть ли там гнедая, которая покажется тебе подходящей.

Они с удовольствием провели полчаса, наблюдая за лошадьми, поставили пятерку Катрионы на стройного молодого жеребца по кличке Рыжий Гортон и потом подпрыгивали от возбуждения, глядя, как он приходит вторым. Голубая Диковина, серая в яблоках лошадь, на которую ставил Андро, действительно сбросила седока, после чего ее с трудом поймали.

— Ну что ж, — философски рассудил Андро, — по крайней мере, Гарри не придется есть шляпу, и, может быть, он получит достаточно, чтобы купить новое пальто.

— Думаю, что на самом деле он так же богат, как и Хэмиш, — усмехнулась Катриона. — Одежду, в которой появляется на скачках, он покупает в магазине подержанных вещей, но вообще одевается у Остина и ездит на «ягуаре».

— Держу пари, что у него «БМВ», — возразил Андро, но тут же добавил: — Хотя, впрочем, мне не следует спорить после моего сегодняшнего проигрыша. Кстати, а что у тебя за отношения с Хэмишем Мелвиллом? Он смотрел на меня, как на змею. Ты с ним чего-нибудь не поделила?

Катриона состроила гримасу.

— Когда человек так богат, как он, ему кажется, что он может иметь все, что захочет, — уклончиво ответила она.

— Включая тебя? — спросил Андро.

— Зачем я ему нужна? Незначительная банковская служащая.

Андро усмехнулся.

— Так уж и незначительная! Гарри Темная Лошадка назвал бы тебя классной гнедой двухлеткой. На таких лошадок ставят большие деньги.

— Не думаю, что Хэмиш играет на скачках, — ответила Катриона. — Он инвестор, а не игрок.

— Вот как? И во что же он вкладывает? — заинтересованно спросил Андро.

— По большей части в фирмы, но также покупает живопись. Впрочем, он сказал, что хочет начать вкладывать деньги в другие сферы искусства.

— Например? — Казалось, Андро что-то про себя взвешивает и рассчитывает.

Катриона внимательно взглянула на него.

— Почему ты спрашиваешь? Ищешь ангела-хранителя?

Он ответил быстрой улыбкой:

— В моем деле всегда полезно найти денежного человека.

— А в чем заключается «твое дело»? — неожиданно спросила Катриона. — И кто или что прячется под названием «Пресипитос Сити Продакшнз»?

— Ты звонила! — пришел в восторг Андро. — Я знал, что ты позвонишь.

— Вот как? Да, я звонила, но только один раз. Терпеть не могу автоответчики.

— Ты даже не оставила послание, — упрекнул он.

— Я не была уверена, что попала туда, куда нужно, — возразила Катриона. — Голос, который отвечал, был совсем не похож на твой.

— А, да это всего лишь Изабель. Мы снимаем квартиру на двоих — так дешевле, — отмахнулся Андро и переменял тему: — Если ты намерена ставить и дальше, то пойдем посмотрим лошадок.

В третьем, самом престижном, заезде с самыми высокими ставками лошадей, на которую поставила Катриона, пришла первой при ставке три к одному. Ликуя, Катриона подбежала к столику Гарри Дина и протянула ему билет:

— Прошу прощения, Гарри, но вы должны вернуть мне все мои денежки. Все пятнадцать фунтов!

Гарри вздохнул:

— И пять, что вы поставили, — итого двадцать. Я же говорил, что у вас легкая рука. — Он протянул ей деньги и подмигнул Андро. — А ты опять все просадил?

— Увы, да, Гарри, — пожал плечами актер и обратился к Катрионе: — Мне следовало выклянчить пару фунтов у твоего приятеля Хэмиша.

— Мечтай, мечтай, мальчик, — засмеялась Катриона, открывая сумочку, чтобы спрятать деньги.

Когда она закрыла ее и подняла голову, то взглянула прямо в лицо Хэмиша.

— Поздравляю, Катриона, — сказал он. — Кажется, ты выиграла?

Просто удивительно, подумала она, как Хэмиш умеет улыбаться одними губами, в то время как остальная часть его лица выражает совсем другие чувства.

— Да, — подтвердила она, — выиграла несколько фунтов.

— Теперь, когда ты научилась, можешь показать мне, как это делается. — Он протянул ей программку. — Например, что ты посоветуешь мне в следующей скачке?

— О нет, — улыбнулась Катриона. — Я могу выбрать лошадь только после того, как увижу их всех во плоти и крови.

В ту же секунду его рука оказалась у нее на локте.

— Тогда пойдем, поможешь мне выбрать. Вы ведь извините нас, не правда ли?

Последнее замечание относилось к Андро, который галантно отступил в сторону, бормоча себе под нос:

— Что вы, что вы, не обращайтесь на меня внимания. Только не проигрывайте слишком много ваших прелестных, очаровательных, замечательных денежек.

Катриона взглядом попросила у него прощения, как бы говоря: «Извини, но я вынуждена идти с ним», и позволила Хэмишу увлечь себя в сторону фургонов.

— Наконец-то мы можем поговорить наедине, — пробурчал Хэмиш, как только убедился, что Андро уже не может их услышать. Он говорил так, будто выпил чересчур много своего собственного «Дом Периньона». — Кстати, кто этот парень? — сквозь зубы процедил он.

— Я уже говорила, это мой приятель, Андро Линдсей. — Катриона старалась улыбаться и говорить с легкостью, которой отнюдь не испытывала. — Надеюсь, ты ничего не имеешь против того, что он к нам присоединился?

— Представь себе, имею, — возразил Хэмиш. — Он определенно входит в категорию людей, рядом с которыми я бы не хотел тебя видеть. Просвети меня, пожалуйста, где ты с ним познакомилась? Чем он занимается? Почему он здесь оказался?

— Какую школу он закончил? Кто его отец? Какой размер рубашек он носит? — продолжила Катриона. — Побойся Бога, Хэмиш. Я же сказала, это просто приятель.

— Ты вела себя с ним не как «просто с приятелем». Ты с ним флиртовала! — Они уже прошли мимо смотрового круга, но Хэмиш не остановился.

Он шагал дальше с видом человека, который твердо знает, куда направляется, и Катриона, ни о чем не спрашивая, продолжала идти рядом с ним.

— Твоя жена флиртует с Брюсом, и это тебя несколько не задевает, — отважилась сказать она.

— Мы сейчас говорим о тебе, а не о Линде, — отрезал Хэмиш. — Линда всегда флиртует со всеми подряд, а ты — нет.

— Ну хорошо, тогда я скажу тебе кое-что: я действительно не собираюсь флиртовать со скучными ворчунами вроде тебя, — попыталась перевести все в шутку Катриона. — Между прочим, куда мы направляемся? По-моему, чтобы ходить здесь, возле фургонов, нужен специальный пропуск.

Они уже шли вдоль линии передвижных конюшен. Задние стенки почти всех фургонов были опущены, между ними деловито сновали жокеи, конюхи и тренеры, занятые приготовлениями к очередной скачке. В ответ на замечание Катрионы Хэмиш безмолвно прикрепил к нагрудному карману желтую карточку, такую же, как у большинства встречавшихся им людей. Куда же он все-таки ведет ее?

С глубоким вздохом Хэмиш признался:

— Ты же знаешь, дорогая, у меня пунктик на этот счет. Ты пробуждаешь во мне пещерного человека.

— Ладно, надеюсь только, ты не собираешься для остротки дать мне дубинкой по голове, — пошутила Катриона, стараясь разрядить обстановку. — А то я начинаю чувствовать себя белой рабыней.

Они подошли к одному из фургонов. Его задняя стенка была опущена, но внутри никого не было.

— Мне нужно поговорить с тобой наедине, — сказал Хэмиш. — Мы можем зайти сюда.

Он взял ее за руку, и они нырнули в полутемный фургон. Он был разделен на три секции, но только в одной из них виднелись следы пребывания лошади, а кормушка была наполовину заполнена сеном. Катриона нервно засмеялась.

— Так вот что ты имел в виду, говоря о тюке с сеном? Чей это фургон?

— Одного приятеля Минто, — нехотя признался Хэмиш и повел ее дальше, в глубь повозки. — Но нам не придется валяться на сене. Нам сюда.

Узкая дверь вела в кабину грузовика, которая отличалась от обычной только наличием обитой красным плюшем скамейки. Втиснувшись в тесное пространство кабины, Хэмиш тотчас же навалился на Катриону и тяжело впился в ее губы. Хоть она и ожидала этого, но все равно чуть не задохнулась. Мгновение спустя она уже лежала на скамейке, а его руки нетерпеливо рвали пуговицы и застёжки ее одежды.

— Господи! Я так безумно хочу тебя, что не знаю, как мне еще удалось сюда добраться! — выдохнул он, в пылу страсти совершенно не замечая ее отстраненности.

— Хэмиш, Хэмиш, ау! Постой, остановись! — Катриона кричала почти что в голос, одновременно пытаясь оторвать от себя его руки.

Он остановился и удивленно посмотрел на нее. От возбуждения и вина его глаза, обычно такие ясные, сейчас налились кровью и затуманились.

— Что случилось? Не бойся, никто не войдет. Их лошадь сейчас бежит, они все там. Минто проверил.

Он начал стаскивать с ее плеч пальто и вдруг ухмыльнулся:

— А, понимаю, я чуть было все не испортил. Ты, наверно, хочешь устроить один из своих знаменитых стриптизов? Давай, только поскорее, дорогая, или я не выдержу.

Катриона с силой отпихнула его от себя.

— Перестань! Я не собираюсь устраивать никаких стриптизов, Хэмиш! Я вообще ничего не хочу здесь устраивать.

Отвернувшись, она натянула пальто и, чтобы предупредить его дальнейшие посягательства, подобрала колени и обхватила их руками, Катриона понимала, что ее поведение выглядит неуместно чопорно и глупо, что никто не тащил ее сюда насильно, что она сама во всем виновата, но тем не менее ничего не могла с собой поделать.

— Мне претит заниматься любовью в такой обстановке. Это не в моем вкусе — наспех урвать пять минут, пока на горизонте чисто. — Катрионе вдруг припомнилось предостережение Элисон: «Ты совсем не подходишь для того, чтобы сидеть и ждать, пока Его Величеству удастся на полчаса улизнуть от жены».

— Не понимаю, чем ты недовольна? — раздраженно заговорил Хэмиш. — Мне казалось, тебе нравится экзотика. Раньше тебе нравилось заниматься этим в необычной обстановке, вспомни хотя бы Пикассо.

— Да, конечно, я помню. Но тогда все было совсем по-другому. Мы вместе провели вечер, это было романтично, там было тепло и уютно, а главное — ты был полон обаяния, очарователен, неотразим. Нельзя даже сравнивать эту ситуацию и ту. Она красноречиво передернула плечами. — Здесь холодно, мерзко, грязно, а ты... ты далек от того, чтобы быть нежным и обаятельным.

Катриона в какой-то степени чувствовала себя виноватой из-за того, что оттолкнула его, что не может заставить себя ответить на его пыл, но в то же время испытывала страх перед возможной близостью. Она не могла забыть о том, как невнимателен и нетерпелив был Хэмиш в Лондоне, как он не замечал того, что она не разделяет его страсти, и как сильно она была уязвлена этим и душевно, и физически. Но кроме того, где-то на задворках ее сознания укоряющей тенью мелькнул образ девятилетнего мальчика по имени Макс, которого она никогда не видела.

Она видела, как Хэмиш пытается овладеть собой и успокоиться. Отодвинувшись от нее, он откинулся на спинку, закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул. Через несколько секунд он уже держал себя в руках и даже бросил на нее взгляд, полный комического недоумения.

— Ну, а теперь кто из нас дуется? — лукаво спросил он.

Подавшись к девушке, Хэмиш взял ее за руку, но это был уже не заигрывающий, а успокаивающий жест.

— Извини, я, кажется, чересчур резко на тебя набросился. Но я так чертовски истосковался — думал о тебе и хотел тебя каждую минуту. Ты же знаешь, дорогая, мне не очень-то легко находить возможности для встреч. К сожалению, мы не можем постоянно проводить приятные уик-энды в шикарных лондонских отелях.

Катриона с готовностью закивала:

— Да-да, я знаю. Пожалуйста, не думай, что я непременно хочу приобщиться к роскоши. Но я просто не могу заниматься этим здесь! Даже не знаю, почему. Может быть, в глубине души я ломака и жеманница. Но скорее всего, Элисон была права, и такого рода отношения — не для меня.

— Элисон? При чем здесь Элисон? Ты что, ей рассказала? Она знает про нас? Гнев овладел им так же мгновенно, как перед этим — желание. Повернувшись, он схватил ее за руку, не заботясь, что причиняет ей боль. — Я же предупреждал, чтобы ты никому не говорила! О Господи, по-видимому, это означает, что Хоум-Мур тоже в курсе. Наверно, весь

ваш проклятый банк уже знает!

Хэмиш с такой силой тряс ее за плечи, что Катриона прикусила язык.

— Нет! Это не так, клянусь тебе! Хэмиш, пожалуйста! Ох, мне больно! — Она почувствовала во рту вкус крови.

Осознав, что делает, он отпустил ее и извинился:

— Прости меня, Катриона. Я не хотел, чтобы тебе было больно, и никогда не захочу. Просто я вдруг очень рассердился. — Хэмиш попытался было ее обнять, но ее оборонительная поза мешала ему, и он отступил. — Все дело в том, что последние дни я постоянно о тебе думаю. — Он затряс головой, как будто стряхивая дурман. — Ты все время передо мной: и когда я пытаюсь работать, и когда говорю с Линдой, и когда еду в машине. Даже когда мы проводили день с Максом, я то и дело ловил себя на том, что гадаю: где ты, что делаешь, что чувствуешь. Это невероятно! — Он коротко рассмеялся. Наверно, ты меня приворожила.

Катриона не знала, что сказать. Все выглядело чересчур неправдоподобно. Они сидели здесь, в тесной кабине грузовика, среди продуваемых ветром холмов, где-то совсем рядом шли скачки, и этот человек, ворочающий миллионами фунтов, человек, от которого зависели работа и благосостояние тысяч людей, вдруг заговорил о колдовстве.

— Что ты имеешь в виду? — с подчеркнутым недоумением спросила она. — Заклинания, заговоры, любовные напитки, черных кошек и ведьм на метле?

— Это не шутка, — хрипло произнес он. — Ты очень красивая девушка, Катриона.

— Спасибо, — спокойно ответила она, осмеливаясь, наконец, разжать руки и опустить ноги на пол. — Однако ты заставляешь меня сомневаться, так ли уж это хорошо. Мне очень жаль, если я не настолько безумно сексуальна, как тебе бы хотелось, Хэмиш, но в одном уверена твердо — я не ведьма. — Она встала.

— Что такое? Ты же не уходишь?..

Катриона пришла к выводу, что сегодняшнее поведение Хэмиша объясняется тем, что он пьян. Странно видеть его, всегда такого собранного, властного, умеющего владеть собой, ослабевшим и выбитым из колеи под влиянием собственной неумеренности. Наклонившись, она дружески погладила его по щеке.

— Если ты не возражаешь, я пойду, Хэмиш. Извини, что сегодня не оправдала твоих надежд.

— Но мы еще не договорились о следующей встрече, — напомнил он. — В пятницу вечером Линда идет на показ мод. Если тебе не нравятся экстравагантные убежища, то как насчет того, чтобы я пришел к тебе?

— Дело в том, что я тоже иду на это шоу, — извиняющимся тоном призналась Катриона. — Линда прислала мне приглашение.

— Да плюнь ты на него, ради Бога! Неужели не можешь придумать какую-нибудь отговорку? Скажи, что больна или тебе нужно срочно уехать.

Катриона колебалась. После сегодняшней сцены она не была уверена, захочется ли ей когда-нибудь снова с ним встречаться.

— Я дам тебе знать, — наконец сказала она. — Куда я могу тебе позвонить?

Снаружи донесся рев толпы, означавший окончание четвертого заезда. Хэмиш встал, привел себя в порядок, достал из внутреннего кармана использованный конверт, ручку и что-то на нем нацарапал.

— Это номер моего мобильного телефона, — уже гораздо более трезвым голосом

произнес он. — Обычно я нахожусь в машине от половины восьмого до восьми утра, перед ленчем и иногда вечером. Если ответит кто-нибудь другой, не я, ничего не говори, клади трубку. Никто ничего не заподозрит: на этой линии часто бывают неправильные соединения.

— Хорошо, я позвоню, — кивнула Катриона, глядя, как он засовывает конверт в карман ее пальто, и радуясь тому, что сейчас сможет уйти.

— Лучше просто будь дома в пятницу, — настаивал Хэмиш, — иначе я за себя не ручаюсь!

— Ты идешь? — спросила Катриона. — Скоро начнется следующий заезд.

Встряхнув головой, он обнял ее за шею, привлек к себе и наградил поцелуем, отозвавшимся слабым эхом их былой нежности и страсти.

— Иди, — торопливо прошептал он. — Встретимся возле «рейндж-ровера». Но только я не хочу больше видеть этого твоего «приятеля»!

— Думаю, он уже об этом догадался, — сухо заметила Катриона. — Если меня там не будет, когда ты подойдешь, не беспокойся. Я не собираюсь уходить ни с ним, ни с кем-либо другим. Я хочу уехать домой, я замерзла.

Выйдя из кабины, она внимательно огляделась, прежде чем спуститься вниз. Там по-прежнему сновали конюхи и жокеи, некоторые из них бросили на нее удивленные взгляды, но не было никаких признаков того, что кто-то из них имеет отношение к фургону, из которого она выходила. Торопливо, почти бегом, Катриона поспешила прочь, но не в ту сторону, где виднелось скопление людей, а к тому месту, где она оставила машину. Она немного сердилась и бранила себя за малодушие, однако чувство неуверенности, на которое жаловалась матери, разрослось до пределов настоящей болезни. Не хотелось больше ни шампанского, ни изысканных яств; не хотелось видеть ни ревнивого Хэмиша, ни улыбающегося обольстителя Андро; ей надоело смотреть на кокетничающую Линду и на молчаливого Брюса с похотливым блеском в глазах. Из всех людей, которые присутствовали там под хмурым оком бдительного Минто, только Фелисити, по мнению Катрионы, была такой, какой казалась на первый взгляд — прямой, честной, доброй и приветливой. Но только одна среди такого множества людей — разве этого достаточно?

— Мама права, — бормотала себе под нос Катриона, вставляя ключ в зажигание. — Я подхватила СДО, причем в очень тяжелой форме.

Она ехала быстро, несмотря на большой поток транспорта. Движение на дороге было напряженным. Добравшись наконец до своей квартиры, Катриона сняла пальто и собралась повесить его в шкаф, но тут вспомнила про конверт с номером телефона, который ей дал Хэмиш, и полезла за ним в карман. Однако, к ее удивлению, конверт был запечатан и внутри что-то лежало. Вскрыв его, Катриона заглянула внутрь.

— О Господи! — выдохнула она, когда сверкающий, искрящийся, переливающийся поток бриллиантов хлынул ей на ладонь.

Такие браслеты ей нечасто доводилось видеть, и уж конечно, никогда не приходилось носить. Водоворот великолепных камней, гнездящихся в изящных завитках платины, ослепительный, как ледяной кристалл. Едва увидев его, Катриона вздрогнула, как ужаленная. Ничего не было сказано, и ничего, кроме номера телефона, не было написано на конверте, однако в том, что это подарок и кому он предназначен, не оставалось сомнений. Хэмиш хотел как можно крепче привязать ее к себе, и его имя невидимыми буквами сияло на каждом камне, на каждой отполированной грани.

Вначале Катриона изумилась и пришла в сильное волнение. Наслаждаясь прикосновением прохладных тяжелых камней, она восхищенно любовалась мерцающим, переливающимся всеми цветами радуги водопадом, льющимся из глубины каждого камня. Но уже через несколько мгновений удивление уступило место гневу и возмущению. Почему Хэмиш ни слова не сказал о том, что кладет ей в карман такую необыкновенную вещь? Если он хотел подарить ее, что мешало ему сделать это открыто? Она слишком хорошо знала ответы на эти вопросы. Он прибег к обману, чтобы всучить ей браслет, потому что знал: она его не примет. Таким образом он достиг своей цели, а если она захочет вернуть подарок, то ей будет не так-то легко придумать, как это сделать.

Этот человек невозможен! Он ни в чем не знает меры: чрезмерно щедр, чрезмерно богат, чрезмерно привык делать все по-своему и любыми путями добиваться своего. Он хочет ее и задумал привязать к себе этой сверкающей цепочкой. Он не понимает такой простой вещи: если он не владеет ее сердцем, браслет превращается в оковы, в драгоценные наручники.

Катриона смотрела на браслет, и к ней отчасти возвращалось прежнее чувство вины. Она чувствовала себя виноватой не перед Линдой и даже не перед маленьким Максом, но перед самим Хэмишем. Она занималась с ним любовью, приняла от него в подарок картину, ездила с ним в Лондон и таким образом дала ему повод думать, что согласится принять и браслет. Более того, она позволила ему думать, что любит его, в то время как чувство, которое она к нему испытывала, никогда не было любовью, а теперь уже его нельзя назвать влечением. Элисон с самого начала говорила правду: это его деньги вскружили ей голову. Если бы он не был так невероятно богат, она никогда бы не смогла закрыть глаза на его семейное положение, никогда не пошла бы против своей совести. Увы, не очень-то приятно вдруг прийти к заключению, что ты — не более чем алчная искательница приключений, бездумная гедонистка, которых всегда ненавидела, сказала себе Катриона.

Мысль об Элисон еще больше усугубила овладевшее Катрионой чувство отвращения к себе самой. Это уже совершенно непростительно: она почти не общалась с Элисон с тех пор, как узнала, что та ждет ребенка, и Катриона отдавала себе отчет в том, почему так произошло — потому что ей невыносима мысль о том, что у Элисон есть все, чего так недостает Катрионе: благоразумие, удача, любимый муж, счастливая семейная жизнь и, главное, ребенок!

Некоторое время, снедаемая глубокой и мучительной тоской по дому, Катриона бестолково слонялась по квартире. Потом пошла на кухню и сварила яйцо. Жалость к себе постепенно обволакивала ее, затопляла, как желток утопил в себе тот кусочек хлеба, который она в него обмакнула, да так и оставила нетронутым. Ее жизнь испорчена. Связь с Хэмишем — ошибка, ее тайное влечение к Андро смешно и жалко, а черная зависть к Элисон достойна порицания. Продолжая заниматься самоуничижением, Катриона добавила к этому счету легкие, бездумные годы. Разве стала она самостоятельной, довольной собой, свободной, раскрепощенной деловой женщиной, которую пытается изображать? Разве она распоряжается своей жизнью так, как ей хочется? Ха-ха! Жалкое ничтожество — вот самое подходящее для нее определение!

— Где ты, Андро? — выкрикнул Роб и застучал по телефонной трубке, как будто это могло улучшить слышимость. — Какой жуткий треск!

— Я в телефонной будке в Файф. Одним словом, почти на краю света.

— Какого черта тебя туда занесло? — В голосе Роба звучало нетерпение, и на то были веские причины: он одевался, чтобы идти на премьеру фильма. Звонок застал его в тот момент, когда он лихорадочно пытался завязать галстук, сознавая, что уже опаздывает.

— Я проделал кое-какую подготовительную работу, чтобы раздобыть этот проклятый миллион фунтов. Звоню, чтобы узнать, сколько у нас еще времени в запасе.

— Я уже говорил тебе — до конца финансового года. Другими словами, времени уже совсем немного. — Роб прижал трубку подбородком и попробовал вернуться к прерванному занятию, но концы галстука упорно не желали ему подчиняться. — Проклятье! — выругался он, роняя телефонный аппарат.

— Ты меня слышишь, Роб?! Где ты?

— Пока еще здесь. Расскажи мне поподробнее, что ты там придумал.

— Сейчас мне некогда входить в детали, я опустил в автомат только пятьдесят пенсов. Дней через десять я буду знать, выгорит дело или нет.

Роб понял, что Андро, как всегда, хитрит.

— Ты уверен, что это законно? Держи меня в курсе.

— Кто же я, по-твоему, Роберт Максвелл? Разумеется, все абсолютно... — Раздался щелчок, и в трубке воцарилась тишина.

Роб установил телефон на место и подошел к зеркалу, чтобы продолжить неравную борьбу с галстуком. Он думал о неожиданном звонке и терялся в догадках, что же такое мог изобрести Андро. Никогда нельзя быть уверенным, что на уме у хитрого, неискреннего актера, однако сейчас Роб готов был биться об заклад по двум пунктам — во-первых, избранный Андро путь не будет прямым и честным, и, во-вторых, его план наверняка связан с какой-то женщиной.

— Ей-Богу, пора мне купить галстук с готовым узлом и не мучиться, — наконец пробормотал Роб, с ожесточением глядя на плод своих усилий. Перекошенный узел придавал легкомысленно-небрежный оттенок его в остальном безукоризненному облику. — Пусть это считается дурным тоном, но, по крайней мере, он аккуратно выглядит!

Дождавшись момента, когда, по ее мнению, супруги Финли уже должны были вернуться домой со скачек, Катриона набрала номер их телефона. Она пришла к заключению, что то жалкое состояние, в котором она сейчас пребывает, вызвано стремительно развивающейся болезнью — СДО, как назвала это явление ее мать, и есть только одно целительное средство, чтобы от нее избавиться. Средство, которым Катриона твердо решила воспользоваться, даже если для этого ей придется прибегнуть ко лжи.

Ей ответила Фелисити.

— Катриона! Куда вы сегодня исчезли? Я так надеялась поговорить с вами. Вы здоровы?

— Да, все нормально, спасибо, Фелисити. И еще раз спасибо за вчерашний вечер.

— Вы должны обязательно прийти к нам еще раз, просто поужинать, чтобы я сама могла как следует поболтать с вами. — Фелисити с трудом верилось, что еще два дня назад она ошестинивалась при одном упоминании имени Катрионы.

— Спасибо, с удовольствием. В любой день. А сейчас нельзя ли мне Коротко переговорить с Брюсом?

Сердце Катрионы начало биться быстрее, как будто выделившийся в кровь адреналин должен был смягчить ту ложь, которая сейчас слетит с ее уст. Она терпеть не могла подобных уловок, но чувствовала необходимость прибегнуть к обману.

— Привет, Катриона. Что такое? Что случилось? — грубовато спросил Брюс. У него был неудачный день. Ему не удалось побыть наедине с Линдой, поэтому он был даже рад, когда после пятой скачки Хэмиш вдруг прорычал, что с него довольно, и велел Минто складываться. Брюс не мог знать, что Хэмиш пришел в такое расположение духа, когда понял, что Катриона больше не появится.

— Я-то в порядке, а вот моя мама — нет. Нельзя ли мне взять отпуск на несколько дней и съездить домой?

— Почему бы и нет? Она что, тяжело больна?

— Честно говоря, пока что я толком ничего не знаю, но очень волнуюсь. Выеду завтра пораньше и увижу все своими глазами. Могу ли я в случае чего задержаться на несколько дней?

— Оставайтесь столько, сколько потребуется. Может быть, все еще не так страшно, как кажется на расстоянии.

— Надеюсь, что так. Большое спасибо, Брюс. Как только выясню, я с вами свяжусь.

— Хорошо. Я предупрежу Джона и Дональда, чтобы взяли на себя ведение ваших текущих счетов.

Стало быть, Элисон узнает, что я уехала, и удивится, почему я ей ничего не сказала, упрекнула себя Катриона. Ладно, теперь уже ничего не поделаешь. Потом, когда вернусь, я обязательно все улажу.

Целое столетие она обдумывала, как ей поступить с Хэмишем. В конце концов она все же решила, что не может уехать, не поставив его в известность, и, поскольку главной ее целью было вернуть браслет, Катриона написала коротенькую записку:

«Тысяча благодарностей — но... спасибо, нет. Я знаю, что для женщины нет ничего милее бриллиантов, а эти просто прелестны, но я действительно не могу их принять. Извини. Насчет пятницы я позвоню. К.»

Катриона завернула браслет в записку и вложила то и другое в конверт, на котором на машинке напечатала имя своего любовника. Завтра, прежде чем отправиться в дорогу, она опустит его в почтовый ящик на дверях городской квартиры Хэмиша. Одна только мысль о том, что завтра она увидит Скай, на несколько градусов снизила уровень ее депрессии. Ей казалось, что она уже слышит запах островов!

Шина Стюарт как раз закончила прибирать после воскресного обеда, когда раздался телефонный звонок.

— Алло, мама? Угадай, где я?

Материнский инстинкт заставил Шину немедленно заподозрить худшее.

— Кэт! Почему у тебя такой странный голос? Ты заболела?

— Нет, мама. — В тоне Катрионы появились ироничные нотки. — Наоборот, это ты заболела. Позже все объясню. Я уже на острове, на переправе. Если не возражаешь, через несколько минут буду дома. — Обитатели Ская редко называли его по имени. Для них он был просто «остров».

— Разумеется, не возражаю, моя дорогая. Но я поражена! Неужели тебя уволили или что-нибудь в этом роде?

— Нет-нет, ничего такого. Это все та же болезнь, СДО. Ты сама поставила мне диагноз.

— Ах, вот оно что. Давай-ка побыстренько сюда, только смотри, будь осторожна на дороге.

— Обязательно. Пока.

Катриона улыбнулась. Одна из милых слабостей ее матери состояла в том, что та все время опасалась, что ее близкие, направляясь к ней или уезжая от нее, станут жертвой дорожного происшествия. В остальное время они могли ездить где угодно, днем или ночью, покрывать тысячи миль, о которых она не имела понятия, но как только Шина узнавала, что они где-то недалеко от дома, она начинала беспокоиться.

Когда-то давно Шина Стюарт была обыкновенной Джейн Кларк. На протяжении первых двадцати лет жизни она жила в квартире, расположенной на первом этаже скромного домика неподалеку от Клайдского порта. Главными ее интересами были мальчишки, «Битлз», моды и кино — в перечисленной последовательности. Потом она встретила Джемми Стюарта, который (по ее мнению) был красивее, чем его голливудский тезка, остроумнее, чем Джон Леннон, и к тому же обладал неотразимой привлекательностью уроженца Хайлэнда, говорящего по-гэльски и хранящего в душе аромат вереска. Видный, симпатичный рыжеволосый парень, сын фермера, покинул Скай, чтобы стать моряком на северных линиях. В промежутках между рейсами он обычно жил у Кларков — мать Джейн, вдова, чтобы свести концы с концами, вынуждена была сдавать комнаты.

После женитьбы Джемми продолжал успешно продвигаться по службе и уже готовился получить квалификационный сертификат, когда лопнувший трос лишил его левого глаза, солидного куска черепа и доброй половины его внешней привлекательности. Чудом оставшись в живых, он ухитрился тем не менее сохранить чувство юмора и смекалку. После долгого изнурительного лечения Джемми Стюарт закрыл искалеченный глаз заливчатской черной повязкой, поместил чек, полученный в компенсацию за увечье, в ежегодную ренту и, подхватив жену и двух крошечных дочерей, вернулся в Виг, на ферму своего отца.

Таким образом, в возрасте двадцати восьми лет Джейн Стюарт пришлось полностью менять образ жизни и не только учиться готовить на допотопном торфяном очаге и носить воду из колодца, но и приспосабливаться к особенностям местной жизни. Постепенно ей удалось убедить островитян принять ее в свое сообщество, и она сама не заметила, как при этом превратилась из Джейн в Шину.

Люди на острове жили тем, что давали им земля и море. Поселок Виг состоял из тридцати двух вытянувшихся цепочкой вдоль берега домов, к каждому из которых прилегал участок примерно в полгектара. Позади каждого окруженного садом дома на пологом склоне простиралось небольшое поле, а за ним — полоска пастбища, за которым земля вдруг резко вздымалась вверх, превращаясь в крутые окружающие селение холмы. Наверху, в горных долинах, располагались другие маленькие сельские общины, а также залежи торфяника и общественные пастбища, на которые летом выгоняли стада.

Каждый мужчина, женщина и ребенок в Виге выполнял свою долю работы, каждый участвовал во вспашке, севе, уборке урожая, заготовках торфа, стрижке овец, уборке дома, приготовлении пищи, а также в рыбной ловле, поскольку практически каждая семья имела сети и небольшую лодку. Все — и трактирщик, и учитель, и доктор, и даже священник — владели фермой или хотя бы частью фермы и трудились на ней. Спустя какое-то время Джемми удалось получить место мастера в порту, и большая часть работы по ферме легла на плечи его жены и дочерей.

В этой обстановке Катриона росла и воспитывалась начиная с четырех лет. Ее окружали простые люди, много и тяжело работающие, сильные, умелые, добрые. Они исправно посещали церковь, но не чурались также ни доброй порции виски, ни хорошей соленой шутки. Они сами отвечали за себя. И именно в этом источнике душевного здоровья, уверенности в своих силах, спокойствия и надежности Катриона сейчас надеялась почерпнуть столь необходимую ей порцию старомодных нравственных ценностей.

— Моя дорогая девочка, у тебя очень усталый вид, — констатировала Шина, критически осмотрев свою старшую дочь после того, как приветствовала ее теплым объятием.

Со временем на ферму пришли вода и электричество и, поскольку в руках Джемми горела любая работа, очень скоро в доме появилось множество изменений, усовершенствований и пристроек. Одна из них, широкая светлая веранда с огромным окном тянулась вдоль всего дома, и Джемми Стюарт с женой очень любили сидеть там, ловя лучи зимнего солнышка или наблюдая, как пристают и отчаливают лодки и паромы.

Катриона слабо улыбнулась. Им не нужны слова, чтобы выразить взаимную любовь и внимание, достаточно взгляда, улыбки, объятия.

— Как хорошо дома! — с глубоким вздохом объявила Катриона, снимая жакет и привычным жестом вешая его на крючок возле входной двери. Она наклонилась, чтобы поднять свои сумки.

— Нет, не занимайся этим сейчас, — возразила мать, беря ее за руку. — Ты выглядишь не только усталой, но и голодной. Садись-ка вначале, поешь. Твой отец скоро вернется.

— А где па? — поинтересовалась Катриона, идя на кухню вслед за Шиной.

— В баре «Ферри-Инн», дорогая, где же еще? — В тоне Шины не было ни малейшего оттенка неодобрения. — Ты позвонила, едва он ушел. Скоро вернется, зато мы пока что сможем поболтать в свое удовольствие. Садись.

Катриона послушно уселась за стол, в то время как ее мать уже зачерпывала суп из кипящей на плите кастрюли.

— Суп из курятины! — с удовольствием принялась Катриона. — Я могу съесть всю кастрюлю!

Шина поставила перед ней тарелку и достала из печи каравай теплого хлеба с коричневой поджаристой корочкой.

— Похоже, это тебе просто необходимо, Кэт, — критически заметила она. — Наверно, ты плохо питаешься?

Катриона рассмеялась и начала намазывать хлеб маслом.

— Что ты, мамочка, наоборот. Я питаюсь гораздо лучше, чем можно предположить по моему виду. Например, вчера на обед я ела черную икру.

Неужели это было только вчера? Только вчера она поперхнулась от неожиданности, увидев Андро, только вчера разговаривала с Хэмишем? Здесь, в уютной безопасности родительской кухни, это казалось далеким прошлым или фантазией.

Шина удивленно приподняла брови:

— Икру? Ну, и хороша ли она на вкус, хотелось бы мне знать?

— Вкусная, но, по правде говоря, я предпочитаю икру сельди. — Наступила пауза, во время которой Катриона проглотила несколько ложек супа. — Ма, это нектар и амброзия. Пища богов!

— Ешь, ешь на здоровье, дорогая, — удовлетворенно кивнула мать. — Но не заставляй меня слишком долго ждать. В конце концов должна же я узнать, почему ты здесь. — Шина достала из буфета бутылку виски и поставила на стол. — То-то обрадуется Мария, когда узнает, что ты дома. Чуть позже мы ей позвоним.

— Угу, мне тоже не терпится увидеть ее и детей, — с полным ртом проговорила Катриона. — Кэти, наверно, уже ходит?

— Пока что не очень. Ленивая маленькая негодница! Но, конечно, она очень веселая и улыбочивая. Напоминает мне тебя, когда ты была в таком же возрасте.

— Чем, своей ленью?

— Нет, тем, что она такая солнечная, радостная. Сидит, смотрит на тебя и улыбается так, что сердце тает.

— Ах ты, сумасшедшая бабушка! — улыбнулась Катриона. — Так значит, это ты ее избаловала?

— Вовсе нет! — возмутилась Шина. — Я совершенно одинаково обращаюсь с обоими внуками.

— Марии повезло, что ты рядом. Полагаю, она этим пользуется.

— Что же делать, если там, в магазине, им совсем негде играть. Они, бедняжки, теперь уже совсем потеряли надежду купить себе дом.

— Почему?

Шина порозовела.

— Наверно, мне не следовало говорить тебе об этом. Мария захочет сама сообщить эту новость.

— Уж не ждет ли она третьего? — изумилась Катриона. — Неужели они до сих пор не поняли, отчего это бывает? Надо же — за пять лет трое детей!

— А что в этом плохого? — Шина сразу же встала на защиту младшей дочери. — Это как раз то, в чем нуждается наш остров — побольше детей и молодежи, а то в церкви, смотришь, сплошные седые головы.

Катриона рассмеялась.

— Не думаю, что Мария делает это из демографических соображений. Просто она любит детей.

Шина открыла было рот, чтобы ответить, но так ничего и не сказала. Она собиралась сравнить двух своих дочерей, но ее замечание могло показаться Катрионе обидным. Вместо

этого Шина взяла в руки бутылку и налила понемногу в маленькие стеклянные стаканчики, а затем разбавила виски водой из кувшина. Ее спокойное лицо, несмотря на яростные ветры и ледяные дожди Ская, запечатлевшие на ее когда-то гладкой коже сложный узор морщин, по-прежнему несло печать красоты. Короткие густые кудри, когда-то солнечно-медовые, теперь стали пепельными, но глаза все еще оставались яркими и блестящими, как луговые васильки, совсем как в те годы, когда она, подрисовав их черным карандашом и надев мини-юбку, в субботу вечером отправлялась послушать записи «Битлз».

Шина вручила один из стаканчиков Катрионе и приподняла второй.

— Твое здоровье! — в унисон произнесли мать и дочь, и обе, сделав по хорошему глотку, замерли, дожидаясь, пока обжигающая жидкость достигнет желудка и по телу разольется знакомое приятное ощущение.

Шина, облокотившись о стол, вперила в дочь властный взгляд.

— А теперь, Катриона Стюарт, расскажи мне, что случилось.

Катриона обнаружила, что ей нелегко встретиться глазами с матерью.

— Это трудно объяснить, — уклончиво начала она. — Просто в последнее время я чувствую себя какой-то... потерянной. Как будто свернула не туда и не могу узнать дорогу.

— И кто же стоял на том повороте, где ты заблудилась? — требовательно спросила Шина.

— Несколько человек, но дело, я полагаю, в одном из них. — Катриона вертела в руках рюмку, чувствуя огромную неловкость. Она боялась говорить с матерью о Хэмише, боялась, что Шина, которую она всегда считала женщиной с широкими взглядами, необычайно практичной и шокирующе невозмутимой, вдруг окажется совсем не такой, когда речь пойдет об адюльтере. А что, если она будет шокирована и возмущена поведением дочери? В какой-то степени Катрионе даже хотелось, чтобы мать как следует отругала ее, разбранила за безнравственность, осыпала яростными упреками, пригрозила адским огнем, но пусть только не отрекается от дочери, пусть не считает ее неисправимо испорченной.

— И наверно, этот один оказался женатым мужчиной? — изрекла Шина, с первого выстрела попав прямо в цель.

— Как ты догадалась? — Катриона была поражена, несмотря на то, что знала, как сильно развита интуиция у ее матери.

Шина пожала плечами.

— Дело в том, что когда одинокая женщина достигает определенного возраста, вдруг оказывается, что мир полон женатых мужчин. Это известно даже на нашем отдаленном острове.

Катриона передернулась:

— До сих пор я не думала о себе как о «женщине определенного возраста»!

— Это потому, что ты всегда была яркой, способной, непохожей на своих ровесников, — объяснила Шина. — В классе ты была самой младшей, но зато лучше всех училась, быстрее всех бегала, красивее всех танцевала. Потом ты стала лучшей студенткой, самой многообещающей молодой служащей, потом — самым молодым управляющим. Ты всегда выделялась среди других, всегда блистала и добивалась успеха, как, впрочем, и сейчас, дорогая. Но ты не можешь всегда оставаться самой молодой и самой хорошенькой. Рано или поздно придется смириться с тем, что появились другие девушки, моложе и красивее тебя.

— Ма, ты говоришь так, будто я какая-то мерзкая, самодовольная особа, гнусная

карьеристка. Капризная, ограниченная primaдонна, которая не выносит никакой критики. — Катриона пришла в ужас. — Но ведь это не так, мама? Я же не такая?

— Нет, конечно, нет. Ты — милое и прелестное создание, только уже не девочка, а женщина, у которой есть не только будущее, но и прошлое. — Шина отпила глоток виски. — И, подозреваю, этот последний роман уже стал прошлым.

Катриона ответила неуверенным взглядом.

— Да, я тоже так думаю, только он-то думает иначе, вот в чем дело.

— Звучит достаточно запутанно. А как насчет любви? Посетила ли тебя эта гостья?

— Не знаю — нет, ты не сочла бы это любовью. Это совсем не так, как ты любишь папу.

Шина лукаво улыбнулась:

— Откуда ты знаешь, как я люблю его? Любовь бывает разная, и мы с твоим отцом тоже через многое прошли.

— Но твоя любовь тверда и непоколебима, как скала. Я никогда не любила так Хэмиша. Я никого никогда так не любила. — При этих словах глаза Катрионы погрузнели и затуманились.

— Но любовь не сразу становится скалой, моя милая. Ее нужно построить самим! У нас с Джемми это заняло годы, и я не уверена, что строительство завершено. А как началось у тебя?

— Как будто заводили непрогретый мотор. Несколько рывков, и вдруг — р-р-р? — полный вперед! — Катриона невесело рассмеялась. — Но мы несколько раз налетали на препятствия, и в двигателе начались перебои.

— Если продолжать сравнение, то мы с отцом — допотопные пыхтящие автомобильчики. Какие же вам встретились препятствия?

— Его жена, его сын, его деньги, — уныло перечислила Катриона.

— Первые два — действительно серьезные препятствия, я понимаю. Но деньги? — удивилась Шина.

— Дело в том, что он невероятно богат и считает, что может купить все, что захочет.

— Чем же он купил тебя? — Шина была заинтригована. Богатые люди не так уж часто встречались на ее жизненном пути.

— Ох, всем — подарками, обедами, поездками. — Лицо девушки потемнело. — Он был очень щедр, но не всегда добр, ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Он ожидал чего-то взамен? Того, что ты еще не готова ему дать? — тихо, но очень серьезно проговорила Шина.

— Да, но не того, о чем ты подумала, — Катриона вдруг залилась краской. — ЭТО я дала ему, так сказать, ни за что, просто так, с самого начала... Он ужасно привлекательный... — Ее голос сорвался на нерешительный шепот: — Ты очень шокирована?

Шина улыбнулась и покачала головой.

— Нет, я вовсе не шокирована. Да и с чего бы? Секс может быть очень сильным магнитом, особенно вначале. Возьми, например, Донни и Марию! Их поймали в стогу сена, когда им было по шестнадцать, так они заявили, что ничего не могли с собой поделаться! Ты это имела в виду, когда говорила «р-р-р! — и полный вперед!»?

— Да. Теперь я точно знаю, что имели в виду Донни и Мария. Это как зажечь бенгальский огонь. Внезапная яркая вспышка — и море искр. Взрывоопасно, но очень захватывающе.

— Да, но только очень быстро затухает, — назидательно произнесла Шина. — Ты должна запомнить это на будущее. Итак, ты бежала от него?

Катриона подумала об Андро и об Элисон, и о том, какую роль они оба сыграли в ее внезапном отъезде, но предпочла о них не упоминать.

— Да, видимо, так. Но он будет там, когда я вернусь. Я знаю, что мне предстоит встретиться с ним лицом к лицу. Просто мне необходимо побывать на острове, восстановить свои силы и во всем разобраться.

Несколько минут Шина молча смотрела на Катриону, раздумывая, должна ли она высказать вслух то, что сейчас у нее на уме. Прямодушная и добропорядочная, абсолютно незакомплексованная, Шина терпеть не могла, когда кто-то начинал заниматься самообманом или позволял себе уронить свое достоинство, унижить себя какими-то поступками. Сейчас она считала, что ее дочь виновна и в том, и в другом. Шина была убеждена, что у Катрионы очень сострадательная натура, что в душе ее дочери таятся неисчерпаемые запасы любви, но, по мнению Шины, Катриона последовательно подавляла эту сторону своей личности, отдавая первенство развитию своего недюжинного интеллекта. И если сейчас позволить этому интеллекту подавить все остальные чувства, то со временем он превратит ее в сухую, бесплодную, так и не реализовавшуюся по-настоящему личность.

— Я думаю, тебе пора прекратить думать и начать чувствовать, дорогая, — наконец решилась Шина. — Не нужно постоянно спрашивать себя о том, правильно ли ты поступаешь. Все зависит от того, как ты себя при этом чувствуешь. В большом городе твои чувства атрофировались, инстинкты притупились.

У Катрионы слезы навернулись на глаза.

— Почти то же самое, слово в слово, мне сказал старый граф. Он сказал, что я не должна была покидать Скай, что я должна была жить здесь, рожать детей и возвращать что-то той земле, где я родилась и выросла. Но все это вздор. Я хочу совершить в жизни нечто большее, чем только это.

— Что, например? — мягко спросила ее мать. Всю жизнь она растила детей и работала на ферме и никогда не чувствовала себя ущемленной или обделенной. — Может быть, нечто большее — это спать с женатым мужчиной, подвергая тем самым опасности судьбу его сына? Если так, то это не кажется мне таким уж выдающимся достижением. И что самое печальное, это совсем не похоже на тебя.

— Как ты прекрасно знаешь, я работаю в банке, — сквозь слезы запротестовала Катриона. — Люди нуждаются в банкирах, может быть, не меньше, чем в детях. В твоих устах это звучит так, будто я разбивала семью, но ничего подобного: жена Хэмиша сама ему изменяет.

— Из двух плохих не сделаешь одного хорошего, — сурово напомнила ей Шина. — Но не это главное из того, что я хотела тебе сказать. Главное, тебе нельзя забывать, что следует жить по велению сердца, а мне кажется, ты к своему совсем не прислушиваешься.

— Здесь тоже не такой уж заповедник добропорядочности, — продолжала защищаться Катриона. — И на острове бывают любовные романы и измены. Помнишь, как жена хозяина гостиницы сбежала со стаффинским фермером?

— И ничего хорошего из этого не вышло, — подчеркнула Шина. — Фермер превратился в запойного пьяницу, и детьми пришлось заниматься социальным службам. Вот они, результаты погони за наслаждениями.

— Я не ищу наслаждений, я хочу... — ох, да я и сама не знаю, чего же я хочу! Все так

запуталось, мама. — Катриона оторвала кусок от висящего на стене рулона бумажных полотенец и шумно высморкалась.

— Давай-ка еще выпьем, — ласково предложила Шина, переворачивая бутылку вверх дном и выливая остатки, — и ты расскажешь мне, каков собой этот Хэмиш и как ты с ним познакомилась. Я хочу побольше узнать о человеке, которому удалось настолько выбить из колеи мою разумную и уравновешенную дочь.

Часом позже, вернувшись из бара, Джемми Стюарт весьма изумился, обнаружив, что его жена и дочь вдвоем прикончили полбутылки виски. Не то чтобы он запрещал им пить или жалел виски. Шина очень редко соглашалась сопровождать его в ежедневных походах в «Ферри-Инн», но это вовсе не означало, что она не любит выпить иногда стаканчик-другой. Как и большинство обитателей острова, как мужчин, так и женщин, Шина время от времени с удовольствием согревала себя виски. Удивление Джемми было вызвано не столько неожиданным приездом Катрионы, сколько тем, что обе женщины сидели с заплаканными глазами.

— Чего это вы развели здесь такую сырость? — встревоженно спросил он. — Кто-нибудь умер?

— Нет, папочка, — Катриона робко улыбнулась. — Мы с мамой разговаривали.

Она встала, чтобы утонуть в медвежьих объятиях отца, и слезы вновь полились из ее глаз.

— Господи помилуй, о чем же вы говорили, что у вас обеих глаза на мокром месте? — Джемми растерянно провел ладонью по поредевшей и поблекшей шевелюре.

Поглядев на отца, Катриона поняла, что ее роскошным блестящим волосам не всегда суждено оставаться такими же, во всяком случае, без помощи парикмахера.

— О жизни, о любви и о погоне за счастьем, — загадочно ответила Шина. — Одним словом — женские разговоры.

— И только нужда в женских разговорах заставила тебя сорваться с места и приехать сюда? — спросил Джемми. — По крайней мере, родного отца ты можешь посвятить в свои тайны?

— Не волнуйся, па, — поспешно сказала Катриона. — Я не села на иглу, не забеременела и не потеряла работу. Просто мне необходимо хотя бы несколько дней побыть дома.

— Но это не связано ни с каким мужчиной? — продолжал настаивать Джемми, встревоженный таинственностью женщин, которая казалась ему стремлением утаить от него правду.

— Ну ладно, да, что-то в этом роде, но теперь уже все кончено.

Катриона умоляюще взглянула на отца, моля Бога, чтобы он прекратил расспросы. Напав на след, он превращался в терьера, а она чувствовала себя уже эмоционально выжатой и опустошенной длительной беседой с матерью. Кроме того, девушка знала, что во всем, что касается морали, Джемми придерживается гораздо более строгих взглядов, чем Шина. Он наверняка не сможет понять, как это поняла Шина, какой могучей притягательной силой могут обладать деньги и секс.

— Можно, я расскажу тебе как-нибудь в другой раз?

Пожав плечами, он кивнул, но все равно продолжал хмуриться. Джемми всегда ужасно гордился своей дочерью-банкиршей, хотя в глубине души не переставал удивляться, откуда в ней такие способности. Ни он, ни Шина никогда не проявляли склонности к математике, и

пока Катриона училась, ее академические успехи были для Джемми неиссякающим источником радости. Само собой разумеется, когда Катриона стала подростком, ему пришлось с ней повоевать, например, когда она и ее сестра пытались посещать все дискотеки, которые только были в пределах досягаемости, да при этом еще и наряжались и красились, по его мнению, чересчур вызывающе. В те дни он был очень строгим, можно даже сказать, свирепым отцом, что, как известно, не помешало Марии согрешить и поспешно выскочить замуж совсем в юном возрасте. Тем не менее Катриона оправдала его надежды, в конце концов отказавшись от легкомысленных забав и превзойдя все, даже самые фантастические, помыслы отца, всецело сосредоточилась на своей блестящей карьере.

— Ну ладно, дочка, как хочешь, — неохотно произнес он по-гэльски. — Может быть, я заставлю твою мать рассказать мне, в чем дело. Осмелюсь предположить, тебе просто лень повторять свою историю дважды. Если это твои вещи в коридоре, то я отнесу их наверх, в твою комнату.

Он сделал шаг к двери, но Катриона спрыгнула со стула и бросилась к нему. Она слышала страдание в голосе отца и увидела, как печаль заволочла туманом его единственный глаз. А ведь ребенком к нему первому она бежала со всеми своими проблемами, а сейчас едва его не оттолкнула...

— Я пойду с тобой, па, переоденусь в джинсы. А потом, если ничего не имеешь против, прогуляемся вдоль берега.

— Отлично, — мгновенно просветлел Джемми.

— В твоей комнате ничего не изменилось, — заметила шина. — В шкафу даже найдется пара старых ботинок, раз уж ты собралась выйти.

Первоначально в доме Стюартов, как и в других фермерских домах, было только две комнаты и длинная, вытянутая вдоль всей задней стенки кухня, но, водворившись здесь, Джемми очень быстро пристроил над кухней второй этаж, где разместились ванная комната и третья спальня, которая в конце концов стала обиталищем Катрионы. Благодаря соседству кухонного очага там всегда было тепло, и, уединившись от домашнего шума и суеты, Катриона могла там спокойно заниматься. В свое время на нее большое впечатление произвела древнегреческая классика, и теперь, вернувшись в эту комнату и увидев веселые занавески в цветочек и свою детскую коллекцию тряпичных кукол, Катриона почувствовала себя аргонавтом, наконец-то нашедшим Золотое Руно.

— Нет-нет, Найел, не смей дергать Кэти за волосы! Это нехорошо.

Мария Макдональд, урожденная Стюарт, оттащила своего старшего сына, которому недавно исполнилось два с половиной года, от его младшей сестры, чьи золотисто-рыжие кудри едва прикрывали уши. Кэти скривила личико, готовясь разреветься.

— Посмотри, что ты наделал! Ты заставил ее плакать, гадкий мальчишка.

Мальш вывернулся из-под материнской руки:

— Найел хочет Кэтти! Хочет играть с Кэтти, — мятежно заявил он.

Катриона, державшая на руках племянницу, поспешно потерла и поцеловала больное место. Затем она спустила девочку на пол и стала наблюдать, как та, взяв игрушку, начала победно ею размахивать, добродушно улыбаясь во весь рот и демонстрируя все свои четыре зуба.

— Иди ко мне, Найел, — позвала Катриона мальчика, протягивая к нему руки. — Во что ты хочешь играть? В лошадки?

Мария подтолкнула сына по направлению к сестре и рассмеялась, глядя, как Катриона подбрасывает его на колене, приговаривая: «Фермер скачет по болоту, гал-лопом, гал-лопом!»

— Я так рада, что он не забыл тебя, Кэт, — сказала Мария.

Невысокая и полненькая по сравнению с Катрионой, она унаследовала чудесные материнские волосы и была очень хорошенькой, от природы незамысловато-прелестной, в то время как красота ее сестры была куда более утонченной и классической. На Марии был просторный свитер, который уже не мог скрыть ее обозначившийся живот.

— Но Кэти, конечно, тебя не помнит, — добавила она.

— Еще бы, она только начинала ползать, когда я была у вас в последний раз, — заметила Катриона, сделав перерыв в скачке и щекоча животик малыша, к его огромному удовольствию. — Теперь постараюсь навещать вас почаще, иначе у тебя появится еще один, который вообще не будет меня знать.

Мария чуть-чуть порозовела.

— Ты, наверно, считаешь меня сумасшедшей, раз я решила на третьего? — нерешительно спросила она.

Пожав плечами, Катриона улыбнулась сестре:

— Пожалуй, это и впрямь немного легкомысленно, как ты считаешь? — мягко сказала она. — Тем более, когда у вас такая крошечная квартира.

Муж Марии, Донни Макдональд, работал в Виге в продуктовом магазинчике, которым владел местный кооператив, и вместе с семьей жил в двухкомнатной квартирке над магазином.

— Знаю. Конечно, я не собиралась так скоро заводить третьего, просто запуталась с этими пилюлями, — призналась Мария. Несколько секунд она покачала игрушку перед носом дочери, а затем, позволив малышке завладеть ею, шепотом продолжала: — Ты не представляешь себе, как бы нам хотелось иметь настоящий дом. Но теперь это практически невозможно.

Катриона кивнула:

— Я знаю. Это просто безобразие, что все дома, которые поступают в продажу, скупают приезжие для того, чтобы превратить в дачи.

— Они предлагают такие цены, которые для нас просто недостижимы, — вздохнула Мария. — А при том, сколько Донни зарабатывает, мы не можем рассчитывать на ссуду. — Она наклонилась, чтобы достать пластмассовый кубик, который Кэти забросила под диван. Подняв лицо, покрасневшее скорее от негодования, чем от физического усилия, Мария продолжала: — В Шедере есть заброшенная ферма, которую, как нам казалось, мы могли бы купить. Дом совсем разрушенный, но Донни мог бы отстроить его заново, и я уверена, отец бы ему помог. Но только мы не можем собрать денег, потому что строительные и страховые компании говорят, что работы должны быть выполнены прежде, чем они предоставят заем! Разве это не идиотизм? Откуда, по их мнению, мы должны взять деньги на ремонт и строительные материалы до того, как получим кредит? Если бы мы и так могли все сделать, то на кой черт нам нужна была бы их ссуда!

Катриона промолчала. Она слишком хорошо знакома с проблемой гарантий при инвестировании денег, и одни только добрые намерения плюс полуразрушенная ферма при скудном заработке Донни не могли служить достаточным обеспечением.

— Думаю, что ферма достанется одному богатому адвокату из Сло, — Мария

продолжила волновавшую ее тему. — Привезет сюда семью летом на три недели, а остальное время дом будет стоять пустой, в то время как мы теснимся в своих комнатенках над магазином. Это несправедливо!

— Да, конечно, — согласилась Катриона, но следующие ее слова потонули в воплях Найела, настойчиво потребовавшего продолжения «галоп».

Это был второй день пребывания Катрионы на острове, и дети видели ее впервые. Накануне вечером, когда после прогулки с Джемми она зашла навестить Донни и Марию, они уже крепко спали. Во время прогулки отец дипломатично избегал разговора о причинах ее внезапного приезда, и они наслаждались беседой на свою излюбленную тему: о политике в отношении островов и о роли полуострова Троттерниш в мировом порядке.

Занимаясь стряпней, Шина время от времени поглядывала на дочерей через застекленную дверь кухни. Они раздвинули мебель, чтобы расчистить детям место для игр, и теперь сидели на ковре возле горящего камина. Шина увидела, как Катриона качает на ноге Найела, и нахмурилась. Она не сомневалась, что в свои тридцать два года ее старшая дочь не может не понимать, что рискует остаться бездетной, но не могла поверить, что Катриона удовлетворена такой перспективой.

В глубине души Шина всегда настороженно относилась к блестящей карьере Катрионы. По ее материнскому разумению, красота и материальное благополучие еще не означали счастья. Наблюдая, как Катриона играет с племянниками, Шина с беспокойством думала о том, что ее старшая дочь постоянно во вред себе подавляет заложенные в ней природой инстинкты. И хотя рассказ Катрионы о ее романе с миллионером был достаточно ироничным, кое-какие прозвучавшие в нем нотки подтверждали худшие опасения Шины. С чего бы такой добропорядочной, уравновешенной девушке с твердыми нравственными устоями, как Катриона, очертя голову бросаться на шею женатому мужчине, как не из страха, что жизнь проходит мимо? И хваленая столичная жизнь уже не казалась Шине привлекательной, если таковы исповедуемые в больших городах ценности. В сотый раз мать Катрионы про себя пламенно пожелала, чтобы ее дочь наконец встретила хорошего, доброго, свободного мужчину и устроила свою жизнь.

После ленча, провожая Марию с детьми, они заметили зеленый автомобильчик, неуверенно, но непреклонно ползущий вверх по узкой дороге. На этом участке стояли только пять домов, ферма Стюартов была последней, самой верхней, и по мере того, как машина медленно миновала четыре остальных, Катриона почувствовала, как ее сердце начинает стучать все быстрее и быстрее. В ней росла уверенность, что она знает, кто сидит за рулем.

— Мама, это мой приятель, Андро Линдсей. Андро, моя мама, Шина Стюарт.

Одним гибким и ловким движением Андро выбрался из машины.

— Добрый день, миссис Стюарт, как поживаете? Должен сказать, вы выглядите гораздо лучше, чем я мог ожидать.

Андро пожал руку Шины и лукаво улыбнулся вспыхнувшей Катрионе.

— Добрый день, — озадаченно нахмурившись, ответила Шина. Имя Андро Линдсея ничего ей не говорило. Кто он такой и какое отношение имеет к Катрионе?

— Ты звонил в банк, — с упреком произнесла Катриона. — Это они сказали тебе, где меня искать?

— Не совсем так. Они только сказали, что ты уехала к больной матери, а я сам вспомнил, как ты говорила, что твои родители живут в Виге. Ну, а здесь какой-то очень милый молодой человек в магазине сказал, как вас найти.

— Мой зять, — пояснила Катриона и неуверенно улыбнулась: — Моя мама очень быстро выздоровела. Да, мам?

Шина уже знала, какую отговорку придумала ее дочь, чтобы отпроситься с работы, и, хотя и не одобряла ее, все же согласилась не подходить к телефону на случай, если позвонят из банка. Однако воочию она вряд ли могла претендовать на то, чтобы казаться больной, когда весь ее цветущий вид утверждал обратное.

— За одну ночь, — с хитрой улыбкой подтвердила Шина. — Андро, вы, наверно, устали и испытываете жажду. Не хотите ли зайти и выпить чего-нибудь?

— Спасибо, — благодарно кивнул Андро. — Должен признаться, в глотке у меня пересохло, как в кузнечном горне. Чашка чаю была бы очень кстати.

Проходя в дом, Шина покосилась на красивый профиль молодого человека, который посторонился, пропуская ее вперед. Каким образом это необыкновенное создание вошло в жизнь Катрионы? Дочь никогда о нем не упоминала, а тем не менее очевидно, что они друзья. Уже одно это умолчание очень о многом сказало Шине. Никакая девушка не могла бы остаться равнодушной к такому совершенному образчику мужской красоты! Если, конечно, он сам не безразличен к женщинам, но Шина считала это маловероятным.

В кухне, поставив чайник, она обратилась к гостю:

— А вы тоже работаете у «Стьюартса», Андро?

— Нет. У меня для них чересчур длинные волосы и недостаточно крепкие зубы, — ухмыльнулся он.

— Ну, спасибо за комплимент! — возмутилась Катриона. — У нас работают не только увядшие канцелярские крысы со свинцом в заднице.

Она еще не поняла, как ей отнестись к неожиданному появлению Андро. Для нее он продолжал оставаться таинственным и притягательным, как огонь в очаге.

Шина заварила чай.

— Вы голодны, Андро? У нас есть домашний хлеб и немного ветчины. Хотите сэндвич?

— Да, пожалуйста. Ветчина с деревенским хлебом — это звучит чертовски привлекательно. — Андро покружил по кухне. — Можно, я сам себе сделаю?

— Нет, Катриона приготовит все, что нужно. Она знает, где что лежит. А вы садитесь вот сюда и пока что расскажите мне, чем же вы занимаетесь, раз уж не работаете в банке. — Шина поймала себя на том, что неожиданно заговорила в легком, кокетливом тоне.

Боже, если этот молодой красавчик так действует на меня, с изумлением подумала она, так что же тогда должна испытывать Катриона?

— Теперь, когда я как следует вас рассмотрела, — продолжала Шина, я уже не могла бы принять вас за банкира.

Андро принял комплимент, изящным движением наклонив свою темную голову.

— Я — актер, — торжественно заявил он. — В данный момент безработный актер, но надеюсь, что это не надолго.

— Я видела вас по телевизору! — восторженно вскричала Шина. — Могло такое быть? В каком-то хорошем фильме — в классическом сериале. Но в каком же?

— Несколько лет назад я снялся в экранизации «Мэнсфилд-Парка», — предположил Андро. — Может быть, в нем?

— Ну конечно же! — подтвердила она. — Вы играли Эдмунда Бертрама и были умопомрачительно романтичны.

— О-о, тогда я был гораздо моложе, — заскромничал он. — Как это мило, что вы меня

запомнили.

Катриона, намазывая хлеб маслом, молчала и втихомолку улыбалась, предоставив матери знакомиться с молодым человеком, которого та, вероятно, считала «умопомрачительно романтичным» и в жизни, раз уж он последовал за ее дочерью на Скай.

Шина поставила на стол чайник и чашки.

— Я люблю театр и кино, — сообщила она. — В молодости я просто не вылезала из кинотеатров, но теперь приходится обходиться телевизором.

— Какие картины вы предпочитаете? — поинтересовался Андро. — Наверно, добротные слезливые любовные истории?

— Не очень слезливые, — возразила Шина. — Я люблю фильмы, которые давали бы пищу для размышлений. — Она налила в чашку молока, долила темно-коричневой заварки из чайника и придвинула к Андро: — Надеюсь, вы, как и я, относитесь к касте ВМ.

— Вначале — молоко! — торжествующе перевел он. — Моя мать тоже так говорит. Да, благодарю вас.

Последовала пауза, как будто ни один из них не знал, стоит ли продолжать разговор.

— Интересно, любите ли вы Роберта Льюиса Стивенсона? — наконец нарушил молчание Андро.

— «Остров сокровищ»? О, да. И «Похищенный» — я видела его экранизацию. Но это было уже давно.

— Я участвую в одном проекте — мы задумали снять продолжение этой вещи — «Катриона», — очень серьезно произнес Андро, отпивая чай.

Катриона возилась на другом конце кухни и не слышала преамбулы, но, уловив свое имя, подняла голову и вопросительно произнесла:

— Да?

Андро рассмеялся.

— Нет, речь не о тебе, дорогая. Я имел в виду роман Роберта Льюиса Стивенсона «Катриона». Мы собираемся снять по нему фильм.

— Это отличная книга, — горячо поддержала Шина. Зимой, когда жизнь на ферме затихала, она много читала. — Единственная настоящая любовная история у Стивенсона. Вы будете играть Дэвида Балфора?

— Боюсь, что нет, — покачал головой Андро. — Увы, теперь я уже недостаточно юн и свеж для этой роли. Ведь он фактически еще мальчик, застенчивый и робкий. Виг-Ромео и якобитская Джульетта Катриона.

— Тогда в чем же заключается твое участие? — поинтересовалась ныне здравствующая Катриона, положив перед Андро готовый сэндвич и усаживаясь напротив матери.

— Я написал первый вариант сценария — тот самый, что заинтересовал американских продюсеров, но потом, конечно, они отдали его на растерзание своим сценаристам. — Андро с такой яростью впился зубами в сэндвич, как будто мечтал, чтобы это была не ветчина, а кто-нибудь из голливудских воротил.

— Какой ужас! — воскликнула Шина. — Значит, в титрах не будет вашего имени?

— Только среди исполнителей. Я должен играть Алана Брека, головореза, за голову которого назначена награда.

— И много ты собираешься срезать голов? — подмигнув, спросила Катриона.

— Да уж немало. Мы немного усилили эту роль, чтобы сделать действие более захватывающим и динамичным, — с удовольствием уписывая хлеб и ветчину, промышчал

Андро. — Если, конечно, этот проект вообще когда-нибудь осуществится.

— А что может этому помешать? — нахмурилась Шина.

— Мы собирались приурочить премьеру к столетию со дня смерти Стивенсона. Стало быть, чтобы успеть вовремя, мы должны закончить съемки в течение этого лета.

— И что вас останавливает?

— Деньги, — лаконично объяснил Андро. — Нам не хватает миллиона фунтов.

— Миллиона! — эхом отозвалась Шина, со стуком роняя чашку на блюдце. — Силы небесные, во сколько же обойдется фильм, если вам не хватает миллиона?

— Снимать фильмы очень дорого, миссис Стюарт. Джил Манро согласился на очень скромную смету, поскольку он и сам большой поклонник Стивенсона, но даже при этом полный бюджет картины составляет одиннадцать миллионов.

— Я даже не могу себе представить такого огромного количества денег, — прошептала Шина, широко раскрыв глаза.

— Но если вы нашли десять миллионов, почему не можете раздобыть еще один? — поинтересовалась Катриона, на которую упомянутая сумма произвела куда меньшее впечатление. — Это должно быть уже относительно несложно.

— Только потому, что это выяснилось совсем недавно, и у нас может просто не хватить времени, — пожал плечами Андро.

— Вы сказали — Джил Манро? — все еще не придя в себя, с придыханием спросила Шина. — Тот самый Джил Манро?!

— Он самый, — ухмыльнулся Андро, забавляясь благоговейным трепетом, с которым ловила его слова пожилая женщина. — Если бы кто-то другой осмелился использовать его имя, он мог бы и рассердиться.

— Но ведь он же звезда — настоящая голливудская кинозвезда! — возбужденно всплеснула руками Шина. — Я даже не могу припомнить, в скольких фильмах я его видела.

— Что ж, сейчас он уже постарел и сходит со сцены, однако все же согласился сыграть лорда адвоката, того, который помогает Дэвиду Балфору. Это довольно большая характерная роль, и имя Джилла Манро заставит миллионы зрителей, как говорят киношники, «прилипнуть задницами к стульям». — Андро допил чай и выпрямился. — М-м-м, это было как раз то, что нужно. Я чувствую себя другим человеком.

— А вы знаете многих знаменитостей? — с жадным интересом спросила Шина, но тут же смутилась: — Впрочем, наверно, вам уже надоело говорить о них.

— Вовсе нет, — галантно ответил Андро. — Это моя излюбленная тема. Налейте мне еще чаю, миссис Стюарт, и я с удовольствием расскажу вам все, что знаю.

— Конечно, с удовольствием, — засуетилась Шина, выполняя его просьбу, но вдруг с виноватым видом ахнула: — Господи, что же это я сижу и болтаю, ведь обещала Кристиане помочь с костюмами для школьного спектакля. Это наша школьная учительница, — пояснила она Андро. — Она живет через один дом от нас.

— О чем спектакль? — живо заинтересовался Андро.

— О событиях, которые произошли здесь, в Виге, в 1887 году. У нас здесь тоже есть своя история, причем весьма драматическая! Тогда на острове случилось наводнение, настоящее бедствие.

— Я бы очень хотел побольше узнать об этом, — сказал Андро. — Не могли бы мы попозже продолжить нашу беседу?

— Конечно, если вы никуда не торопитесь. Уверена, мой муж тоже с удовольствием

послушает ваши истории. — Шина неуверенно взглянула на дочь: — Дорогая, почему бы тебе не предложить Андро переночевать у нас? Тогда мы могли бы устроить настоящую вечеринку.

— Ты согласен, Андро? — вопросительно подняла брови Катриона. — У нас есть свободная комната, а в кооперативе найдется новая зубная щетка, если ты не захватил свою.

— Разве я могу устоять? — не скрывая восторга, воскликнул Андро. — Приглашение принято, — но только если вы позволите мне сбегать купить вина. Ваш кооператив имеет лицензию на торговлю спиртным?

— Все виды лицензий, — успокоила его Катриона. — Лицензии на спиртное, лицензии на телевизоры, лицензии на вождение автомобилей, брачные лицензии — только выбирай.

— А есть ли у них лицензия на печатание денег? — спросил он. — Вот тогда бы уже не было никаких проблем!

В дорогих столичных ресторанах их именуют «лангустами», и порция, состоящая из трех-четырёх штук с кружочками лимона и несколькими листиками салата, обходится в двузначную сумму, но здесь, на островах, местные жители называют их просто «креветками» и, усевшись вокруг кухонных столов, поедают килограммами. В тот день у отца Донни был отличный улов, так что вечером, когда Шина отварила огромную кастрюлю креветок, а Катриона с Андро, перешучиваясь, почистили их, все уселись за стол и начали смаковать их с различными соусами, приготовленными Шиной, — чесночным, томатным, лимонным и острым, из ямайского перца. Кроме этого, на стол поставили хрустящий черный хлеб, свежее масло и огромное блюдо с овощами — морковью, цветной капустой, сельдереем, огурцами и сладким перцем.

— А французы еще считают свою кухню лучшей в мире, — фыркнул Андро, с энтузиазмом расправляясь с очередной креветкой. — Я категорически утверждаю, что в жизни не ел ничего более вкусного, чем это.

Шина просияла от удовольствия, но скромно покачала головой:

— Это самая простая пища. Никакой фантазии, никаких изысканных ухищрений. Я всегда твержу Донни, что кооператив должен послать его на гастрономические курсы. Правда, Донни? — Она ласково улыбнулась зятю.

Мария упростила свекровь посидеть с детьми, благодаря чему они с мужем смогли поучаствовать в пиршестве и послушать театрально-кинематографические истории Андро.

Донни Макдональд, по прозвищу «Щетинка», младший из трех сыновей, был милым розовощеким молодым человеком с приятными манерами, который, в отличие от своего отца и братьев, никогда не выходил в море, а предпочел более скромную карьеру продавца. Женившись на Марии, он ни на минуту не переставал радоваться своему счастью. Еще подростком он начал упорно преследовать эту легкомысленную ветреницу, и в конце концов завоевал ее то ли благодаря своей преданности и настойчивости, то ли потому, что они зашли слишком далеко, обнимаясь на сеновале, и она забеременела. К несчастью, тот ребенок умер, но заключенный столь поспешно брак оказался счастливым для обоих супругов. Несмотря на то что Донни никогда не хватал звезд с неба, Шина очень любила своего верного, степенного, невозмутимого и нечестолюбивого зятя, хотя иногда дразнила его за те самые качества, которые относил к числу его достоинств.

— Да, это правда, — подтвердил Донни. — Но большинство членов правления не отличат пармскую ветчину от вареного сердца, и никогда в рот не возьмут незнакомой пищи. Впрочем, с этим вином у меня получилось неплохо. — Он приподнял стакан и втянул аромат прозрачной желтовато-зеленой жидкости. — Я не в силах запомнить, как это называется, но вкус приятный.

— «Ньерстейнер», — любезно подсказал Андро. — Для меня было приятным сюрпризом обнаружить его среди ваших запасов, Донни. Там, откуда я родом, можно почитать за счастье, если в местной лавке найдется бутылка «Бристоль-Крем».

Донни выглядел польщенным.

— Во всяком случае, под креветки оно идет просто отлично, — слегка порозовев, заметил он.

— А откуда вы, Андро? — робко спросила Мария, которую внешность и манеры

молодого актера, а также его умение вести беседу повергли в состояние трепетного благоговения.

— О-о, это крошечное местечко неподалеку от Форт-Вильяма, — неопределенно ответил Андро. — Вряд ли вам интересно услышать о нем.

— Нет-нет, мы хотим послушать ваши рассказы о Джиле Манро и других знаменитостях, с которыми вы вместе играли. Приходилось вам встречаться с Кеннетом Брано? Это мой любимец! Прошлой зимой я специально ездила в Портри, чтобы посмотреть его в «Генрихе V». Он выглядит совсем как Джемми до того, как с ним случилось несчастье!

Джемми прикрыл салфеткой изуродованную половину своего лица и продекламировал: «Еще раз в бой! Вперед! В пролом, в атаку! Еще раз, наши верные друзья! Еще вперед — или завалим стену телами наших мертвых англичан!» Мне всегда нравилась эта цитата — особенно упоминание о мертвых англичанах. — Он ухмыльнулся. — Это во мне говорит кельтская кровь.

Андро удовлетворенно рассмеялся и повернулся к Шине:

— Я понимаю, что вы подражаете, говоря, что они похожи.

Шина с любовью посмотрела на мужа.

— Несколько лет и несколько шрамов — вот и вся разница, — мягко произнесла она.

— Ну-ну, не смущай меня, — улыбнулся Джемми. — Мне-то, во всяком случае, больше нравится Эмма Томпсон, чем Кеннет Брано.

— Ну, она сейчас завоевывает славу на телеэкране, — заметил Андро. — Я слышал о ней множество историй.

И Андро начал рассказывать их, одну за другой, оплетая своих слушателей словами, как искусно сотканной паутиной. Катриона, вслед за своими родителями, почувствовала, как и ее постепенно захватывает и окутывает его колдовское очарование. Электричество было выключено, горели только свечи, создавая интимный полумрак, и четко вылепленное лицо Андро поочередно выражало все тончайшие нюансы характеров и чувств, пока он рассказывал свои истории: смешные и печальные, добрые и скандальные, иногда откровенно пикантные, но все пронизанные притягательной силой сцены и экрана — мира, так хорошо знакомого ему и такого бесконечно далекого для всех остальных.

Катриона чувствовала, что расположение, которое она всегда испытывала к актеру, усилилось и превратилось в тайное влечение, которое крепло еще больше оттого, что она видела, насколько им очарованы ее родители. Хэмиш казался чужим и далеким, ее роман с ним — досадным, ошибочным эпизодом, который она с удовольствием похоронила бы в прошлом, если бы мысль о нем постоянно не маячила на задворках ее сознания. Скоро ей придется встретиться с Хэмишем и расставить точки над «i» в их отношениях. Это не та проблема, решение которой можно позволить себе отложить на неопределенный срок. Однако это потом, а сейчас рядом Андро — обаятельный, располагающий к себе и при том неженатый...

В эту ночь, лежа в своей узкой кровати, она ощущала его присутствие в доме. Желая ей доброй ночи, он лишь слегка коснулся ее ладони, но нежное прикосновение его пальцев и волнуемый, пронизывающий взгляд темно-карих глаз подействовали на нее, как нажатие на спусковой крючок. Несмотря на разделявшую их стену, каждый нерв в ее теле трепетал от сознания его близости. Он притягивал и манил ее, как сияющий в темноте маяк.

— Расскажи мне об этом постигшем Виг бедствии, — попросил Андро, когда они на следующее утро шли по узкой дороге, вьющейся между светло-коричневыми полями и

темным скалистым берегом. Весенний день сиял золотом и сапфирами, чистое синее небо отражалось в спокойной воде залива, солнце лило лучи на пожелтевшую зимнюю траву. — О котором в школе ставят спектакль.

— Я сделаю еще лучше, — сказала Катриона. — Я покажу тебе место, где все это происходило. Это вон там. — Она показала направление. — В устье реки стоял большой дом, окруженный парком усадьба, где хозяин, богатый землевладелец, принимал друзей и устраивал охоту.

— Полагаю, это не вызывало восторга у местных фермеров, — предположил Андро.

— Нет, конечно. Лендлорда звали майор Фрейзер, он скупил большую часть земель Троттернишского полуострова и немедленно согнал с земли сотни фермеров, намереваясь разводить здесь овец и устроить охотничий заповедник. Начались митинги протеста, которые он назвал бунтом, фермеры перестали вносить арендную плату, а их за это причисляли к безнадежным должникам.

— Мне кажется, я догадываюсь, на чьей ты стороне, — улыбнулся Андро.

— Один из моих предков был брошен в тюрьму за участие в демонстрациях! — с жаром воскликнула Катриона.

— Ну, так как же насчет наводнения? — напомнил ей Андро, останавливаясь, чтобы полюбоваться стекающими между скал прозрачными струями. — Ты назвала это рекой, но, по-моему, это не более чем ручей. Едва ли такой мог вызвать наводнение!

— И тем не менее это так. Тогда здесь произошел настоящий потоп. На острове иногда бывают ужасные многодневные ливни, но тот был из ряда вон выходящим даже для Ская. За один день выпало 140 миллиметров осадков! Это было тринадцатого октября, в пятницу.

— Зловещая дата, — со смаком прокомментировал Андро. — Я слышу колокола судьбы! В дело вступили роковые силы!

— На самом деле это была сила многих тонн воды, которые стекали по склонам холмов и наполняли ущелье. — Она показала на крутой обрыв, различимый сквозь ряд сикомор. — Когда наконец оно переполнилось, естественную дамбу прорвало, и вниз устремились потоки воды, камней и громадных валунов. Основной удар пришелся прямо на усадьбу.

— Где, я надеюсь, как раз в это время презренный лендлорд принимал своих мерзких друзей, — с восторгом прокричал захваченный рассказом Андро.

— История об этом умалчивает, — продолжала Катриона. — Но настоящее светопреставление началось позже, когда вода размывла кладбище, и по реке поплыли вымытые из могил гробы. Легенда гласит, что полуразложившийся труп одного из выселенных арендаторов был обнаружен в рабочем кабинете майора Фрейзера.

— Какая чудесная легенда! — с воодушевлением заявил Андро. — Представляю, с каким удовольствием дети участвуют в спектакле! — Он взглянул в просвет между деревьями, но там не оказалось никаких следов старинного здания. — А что случилось с домом?

— Он был разрушен, и фермеры растащили камни, чтобы использовать их для восстановления своих домов. Майор Фрейзер бежал, как будто дьявол наступал ему на пятки, и вскоре умер где-то в Лондоне.

— Какая поучительная история, — восхитился Андро. — Вполне стоит голливудских фильмов ужасов. «Ночной кошмар Вига»! Кстати, куда мы направляемся?

Оставив позади место катастрофы, они начали подниматься по дороге, которая вилась вдоль берега, петляя между холмами.

— Я хочу взглянуть на разрушенную ферму, которую мечтают купить Мария и Донни, — объяснила Катриона. — Она находится над ущельем Конана, в маленькой закрытой долине. На карте она значится как Шедер, но мы называем ее Долина Фей.

— Почему? Там водятся маленькие человечки?

— Это не очень населенное место, но его считанные обитатели ничуть не меньше ростом, чем остальные жители острова. — Катриона отбросила с шеи повлажневшие от пота волосы. Начавшее припекать солнце светило прямо в спины. — Ф-фу! С трудом верится, что еще даже не наступил апрель. Нам повезло с погодой. Здесь очень редко дует восточный ветер, но он всегда означает, что небо будет ясным.

— Надеюсь, ты не забыла захватить какого-нибудь питья? — спросил Андро, поправляя лямки маленького рюкзака с провизией, которой их снабдила Шина.

— Там несколько банок пива и бутылка воды. Если хочешь, можешь глотнуть прямо сейчас, — ответила Катриона, стягивая жакет и обвязывая его вокруг талии. Блузки и свитера вполне достаточно, чтобы не замерзнуть на узкой, защищенной от ветра дороге.

На холмах по обе стороны дороги в изобилии начали распускаться дикие цветы. Желтые, белые, голубые и фиолетовые пятна просвечивали сквозь густые ветви боярышника. Возле первой обитаемой фермы путников встретила стая гогочущих гусей. Дом был добротный, ухоженный, с выбеленными стенами и крытой железом крышей. Группка высоких лиственниц, ветви которых уже по-весеннему ярко зазеленели, защищала его от ветра. Гуси, судя по всему, были настроены вполне доброжелательно.

— Это напоминает мне одну из картин Джеймса Гатсри, — мечтательно протянул Андро.

— А кто это — Джеймс Гатсри? — спросила Катриона.

— Один из группы художников, которые называли себя «Парни из Глазго». Изображая деревенские пейзажи, они не стеснялись рисовать все, как есть — пыль, грязь, навоз. Брезгливые викторианские критики презрительно именовали это направление «искусство подворья», но теперь картины «Парней» оцениваются пятизначными суммами. Не могу вспомнить, где я видел эту картину? Может быть, на вернисаже у «Вентворс»?

— Ты часто бываешь на аукционах «Вентворс»?

— На вернисажах, а не на аукционах. Я не могу позволить себе покупать то, что мне нравится.

Они продолжали медленно идти вперед.

— У меня есть подруга, которая работает у «Вентворс», — вдруг сказала Катриона. — Сейчас она ждет ребенка.

Андро удивленно взглянул на нее, но ничего не сказал, и несколько минут оба хранили молчание.

— Сама не знаю, почему я тебе об этом сказала, — в конце концов с удивлением произнесла Катриона.

— Может быть потому, что это для тебя важно? — предположил Андро. — Вы с ней очень близки?

— Да, очень. И если честно, то знаю, почему об этом заговорила. Потому что завидую ей. Это ужасно, да?

— Зависть движет людьми так же, как и честолюбие. Именно ревность и зависть к брату заставили меня стать актером. Я должен был совершить что-то дикое и неожиданное — такое, на что он был не способен. А ты завидуешь Марии из-за того, что у нее есть дети?

— Нет, — ответила Катриона и тут же нахмурилась, обдумывая, почему она так сказала. — Я не завидовала Марии, потому что считала: у нее есть дети, но зато у меня есть моя карьера, — медленно произнесла она. — Но у этой моей подруги тоже блестящая карьера.

— И теперь ты хочешь, чтобы у тебя, как и у нее, было и то и другое?

Катриона искоса взглянула на него, но лицо Андро было в тени, и она не смогла прочесть его мысли.

— В этой долине, должно быть, таится воспоминание о каких-то горьких и страшных событиях, — сказала она, резко меняя тему. — По вечерам здесь иногда слышатся чьи-то рыдания.

— Феи?

— Нет, души тех фермеров, которых согнали с родной земли. — Она показала на усеянное камнями поле. — Посмотри, вот там когда-то стоял дом. Землевладелец вышвырнул оттуда людей, велел снести крышу и позволил овцам бродить между стен. Не уверена, что я согласилась бы здесь жить. Наверно, там полно привидений.

— Да, здесь чувствуется какая-то таинственность, — согласился Андро.

Дорога круто повернула, и им предстало необычное зрелище: ровные ряды покатых невысоких холмиков, голые склоны которых были истоптаны стадами овец. Даже при ярком солнечном свете в них было что-то пугающее, особенно на фоне нескольких полуразрушенных фермерских домиков, беспорядочно разбросанных вокруг грязноватого маленького озера.

— Как интересно! Какие странные холмы! — воскликнул Андро. — Я никогда не видел ничего подобного.

— Когда-то здесь жили люди, — с горечью произнесла Катриона. — Деревня была полна смеха и детских голосов, каждый из этих холмиков имел свое имя. Повсюду бродили куры, гуси, коровы, а вовсе не эти противные овцы. Озеро было живым и чистым, на нем обитали дикие утки и шотландские куропатки. Наверно, здесь была грязь, вонь и антисанитария, но здесь била ключом жизнь, здесь рождались и умирали люди. Как на той картине, о которой ты говорил. — Она подошла к одному из заброшенных домов. — По моему, это и есть тот самый, который облюбовали Донни с Марией.

— Не знаю, что из этого может выйти, — с сомнением произнес Андро, вслед за Катрионой пробираясь внутрь развалин, которые когда-то были двухкомнатным домом. — Тут почти ничего не сохранилось.

Земляной пол порос травой, одна стена сохранилась в более или менее пристойном виде, но остальные заросли мхом и лишайником. Вплотную к стенам подступали разросшиеся деревья, просовывавшие в окна и двери покрытые полураспустившимися почками ветви.

— Какие странные деревья, — заметил Андро, растирая почку пальцами. — Ты не знаешь, что это?

— Это орешник. Когда я была маленькой, осенью мы всей семьей приходили сюда собирать орехи. Наверно, бывшие владельцы дома специально их разводили, чтобы как-то дополнить и разнообразить свое скудное меню.

— Кстати, о еде, — сказал Андро, сбрасывая с плеч рюкзак на ровный плоский камень, — мой желудок уже настойчиво о себе напоминает. Не подойдет ли это место для нашего пикника?

— Именно это я и имела в виду, — улыбнулась Катриона, выбирая наиболее сухое место на земляном полу. — Думаю, лучше всего здесь, в углу. Если хорошо укрыться от ветра, то на солнышке совсем тепло. — Она прислонилась к стене. — Отлично. Здесь нас не видно с дороги, хотя, впрочем, это неважно — наверно, мы первые, кто пришел сюда впервые за несколько недель. Где-то в рюкзаке должна быть подстилка.

Андро начал вытаскивать из рюкзака вещи, в том числе синюю подстилку из непромокаемой плотной ткани.

— Точно такую же я получил в награду, когда кончил школу, — заметил он, разворачивая ее.

— А я-то думала, ты получил золотую медаль, — фыркнула Катриона, берясь за второй конец подстилки, чтобы помочь ему.

Они уселись рядышком. С Андро Катрионе было так легко, как никогда не было с Хэмишем. Она чувствовала себя счастливой и расслабленной. Никакого чувства вины или непонятной благодарности, только теплое солнце, вкусные еда и питье. Катриона дернула за кольцо и протянула Андро открытую банку с пивом:

— Оно чересчур теплое, но все-таки жидкое.

Андро залпом выпил большую часть.

— Ф-фу! Немножко притушил огонь, — сказал он, отдуваясь. — Если не ошибаюсь, я видел там пирог с бараниной? Пироги с бараниной — это моя слабость.

Катриона достала из пластмассовой коробки пироги, дала один ему и взяла себе второй. Они одновременно вонзили зубы в корочку и, улыбаясь друг другу, начали жевать.

— А у тебя нос в масле, — некоторое время спустя, с наслаждением глотая последний кусок, заметил Андро.

— Спасибо, — беззаботно ответила она, потягиваясь на солнышке. — Посмотри, вон там в углу расцвели примулы. Странно, как это ветер их не погубил.

— А они в защищенном месте, — объяснил Андро, — действительно, их там несколько штук.

— «Весна пришла, и все цветет, и птичка на крыле»... — мечтательно процитировала известный стишок Катриона.

— Все это чушь, наоборот: крыло на птице — вот! — весело продолжил он.

— Я никогда не слышала такого варианта. Это ты сам придумал? — спросила Катриона, щурясь от яркого солнца.

Он засмеялся и мотнул головой. Глаза Катрионы были полузакрыты, пышные разлохматившиеся рыжие волосы сверкали на солнце золотыми искрами. Она казалась излучающей сияние, влекущей, опьяняющей. Потянувшись к ней, Андро коснулся ее губ своими — раз, другой, третий. Прикосновение его языка к ее полураскрытым губам огнем опалило Катриону. Она без сопротивления позволила этому огню проникнуть внутрь и разжечь там ровное и сильное пламя страсти. Ей не хотелось ни деклараций о колдовстве, ни экстравагантных жестов и криков экстаза, нет, ей нужна была нежность и страсть, простая, не сковывающая, незапрещенная, не требующая никаких уверток или отговорок.

Как только Андро появился на ферме, девушка сразу почувствовала, что между ними что-то возникло. Катриона не спрашивала себя, как это было в случае с Хэмишем, разумно ли она поступает. На этот раз все произошло иначе. Тогда — настойчивая поспешность, необузданный напор с обеих сторон. Стрелка сексуального барометра при первом же соприкосновении их губ мгновенно скакнула до высшей отметки. Но с Андро первые

поцелуи казались нежной увертюрой к симфонии. Не зря он был актером, художником, способным уловить мельчайшие нюансы чувств и настроений. Он никуда не торопился. Долгие, долгие минуты прошли, пока его руки дотронулись до ее волос, погрузились в их сверкающую глубину и наконец сомкнулись у нее на затылке, заставив ее плоть напрячься. Катриона затрепетала от головы до пят. Она ответила робким прикосновением к его спине, ощутив сквозь одежду силу и твердость мышц его гибкой спины.

— У твоих губ вкус пирога, — прошептал Андро, отстраняясь и глядя на нее дразнящими темно-кариими глазами.

— Ты же сказал, что любишь пирог с бараниной, — выдохнула Катриона.

— Да, это верно, — пробормотал он, наклоняясь, чтобы поцеловать то местечко на шее, откуда, казалось, выходил ее голос. — А как ты смотришь на то, чтобы заняться любовью? Прямо здесь, в Долине Фей?

Прямолинейность вопроса ошеломила ее. Она не ожидала, что он спросит об этом, ей казалось все само собой разумеющимся. Более того, она считала, что они уже начали путь. Не получив немедленного ответа, Андро перевел взгляд с ее лица на небо и нависший над ними шатер ветвей с набухшими почками.

— Это будет восхитительно, разве нет? Здесь, на весеннем солнышке, рядом с распускающейся примулой, под пение птиц. Ты согласна, что такой случай нельзя упускать?

— Да, — мягко ответила она. — Да, я согласна.

— Чудесно! — возликовал он и, рассмеявшись, заключил ее в объятия и поцеловал. — Это будет потрясающе — вот увидишь!

Физически они как нельзя лучше подходили друг другу — оба высокие, стройные, гибкие. Их длинные ноги и тела соединились легко и грациозно. Они переходили от одной позиции к другой, как танцоры в каком-то удивительном горизонтальном па-де-де, исполненном на полу развалившегося дома, который, конечно, видал немало слияний мужчин и женщин в те времена, когда был обитаем. Но те неуклюжие совокупления совершались в темноте, тайком, под прикрытием провонявших потом одеял, в доме, полном людей и животных. Это же ничего не сковывало — свободно льющаяся мелодия двух красивых тел под поцелуями ласкового солнца, исполненная на лоне пробуждающейся весенней природы.

То, что последовало за увертюрой, можно было сравнить только с опьяняющим праздничным концертом. На два последующие дня Троттернишский полуостров превратился в их любовное гнездышко. Ветер по-прежнему дул с востока, солнце сияло, и они неутомимо искали и находили для своих любовных занятий все новые и новые укромные местечки. Воспользовавшись машиной Андро, они забирались в самые отдаленные уголки, добрались даже до развалин Дантулмского замка на северной оконечности полуострова, где когда-то в XVI веке Макдональды наголову разбили Маклеодов, но в XX-м под его сводами Стюарт и Линдсей торжествовали иную победу. Наконец, в последний день они забрались на Квирейн, живописную террасу базальтовых скал, превращенных ветром и дождями в необычные остроконечные шпильки, между которыми притаились уютные зеленые полянки. Обступавшие их со всех сторон высокие скалы создавали таинственную и торжественную, как в церкви, гулкую тишину. Однако они не стали совершать богослужение в этом тайном храме, и между скал раздавались не гимны и псалмы, а вздохи и стоны восторга, когда они находили новые, все более искусные, утонченные, восхитительные способы, чтобы довести друг друга до трепетного и головокружительного оргазма.

Но, несмотря на то что любовники с неустанной жадой и рвением исследовали свои тела, их умы и души оставались закрытыми друг от друга. Перед отъездом с острова Катриона с некоторым стыдом осознала, что знает о взглядах и чувствах Андро немногим больше, чем в тот первый, насыщенный алкогольными парами вечер в Глендоране. Она знала, как нужно целовать Андро, чтобы заставить его стонать от наслаждения, знала, какими ласками она может довести его до небывалых высот экстаза, но не знала, верит ли он в Бога и каковы его понятия о любви и жизни, о добре и зле. Если столь серьезные материи каким-то образом вдруг вторгались в их одержимые занятиями любовью, Андро умело уходил от ответа и отвлекал ее внимание, причем делал это настолько искусно, что порой Катриона не замечала его маневров.

Все эти три волшебных дня она пребывала в состоянии абсурдного, бездумного, фантастического счастья. Катриона была околдована, очарована, она слепо наслаждалась своим блаженством, веря, что оно поможет ей навеки стереть из памяти мысли о Хэмише. Ей следовало бы понимать, что это рай для дураков, но, как и многие другие, потерявшие голову в водовороте наслаждения, она об этом не задумывалась.

В тот последний день на Квирейне, когда тени скал начали удлиняться и вдруг стало холодно, они помогли друг другу одеться и начали собираться домой.

— Ты увидишься с Хэмишем Мелвиллом, когда вернешься в Эдинбург? — неожиданно спросил Андро, натягивая кожаную куртку.

Вопрос застал Катриону врасплох.

— Я... я не знаю, — проямлила она. — Зачем?

— Просто я подумал, что у вас с ним могут быть какие-то незавершенные дела. — Он помог ей надеть пальто, обнял за плечи, и они начали спускаться к машине. — Ведь он твой друг?

— Да. Думаю, что да, — неохотно признала Катриона, не желавшая продолжать этот разговор из опасения, что тень Хэмиша разрушит волшебство последних дней. Сегодня четверг. Она должна позвонить ему относительно завтрашнего предполагаемого свидания.

— Когда мы вернемся, я хочу познакомить тебя со своей приятельницей, — продолжал Андро. — Она — мой партнер по кинокомпании.

— А-а, голос из автоответчика, — стараясь говорить как можно ровнее, кивнула Катриона.

Она вдруг почувствовала, как земля у нее под ногами предательски дрогнула.

— Ага, Изабель. Думаю, она тебе понравится.

— Что ж, отлично, значит, я с ней познакомлюсь, — пожала плечами Катриона. — Или на это есть какие-то особые причины?

Андро беззаботно рассмеялся.

— Нет. Да и какие могут быть причины? Просто если ты придешь ко мне в гости, ты так или иначе с ней встретишься.

— Ты меня приглашаешь?

— Еще чего! Лучше держись подальше! — Наклонившись, он мимолетно поцеловал ее в губы.

— Неисправим! — со счастливым вздохом пробормотала Катриона.

— Что у тебя с Андро, Кэт? — к ужасу дочери, ровным голосом спросил ее Джемми, когда они вышли на поле за домом, чтобы загнать на ночь овец. Их было десять, и все они

должны со дня на день начать ягниться.

Катриона метнула на отца встревоженный взгляд.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, со страхом ожидая ответа.

— Ну, вы бродите с отсутствующим видом, как парочка идиотов или лунатиков, а я-то считал, что ты еще не вполне разделалась со своим женатым мужчиной. Ты уж как-нибудь приведи в порядок свои дела, Кэт, прежде чем прыгать из огня да в полымя. — Джемми говорил отрывисто, смущаясь того, что вынужден касаться столь деликатных материй, но, движимый заботой о дочери, которая была его тайной любимицей, не мог молчать.

— Папочка, не волнуйся. С Андро все о'кей. Он не женат, и он такой хороший. Он ведь тебе нравится?

— Да, в общем-то он мне нравится. Забавный и приятный парень, ничего не скажешь. Но ведь он актер... — Джемми произнес это слово скривившись, как будто оно означало нечто непристойное.

— Ну и что в этом такого ужасного? — возмутилась Катриона. — Актеры — такие же люди, как и все остальные. Они живут, дышат, едят, спят — и любят.

— Да, они все это делают, — согласился ее отец, — но не так, как другие. Андро напоминает мне одного матроса с нашего корабля. Он был общим любимцем: пел, плясал, рассказывал смешные истории. Когда мы были в море, ребята целыми часами, бывало, слушали его разинув рты. Но в каждом порту у него была своя девушка, которая встречала и провожала его.

— Ну? И чем же Андро его напоминает? — ядовито поинтересовалась Катриона, уязвленная словами отца.

— Он тоже перекаати-поле. Я в этом уверен. — Джемми оперся на свой пастушеский посох и уткнулся подбородком в сложенные руки. В перламутровых лучах заходящего солнца его покрытое шрамами лицо выглядело уродливее, чем когда-либо.

— Послушай, папа, я понимаю, что тобой движет только забота обо мне. Но ведь мы с Андро знакомы совсем недавно. Никто пока что не может сказать, серьезно это или нет.

— Мне кажется, что здесь, на острове, гораздо легче строить отношения, — задумчиво продолжал Джемми, как будто и не слыша ее реплики. — Здесь точно знаешь, с кем имеешь дело, знаешь, кто у кого мать, и отец, и все остальные родственники. А ты ничего не знаешь о семье Андро.

— Нет, знаю! — горячо возразила Катриона. — Я знаю, что они родом из Глендорана, что у него есть брат и что он не очень ладит с отцом.

— Почему, хотелось бы знать? — осведомился Джемми.

— Ну, уж этого я не знаю. Но ведь это не преступление, правда? Не каждый может наладить отношения с родителями.

— Не понимаю почему. Сдается мне, что если человек не может поладить с собственным отцом, здесь что-то не так.

— С ним или с отцом? — укоризненно взглянула на него Катриона.

Джемми устало покачал головой.

— Я не хочу спорить с тобой, Кэт. Мы всегда отлично понимали друг друга, так что не притворяйся, что сейчас меня не понимаешь. Я только хотел сказать, что, по-моему, ты немножко поспешила с Андро, особенно учитывая того, другого. Как говорили у нас на корабле, почисти палубу, прежде чем загружать новый груз.

Катриона почувствовала, как ее охватил прилив нежности к отцу. Пусть его взгляды не

очень-то широки и чересчур прямолинейны, пусть его ум в чем-то ограничен, но в доброте и здравомыслии ему никак не откажешь. Она знала, как нелегко ему смириться с тем, что он смолоду стал инвалидом, однако никто никогда не слышал, чтобы он жаловался на судьбу. Джемми Стюарт по натуре борец, и она любила его.

— Как бы я хотела, чтобы вокруг было побольше таких заботливых боцманов, как ты, отец, — сказала Катриона, обнимая его. — Не волнуйся, я скоро вычищу свою палубу.

Джемми кашлянул, чтобы скрыть подступивший к горлу комок. Он ткнул посохом в направлении одной из тяжело и шумно двигавшихся овец.

— Не удивлюсь, если она разродится еще до утра. Хорошо бы они все успели, пока держится хорошая погода.

— Надеюсь, Андро любит яблочные клецки? — заметила Шина, когда они с Катрионой возвращались из гостиницы «Ферри-Инн». Поскольку наутро Андро должен был уехать, они всей компанией посидели в баре, и теперь женщины спешили домой, чтобы накрыть стол прощальному ужину.

— Ты приготовила яблочные клецки? — изумилась Катриона.

Приготовление традиционного праздничного блюда из фруктов, теста и нутряного жира требовало нескольких часов, поэтому обычно его готовили только на Рождество или по особо торжественным случаям.

— Мамочка, признайся, может быть, ты немножко влюблена в Андро? Подумать только — яблочные клецки!

Шина покраснела, но упорно отрицала сердечную склонность к Андро:

— Дурочка, это же я для тебя старалась. Тебе нужно как следует питаться, а завтра ты уезжаешь.

— Прошу прощения, — растроганно проговорила Катриона. — Обещаю отдать им должное.

Несколько минут они шли в молчании, глядя, как заходящее солнце окрасило морскую гладь в оранжевый цвет.

— Я все думаю насчет Марии и Донни, — наконец задумчиво произнесла Катриона.

— Ты имеешь в виду эту ферму в Шедере? — заинтересованно спросила Шина. — Как ты считаешь, сможет Донни заново ее отстроить? И стоит ли это делать? Это какое-то роковое место. Иногда я удивляюсь, что они собираются там жить.

Катриона улыбнулась, вспомнив свое первое мрачное впечатление от Долины Фей и то, по каким причинам впоследствии изменила мнение об этом месте. После того как они с Андро впервые соединились в том полуразрушенном доме, ей показалось, будто поколения тех, кто когда-то там жил и любил, приняли их в свой магический круг. Долина будто бы ожила для нее.

— Я думаю, мама, настало время, чтобы дети снова играли вокруг озера. И у меня есть идея, как помочь Донни и Марии купить ферму, — сказала она.

— Ты уверена? — с сомнением произнесла Шина. — Но ведь они обращались, куда только можно было: в строительные фирмы, в страховые компании, даже в банки. Уж наверно, твой банк не согласится предоставить им ссуду? Ведь он имеет дело только с богатыми людьми?

— Может быть, они не дадут денег Донни и Марии, но дадут мне, — заявила Катриона. — Я могу взять ссуду на год или на восемнадцать месяцев, тогда у них появится

возможность выполнить работы, а потом они получают ссуду в строительной компании и вернут мне долг. Что ты об этом думаешь?

— Это было бы чудесно, дорогая, если бы все получилось так, как ты задумала, — неуверенно согласилась Шина. — А то я уж начала подумывать, не отдать ли нам с отцом ферму детям, а самим перебраться на квартиру в Портри или еще куда-нибудь.

— О нет, мамочка, вы не должны этого делать! Этот дом — наш дом. Я не могу представить тебя и папу где-нибудь в другом месте. — Катриона выглядела удрученной. — Иногда там, в городе, мне удается держаться только благодаря тому, что я представляю вас в нашем доме, здесь, на острове, которому вы принадлежите всей душой.

— И которому, может быть, принадлежишь и ты, Катриона? — мягко предположила Шина. — Может быть, тебе не следует отдавать деньги Марии? Ты можешь купить дом для себя.

— Нет, он должен достаться Донни, Марии и их детям. Шедеру нужны дети. А я все равно должна жить в Эдинбурге и не хочу иметь второй дом, когда многие люди не имеют ни одного.

— А кроме того, в Эдинбурге живет Андро, не так ли? — пряча улыбку, сказала Шина. — Теперь я начинаю понимать притягательность большого города.

Катриона подобрала камешек и с размаху швырнула его как можно дальше. Он с плеском разбил гладкую зеленоватую поверхность, оставив на ней широкие расходящиеся круги.

— Город иногда может быть очень вероломным, — угрюмо заметила она. — Люди там считают, что за деньги они могут купить все. Я не могла бы оставаться там, если бы не знала, что есть лучшая жизнь.

— И где же лучше? — спросила Шина.

Катриона обвела взглядом берег, вбирая в себя всю его широкую панораму, от вершины Рю Айдриджилл, горделиво вздымающейся на севере, вдоль темного полукруга береговой линии, разрезанной поперек молом, вдоль ряда белых домиков, уютно разместившихся на склонах среди обнесенных заборами зеленеющих полей, выше, туда, где на крутом темном холме белело устремленное вверх здание церкви, и еще дальше, туда, где вдали, на западной оконечности залива синела гора Рю Хорахан. На горизонте виднелись неясные очертания островов, которые в этот закатный миг казались пурпурными. Было очень тихо, если не считать редких криков чаек и мерного плеска набегающих на скалы волн.

Отвернувшись от этой умиротворяющей картины, Катриона торжественно ответила:

— Здесь. В этом я уверена.

В бальном зале отеля «Каледония» было тесно, душно и жарко. Сойдя с площадки для танцев, Фелисити Финли плюхнулась в кресло, стоявшее возле круглого стола с недопитыми бокалами и кофейными чашками, и, отдуваясь, взглянула на мужчину в национальном шотландском костюме, который уселся рядом с ней.

— Я совершенно выбилась из сил, Дональд. «Восьмерка», «Четверка», а потом еще и «Ивовые прутья»! Деревенские танцы — это настоящая пытка!

— Я думал, что благодаря гольфу ты легко это выдержишь, Фелисити, — заметил Дональд Камерон.

Наполнив пивом огромную кружку, он начал постепенно переливать в себя ее содержимое. Демонстрируя характерную гибкость мелодий большинства шотландских народных танцев, музыканты продолжали ту же тему, превратив ее в медленное танго.

Фелисити с жадностью проглотила стакан белого вина. Под воздействием жары и физических упражнений ее лицо приобрело уже даже не розовый, а багровый оттенок. Хмыкнув, она поставила стакан на стол.

— Посмотри-ка на Элисон Хоум-Мур. Она даже не разогрелась как следует.

Элисон и Джон, прижавшись друг к другу, медленно кружили по танцевальной площадке. Темная голова Элисон лежала на надежном широком плече мужа.

— Это потому, что они только что начали, — пояснил Дональд. — Элисон бережет силы. Джон говорит, что теперь она ложится спать не позже десяти, так что сейчас, наверно, для нее уже поздновато.

— О, ну конечно, ребенок. Как здорово, что он у них будет, правда? — отозвалась Фелисити, вытягивая шею, чтобы обозреть остальные столики. — Кстати, ты не видел Брюса? Он уже целую вечность не попадался мне на глаза.

— Нет, не видел. А-а, привет, Джиллиан. А я уж было решил, что ты для меня потеряна навеки, — с довольным видом произнес Дональд, когда вежливо улыбающийся Хэмиш Мелвилл подвел к их столику его подругу. Поблагодарив партнершу за танец, Мелвилл быстро ретировался в сторону бара.

Джиллиан в облегающем рубиново-красном платье из тафты выглядела великолепно, хотя и несколько строго для такого бала. Она зачесала наверх свои светлые волосы, чтобы не остались незамеченными необычные, «под старину», серьги из черного янтаря и имитирующего бриллианты стекла.

— Чертовски тяжело танцевать в этом платье, — призналась она. — Я понятия не имела, что здесь будет такая обстановка.

— Не унывай, малышка, сейчас я закажу еще шампанского, — подбодрил ее Дональд. — Ты присоединишься к нам, Фелисити?

Фелисити внезапно встала.

— Может быть, позднее, спасибо, Дональд, — бросила она, расправляя волны шелковой зеленовато-голубой юбки. — Пойду глотну хоть немного свежего воздуха.

Тесный бархатный лиф платья сковывал и раздражал ее. Она сердилась от сознания, что Брюс ею пренебрегает. Прокладывая путь между гостей, она направилась к стеклянным дверям, выходящим во внутренний дворик гостиницы. Они были распахнуты, и сквозь них виднелось открытое небо и колышущиеся на свежем ветерке ветви и листья экзотических

растений.

В последний момент Хэмиш изменил направление и не стал подходить к бару. Там было слишком много людей, встречи с которыми он предпочитал избежать. Два дня назад Мелвилл был вынужден прикрыть огромную, неповоротливую сеть хозяйственных магазинов, не так давно отданных ему в счет долга. Сегодняшний благотворительный бал был ему совершенно некстати, и он с трудом сдерживал искушение взвалить на Линду вину за то, что она заставила его посетить светское мероприятие, когда заведомо известно, что здесь будет полно членов Торговой палаты и участников Круглого стола предпринимателей, ожидающих от него информации и объяснений, которые в данный момент Хэмиш не готов был давать.

Он и Фелисити, не замечая друг друга, одновременно вышли во дворик через соседние двери и остановились, каждый у своего выхода, подставляя разгоряченные лица свежему ветерку. В зале становилось все оживленнее, оркестр теперь исполнял старую мелодию «Битлз» — «Мою любовь не купишь за деньги». Хэмиш зажег сигару и выпустил струйку дыма в листья высокого фикуса, вид которого почему-то заставил его вспомнить о Катрионе и мысленно заскрежетать зубами. После того как он большую часть недели прождал ее звонка, она позвонила вечером в четверг только для того, чтобы сообщить ему, что свидание отменяется. И хотя не было никаких причин, по которым он мог бы возражать против ее поездки к больной матери, на его конце линии моментально воцарилась грозная атмосфера. Раздраженный деловыми неудачами и стычками с женой, Хэмиш с нетерпением предвкушал, как он отдохнет и расслабится в белой постели Катрионы. Его ушибленное самолюбие нуждалось в реванше, поэтому, узнав об отсутствии Катрионы, Хэмиш расстроился вдвойне. Он многое может простить ей, но только не эту ставшую постоянной недоступность. Это становится подозрительным! Похоже, она его избегает, но он, Хэмиш Мелвилл, не из тех, с кем можно обходиться подобным образом.

Его сигара успела укоротиться на целый сантиметр, прежде чем он заметил, что внутренний дворик является ареной более активного времяпрепровождения, чем его неторопливое курение. С центральной, обнесенной густыми кустами площадки доносились голоса, и Хэмиш постепенно осознал, что может сказать, кому принадлежит по крайней мере один из них.

Фелисити с жадностью глотала прохладный воздух. Дворик освещался лишь несколькими желтыми фонарями, спрятанными среди густой зелени. Заметив за кустами две тени, движения которых показались ей довольно подозрительными, Фелисити не стала углубляться внутрь дворика и остановилась в дверях. Из зала доносилась знакомая мелодия, и она начала тихонько ей подпевать. Любовь не купишь за деньги, цинично подумала она, но любовью очень часто можно купить деньги, и многие безденежные красавицы прекрасно это понимают. Известно ли об этом Катрионе, думала Фелисити, до сих пор не успокоившись по поводу чувств, которые Брюс мог питать к своей красивой подчиненной, несмотря на то, или, может быть, как раз потому, что девушка так нравилась ей самой. В конце концов, если она сама очарована Катрионкой, почему Брюс не мог проникнуться к ней нежными чувствами? Но по крайней мере сегодня Катрионы здесь нет. Внезапно мысли Фелисити были прерваны донесшимися из кустов голосами. Кажется, один из них ей хорошо знаком?

Растущее подозрение заставило Фелисити отбросить страх перед таинственными тенями и решительно шагнуть вперед. Одновременно она увидела, как то же самое в нескольких метрах от нее сделал Хэмиш. Фелисити предоставила ему пройти вперед и

неслышно последовала за ним. Вдруг она увидела, как, выйдя на центральную площадку, он резко остановился. Она услышала его голос, сейчас больше похожий на змеиное шипение:

— Что я вижу! Председатель благотворительного комитета и исполнительный директор банка проводят интимное совещание!

«Хэмиш!» и «Боже всемогущий!» — одновременно произнесли Линда и Брюс, и Фелисити успела выйти из кустов как раз вовремя, чтобы увидеть, как они отпрянули друг от друга, торопливо приводя в порядок одежду, и поспешно вскочили со скамьи, на которой Хэмиш застал их в тесном объятии.

— Это все, что вы можете сказать? — холодно прокомментировал Хэмиш.

— Брюс! Что здесь происходит? — вскрикнула Фелисити, лицо которой побагровело от ярости не меньше, чем физиономия ее мужа от смущения.

Линда никак не могла справиться с лифом своего бального платья, который, даже когда был на месте, прикрывал только самое необходимое, а только что, под неистовым напором Брюса, съехал куда-то в сторону, полностью открыв взору ее прелести.

— Вот именно, Линда, может быть, тебе лучше вообще обходиться без лифа? — съязвил Хэмиш, наблюдая за ее усилиями.

— Да тут, в общем-то, почти ничего и не происходило, Флик, — неуверенно начал Брюс, на всякий случай вытирая ладонью рот, хотя вся помада, которая могла перейти на его губы с губ партнерши, уже успела стереться во время их энергичных объятий. — Просто Линда немного перевозбудилась под воздействием танцев, вот и все.

— Очень галантно, Брюс, — возмущенно фыркнула Линда. — Я вообще не собиралась обдирать эти «Ивовые прутья»!

— О Господи! — всхлипнула вдруг ставшая пепельно-серой Фелисити. — Так значит, с самого начала это была ты, Линда, а я-то думала, что это Катриона!

— Что — Катриона? — взвился Брюс, побагровев от ярости. — Ее вообще здесь нет! И довольно, здесь не о чем говорить! Это была просто... — он запнулся, подыскивая подходящее слово, — минутная слабость. Всего лишь один мимолетный поцелуй. Ничего серьезного. Линда скажет вам то же самое.

— Да-да, скажи нам, Линда, — лаконично заметил Хэмиш, затягиваясь и выпуская струю дыма в лицо жены.

— Ради Бога, Хэмиш! — запротестовала Линда, которую не так-то легко было запугать. — Только не надо раздувать эту историю и превращать ее Бог знает во что. Разумеется, это была только невинная забава, так, минутное развлечение. — Она смерила Брюса презрительным взглядом, который в одно мгновение свел на нет всю их былую нежность. — Впрочем, я полагаю, ты все-таки мог бы взять хотя бы часть вины на себя. Нельзя сказать, что ты не проявлял инициативы или вел себя чересчур робко!

Не сводя укоризненного взгляда с Брюса, Фелисити внезапно опустилась на скамью.

— Я знала, что у тебя кто-то есть, — прошептала она, — но все время думала, что это Катриона. Какой кошмар!

В этот напряженный момент ее, казалось, больше волновало не то, что муж ей изменяет, а то, что она подозревала невинную женщину.

Брюс неловко уселся рядом с ней.

— Разумеется, я не стал бы ухаживать за Катрионой, Флик. Ведь я с ней работаю. — Он сделал попытку ласково обнять жену за плечи. — Послушай, дорогая, честное слово, все это ерунда.

Фелисити шумно втянула носом воздух и с яростью отбросила прочь его руку.

— О-о, вот это уже интересно! — саркастически заметил Хэмиш. — Этот парень забавляется под пальмой с моей женой и после этого говорит, что это ерунда. Ну уж нет, я вовсе не считаю, что это ерунда, и, смею вас заверить, вы еще не раз об этом вспомните. — Его голубые глаза превратились в две бледные ледышки.

Фелисити вскинула голову:

— Нет-нет, Хэмиш, не нужно. Поступайте с вашей женой, как знаете, а Брюса предоставьте мне. Я сама сумею вправить ему мозги! — Сейчас она больше напоминала не несчастную обманутую жену, а разгневанную мстительную фурию. Любой мужчина — разумеется, за исключением Хэмиша — пожалуй, посочувствовал бы Брюсу.

— Что ж, пожалуйста. Похоже, не только у меня в семье неурядицы.

Чтобы окончательно превратить эту сцену в фарс, на площадке появилось новое действующее лицо — Виктория Монкрайф, глаза которой так и сверкали от злорадного любопытства. В мерцающем желтом свете фонарей она в своем красно-черном платье с высоким воротником была похожа на торжествующего испанского инквизитора.

— Виктория? Что ты здесь делаешь? — грозно нахмурилась Линда, моментально вспомнив о своей роли председателя дамского комитета, и свысока осведомилась у своей заместительницы: — Какие-то проблемы?

— Я везде тебя ищу, — проворковала Виктория, которую несколько не обманула напускная деловитость Линды. — Приближается полночь, пора разыгрывать призы. Но если ты занята, то я и сама справлюсь. — От ее хитрого взгляда не укрылся ни хмурый вид Линды, ни каменные физиономии остальных.

Линда бросила взгляд на усыпанный бриллиантами «ролекс». Она уже успела воспользоваться принадлежностями из своей вечерней сумочки, привела в порядок волосы и обновила помаду.

— Нет. Здесь не происходит ничего такого, что не могло бы подождать, — решительно заявила она, пряча сумочку под мышку. — Мы можем выяснить все завтра — если вообще тут есть что выяснять. Лотерея — это куда более важно. Ты идешь, Хэмиш?

— Думаю, что нет, — холодно сообщил Хэмиш. — Соблазны казино кажутся мне бесконечно более притягательными, чем что-либо другое. — Откуда-то издали донесся бой башенных часов. Взглянув на свой собственный «ролекс», Хэмиш, усмехнувшись, добавил: — Какое удивительное совпадение — только что как раз наступило первое апреля!

В спальне своей эдинбургской квартиры Андро лихорадочно расшвыривал по кучкам одежду.

— Что, черт возьми, ты тут вытворяешь? — осведомилась Изабель, которая провела все воскресенье в монтажной, расположенной внизу, в переделанном для этой цели гараже. Полчаса назад она услышала, что Андро приехал, но оставалась в подвале, пока не закончила работу, и только сейчас поднялась в квартиру.

— Ха, дорогая! — Андро широко ухмыльнулся ей из-за кипы свитеров и рубашек. — А как по-твоему? Я переезжаю в другую комнату.

Изабель не ответила на его улыбку и, стоя в дверях, с бесстрастным видом продолжала наблюдать за его сборами. В ее темных, глубоко посаженных глазах невозможно было прочесть, что она думает.

— Итак, все идет по плану? — через некоторое время поинтересовалась она.

— Как часы, — самодовольно подтвердил Андро. — А ты чего ожидала?

— Ну, конечно, в таких делах на тебя всегда можно было положиться, — констатировала Изабель, направляясь к туалетному столику. — Вот, не забудь это, — она швырнула на кровать расческу. — Хотя ты почти никогда ею не пользуешься. — Изабель оперлась о поручни кровати и наклонилась к нему. — Мог бы по крайней мере позвонить, хотя бы для того, чтобы сообщить мне, как идут дела.

Андро пожал плечами.

— Я был слишком занят. Ты же знаешь, я могу концентрироваться только на чем-нибудь одном.

— Вчера я говорила с Робом. Он спрашивал, что слышно насчет миллиона фунтов.

— Позвоню ему завтра вечером. К тому времени, скорее всего, я уже смогу сообщить ему хорошие новости. Кстати, завтра за ленчем я хочу тебя кое с кем познакомить.

Изабель приподняла бровь, но никак не откликнулась на это известие. Закинув руки за голову, она ленивой походкой направилась к двери.

— Я собираюсь принять ванну, — заявила она. — А потом мы пойдем к «Умберто». Ты задолжал мне приятный выход в свет.

Андро состроил комическую гримасу.

— Я предпочел бы приятную ночь здесь, — с чувством произнес он. — Но полагаю, ты будешь настаивать на своем. Что ж, «Умберто» так «Умберто».

— Ты не забыл, что сегодня должен вернуться пораньше? — напомнила мужу Линда, когда в понедельник утром он, собираясь ехать в офис, застегивал портфель.

— Зачем? Ты что, намерена разыграть очередное представление из серии «Застигнутая на месте преступления»? — саркастически поинтересовался он, защелкнув замки, и почти что вырвал из ее рук плащ, который Линда, как полагается хорошей жене, держала наготове.

Линда светло улыбнулась. Она была в самом соблазнительном из своих пеньюаров — белом шелковом, который облегал ее достаточно плотно, чтобы не оставить незамеченными ни один изгиб и ни одну выпуклость ее стройного тела. Тела, которое Хэмиш полностью игнорировал уже несколько дней.

— Может быть, в следующий раз ты захочешь к нам присоединиться? — с милой гримаской поинтересовалась она.

— В следующий раз я тебя убью, — буркнул он. — А пока что можешь после развода катиться на все четыре стороны.

— Но не раньше же, чем здесь побывают люди из «Интродакшнз»? — Линда сняла с его рукава несуществующий волосок.

Хэмиш нетерпеливо отмахнулся.

— Ради Бога, отмени все это! Я всегда был против этой затеи, но теперь об этом вообще не может быть речи.

Линда вздернула брови.

— Если не ошибаюсь, завтра ты первый раз участвуешь в заседании правления Национальной галереи? Интересно, как они отреагируют, когда увидят сенсационные заголовки о скандальном разводе?

— Откуда возьмутся заголовки, если только ты сама не сообщишь прессе? — хмыкнул Хэмиш.

— Да разве мне надо будет что-нибудь сообщать прессе, если я отменю интервью в

«Интродакшнз»? — с рассудительным видом, который доводил Хэмиша до бешенства, пожала плечами Линда. — «Интродакшнз» не станет об этом молчать. И, конечно же, Макса, бедного мальчика, в школе сразу начнут дразнить. — На ее глазах цвета карамели заблестели слезы.

— Я позвоню в школу, чтобы от него прятали газеты. Черт возьми, Линда, какую игру ты ведешь? — Хэмиш на секунду задержал на ней взгляд, но потом, заторопившись, подхватил портфель и направился к дверям. — Что бы ты ни придумала, оставь эту затею. Это ни к чему не приведет.

— Я не веду никакой игры. Я только хочу сказать, что если мы оба правильно себя поведем, то Макс может так никогда и не узнать, что его мать... или отец когда-то ненадолго покидали стезю добродетели. Но он неминуемо об этом узнает, если мы отменим интервью в «Интродакшнз»!

Хэмиш задумчиво смотрел на нее, мысленно просчитывая ситуацию. Действительно ли она знает о его связи с Катрионой? Или о тех, что были до Катрионы? Но он всегда так осторожен... Однако Линда права в одном: отмена интервью в «Интродакшнз» моментально вызовет подозрения, по его следу тут же пустится свора пронырливых репортеров, а тем только стоит что-то учуять... Одному Богу известно, сколько репутаций — и каких! — ими уже загублено! На что же надеяться ему, не политику, не аристократу, а всего лишь бизнесмену?

— Так что ты предлагаешь? — процедил Хэмиш. — Какой заголовок для фоторепортажа? «Остаюсь с неверной женой»?

— Нет, дорогой, — выдохнула Линда, нежно целуя мужа в губы и не обращая внимания на то, что он остался холоден как лед. — Это будет называться «Через столько лет — все еще без ума друг от друга!» Вот это их проймет! — Она проскользнула вперед и распахнула парадную дверь. — Они приедут к трем. Я поглажу твой льняной костюм, — с милой улыбкой продолжала Линда. — Он придает тебе вид дерзкой сексуальности.

— В таком случае, лучше приготовь для меня строгий пиджак, — мрачно буркнул Хэмиш и ушел.

— Как себя чувствует ваша мать? — в понедельник утром спросил Брюс, останавливаясь у стола Катрионы, когда она разбирала накопившиеся за время ее отсутствия бумаги.

— Благодарение Богу, гораздо лучше, — радостно отозвалась она. — Уже хлопчет на ферме, возится с новорожденными ягнятами. Но, если мне будет позволено сделать такое замечание, вы что-то неважно выглядите. Болели?

Брюс и впрямь выглядел так, словно побывал в передрыге. В какой-то мере это так и было, потому что все воскресенье он провел под градом упреков Фелисити, которой все нужно было знать. Почему? Как часто? Где? Что она сделала не так, чтобы это заслужить? Как это все произошло и с чего началось у них с Линдой? Как он мог? К счастью, детей не было дома: Айона ушла в конюшню к своему пони, а Гас с приятелем отправился на прогулку в горы. Брюс и сам с удовольствием оказался бы где-нибудь далеко в горах.

— Нет, не болел, — ответил он. — Зайдите ко мне в кабинет.

— Сейчас?

Брюс кивнул, и Катриона, поднявшись, последовала за ним в другую часть здания, где располагался его выходящий окнами на площадь кабинет. Высокие вязы, доходившие до

окон, еще оставались без листьев. Шел проливной дождь, стекла покрыли крупные блестящие капли, внизу по мокрому тротуару пробегали под зонтиками служащие многочисленных банков и контор. Воистину, это был очень унылый понедельник, особенно для Брюса.

— Что-нибудь случилось? — спросила Катриона.

— Уж вы-то хотя бы не задавайте вопросов! — вскипел Брюс. — Я уже сыт ими по горло! — Он провел рукой поперек шеи, уселся за свой стол и показал Катрионе на противоположный стул.

Она молча заняла предложенное место. Поглядев на нее, он пристыженно улыбнулся и вздохнул:

— Извините. Дома нелады. Отчасти из-за этого я и хотел поговорить с вами. Я хочу, чтобы вы взяли на себя ведение дел Хэмиша Мел вилла.

У Катрионы невольно вырвался тихий возглас изумления. Не придумав ничего более подходящего, она смогла только вымолвить:

— Это большой портфель.

Брюс кивнул:

— Один из самых больших, которые у нас есть. И мы не хотим его потерять.

Катриона, нахмурившись, подалась вперед:

— А что, существует возможность, что мы его потеряем? Я помню, что не должна задавать вопросов, но хоть что-то я имею право узнать.

Брюс чувствовал себя очень неловко. Воротник вдруг стал ему слишком тесен, и щеки начали заливаться краской.

— Да, боюсь, это вполне вероятно, если я буду продолжать управлять его счетами, — признал он.

— Он узнал про вас и Линду! — всплеснула руками Катриона. Это было утверждение, а не вопрос.

— Да, — вздохнул Брюс. — Пожалуй, лучше уж я сам вам все расскажу. На благотворительном балу в субботу вечером разыгралась кошмарная сцена. Собственно, мы только целовались в саду под пальмой, но и Хэмиш, и Фелисити сразу все поняли. — Брюс мысленно поиграл с идеей рассказать Катрионе о подозрениях, которые питала к ней Фелисити, но решил, что это может повредить их служебным взаимоотношениям. — Дела обстоят следующим образом, — продолжал Брюс. — Теперь Хэмиш наверняка не захочет, чтобы я продолжал вести его дела в банке, а о вас он всегда был самого высокого мнения, так что, если мы объявим, что вы будете заниматься его счетами, может быть, он и не станет их забирать. Думаю, мы должны представить ему это как свершившийся факт, а не дожидаться, пока он сделает первый ход.

Катриона ответила не сразу. Она спрашивала себя, сможет ли при встрече одновременно сообщить Хэмишу, что перестает быть его любовницей и становится его новым банковским управляющим. Вряд ли можно выбрать более неподходящий момент для такой реорганизации, но она, разумеется, не могла сказать об этом Брюсу.

— Может быть, Джон или Дональд справятся с этим лучше, чем я? — наконец предложила она после длительной паузы.

— Я так не думаю. Совсем непохоже на вас, Катриона, — колебаться, имея перед собой такие возможности! Может быть, я чего-то не знаю? — подозрительно сощурился Брюс.

Катриона решительно покачала головой. Скай и Андро придали ей новый заряд энергии

и уверенности в себе.

— Нет, все в порядке. Разумеется, я с удовольствием возьму на себя ведение счетов мистера Мелвилла. Мне очень приятно, что вы оказываете мне такое доверие.

— Уверен, вы его заслуживаете, — кисло улыбнулся Брюс. — Но, учтите, Мелвилл — хитрая бестия. Он не всегда играет в открытую.

— Я присмотрю за ним, не беспокойтесь, — заверила Катриона. — Кстати, пока меня не было, вы ничего не слышали насчет страховки Каррузерсов? Я обещала им, что прослежу за ней.

Брюс рассеянно потер ладонью лоб.

— Нет, вроде бы ничего не было. Да, Катриона, здесь больше никому не известно об этом... э-э-э... инциденте на балу. Я могу рассчитывать на вашу сдержанность?

— Безусловно, — ответила Катриона, вставая.

Сейчас ей трудно понять, как она могла втайне восхищаться Брюсом и находить его красивым и как такая умудренная опытом женщина, как Линда Мелвилл, могла ради него рисковать своим браком. Сегодня он выглядел, как загнанное животное, бывшая радушная приветливость стала простой вежливостью, допустимой в приличном обществе.

— Хочу еще раз поблагодарить вас за то, что предоставили мне отпуск, — с искренней улыбкой сказала Катриона. — Вы меня очень выручили.

— Вот и прекрасно, — отрывисто буркнул Брюс, придвигая к себе кипу бумаг.

Это означало, что она может идти. Оставив Брюса перед его порцией утренней почты, Катриона выпорхнула из кабинета. Ей надо только уладить отношения с Хэмишем, и тогда жизнь будет совсем прекрасна! А сегодня за ленчем она увидится с Андро!

— Это Изабель, — представил Андро после того, как поприветствовал Катриону поцелуем. — Изабель Карлайсл — Катриона Стюарт.

Протянув руку, Катриона разглядела смуглую девушку в унылом жакете цвета хаки, с волосами, такими же прямыми и длинными, как ее костюм. Она носила очки в круглой металлической оправе, которые, казалось бы, должны были ее уродовать, но почему-то получалось наоборот. На ее высокомерном лице было написано: «Я знаю, что мне подходит, нравится вам это или нет», и Катриона с первого взгляда почувствовала к ней неприязнь.

— Как это мило, что вы так быстро согласились с нами встретиться, — приятным контральто произнесла Изабель. — Как только Андро сообщил, что вы можете нам помочь, я стала умолять его назначить встречу как можно скорее.

Изабель оценивающе рассматривала Катриону необычными ярко окрашенными синефиолетовыми глазами. Они встретились в популярном ресторанчике Нью-Тауна — «Барабан и Обезьяна», где в этот полуденный час столики быстро заполнялись желающими позавтракать посетителями.

— Давайте-ка побыстрее где-нибудь приземлимся, — предложил Андро, избегая встречаться глазами с Катрионой.

«Что он ей обо мне сказал? В чем я могу им помочь?» — недоумевала Катриона, усаживаясь в обитое малиновым бархатом кресло. Этот поверхностный, деловитый Андро не имел ничего общего с тем тактичным, нежным возлюбленным, который очаровал ее на острове.

— Что мы закажем? — осведомился Андро, от которого не укрылось настроение Катрионы. Он просмотрел меню. — Здесь есть горячий салат из куриной печени — как вы

на это смотрите?

— Прекрасно, — согласилась Изабель. — И немного «Аква Либра».

Катриона тоже ознакомилась с меню.

— Я хочу жареный перец с анчоусами, бутылочку «Перье», — перечислила она и, бросив вопросительный взгляд на Андро, добавила: — И побольше информации.

Андро остановил пробежавшего мимо официанта, сделал заказ и повернулся к Катрионе с одной из своих самых обезоруживающих улыбок.

— Я понимаю, что у тебя есть основания сердиться на меня, Кэт, — за время пребывания на острове он перенял у ее родных манеру называть ее уменьшительным именем, — но нужда подгоняет. Как говорится, связался с Голливудом — пеняй на себя.

— Наверно, будет лучше, если я представлюсь по всей форме, — быстро вмешалась Изабель. — Мы с Андро — директора «Пресипити Сити Продакшнз», кинокомпании, которую мы основали, чтобы осуществить один заманчивый проект.

— Знаю. «Катриона», — кивнула девушка, носящая то же имя. — Андро мне рассказывал.

— Значит, вы в курсе того, что мы наткнулись на неожиданное финансовое препятствие?

— Да. Но я уже говорила Андро, что «Стьюартс» никогда не вкладывает средства в такие рискованные предприятия. Это противоречит интересам наших клиентов. — Катриона не смогла удержаться от того, чтобы не придать своему голосу немного резкости.

Если бы она была настоящей «Кэт» — кошкой, то сейчас, почуяв опасность, ходила бы вокруг Изабель, выгнув спину и поводя хвостом. Какие отношения на самом деле связывают эту женщину с Андро?

— Да, ты говорила мне, — подтвердил Андро. — Но мы подумали, что, может быть, найдется такой клиент, который, если его должным образом заинтересовать и направить, захочет вложить деньги в наш проект.

— Кто же, например? — поинтересовалась Катриона, хотя уже начала догадываться, куда метит Андро.

— Например, Хэмиш Мелвилл. Ты хорошо с ним знакома и можешь сделать первые шаги, — серьезно заговорил Андро, подавшись к Катрионе и прикрыв ее руку своей. Дорогая Кэт, ты же знаешь, что это в твоих силах.

— Нет! — с такой силой вырвалось у Катрионы, что официант, который как раз ставил перед ней тарелку, испугался и едва не вывалил жареный перец на скатерть. — Извините, — добавила она, немного придя в себя. — Это выглядит грандиозно, большое спасибо, — обратилась она к официанту.

— Ну, к сожалению, я не могу обратиться к нему с предложением, — угрюмо проговорил Андро с ударением на слове «я», — поскольку, когда я затесался на его пикник, он разве что ноги об меня не вытер. А вот с тобой он обращался так, будто готов есть из твоих рук.

— Ни одному из вас не нужно с ним разговаривать, — вмешалась Изабель, бросив на Андро предупреждающий взгляд и легким покачиванием головы показывая, что он должен ослабить нажим. — Я сама это сделаю. Все, что мне нужно, — это чтобы меня как можно скорее ему представили, потому что если идти через официальные каналы, потребуется время, а его у нас уже нет. Вчера вечером я еще раз разговаривала с нашим лондонским брокером, и он сказал, что у нас в запасе всего одна неделя, а потом начнется новый

финансовый год, и вся наша смета полетит к чертям. Мы будем вашими вечными должниками, Катриона, если вы устроите нам встречу с мистером Мелвиллом, но только эта встреча должна состояться завтра или, в крайнем случае, в среду.

Катриона уставилась на Изабель. Та, безусловно, говорила достаточно страстно, чтобы быть убедительной, но в то же время в ней чувствовалась какая-то отпугивающая резкость, что-то нездоровое, как будто ей приходилось делать нечто необходимое, но неприятное. Изабель производила впечатление женщины, которая не станет откровенничать и водить дружбу с людьми одного с ней пола.

— Я осыплю тебя дождем поцелуев, брошусь к твоим ногам и омою их слезами благодарности, если ты только согласишься! — трогательно сложив руки и обратив к Катрионе самый нежный, самый проникновенный и умоляющий взор, провозгласил Андро.

Наступила напряженная пауза. Катриона поднесла вилку ко рту и медленно начала есть, задумчиво переводя взгляд с Андро на Изабель и обратно. Только партнеры по кинокомпании или что-то большее, гадала она.

— Мистер Мелвилл уже давал мне понять, что готов принять участие в финансировании какого-нибудь нового шотландского проекта из сферы искусства, — призналась Катриона. — Он даже упоминал кино.

— Что я тебе говорил! — Андро торжествующе обратился к Изабель, поднимая бокал с вином. — Я уверен, что мы сможем продать ему «Катриону». — Он подмигнул. — Я имею в виду фильм, а не девушку — девушку мы никому не продадим!

Взгляд, который при этих словах он бросил на Катриону, разрешил большую часть мучивших ее сомнений. Он заставил ее затрепетать от тоски по нему. Катриона хотела сохранить его, а не потерять. Но разве могла она признаться в том, что у нее незавершенный роман с Хэмишем, что, в общем-то, повышало их шансы на успех, если это признание ставило под угрозу ее отношения с Андро?

— Мне нужно больше информации о вашем фильме, — сказала она. — Теперь я — банковский управляющий мистера Мелвилла. Я не могу рекомендовать ему никаких предприятий, если сама не буду в них уверена. Банкир без чутья — это уже не банкир.

— Приходите в наш офис, и мы дадим вам все цифры, — мгновенно предложила Изабель, нетерпение которой возрастало с каждой минутой. — Это недалеко отсюда. Пойдемте прямо сейчас!

Катриона посмотрела на часы и покачала головой:

— Нет, сейчас мне некогда. Может быть, вечером, после работы.

— О'кей, я буду ждать тебя возле банка, — с готовностью подхватил Андро. — В пять тридцать?

— Хорошо, в пять тридцать, — вздохнула Катриона, допивая вино.

Сомнения грызли ее изнутри, как тупая застарелая боль.

— Я слышал, что ты — мой новый управляющий, — прозвучал хриплый голос Хэмиша возле самого уха Катрионы, так что от неожиданности она едва не уронила трубку. Несмотря на то, что его секретарь сообщил ей, где его можно найти, она не думала, что он сам ответит и что последние банковские новости уже успели до него дойти.

— Это правда, — подтвердила она, чувствуя, как от волнения сердце едва не выпрыгивает у нее из груди. — Надеюсь, ты ничего не имеешь против.

— Меня это вполне устраивает, — отозвался Мелвилл. — Вернее, это просто отлично.

Запомни, все лучше, чем иметь дело с этим ползучим гадом Финли, даже то, чем я занимаюсь в данный момент.

— Чем же? — не удержалась от вопроса Катриона.

— Стою в оранжерее рядом со своей дражайшей супругой, и выглядим мы при этом, как парочка диковинных цветов на выставке, — объяснил Хэмиш.

Он заметил, как дама-фотограф из «Интродакшнз» навела на него объектив и, не выпуская из рук мобильного телефона, быстро спрятался за большим каштаном.

— Где ты? Ты меня слышишь? — спросила Катриона, испугавшись раздавшегося при этом треска в трубке.

— Да-да, — отозвался Хэмиш. — Видишь ли, дело в том, что Линда хочет, чтобы наши изображения появились в этом ужасном журнальчике, где все выглядит так слащаво и красиво. Называется «Интродакшнз» и, по-видимому, его раскупают, как горячие пирожки, хотя лично я бы с наслаждением разорвал бы в клочья каждый экземпляр.

Катриона недоумевала: означает ли это, что Хэмиш решил сквозь пальцы посмотреть на Линдины грехи, но вслух, естественно, ничего не сказала. Вместо этого она спросила:

— Значит, сейчас неподходящее время, чтобы обсуждать твои финансовые дела?

— Совершенно верно. Встретимся завтра за ленчем.

— В этом нет необходимости. Мне нужно всего несколько минут.

— Ленч, — настаивал он. — Или я перевожу счета в другой банк.

Учитывая, что Катриона хотела выполнить обещание представить Хэмишу Изабель, а уже потом начать распутывать их личные отношения, она решила согласиться.

— Хорошо, раз ты настаиваешь, — с улыбкой произнесла Катриона.

— Вот так-то лучше. «Корт-Ярд», в час дня. — Хэмиш нажал на кнопку отбоя и спрятал аппарат в карман.

Катриона, в свою очередь, положила трубку и занялась другими делами. Озабоченная тем, что страховые документы Каррузерсов еще не поступили, она решила позвонить Нику. Ему нужно как можно скорее закончить реконструкцию ресторана, и, предоставляя ему ссуду, банк рискует совсем немногим. Фактически, банк даже может рассчитывать на дивиденды, если Ник успеет развернуться в период наступающего туристского сезона. Она может смело санкционировать некоторое превышение кредита.

— Будем надеяться, ШДШ перенесла свою деятельность в другое место и нашла себе новые мишени, — с облегчением пошутил Ник, когда Катриона сообщила ему о своем решении. — Молния не ударяет дважды в одно и то же место.

— Постоянно держите меня в курсе всех дел, — напонила ему Катриона. — И не забудьте прислать приглашение на открытие. Это для меня очень важно: ведь вы — мой первый самостоятельный инвестиционный проект у «Стьюарта».

— Мы обязательно вас пригласим. Но вы можете приехать и раньше. В четверг прибывает Сью с детьми. Обещаю, что, если вы приедете, мы заколем в вашу честь жирного тельца.

— Это очень мило с вашей стороны, но я знаю, что пока вы ютитесь в коттедже. Достаточно и жирной сосиски с красным вином.

Медная пластинка возле переговорного устройства гласила, что в белом старинном домике с мансардой располагается штаб-квартира «Пресипити Сити Продакшнз». Через сто пятьдесят лет его существования нижний этаж, где раньше была конюшня для шестерки

лошадей, превратился в видео- и киностудию. Квартира наверху служила директорам одновременно домом и офисом.

— Мы просто снимаем дом пополам, мы не живем вместе, — осторожно объяснил Андро, когда вез Катриону из банка. Одна его рука лежала на руле, второй он сжимал пальцы девушки.

— Ты хочешь сказать, что этот дом нельзя назвать «Приют грешника», — пошутила Катриона с беспечностью, которой на самом деле отнюдь не ощущала.

Андро улыбнулся в ответ.

— Я делю с Изабель парадную дверь, кухню и кинокомпанию, — с обезоруживающей откровенностью проговорил Андро, для убедительности подкрепляя свои слова нежным пожатием.

— И дружбу, — добавила Катриона, изучая его лицо.

Андро следил за потоком машин, ожидая, пока появится возможность свернуть вправо. В ответ на замечание Катрионы он рассеянно кивнул:

— Да, конечно, и дружбу тоже.

В этот момент ему понадобились обе руки, чтобы повернуть руль, и рука Катрионы неожиданно оказалась пустой.

Через несколько секунд они уже подъезжали к домику с мансардой. Сделав поворот, Андро сразу же вновь нашел руку Катрионы и, повернувшись, поцеловал ее. Девушка немного приободрилась, но в то же время не могла не упрекнуть себя в том, что перед встречей с Изабель нуждается в подобном допинге. Однако упреки упреками, а допинг необходим.

— Я занимаюсь финансовой и технической стороной дела, — сообщила Изабель, когда они поднимались по лестнице. — Андро отвечает за творческую.

Изабель успела переодеться в блестящее серо-черное платье. Она была настроена по-деловому:

— Я приготовила для вас все сметы и письма.

Наверху, в комнате, которая служила одновременно офисом и гостиной и где царил живописный беспорядок, оказался еще один человек, которого Катрионе представили как будущего оператора фильма. Алекс Дункан был среднего роста, средних лет мужчиной с высоким куполообразным лбом в строгом костюме-тройке и безукоризненной рубашке с галстуком, делавшими его похожим скорее на юриста, чем на технического работника кино. С очень серьезным видом он почтительно пожал Катрионе руку.

— Судя по вашему имени, вы шотландец, — сказала Катриона после церемоний представления, усаживаясь на предложенное ей место за столом, где ее уже ждали приготовленные для просмотра бумаги и компьютерные дискеты. — А я считала, что американские продюсеры всегда настаивают на том, чтобы ключевые должности в съемочной группе занимали их представители.

— Ну да, я и есть первый представитель «Минервы», — произнес Алекс, растягивая слова в манере, присущей жителю Лос-Анджелеса, а не обитателю Хайлэнда. — Я охотился в Испании и заехал сюда, чтобы повидаться с родными и узнать у Изабель, есть ли какие-нибудь новости. Но вообще-то я живу в Лос-Анджелесе, куда и вылечу в пятницу. Мой агент набрал работы и очень меня торопит.

— То есть у Алекса, как и у нас, тоже горит земля под ногами, — ввернула Изабель.

— Не волнуйтесь, это я уже хорошо усвоила, — тускло улыбнувшись, проговорила

Катриона. — Я пришла сюда как раз для того, чтобы поскорее разрешить ваши проблемы.

— Очень хорошо, тогда я не буду вам мешать, — сказал оператор, направляясь к двери. — Молю Бога, чтобы вы оказались волшебницей, Катриона. Так хотелось бы поработать в Шотландии. Здесь такой великолепный свет! Надеюсь, что очень скоро мы снова увидимся.

Минут десять Катриона провела за компьютером, просматривая файлы и отбирая те, которые считала заслуживающими дальнейшего изучения. Чтобы ознакомиться со всеми деталями и принять взвешенное решение, может ли она рекомендовать Хэмишу этот проект, ей понадобится не меньше часа, а может быть, и гораздо больше. Катриона приняла внезапное решение.

— Могу я взять все это домой? — спросила она, придвигая к себе отобранные документы. — У меня есть компьютер, через который я смогу сразу прогнать все цифры.

— Вы хотите сказать, что сегодня еще не скажете нам да или нет? — запротестовала Изабель.

— Боюсь, что так, — решительно подтвердила Катриона. — Но только нужно, Андро, чтобы ты подвез меня домой. И потом, может быть, мне понадобится твоя помощь.

Катрионе хотелось, чтобы Андро принадлежал ей одной. Трое — это уже толпа, в особенности, если третья — Изабель.

— Что касается финансовых вопросов, вряд ли Андро сможет вам помочь, — с некоторой нервозностью заметила Изабель.

— Все цифры я найду в ваших безукоризненных отчетах, — невозмутимо отозвалась Катриона. — Что мне нужно, так это творческие, художественные аргументы, перед которыми нельзя было бы устоять, которые сделали бы проект неотразимо привлекательным.

— Понятно, — заявил Андро, сгребая в охапку бумаги и дискеты. — Если это необходимо, нет вопросов, поедем.

— Надеюсь, вы не обиделись, Изабель, — сказала Катриона, собирая оставшиеся документы. — Дома мне гораздо лучше работается.

— Ради Бога, все в порядке. — Однако, вопреки своим словам, Изабель отнюдь не выглядела счастливой.

По дороге к Катрионе Андро невзначай обронил:

— Мне кажется, тебе не очень-то нравится Изабель.

Катриона прикусила губу.

— Не то, что она мне не нравится. Просто я чувствую исходящую от нее угрозу.

— Почему? Потому что она такая напряженная и озабоченная? Но ей приходится быть такой. Кинопродюсерство — жесткий бизнес.

— Могу себе представить. Нет, я имела в виду не это. У меня такое чувство, будто она все время за мной следит, словно готова наброситься на меня, стоит мне сделать какое-нибудь критическое замечание. Мне от этого становится как-то неуютно.

— Да, пожалуй, она чересчур близко к сердцу принимает все, что касается фильма, — задумчиво произнес Андро. — Как тигрица, охраняющая детеныша. Но, знаешь, Катриона, это действительно отличный проект. Джил Манро никогда не согласился бы на ерунду. Он ведь сразу понял, что это — беспрюжный вариант.

— Надеюсь, он все же достаточно внимательно прочитал сценарий, — хмыкнула Катриона. — У меня хорошее предчувствие по поводу этого фильма, Андро, но я не могу

положиться только на инстинкт. Мы сейчас не в Долине Фей. Речь идет о больших деньгах, и Хэмиш захочет услышать весьма убедительные аргументы, прежде чем дать согласие хотя бы на предварительную встречу.

— Да, я понимаю. И постараюсь тебя ими снабдить. — Андро направил «сузуки» вверх по Замковому холму. — Но ты не можешь винить Изабель, если она почувствовала себя отодвинутой в сторону.

Катриона не стала продолжать тему Изабель.

— Ты можешь оставить машину на эспланаде, — сказала она, показывая на железные ворота Эдинбургского замка, возле которых стоял вооруженный солдат. — Я скажу часовому.

— Неплохо, да? Собственный охранник. — Наличие часового произвело на Андро сильное впечатление. — Он что, считает, сколько людей вошло и сколько вышло?

— Вот именно! — рассмеялась Катриона. — Должны же девушки как-то заботиться о своей репутации.

Жители окружающих площадь домов имели право оставлять на ней свои машины, если, конечно, в ближайшее время не намечался военный парад. Поскольку Катриона жила одна, ее несколько успокаивало сознание, что совсем неподалеку от ее квартиры всегда находится облеченный властью и оружием человек.

Поднявшись на третий этаж, они вывалили принесенные документы на пол гостиной. Катриона ввела цифры в компьютер и занялась вычислениями. Андро томился от безделья.

— Вот что я тебе скажу, — минут через десять предложила Катриона. — Я заканчиваю кормить цифрами компьютер, а ты пока сбегай купи пиццу, чтобы накормить нас. На Хай-Стрит есть хороший магазинчик.

Когда он вернулся, Катриона уже ясно представляла себе бюджет будущего фильма и приступила к чтению сценария. Она была знакома с романом Роберта Льюиса Стивенсона «Катриона», но предлагаемая версия этой книги оставляла за бортом напыщенные и запутанные политические коллизии оригинала, сосредоточив все внимание на доброй старой любовной истории. Катрионе XX столетия сценарий показался шотландским вариантом «Вестсайдской истории», но она не могла не признать, что в нем есть несколько ярких, выразительных характеров и захватывающая романтическая атмосфера, что вкупе с великолепными костюмами и восхитительными замками и усадьбами XVIII века должно было привлечь самую широкую зрительскую аудиторию.

— Ваш проект все сильнее меня захватывает, — призналась она Андро, когда он поставил рядом с ней порцию пиццы и стакан красного вина. — Я думаю, что с чистым сердцем могу рекомендовать его Хэмишу Мелвиллу. Разумеется, я не могу гарантировать, что он разделит мой энтузиазм, но проект действительно представляется жизнеспособным, а для него это — прекрасная возможность разнообразить капиталовложения в сферу искусства.

— Значит, если этот фильм будет идти в ближайшем кинотеатре, ты сходишь его посмотреть? — уточнил Андро, откусывая огромный кусок пиццы.

— Обязательно, особенно если в роли головореза Алана Брека будет шотландский вариант Хью Гранта.

Катриона поцеловала его, радуясь тому, что может без ущерба для своей профессиональной репутации удовлетворить горячее желание помочь Андро. Другой вопрос, как при этом разрешить ее собственные проблемы с Хэмишем Мелвиллом, но это

уже потом.

— Впрочем, кое в чем ты мне все-таки должен помочь, — добавила Катриона, положив голову на его плечо и отпив немного вина.

— Твое желание — закон для меня, — с готовностью отозвался Андро, стараясь говорить как можно спокойнее.

Он уже предвкушал победу, и его сердце колотилось от возбуждения.

— Эти цифры так красиво ложатся в смету, и тем не менее этому парню, вашему лондонскому брокеру, они не понравились. Мой клиент должен точно знать, на что пойдут его деньги. Я должна сама слышать от лондонского брокера, зачем понадобился еще один миллион.

— Да где-то здесь все написано, разве нет? — Андро начал рыться в разбросанных вокруг них бумагах.

— Да, но там ничего не говорится о том, насколько дополнительный миллион повлияет на художественный уровень фильма, а этот вопрос будет интересовать Хэмиша Мелвилла в первую очередь. Не забывай, он ведь не голливудский магнат, которому все равно, на чем делать миллионы. Мелвилл должен поддерживать свою репутацию. Если он будет вкладывать деньги в фильм, то не может позволить, чтобы это была второсортная подделка. Художественные достоинства картины для него будут иметь едва ли не большее значение, чем возможная прибыль, хотя и последнее, безусловно, тоже важно.

— Не слишком ли он много хочет, твой Хэмиш Мелвилл! — воскликнул Андро.

— Я бы не стала называть его моим, — поспешно ответила Катриона, — но, видишь ли, если я смогу убедительно доказать, что именно его миллион превратит заурядный средний фильм в художественное событие, это наверняка подстегнет желание Хэмиша вложить в него деньги.

Андро поднял руки, показывая, что сдается.

— Я все понял. Я свяжу тебя с нашим брокером. Его зовут Роб Гэлбрайт.

— Еще один шотландец! — удивилась Катриона. — Вот уж воистину шотландский фильм, несмотря на американские деньги, что с точки зрения Мелвилла явится еще одним достоинством.

— Гэлбрайт — шотландец, но живет в Лондоне. — Андро поднял телефонную трубку.

— Нет, не нужно сейчас ему звонить. Я сделаю это сама, когда тебя здесь не будет. Ничего, если я позвоню ему домой?

— Если ему это не понравится, может мне на тебя пожаловаться, — сердито пробурчал Андро. — Следует ли понимать тебя так, что мне пора отчаливать?

— Само собой разумеется, — улыбнулась Катриона, всем своим видом показывая обратное. — Но не сразу.

Андро аккуратно переставил стакан с вином в безопасное место, и только после этого опустил ее на пол рядом с собой. Они начали целоваться, не обращая внимания на шелест разбросанных повсюду бумаг.

— Последний вопрос, прежде чем ты окончательно заставишь меня забыть обо всем на свете, — выдохнул Андро, отрываясь от ее губ.

— Да? — Катриона чувствовала, что ее возбуждение достигает вершин холмов Ская.

— Когда ты поговоришь с Хэмишем Мелвиллом?

На мгновение, но только на мгновение, Катриона спустилась с небес на землю.

— Завтра я встречаюсь с ним за ленчем. Во второй половине дня смогу ответить тебе

«да» или «нет».

— Алло, это Роб Гэлбрайт.

Голос в телефонной трубке выговаривал гласные с легким, но отчетливым шотландским акцентом. Такой акцент, подумала Катриона, даже старый брюзга доктор Джонсон назвал бы «неагрессивным». Поскольку Андро ушел только в полночь, Катриона решила позвонить в Лондон рано утром.

— Прошу прощения, что беспокою вас дома, мистер Гэлбрайт. Надеюсь, вы меня извините, — осторожно начала она.

— Это зависит от того, по какому делу вы звоните, — последовал сдержанный ответ. — Во всяком случае, я не собираюсь обсуждать по телефону контракт Джулии Робертс.

Шутит он, что ли, удивилась Катриона. Но в голосе ее собеседника не чувствовалось иронии, наоборот, он говорил вполне серьезно. Может быть, люди его профессии каждый день имеют дело со знаменитостями?

— Насколько мне известно, это не имеет никакого отношения к Джулии Робертс, — заверила она. — Вы ведь занимаетесь подготовкой контракта для «Пресипити Сити Продакшнз»? Речь идет о фильме «Катриона».

— Да, вы не ошиблись. — Далекий, лишенный телесной оболочки голос сразу зазвучал резче и деловитей.

— Меня зовут Катриона Стюарт. Андро Линдсей дал мне номер вашего телефона, поскольку, как вы знаете, они настойчиво ищут дополнительные средства для осуществления своего проекта, и, может быть, я смогу им помочь.

— У вас что, есть лишний миллион? — хмыкнул Роб Гэлбрайт.

— Лично у меня — нет, но я представляю интересы человека, у которого есть. Тем не менее вначале мне нужно точно узнать, зачем понадобились дополнительные средства.

— Разве они не показывали вам наш отчет?

— Конечно, показывали, но там сказано только, что не хватает денег на гонорары и производственные расходы. Мой клиент не заинтересуется проектом, если будет думать, что его деньги пойдут только на то, чтобы увеличить доход продюсера.

— Понятно. Кстати, продюсеры все-таки должны время от времени получать какую-то прибыль, иначе фильмы вообще перестанут выходить.

— И все-таки, что это за производственные расходы? — настаивала Катриона.

— В основном — костюмы. Стараясь не выйти за пределы десяти миллионов, они очень мало заложили денег на костюмы. А в историческом фильме костюмы являются очень важным элементом.

— Да, я в этом не сомневаюсь. Это определенно будет способствовать повышению художественного уровня. А что с гонораром?

— Дело в том, что в смету были заложены маленькие гонорары для двух главных героев в надежде на то, что их будут играть малоизвестные дебютанты, а Джил Манро и еще несколько знаменитостей вытащат фильм — примерно так же поступил Дзефирелли в «Ромео и Джульетте». Однако мы порекомендовали пригласить молодых, но уже известных и опытных британских актеров, в противном случае американская сторона может настаивать на том, чтобы главные роли исполняли их соотечественники. А я уже достаточно наслушался янки, безуспешно пытавшихся имитировать хайлэндский акцент.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Устрашающая тень Голливуда! — Катрионе стало ясно, что этот человек прекрасно разбирается в том, о чем говорит.

— Вот именно! — воскликнул он, и Катриона порадовалась, что смогла заставить его рассмеяться. — Но кто бы ни играл главные роли, ставить произношение им все равно придется, — продолжал Гэлбрайт, — а на это потребуются средства, которые в первоначальной смете вообще не были предусмотрены. Таким образом, этот миллион нужен для того, чтобы нанести последние штрихи, необходимые для того, чтобы превратить средний фильм в хороший.

— Это примерно то, что я и хотела услышать. Значит, вы не сомневаетесь в успехе?

Последовала пауза, прежде чем Роб Гэлбрайт заговорил, тщательно подбирая слова, как будто выступал в суде или на пресс-конференции.

— Всякий, кто имеет отношение к британскому кино, будет рад, если этот фильм выйдет на экраны. Кроме этого, у нас нет ни одного художественного фильма, приуроченного к юбилейной дате Стивенсона, так что у картины огромная потенциальная аудитория. Сумеет ли инвестор возместить свои расходы — это уже другой вопрос. Контракт, который мы помогаем заключить, еще не гарантирует успеха, он только, если можно так выразиться, защищает интересы тех, кто будет работать над фильмом.

Катриона понимала, что ее собеседником движет профессиональная осторожность, но он показался ей достаточно доброжелательно настроенным, чтобы она осмелилась задать ему следующий вопрос:

— Могу ли я спросить, какова, по-вашему, вероятность того, что мой клиент сможет не только вернуть свой миллион, но и получить достаточную прибыль?

— Строго говоря, вы не можете задавать такой вопрос, — Роб Гэлбрайт твердо воздерживался от каких бы то ни было обязательств. — Но американские продюсеры не стали бы вкладывать в фильм десять миллионов, если бы не были уверены в успехе. С другой стороны, они финансируют картины, бюджет которых вдвое и втрое превышает указанную сумму, так что такой мелочью, с их точки зрения, может быть, можно и рискнуть.

— То есть, «Катриона» для них — так, мелкая рыбешка?

— В общем-то да. Но это не значит, что в случае удачи она не может принести большие деньги. Посмотрите-ка, что произошло с «Четырьмя свадьбами и похоронами»!

— Ясно. Такой доход удовлетворит любого инвестора.

— А не хотите ли вы сказать мне, кто этот добрый гений? — спросил Роб.

Ему нравился ее голос, и он мысленно пытался пририсовать к нему лицо.

— Нет. Извините. Пока еще нет.

— Ну, ладно. Будем надеяться, он согласится. Я бы хотел, чтобы этот фильм сняли.

Несмотря на профессиональную сдержанность, сейчас он высказался вполне определенно, что еще больше расположило Катриону как в пользу неведомого мистера Гэлбрайта, так и в пользу проекта. Если по голосу можно судить о человеке, то Роб Гэлбрайт безусловно заслуживал доверия.

— Большое спасибо, вы мне очень помогли, — с искренней теплотой поблагодарила Катриона.

— Надеюсь, это не последняя наша беседа. Извините, в самом начале я не очень хорошо расслышал ваше имя. Как, вы сказали, оно звучит?

— Катриона Стюарт. Я работаю в одном из частных банков Эдинбурга, «Стюартс и Компания». Наверно, вы никогда не слышали о нем?

— Нет, слышал, — уверил ее Роб, мысленно вернувшись в тот вечер, когда он водил свою мать на «Сансет бульвар».

Он знает этот банк, а теперь он даже знает, как выглядит девушка, с которой он разговаривал. Более того, если вспомнить, кто был в тот вечер ее спутником, то, пожалуй, он может назвать имя потенциального инвестора. Однако Роб ничего об этом не сказал.

— Сообщайте мне, как будут идти дела. Вы знаете, как звонить мне в офис? — Он продиктовал ей номер телефона. — Время от времени я бываю в Эдинбурге, — продолжал Роб. — Может быть, мы с вами встретимся.

— Может быть, — ответила Катриона. — До свидания.

Сидя за завтраком, Фелисити неожиданно заявила мужу:

— Я чувствую себя виноватой перед Катрионой.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Брюс, опуская газету.

В нынешней ситуации он не мог позволить себе пропускать слова жены мимо ушей.

— Я понимаю, что я ее оклеветала, — продолжала Фелисити, подливая себе кофе из кофейника.

Из соседней с кухней буфетной раздался грохот, и она встревоженно окликнула:

— Скажи на милость, Айона, что ты там вытворяешь?

— Всего лишь счищаю грязь со своих хоккейных ботинок! — прокричала ее дочь. — У нас сегодня игра.

— Ладно, только не измажь весь пол. Лучше займись этим во дворе, — строгим голосом посоветовала мать.

— Так как же ты ее оклеветала? — напомнил Брюс.

Фелисити понизила голос:

— Я же говорила, что подозревала ее. Мне никогда и в голову не приходило, что это может быть Линда Мелвилл. — Лицо Фелисити затуманилось: рана еще не затянулась.

Брюс нетерпеливо кашлянул.

— Мне кажется, пора тебе сделать усилие и перестать себя мучить, Флик, — осторожно предложил он, опасаясь нового скандала. — Я уже сказал, что больше это не повторится.

— Ха, — отмахнулась Фелисити, продемонстрировав тем самым, как мало веры придает она его обещаниям. — Речь не об этом. Ужасно, что я подозревала Катриону. Я должна как-то ей это компенсировать.

Брюс по мере сил старался скрыть, как его раздражает выдумка жены, которую он считал глупой женской сентиментальностью.

— Почему, ради всего святого?

— Потому что в гольф-клубе я облила ее имя грязью и теперь несу ответственность за то, что Катриона приобрела репутацию, которой она совершенно не заслуживает. И ты тоже.

— Я?! С какой стати? — искренне возмутился Брюс. — Я не клеветал на Катриону, Нечего меня припутывать!

— Ничего подобного. Если бы ты не вывалял меня в грязи, я никого бы не стала подозревать.

Брюс замолчал, понимая, что проиграл.

— Ладно, я бы на твоём месте не стал беспокоиться, — успокаивающе произнес он. — Такая девушка, как Катриона, обречена быть объектом сплетен, как бы она себя ни вела. — Брюс допил кофе.

Его жена широко раскрыла глаза:

— Почему обречена?

— Потому что красива. И не прикидывайся, будто ты не поэтому ее заподозрила. Если бы она была скромной серой мышкой, ты бы даже о ней не вспомнила. Кстати, я не склонен думать, что она вообще вне подозрений. Хэмиш определенно делал шаги в ее направлении, а девушке не так-то легко устоять перед ним, когда он достает чековую книжку.

— Хэмиш?! Неужели, Брюс? Не может быть! О Господи, нет, это дерево не по ней, Катрионе с ним не справиться!

Однако Брюс вновь не согласился с женой:

— Почему ты так думаешь? По-моему, у нее должен быть большой опыт в делах подобного рода. Я хочу сказать, всю жизнь она работает с мужчинами. Не могла же она каждый раз кричать «Караул!», когда кто-нибудь из них ей подмигивал или пытался обнять.

— Но Хэмиш — совсем другая весовая категория, ты же знаешь. Ты сам до смерти перепугался, когда он узнал про тебя с Линдой, сознайся! Ты испугался, что он пустит против тебя в ход все свое влияние, а Хэмиш вместе со своими деньгами — противник, который может устрашить кого угодно.

— Но ведь Катрионе он не противник? Теперь она управляет его счетами. Они должны вместе работать, и если она хоть что-то смыслит в своем деле, то сумеет с ним справиться, даже если для этого ей время от времени придется снимать штанишки.

— Брюс! Замолчи! — Фелисити была вне себя от ярости.

Ее взбесили не только поразительная бессердечность и демонстративный цинизм Брюса, но и его отцовская беспечность.

— Айона же совсем рядом!

Как по заказу, в ту же секунду в кухню вихрем влетела Айона.

— Ты бы не мог подвезти меня, па? — умоляюще попросила она, бросая на пол спортивную сумку и торопливо намазывая маслом тост. — Я смертельно опаздываю!

Она впилась в тост, издавая при этом звуки, напоминающие шлепанье ног по усыпанной гравием дорожке. Фелисити чуть не застонала. К четырнадцати годам ее дочь до сих пор не научилась жевать с закрытым ртом!

Брюс поднялся и сложил газету.

— Подвезу, если ты сейчас же выйдешь. Иначе я сам опоздаю. Пока, Флик. Не забудь, что сегодня вечером я заседаю в спортивном комитете. Если ты так волнуешься по поводу Катрионы, почему бы тебе не пригласить ее на ленч или еще куда-нибудь?

— Сегодня не могу, я уже договорилась о ленче с Элизабет. До свидания, дорогая. Желаю удачи.

Последнее относилось к Айоне и сопровождалось поцелуем. Брюс не удостоился подобной чести — он еще не заслужил прощения. По крайней мере, подумала Фелисити, услышав, как захлопнулась входная дверь, я точно знаю, что заседание спортивного комитета — не выдумка, потому что одна из моих приятельниц по гольф-клубу тоже там будет.

В разгар лета ресторан «Корт-Ярд» был одним из немногих заведений в Эдинбурге, где столики устанавливали под открытым небом, среди живописно цветущих фуксий, в вымощенном булыжником дворике, от которого ресторан и получил свое название. Но сейчас, в начале апреля, было еще слишком холодно, и Катриона, пройдя под каменной аркой, пересекла пустынный дворик и начала подниматься по лестнице, ведущей в длинную

опоясывающую двор галерею, где за одним из украшенных цветами столиков уже восседал Хэмиш Мелвилл.

Делая вид, что изучает меню, он украдкой наблюдал за ее приближением, размышляя о том, как чертовски соблазнительно она выглядит в удлиненном приталенном жакете цвета морской волны, коротенькой синей юбке и черных чулках, со своей пламенеющей, свободно разметанной по плечам гривой, от которой невозможно отвести глаза. Невзирая на высокие каблуки, Катриона не шла, а плавно скользила, гордо подняв голову и не обращая внимания на предательски неровные булыжники под ногами. Хэмиша пронзила такая острая волна желаний, что у него задрожали руки.

— Ты выглядишь сногшибательно, как и всегда, — сказал он, вставая, чтобы приветствовать ее официальным рукопожатием и более интимным поцелуем в щеку.

Этот поцелуй не остался незамеченным Фелисити Финли и Элизабет Николсон, которые сидели за другим столиком дальше по галерее. Сблизив головы над тарелками, они оживленно чесали языками.

Катриона чувствовала себя отнюдь не блестяще. Она почти не спала, потому что после того, как Андро наконец ушел, унося с собой документы и свои грандиозные надежды, она долго ворочалась в постели, размышляя, правильно ли поступит, если будет рекомендовать Хэмишу участвовать в проекте «Пресипити Сити Продакшнз». Совесть говорила Катрионе, что тогда она будет повинна в двойном предательстве. Во-первых, она сделает инвестиционное предложение до того, как даст Хэмишу понять, что отныне их отношения становятся строго деловыми, и, во-вторых, она скроет от него связь Андро с проектом, а главное, с ней самой. Но Катрионе удалось убедить себя в том, что это только вопрос времени. Если Хэмиш заинтересуется фильмом, то она расставит точки над «i» в личных отношениях с ним, как только будет подписано инвестиционное соглашение. В конце концов просто неразумно ставить под угрозу создание хорошего фильма только потому, что у какой-то Катрионы Стюарт незаконченный роман с его потенциальным спасителем! Если бы теперь, после ознакомления с документами и разговора с Робом Гэлбрайтом, она не была твердо уверена в жизнеспособности фильма и в том, что в него стоит вкладывать деньги, то никогда не решилась бы на то, что сейчас собиралась сделать. И тем не менее Катриона не была до конца убеждена в том, что сумеет это выдержать.

Хэмиш сегодня вновь был властным и обаятельным, таким, как при первой их встрече, и совсем не напоминал того жалкого пьяного субъекта, которого она оставила в лошадином фургоне на скачках.

— Должен сказать, Эдинбург стал гораздо скучнее, когда ты уехала на остров, но теперь, когда нам предстоит вместе работать, он заблистал вдвойне!

— Я буду всячески стараться в соответствии с политикой «Стьюартса» обеспечить вам весь спектр финансовых услуг по высшему классу, — серьезно пообещала Катриона. — Думаю, на меньшее ты не согласишься.

— Совершенно справедливо, — с улыбкой подтвердил Хэмиш. — Однако это не значит, что мы не можем оставаться друзьями. Надеюсь, мы и останемся ими — очень близкими друзьями.

Катриона без малейших угрызений совести вернула ему улыбку и приступила прямо к делу.

— Я только бегло успела просмотреть твои счета, но уже могу сделать кое-какие заключения, если только тебе захочется их услышать.

— Но не прямо же сейчас! Может быть, вначале сделаем заказ? — предложил он. — Я знаю, что здесь есть хорошая рыба, хотя и не по-дуврски... — Хэмиш весело подмигнул, намекая на их первый ужин наедине и все, что за ним последовало.

Катриона уловила негромкий тревожный сигнал, но заглушила его энергичными рассуждениями об устрицах, мидиях и способах их приготовления. В этом ресторане их готовили по особому рецепту: с томатами, базиликом и красным вином.

— А потом, когда ты их уже съешь, так вкусно доесть соус, обмакивая туда кусочки поджаренного хлеба, — с энтузиазмом расписывала она.

Хэмиш, не сводивший с нее восхищенного взгляда, удивленно покачал головой:

— Ты так увлеченно говоришь о еде, но я знаю, что в лучшем случае съешь не больше двух устриц и обмакнешь в соус от силы два-три кусочка хлеба. Впрочем, такова, наверно, цена, которую нужно платить, чтобы иметь такую фигуру, как у тебя.

— Я ем тоннами, — возразила Катриона. — Посмотрел бы ты, как в воскресенье я уплетала мамины яблочные клецки!

Он рассмеялся.

— Не знаю про клецки, но я уже заметил, что ты заказываешь много, а съедаешь очень мало. К счастью, одно из преимуществ обладания деньгами состоит в том, что можно не думать об остатках и отходах.

— Что ж, если я и не съем все, что ты закажешь, по крайней мере, можешь не сомневаться, что я сделаю все возможное, чтобы сохранить и приумножить твои деньги.

— Я в этом не сомневаюсь, — кивнул Хэмиш и вдруг совершенно неожиданно добавил: — Видимо, я должен перед тобой извиниться.

— За что? — удивилась Катриона.

— За то, что сунул тебе в карман этот браслет. Мне так хотелось, чтобы он остался у тебя, поэтому я прибегнул к этой увертке, хотя, наверно, мне следовало быть смелее и действовать открыто.

— Результат бы остался тем же, — заверила Катриона. — Я не могла принять его. Надеюсь, ты меня понимаешь, — извиняющимся тоном добавила она.

— Нет, совершенно не понимаю, — откровенно ответил он. — Признаться, я не вижу причин, почему бы тебе не принять от меня несколько подарков. В конце концов я могу позволить себе такое удовольствие, и, кроме того, так я чувствую себя менее виноватым в том, что не могу бывать с тобой так часто, как мне бы этого хотелось.

Беседа развивалась совсем не так, как хотелось Катрионе. Она предпочла бы избежать любых намеков на их романтические взаимоотношения, по крайней мере до тех пор, пока не получит от Хэмиша согласие на встречу с Изабель Карлайсл.

— Картина и так была достаточно щедрым подарком, — твердо заявила она. — Она мне очень нравится, но я буду вынуждена вернуть ее, если ты будешь продолжать осыпать меня бриллиантами. Честное слово, я имела в виду именно то, что написала — я очень тебе благодарна, но — спасибо, нет.

— По-моему, они ссорятся, — заметила Элизабет, обращаясь к Фелисити. — И не похоже, чтобы они были заняты обсуждением деловых вопросов.

— Значит, вы считаете, что Брюс был прав? — ужаснулась Фелисити. — Неужели она и вправду закрутила с ним?

— Пока что ничего нельзя утверждать с уверенностью, — откликнулась Элизабет. —

Хотя, должна признаться, когда я познакомилась с ней у вас на вечеринке, она не произвела на меня впечатления женщины, которая пойдет в любовницы, пусть даже к миллионеру. В ней чувствуются совесть и честь. Вспомните только, с каким участием она отнеслась к нашему благотворительному проекту!

Фелисити с сомнением покачала головой.

— Но вспомните, как я подозревала ее в связи с Брюсом. Он говорит, что такая красавица, как Катриона, гораздо чаще сталкивается с соблазнами, чем все остальные, поэтому когда-то она может и не устоять.

— Я не понимаю этой логики, — усмехнулась Элизабет. — Женщина заводит любовника, чтобы поддержать свое самолюбие, чтобы чувствовать себя желанной. Катриона не нуждается в подобных подтверждениях своей привлекательности.

— Откуда мы знаем? Может быть, под маской красоты и уравновешенности в ней скрывается неуверенная в себе, закомплексованная натура?

— Что ж, я постараюсь это выяснить, — заявила Элизабет. — Я хочу привлечь ее к участию в нашем благотворительном комитете. Пусть поработает над теми интересными идеями, которые выдвинула во время нашей беседы. Во время совместной работы над такими проектами всегда узнаешь о людях массу интересного.

— Интересно, согласится ли она? — засомневалась Фелисити. — Хотя я тоже считаю, что ей нужно проявлять больше социальной активности. Она не должна ограничивать круг своего общения только банком.

— Особенно если ей приходится иметь дело с такими коварными субъектами, как этот! — Элизабет ткнула пальцем в направлении Хэмиша, на лице которого сейчас появилось выражение деловитой заинтересованности.

Катриона согласилась на предложение Хэмиша покончить с темой подарков и перешла к делу:

— Я хочу предложить тебе, Хэмиш, рассмотреть инвестиционный проект. Ты как-то говорил, что заинтересован в расширении своих вложений в области искусства. Через клиентов банка, — только одна маленькая «белая» ложь! — мне стало известно о том, что одна шотландская кинокомпания безуспешно пытается изыскать дополнительные средства для съемок совместного с американцами фильма.

Катриона замолчала, потому что в этот момент к столику приблизился официант с подносом. После того, как вино было разлито по бокалам, он, рассыпавшись в обычных цветистых выражениях, удалился, и Катриона, взяв в руку вилку и поглядев на Хэмиша поверх большого керамического блюда с устрицами, поинтересовалась:

— Я могу продолжать?

Он кивнул:

— Почему бы и нет? Кстати, насколько шотландская эта фирма?

— Полностью шотландская. Только финансирование идет из Америки — ты же знаешь, что в Великобритании трудно найти деньги на производство фильмов.

— Да, и это одна из причин, по каким я готов принять участие в финансировании одного из них, — согласился Мелвилл. — Рассказывай дальше.

— Компания названа «Пресипити Сити Продакшнз» в честь того, как Роберт Льюис Стивенсон называл старый Эдинбург — «Отвесный город». Фильм также приурочен к юбилейной дате Стивенсона.

К некоторому удивлению Катрионы, оказалось, что Хэмишу хорошо известно о предстоящем событии, в том числе и о том, что пока что не снимается ни один посвященный юбилею фильм. По тому, как он поглощал устрицы, не обращая внимания на их вкус, но при этом ловил каждое ее слово, Катриона поняла, что попала в точку. Проявленный Мелвиллом искренний интерес побудил ее высказать свою собственную убежденность в успехе фильма, а также подробнейшим образом изложить все, что она знала о сценарии, съемочной группе, исполнителях и финансовой стороне дела.

— Им не хватает миллиона фунтов стерлингов, — закончила она.

— И только? — переспросил Хэмиш. — Всего лишь миллиона!

Катриона коротко рассмеялась.

— Я понимаю, для индивидуального инвестора это крупная сумма, но, уверяю тебя, я не стала бы рекомендовать тебе этот проект, если бы не считала, что он вполне жизнеспособен, а кроме того, очень подходит для поддержания сложившейся у тебя репутации. Его появление наверняка на целый год обеспечит тебе очень высокий рейтинг в общественном мнении. Почему бы тебе для начала хотя бы не встретиться с одним из продюсеров?

— Он шотландец?

— Она шотландка. Ее зовут Изабель Карлайсл.

— Хорошенькая?

— Какое это имеет значение?! — Катриона была одновременно и удивлена, и возмущена.

— Клянусь, когда ты сердишься, из твоих волос сыпятся искры! — засмеялся Хэмиш. — Вот что значит иметь такие огненно-красные волосы!

— Мои волосы не красные! Рубины — вот те красные, и розы. Но не волосы.

— Так как же ты назовешь их цвет? — продолжал дразнить ее Хэмиш, дотрагиваясь до одной из обрамлявших ее лицо прядей.

— Ты стараешься увильнуть от ответа, — упрекнула Катриона, откидывая назад голову. — Согласен ты с ней встретиться?

С того места, где они сидели, Элизабет гораздо лучше, чем Фелисити, было видно, что происходит за столиком Катрионы и Хэмиша.

— Он гладит ее волосы! — страшным шепотом сообщила она подруге. — Наверно, он не стал бы этого делать, если бы они обсуждали банковский баланс.

— Да уж, конечно, — скривившись, согласилась Фелисити. — Определенно, ему нельзя доверять, а она ведет себя совсем не умно.

— Собираетесь дать ей небольшой материнский совет? — предположила Элизабет.

— Почему это — материнский? — вознегодовала Фелисити. — Скорее уж сестринский.

— Я скажу, чтобы она тебе позвонила? — продолжала настаивать Катриона за другим столиком, не давая Хэмишу отвлечься от темы фильма. — Или мы сейчас назначим время?

Хэмиш покачал головой.

— Я не хочу с ней встречаться, — вдруг заявил он. — Ты преподнесла мне это дело, ты явно хорошо все изучила, ты веришь в успех, ты мой банковский управляющий. Достаточно, я принимаю твой совет.

Катриона застыла, опешив не столько от его неожиданного согласия (да и согласился ли он на самом деле?), сколько от того, что в этот момент под столом его нога прижалась к ее ноге и начала коварно ползти вверх, подбираясь к бедру. Хэмиш со знанием дела продемонстрировал, что для опытного человека и стол не препятствие для весьма интимных

прикосновений...

— Ты уверен? — спросила Катриона, желая удостовериться, что правильно поняла его слова, потому что в смысле его движений под столом сомнений не было.

Опустив руку под скатерть, она попыталась отпихнуть его ногу, прошипев:

— Что ты делаешь, Хэмиш? Пожалуйста, перестань! Кто-нибудь увидит!

— Ерунда! — ухмыльнулся он, возвращаясь к прерванному занятию. — Когда-то ты обозвала меня нахалом — надо же мне поддерживать репутацию. Никто ничего не заметит, если ты не будешь дергаться. А что касается твоего вопроса, то да, я уверен.

В эту минуту официант подкатил столик с десертом, и Катриона вынуждена была сидеть «не дергаясь» и дожидаться, пока Хэмиш, преднамеренно затягивая время, не выберет между шоколадным суфле и фруктовым тортом, в то время как его нога самым беззастенчивым образом вторгалась в то место, куда, как она считала, он никак не мог забраться.

— Думаю, все же остановимся на фруктовом торте, как ты считаешь? — наконец спросил он, откидываясь на спинку кресла как бы для того, чтобы расслабиться, а на самом деле, чтобы ему удобнее было продолжать свою дерзкую забаву.

Катриона осознала, что у Хэмиша есть все основания полагать, будто такое его поведение вызовет у нее исключительно положительные эмоции. Он ничего не знал о том, что она к нему охладела, о ее намерении покончить с их любовными отношениями, а главное, о том, что в ее жизни появился Андро. Разумеется, если бы он узнал об этом, то не могло бы быть и речи о его участии в финансировании фильма. Катриона внутренне металась, раздираясь между природной честностью и стремлением привлечь Хэмиша к проекту, который она искренне считала прекрасным способом вложения денег. Конечно, не последнюю роль играло и то, что Катрионе хотелось угодить Андро. Однако она тешила себя мыслью, что не это желание является главной движущей силой ее поступков, поскольку их отношения с Андро завязались совсем недавно и пока что их еще нельзя было назвать твердыми и прочными, как гранит. Катриона сама себе напоминала акробата, балансирующего над пропастью на проволоке и одновременно жонглирующего шарами. Если ей удастся дойти до конца и при этом не потерять ни одного шара, то никто и никогда уже не сможет назвать ее наивной и неопытной!

Катриона с облегчением почувствовала, как нога Хэмиша скользнула прочь. Он наклонился над тарелкой с десертом. Однако его слова отнюдь не принесли Катрионе облегчения:

— Я готов заняться с тобой любовью прямо здесь, сейчас, возле этого столика, — прошептал он, пожирая ее глазами. — Ты хоть понимаешь, что прошло уже больше двух недель, как мы были в Лондоне? Я понимаю, ты не виновата, что твоя мать заболела, но как насчет того, чтобы куда-нибудь рвануть в эту пятницу? Линда сейчас не в том положении, чтобы позволить себе задавать лишние вопросы. Мы можем слетать в Париж, как и собирались.

— Ох, не знаю, Хэмиш, — запинаясь, проговорила Катриона. — Меня не было на работе столько времени, я просто не смогу в пятницу рано уйти. За время моего отсутствия накопилось дикое количество работы, и мне нужно срочно нагонять упущенное.

— Ну хорошо, давай тогда выберемся куда-нибудь здесь, в Шотландии, — не отступал Хэмиш. — Есть масса укромных уголков и уютных отелей на расстоянии не более часа езды от Эдинбурга, которые просто ждут не дождутся, чтобы мы ими воспользовались. Я выберу

какой-нибудь и сделаю тебе сюрприз.

Катриона закусила губу. Ей не хотелось лгать ни на йоту сверх необходимого, и, кроме того, она должна была заставить Хэмиша сосредоточиться на инвестировании фильма.

— Если хочешь, — неопределенно ответила она. — Мы могли бы таким образом отметить заключение сделки.

— Как? Разве это должно быть так скоро? — удивился Хэмиш.

— О да, Хэмиш, — твердо заявила Катриона. — В этом-то все и дело. Лондонский юрист, который занимается делами «Пресипити Сити Продакшнз» и которого они называют своим брокером, говорит, что деньги должны поступить до конца финансового года, иначе придется пересматривать всю смету. Именно он настаивает на дополнительном миллионе фунтов.

— В таком случае, мне следует встретиться скорее с лондонским брокером, а не с дамой-продюсером, — заметил Хэмиш.

— Пожалуйста, я уверена, что это можно устроить.

— Хорошо, подготовь контракт и денежный трансферт и организуй встречу в четверг вечером в моем офисе. Тогда в пятницу нам будет что праздновать.

Хэмиш ухмыльнулся и снова пустил в ход ногу, заставив Катриону залиться краской и вскочить из-за стола.

— Я... я сейчас вернусь, — смущенно пробормотала она и ретировалась в дамскую комнату, чтобы дать себе время успокоиться и немного подумать.

— Посмотрите, как она покраснела! — изнемогая от любопытства, ахнула Элизабет. — Может быть, он только что сделал ей гнусное предложение?

— Во всяком случае, похоже на то, — встревоженно пробормотала Фелисити. — Брюс говорит, что она должна сделать все, чтобы Хэмиш Мелвилл был доволен и счастлив, даже если для этого ей придется снять трусики.

— Что?.. — Элизабет с подозрением покосилась на подругу. — А ведь он изрядный сукин сын, ваш Брюс, вам так не кажется?

— Ну, он ведь не говорил об этом Катрионе, а только мне, — растерянно оправдывалась Фелисити. — И вообще, скорее всего, он шутил.

— А вот в этом я не уверена, — проворчала себе под нос Элизабет, поднося к губам кофейную чашку.

Вернувшись, Катриона села боком к столу, не пряча ноги под скатерть.

— Кофе? — спросил Хэмиш, бросив на нее понимающий взгляд.

Посмотрев на часы, она покачала головой.

— Мне действительно некогда. Ты уверен, что доволен своим решением насчет фильма? Я не хочу, чтобы получилось, будто я против воли втянула тебя во что-то, в чем ты бы предпочел не участвовать.

— Ты ни во что меня не втягивала, — возразил он. — Я считаю, что «Катриона» — весьма многообещающая дама, как раз то, что мне нужно для поддержания репутации, поэтому я буду безумно счастлив вложить в нее несколько лишних пенни.

— Если только они действительно лишние, — подчеркнула Катриона, прекрасно понявшая его двусмысленность. — Как ты понимаешь, есть шанс, что «Катриона» провалится и не оправдает возложенных на нее надежд.

Хэмиш выразительно развел руками:

— А на что же прикажешь мне тратить деньги — на бриллиантовые браслеты? — Он

засмеялся, увидев, как она состроила гримасу при этих словах. — Фильм — гораздо более привлекательная инвестиция. А кроме того, это дает мне шанс познакомиться с Джилом Манро. Может быть, он даже сыграет со мной партию в гольф!

— Эта партия может обойтись тебе довольно-таки дорого, — заметила Катриона, вставая. — Я постараюсь все устроить к четвергу и дам тебе знать. Спасибо за ленч. Он вышел очень содержательным.

— Вот это да! — удивилась Фелисити, глядя, как Катриона покидает ресторан. — Они уходят порознь. Что бы это значило?

— Меры предосторожности. В конце концов, Хэмишу Мелвиллу совершенно не нужно, чтобы у его жены появился повод самой требовать развода, — заключила Элизабет, задумчиво глядя на жидкость в своем бокале. — Думаю, он предпочитает сам управлять ситуацией.

— Так же, как и Брюс, я полагаю, — буркнула Фелисити. — Только он не такой умный. — Вы надеетесь?! — ввернула Элизабет.

— Кэт! Итак, ты вернулась? — воскликнула Элисон, когда Катриона позвонила ей после обеда. — Рада тебя слышать. А я уж думала, что кто-то из нас двоих умер!

— Но ведь Джон сообщил тебе, что я уехала домой? — напомнила Катриона.

Несколько дней Катриона набиралась храбрости, чтобы позвонить подруге. Первый ошеломляющий приступ зависти к положению Элисон миновал, и теперь Катриона только изредка ощущала уколы этого низкого чувства.

— Да, конечно, он сказал мне. Но я полагаю, что ты и сама могла бы позвонить мне с острова. Твоя мать была тяжело больна?

Ничего удивительного, что Элисон на меня сердится, подумала Катриона.

— Нет, не очень, — уклончиво ответила она, зная, что Элисон не преминет заметить ее сдержанность.

— Все равно ты, конечно, волновалась. Я знаю по себе: мы с матерью непрерывно ругаемся, но если бы она всерьез заболела, я была бы в отчаянии.

— Но сейчас-то, надеюсь, вы не ссоритесь? Должна же она понимать, что тебе теперь вредно волноваться.

— Да, конечно. Но только теперь мать хочет, чтобы я бросила работать и целый день лежала, здрав ноги. Она не признает работающих матерей.

— Дорогая моя! — улыбнулась Катриона. — Я уверена, что моя мама вела бы себя точно так же. Я звоню, чтобы узнать, будем ли мы играть в сквош, или это тебе мать тоже запретила?

— Нет, не мать, а доктор. Он говорит, что не стоит рисковать. Так что извини. Но мы можем встретиться в клубе, чего-нибудь выпить и поболтать. Я хочу услышать все твои новости.

— Ну вот, как только у меня появился шанс обыграть тебя, ты увилливаешь, — разочарованно протянула Катриона.

Только сейчас она поняла, как сильно соскучилась по Элисон, как ей не хватало здравомыслия, практицизма и искренности подруги.

— Отлично. Завтра в шесть в клубе. Постараюсь вначале вытащить тебя на прогулку.

— Прекрасно. Это мне вполне по силам.

Изабель следила, как меняется выражение лица Андро, пока он говорит по телефону. На нем все явственнее проступало ликование.

— Отлично проделано, Катриона! Дорогая, это просто блестяще! И он даже не захотел никого из нас увидеть или поговорить с нами, или что-нибудь в этом роде?

Глубокая морщина перерезала лоб Изабель. Она испытывала одновременно и восторг, и разочарование. Разочарование — потому что лишалась возможности познакомиться с Хэмишем Мелвиллом, восторг — потому что он давал им миллион фунтов.

— Само собой разумеется. Ты сама позвонишь Робу или мне это сделать? О'кей, позвони сама. Не могу поверить, что тебе одной удалось все это провернуть. Ах ты моя умница! Он, наверно, и впрямь от тебя без ума. Хорошо-хорошо, я знаю, ты просто отличный финансовый советчик. Мы можем чем-нибудь тебе помочь? Отлично, мы это сделаем. Приходи сразу после работы, откупорим шампанское. Здесь будет Алекс, и мы все вместе выпьем за успех фильма. Что за глупости, почему это ты не член нашей компании?! Без тебя вообще бы не было никакого фильма! Хорошо, увидимся позже.

Положив трубку, Андро медленно повернулся к Изабель.

— Сработало! — произнес он, наблюдая, как на ее лице появляется таинственная, полная злорадства и скрытого смысла улыбка. — Сработало, Иззи!

Одним прыжком, издав пронзительный ликующий крик, похожий на воинственный клич древнего вождя клана, он перелетел через комнату и повалил Изабель на диван.

— Она раздобыла для нас деньги, — горделиво проговорил Андро. — Так что теперь ты сможешь выпустить свой фильм, а я — увидеть свою физиономию на экране. Это потрясающе!

Несколько мгновений он смотрел на Изабель сверху вниз, а затем медленно снял с нее очки и повесил их на спинку дивана.

Она устремила на него взгляд очень близоруких глаз.

— А мы с тобой порядочные сволочи, ты не находишь? — немного удивленно и не очень уверенно произнесла Изабель.

Без очков ее лицо походило на лик сумрачного ботичеллиевского ангела. Выгнувшись, она протянула Андро губы для поцелуя. Они целовались долго и нежно, как влюбленные, которые давно потерялись и вдруг вновь обрели друг друга. В каком-то смысле так оно и было.

— Теперь ты вернешь свою зубную щетку ко мне в ванную? — шепнула Изабель.

— Еще не сейчас, — ответил он, расстегивая пуговицы и запуская руки ей под блузку, — но скоро — очень скоро.

В здании эдинбургского аэровокзала был час пик: как раз в это время приземлялись вечерние самолеты со всех концов Европы. Катриона стояла у подножия лестницы, по которой должны были спускаться прибывшие лондонским рейсом пассажиры, среди группы других встречающих. Многие из них держали в руках плакатики с именами тех, кого они должны были встретить, но не знали в лицо. Катриона подумала, что, может быть, и ей следовало заготовить табличку с фамилией Гэлбрайт.

Элисон уверяла, что она без труда узнает его по выражению угрюмой неприступности, присущему столичным брокерам.

— Ты сто раз видела таких типов по телевизору. Все они выглядят одинаково: держат по телефону в каждом кармане, факс в автомобиле, диктофон в портфеле — вооружены техникой до зубов, так что им уже даже не нужно втыкаться в розетку.

Катриона, засмеявшись, возразила:

— Нет, по телефону было совсем непохоже, что он из таких.

Дни уже начали удлиняться, и подруги, встретившись в клубе, отправились на вечернюю прогулку вдоль Уотер-Лейт, берега которой, заросшие плакучими ивами, оборудованные пешеходными мостиками и посыпанными гравием дорожками, были специально приспособлены для променада измученных горожан.

— Как сейчас себя чувствует твоя мать? — спросила Элисон, когда, миновав скопление новостроек, они вышли на пологий берег.

— Честно говоря, она абсолютно здорова, — робко призналась Катриона. — И все время была здорова.

Элисон остро глянула на подругу.

— Зачем же было врать в банке?

Катриона пожала плечами. Желание исповедоваться Элисон заметно ослабело то ли от сознания собственной вины, то ли от присутствия третьего, вставшего между ними существа, пока что еще совсем маленького, но уже вполне заметного. С его появлением Катриона перестала чувствовать себя равной Элисон.

— Острый случай Синдрома Дефицита Острова, как называет это явление моя мама. Ее болезнь — лучший предлог, который я смогла выдумать.

— Обычно ты не бываешь столь легкомысленна и безответственна, Кэт. И обычно ты все-таки даешь о себе знать, а сейчас я не слышала твоего голоса больше двух недель. — В голосе Элисон звучала обида — и поделом мне, подумала Катриона. — И сегодня ты какая-то чужая. Ты сама на себя не похожа: обидчивая, раздражительная, угрюмая. Где та веселая, солнечная Кэт, которую мы все знаем и любим?

— Кошка Кэт на раскаленной крыше, — усмехнулась Катриона, стараясь увильнуть от ответа.

Ее поступки просто невозможно объяснить здравомыслящему человеку, и чем больше Катриона об этом думала, тем в менее выгодном свете представляла сама перед собой. Признаваться же в своих слабостях перед такой образцовой деловой женщиной и будущей матерью, как Элисон, было по меньшей мере неприятно.

— Вот именно, — согласилась Элисон. Катриона не остановилась, и Элисон пришлось

ускорить шаг, чтобы догнать ее. — Я уверена, что во всем виноват этот мерзавец Хэмиш, разве нет? Это он вынудил тебя сбежать? Он что, вывалял тебя в грязи? Ради Бога, расскажи мне! Я твой друг, Кэт. Я хочу тебе помочь.

Элисон приходилось почти бежать, потому что Катриона, опустив голову и спрятав руки в карманы, продолжала решительно и быстро шагать вперед. Потеряв терпение, Элисон схватила подругу за руку.

— Стой! Остановись на минуту, Кэт.

Катриона остановилась. Они находились в пустынном, уединенном месте на берегу, где одна из старых ив росла под немислимым углом, опустив свои ветки в воду. Одна из горизонтальных ветвей была достаточно крепка и широка, чтобы они могли на ней поместиться.

— Давай-ка сядем и поговорим, — твердо сказала Элисон, увлекая подругу за собой. — Смотри, как здесь тихо, красиво и никого нет. Послушай, как весело журчит вода, как будто кто-то тихонько хихикает.

Катриона хмыкнула.

— Ха! Даже река надо мной смеется.

— Почему это она должна смеяться именно над тобой? — спросила Элисон, усаживаясь рядом с ней. — Что ты сделала плохого, в чем провинилась? И в чем провинилась я, раз ты не хочешь ничего мне рассказывать?

Катриона слабо пожала руку Элисон. Нет, с Элисон Хоум-Мур все в порядке, чего нельзя сказать о Катрионе Стюарт! Печально вздохнув, она покачала головой:

— Ты ни в чем не виновата, Элли. Ни в чем.

— Ладно, только не говори мне, что все это не из-за Хэмиша. Я все равно тебе не поверю. И учти, хоть я и предостерегала тебя насчет него, все равно я на твоей стороне.

Катриона шумно вздохнула.

— Но он здесь действительно ни при чем! То есть в какой-то мере это из-за него, но только потому, что я уже остыла к нему, а он нет. Так что в известном смысле я сама во всем виновата.

— Хорошо, я рада тому, что ты хотя бы пытаешься найти смысл, — одобрила Элисон. — А что заставило тебя охладеть? — Катриона сжала руки.

— Я думаю, что на самом деле это произошло из-за его сына. Понимаешь, вначале я понятия не имела, что у него есть ребенок, а потом он мне сказал.

Она могла бы добавить: «И примерно в то же самое время ты сказала мне, что беременна, и я почувствовала, как это важно иметь семью и детей». Но вместо этого Катриона продолжала:

— И это совпало с моментом, когда я начала понимать, что наши отношения ведут в никуда и что только он остается в выигрыше.

— Чертовски правильно. Умница, Кэт. Десять баллов за сообразительность. — Элисон обняла Кэт за плечи и привлекла к себе. — Джон обрадуется.

— Это, конечно, самое главное, — иронически хмыкнула Катриона. Элисон немного смутилась.

— Я понимаю, тебе это покажется смешным, но я, как идиотка, защищала тебя перед Джоном. Он вообще не мог понять, как ты позволила себе вступить в личные отношения с клиентом. Видишь ли, несмотря на внешнее легкомыслие, на самом деле Джон жутко добродетельный и ужасно щепетильно относится к таким вещам.

— Что же, наверно, он прав. Проблема в том, Элли, что я еще больше все усложнила. Я так и не осмелилась сказать Хэмишу, что все кончено. Соответственно он и теперь считает, что наши отношения продолжаются.

— Ох, Кэт, просто скажи ему — и все. В конце концов, ничего страшного. Ведь ты же не клялась ему в вечной любви? — встревоженно спросила Элисон.

— Нет, конечно, нет! Но он подарил мне картину и пытался подарить браслет, так что я чувствую себя виноватой перед ним... — Катриона уловила недоверчивое выражение на лице Элисон и еле слышно добавила: — Кроме того, я встретила другого...

— Боже милосердный! Дорогая, да ты не теряешь времени даром! — опешила Элисон. — Кто же он?

Катрионе стало немного легче. Ребенок уже не маячил между ними, как живой упрек.

— Его зовут Андро Линдсей. Он актер.

— Я о нем слышала?

— Вряд ли, потому что ты почти не смотришь телевизор. Он работает на телевидении и снялся в нескольких фильмах. Вообще-то он довольно известный актер.

— А ты-то сама хорошо его знаешь?

— Да, хорошо, то есть очень хорошо.

— В библейском смысле? Как это там говорится — и познал Иаков жену свою, и принесла она ему сына — так?

— Ты чертовски проникательна, Элли! — засмеялась Катриона. — Да, все так — только без сына.

— А почему же я до сих пор ничего не знала? — с оттенком обиды спросила Элисон. — Я думала, мы с тобой близкие подруги.

— Все произошло так внезапно.

Элисон с сомнением поглядела на нее.

— Гм-м. Сдается мне, у тебя это вообще всегда происходит внезапно.

— Нет, вовсе нет! Это простое совпадение. Ты же прекрасно знаешь, что вплоть до последнего времени у меня целую вечность никого не было. — От возмущения у Катрионы даже задрожал голос. — Я уже начала думать, что до конца дней обречена вести монашеский образ жизни. Впрочем, может быть, это было бы лучше.

— Неужели? — саркастически осведомилась Элисон. — А как же тогда быть с этим актером? Из объятий Хэмиша — напрямик к Андро, без передышки. Ничего себе монахиня. Что-то здесь не очень пахнет целомудрием.

— Не надо делать из меня роковую женщину?! — наполовину удивленно, наполовину рассерженно вскричала Катриона. — Честное слово, все было не так. С Хэмишем я покончила. То есть мысленно я с ним уже порвала, просто еще не успела ему об этом сказать. — Теперь, когда она уже начала, ей стало гораздо легче исповедоваться Элисон.

— И тогда ты сбежала на Скай. Так на каком этапе и откуда возник Андро?

— Я познакомилась с ним неделей раньше, когда ездила в Глендоран. Там живут его родные, он приезжал их навешать, и мы встретились в гостиничном баре и разговорились. А потом он оказался на скачках Файф-Поинт и, наконец, последовал за мной на остров. Конечно, все это несколько легкомысленно. Андро далеко не богач, и вообще ни в чем не похож на Хэмиша.

— Да? А скажи мне, — попросила Элисон, — может быть, он эдакий герой-любовник? Эдакий смазливый плут, сердцеед?

Катриона, покраснев, заулыбалась.

— Он сногшибательно, умопомрачительно красив, — призналась она. — Похож на Хью Гранта.

— Ну и, конечно, сейчас ты от него без ума?

— Да, и боюсь, это надолго. Но все гораздо сложнее и запутаннее, — вздохнула Катриона, вдруг обрадовавшись тому, что поделилась с Элисон. Может быть, если она объяснит свою дилемму подруге, ей будет легче с ней справиться.

Элисон, поежившись, спрыгнула с ветки.

— Пойдем дальше, Кэт, я замерзла. Обсудим твои проблемы на ходу.

Они продолжили путь вдоль берега. Здесь, в извилине реки, когда-то размещалась старинная деревушка Дейн. До того как сюда пришли пар и электричество, ее жители использовали для своих промыслов воду: река в этом месте образовывала в лощине естественную плотину, с гребня которой стремительно низвергался поток воды. Здесь работали мельники, пекари, кожевенники, красильщики, и каждый день отсюда в обнесенный стенами древний Эдинбург тянулись возы с хлебом, выделанными кожами и одеждой, чтобы обеспечить его растущее население. В наши дни Доил, ставший частью столицы, превратился в излюбленное пристанище богемы: художников, артистов, студентов.

— Мне кажется, первым делом ты должна открыть Хэмишу горькую правду — и чем скорее, тем лучше. — По тону Элисон никак нельзя было сказать, что она считает эту правду чересчур горькой.

Катриона покачала головой:

— Вот тут и начинаются сложности, — с горечью произнесла она и начала рассказывать Элисон о «Пресипити Сити Продакшнз», о фильме и о согласии Хэмиша дать недостающие деньги.

— Веселые делишки! — воскликнула Элисон, когда Катриона закончила свою повесть. — А ты не размениваешься на мелочи, Кэт, не так ли? Уж если ты рискуешь увязнуть по уши, так не меньше, чем за миллион фунтов! Красиво, ничего не скажешь!

— Надеюсь, я все-таки не увязну, — твердо возразила Катриона. — Мне осталось пережить эту дурацкую завтрашнюю встречу, а потом я смогу откровенно поговорить с Хэмишем. Но если я сделаю это до того, как будет улажено дело с фильмом, он откажется в нем участвовать. Между тем фильм здесь совершенно ни при чем, и я уверена, что это отличный проект.

— Все равно все это как-то нехорошо, Кэт, — возразила Элисон. — Зачем вообще тебе понадобилось влезать в это дело с финансированием фильма? Ты могла просто познакомить Хэмиша с Андро, а там уж пусть сами разбираются.

— Но дело в том, что Хэмиш с первого взгляда, когда они встретились на скачках, буквально возненавидел Андро. И произошло это из-за меня. А теперь я хочу помочь Андро — что же в этом плохого? Но в то же время я искренне убеждена, что для Хэмиша это идеальный способ помещения капитала, а ведь я теперь его банковский управляющий. Конечно, с какой стороны ни глянь, я по уши увязла, и получается, что я веду двойную игру.

Они вышли на вымощенную бульжником дорожку и начали подниматься по ней к главной дороге.

— Ты слишком много взвалила на свои плечи, — сказала немного запыхавшаяся Элисон. — А что, если этот фильм лопнет, как мыльный пузырь?

— Я предупредила Хэмиша о такой возможности. Он сознательно идет на риск.

Единственное, о чем он не знает, — это о связи Андро с фильмом и со мной. Но об этом я собираюсь сказать ему в пятницу.

Элисон долго не сводила с подруги тяжелого взгляда.

— Не хотела бы я в этот момент оказаться на твоём месте, моя девочка. Это все равно что дразнить тигра.

В серебристо-серых глазах Катрионы появилось тревожное выражение.

— А что же еще мне оставалось делать? Последний срок получения денег на фильм — конец этой недели, столько надежд и судеб поставлено на карту, а Хэмиш их единственный шанс на спасение! Разве я могла поступить иначе?

— Ох, не знаю, Кэт. Боюсь, что если произойдет какой-то сбой, на карту будет поставлена твоя собственная карьера. Джона бы хватил удар, если бы он узнал, что ты вытворяешь.

— Поэтому, умоляю тебя, Элли, на сей раз ничего ему не говори, — настойчиво попросила Катриона. — По крайней мере, до следующей недели.

— Ладно, ладно. Надеюсь, этот парень, Андро, способен хотя бы оценить, что ты для него сделала? А что это за тип, что явится из Лондона подписывать контракт?

— Его зовут Роб Гэлбрайт. Я никогда не видела его, только разговаривала по телефону. Он — юрисконсульт «Комплишн Бонд», фирмы, которая занимается кинобизнесом. Андро так и называет его — наш Комплишн Бонд.

— Господи помилуй! Только не говори мне, что это обозначает! — Элисон вдруг расхохоталась и, надув щеки, пробасила: — Меня зовут Бонд — не Джеймс Бонд, а Комплишн Бонд.

Катриона радостно рассмеялась.

— Ох, Элли, ты просто прелесть! Сама не знаю, почему я до сих пор тебе обо всем этом не рассказала! — Они перешли через дорогу и поднялись на мост. — Бр-р-р! Я совсем продрогла. Как ты думаешь, сможем мы сейчас поймать такси?

Стоя в аэропорту, Катриона с улыбкой вспоминала эту беседу на берегу реки. Благодаря ей она не только отчасти вновь обрела уверенность в себе, но поняла, что горячо привязана к Элисон, вне зависимости от того, беременна та или нет. Катриона по-прежнему немножко завидовала подруге, но отчужденность исчезла. Донесшийся из динамика голос диктора заставил Катриону очнуться.

— Мисс Катриона Стюарт, пожалуйста, подойдите к справочному бюро. Мисс Катриона Стюарт, вас ждут около справочного бюро.

Катриона с ужасом подняла глаза на табло: так и есть, самолет из Лондона приземлился десять минут назад. Она настолько погрузилась в свои мысли, что ничего не видела и не слышала, и Роб Гэлбрайт, должно быть, прошел мимо нее.

Гэлбрайт ждал ее посреди центрального зала, у его ног стоял маленький черный чемоданчик. Высокий, широкоплечий, с прямой, как у военного, спиной, он был одет вполне по-штатски и притом весьма консервативно: безупречный пепельно-серый костюм в едва заметную полоску, кремовая рубашка и аккуратный, выдержанный в красно-синих тонах галстук. Его волосы цвета спелого ячменя, густые и волнистые, на концах были немного светлее, как будто уже успели выгореть на солнце. Лицо, однако, было не загорелым, а бледным и чисто выбритым, серо-голубые глаза, окруженные густыми темными ресницами, смотрели приветливо и дружелюбно. Бескомпромиссно прямой нос доминировал бы над

всеми чертами, если бы его не уравновешивали крепкий квадратный подбородок и рот, в уголках которого таилась улыбка. Он казался тем, кем и был на самом деле — твердо стоящим на ногах, уверенным в себе профессионалом, получившим отличное образование и пользующимся услугами лучших портных и парикмахеров. Если бы мысли Катрионы не блуждали Бог знает где, когда он проходил мимо, она, конечно, легко бы его узнала.

Роб смотрел, как она почти бежит к нему через зал. Полы светлого плаща распахнулись, открывая длинные, обтянутые черными колготками ноги, короткую бежевую юбку из верблюжьей шерсти и черный свитерок-тунику. Огненные волосы Катрионы растрепались, пока она шла от автостоянки к зданию аэропорта, в огромных, широко распахнутых глазах застыло виноватое выражение, губы раскрыты в извиняющейся улыбке. Она выглядела такой обворожительно-взволнованной, что у него на миг замерло сердце.

— Мне ужасно стыдно, что я вас прозевала, — извинилась Катриона, пожимая ему руку. — Я стояла у самого выхода.

— Я заметил вас, — Роб улыбнулся в ответ, — но вы казались такой неприступной, что я никак не мог предположить, будто вы встречаете такую скромную персону, как я.

Катриона виновато улыбнулась:

— Неужели? Ради Бога, извините меня. Обычно я бываю не столь рассеянна, просто в последнее время на меня столько навалилось... Ну, ладно, мы все-таки встретились, так что теперь все в порядке. Это была хорошая мысль.

— Какая? — поинтересовался Роб, поднимая свой чемоданчик.

— Обратиться в справочное бюро. Моя машина на стоянке. Это совсем недалеко отсюда. Как вы долетели? — Катриона чувствовала, что слишком много болтает, но почему-то не могла остановиться.

Он шагал рядом, вежливо наклонив голову, чтобы лучше слышать, о чем она говорит.

— Нормально, спасибо. Обычная толчея, а в остальном прекрасно.

Они подождали, пока перед ними распахнется автоматическая дверь, и вышли на дорожку, ведущую к автостоянке. Катриона посмотрела на часы:

— У нас еще масса времени. Встреча состоится не раньше восьми, а чтобы добраться до города, достаточно двадцати минут.

— А может быть немного дольше, ведь сегодня четверг.

— Да, конечно, вечерняя распродажа, магазины открыты допоздна. Откуда вы знаете?

— Разве не везде по четвергам творится одно и то же? К тому же я часто бываю в Эдинбурге. Собственно говоря, здесь живут мои родители.

— Вот как? Значит, вы сможете у них остановиться?

Они дошли до машины, и Катриона вытащила ключи. Роб открыл багажник, спрятал туда свой чемоданчик и уселся рядом с ней.

— Нет, не сегодня, — ответил он. — Я заказал себе номер в «Георге». Это короткий деловой визит, и я не смогу уделить им достаточно времени. Тем более, что через неделю, на Пасху, я все равно собираюсь приехать.

— Хорошо, тогда я сначала отвезу вас в «Георг», чтобы вы там устроились. Это недалеко от того места, где состоится встреча.

Катриона выехала со стоянки. Стояли серебристые апрельские сумерки. После прошедшего дождя шоссе было мокрым, а в воздухе висело облако водяной пыли, так что Катрионе пришлось включить «дворники». Их медленное, уютное шуршание задавало ритм беседы и придавало ей плавную размеренность.

— Вы так и не сказали, где это будет, но позвольте, я попытаюсь угадать. — Роб повернулся к ней. — Как насчет офиса с пентхаузом на Клин-Стрит?

Колеса «гольфа» слегка вильнули, выдавая удивление Катрионы.

— Вы угадали. С первого раза. Вам уже приходилось там бывать?

— Да, один раз, — кивнул он. — Я был членом попечительского совета и ходил туда на прием. Хэмиш Мелвилл, правильно?

Катриона коротко рассмеялась.

— Совершенно верно. Десять из десяти за догадливость.

Роб усмехнулся, но не стал открывать источники своей осведомленности.

— Блестящий ум? А каким образом вы связаны с Хэмишем Мелвиллом?

Катриона предпочла бы, чтобы он употребил какой-нибудь другой оборот.

— Я его банковский управляющий.

— Ах да, вы мне говорили. «Стьюартс и Компания».

— Вы хорошо знаете наш банк?

— Не очень, больше понаслышке. Дело в том, что мой отец его президент.

— Что?? — На сей раз «гольф» вильнул как следует. Выровняв автомобиль, Катриона обеспокоенно взглянула в зеркальце. К счастью, идущая за ними машина держалась на достаточном расстоянии. — Прошу прощения, если я вас испугала, просто вы меня немного ошарашили. Я никогда родового имени лорда Невиса. У нас всегда говорят только «лорд Невис», а на бланках напечатано «Виконт Невис, РЧ».

— Растрачивающий Часы, — усмехнулся Роб.

— Я считала, что это означает Рыцарь ордена Чертополоха, ведь это большая честь, не так ли?

— Да, разумеется. Это такая семейная шутка. Имеется в виду, что он растрачивает часы — то есть убивает время в ожидании, пока унаследует титул, — ну, вы же знаете.

— Тогда он будет графом Лохабером?

— Это называется просто Лохабер — глава клана Гэлбрайтов. Мы пытаемся удивить мир таинственными и непонятными именами аристократии. Все мы — Гэлбрайты, но при этом мой отец — Невис, а дед Лохабер. В сущности, все очень просто, если знаешь, что к чему.

— Я знакома с вашим дедом, — призналась Катриона. — Я была у него в мастерской в Глендоране.

— В самом деле? — Роб казался польщенным. — Полагаю, вы ему понравились. Он всегда знал толк в хороших личиках.

Катриона нахмурилась.

— По-моему, его больше интересовала моя биография, а не мое лицо. Он сказал, что я не должна была покидать Скай и обязана подумать о потомстве и о том, как вернуть долг своей земле. Он дал, точнее, одолжил мне часы, которые сам смастерил из рябины. Предполагается, что они обладают магической силой. Я должна возратить их, когда осознаю, как быстротечно время.

В ответ на ее рассказ раздался взрыв смеха.

— Прошу прощения, — задыхаясь, проговорил Роб, — но, ей-Богу, он все же ужасно забавный старикан. Он наговорил вам все это при первой же встрече?

— Это и многое другое. У него очень четкие взгляды насчет долга, и верности, и всего такого, да?

— Да. Старик — совершенно реликтовое существо, и в своем роде неподрожим. Правда, он, по крайней мере, осуществляет на практике проповедуемые им принципы.

— Но, похоже, ему не удалось убедить семью последовать его примеру.

Роб слегка пожал плечами.

— Вы имеете в виду, что мы оторвались от корней? Может быть, со стороны это так и выглядит, во всяком случае, в отношении отца это так и есть, но что касается меня, дед еще не потерял надежду.

— Как, вы хотите сказать, что не собираетесь навсегда оставаться в Лондоне?

— О Господи, конечно же, нет! Я не могу там оставаться. — Катриона улыбнулась.

— Судя по вашему виду, этого не скажешь. Если мне позволено будет сделать такое замечание, то вы выглядите вполне приспособившимся к городской и даже столичной жизни.

— Вот как? Ну что же, внешность порой обманчива. Хотите, я скажу, какое впечатление вы произвели на меня?

— Пытаетесь отплатить мне той же монетой? Но ведь вы меня совсем не знаете. — Увидев, как он выразительно приподнял бровь, Катриона нашла в себе мужество сдаться: — Ладно. Я сама на это напросилась. Валяйте.

— Вы очень нервничаете перед сегодняшней встречей.

Роб взглянул на нее, но она смотрела прямо перед собой, на дорогу.

«Дворники» скребли по высохшему стеклу, и Катриона автоматически их выключила. Она не знала, как реагировать на его слова.

— Вовсе нет, — наконец возразила она, но без всякой убежденности. — Это всего лишь формальность.

Роб кивнул.

— Возможно, однако по каким-то причинам она вас очень беспокоит, и мне кажется, поскольку я иду с вами, то имею право спросить, почему.

Роб пока что сознательно умалчивал о том, что видел их с Хэмишем в Лондоне, и поэтому подозревает, что их связывают не только деловые отношения. Интересно, скажет ли она об этом сама?

Катриона свернула с главной дороги налево, чтобы объехать центр. Теперь они ехали среди высоких, импозантных домов. В некоторых окнах горел свет, окна же многочисленных контор и офисов оставались пустыми и мертвыми.

— Мое волнение вполне объяснимо, — осторожно сказала Катриона. — До сих пор я никогда не занималась подобными проектами, вот и все. Вы, может быть, привыкли к огромным бюджетам художественных фильмов, но для меня, как и для мистера Мелвилла, это в новинку. Так что я всего лишь хочу, чтобы все прошло гладко.

Они остановились на перекрестке. Прямо перед ними возвышалась молчаливая громада кафедрального собора Св. Марии. Простит ли ей Господь очередную полуправду?

— Я понимаю, — ровно отозвался Роб.

— Вы все-таки должны насладиться видом из моего офиса, Катриона, — напомнил Хэмиш после того, как церемония представления закончилась и они втроем уселись вокруг стола.

Голубая Коломба Пикассо взидала на посетителей своими черными всезнающими глазами. Катриона избегала на нее смотреть. В этой просторной, наполненной воздухом

комнате, которую она впервые видела при полном освещении, девушка чувствовала себя крайне неудобно. Даже толстый ковер на полу, казалось, дразнил ее, напоминая о том безумном вечере, когда они с Хэмишем впервые принадлежали друг другу. Кабинет был обставлен сверхсовременной мебелью, изобилующей стеклом, хромом и светлой, цвета шампанского, кожей. Видимое отсутствие электронной техники казалось странным, но Катриона догадалась, что за несколькими светлыми деревянными панелями скрываются все последние новинки электроники, какие только могут понадобиться современному предпринимателю.

— Отсюда открывается очень эффектный вид, — объяснил гостю Хэмиш, — прямо на Файф.

— Как бы он ни был хорош, вряд ли он может соперничать с этим, — вежливо откликнулся Роб, показывая на висящую на стене картину.

— Моя Коломбина, — удовлетворенно кивнул Хэмиш. — Не правда ли, она несравненна? Должен признаться, я получаю от нее колоссальное наслаждение. — Несмотря на все усилия, Катриона почувствовала, что краснеет. — Но вы уже видели ее раньше, я не ошибся? — На какую-то долю секунды Катриона решила, что Хэмиш обращается к ней, и испуганно взглянула на него, но он по-прежнему смотрел на Роба. — Я редко забываю лица, не могу только припомнить, при каких обстоятельствах...

Роб одобрительно кивнул.

— У вас хорошая память, мистер Мелвилл. Это было года три назад. Вы устраивали прием для попечителей Каледонской галереи. Я тогда входил в состав совета, был самым юным его членом.

— Да-да, теперь вспомнил. Значит, вы тоже любитель искусства, мистер Гэлбрайт? — Хэмиш бросил взгляд на Катриону. — В этом мы все здесь сходимся. В таком случае, может быть, покончим с формальностями и будем называть друг друга по имени? С Катрионой мы очень быстро пришли к этому, не так ли, Катриона?

Она вежливо улыбнулась и кивнула, но ничего не сказала. К сожалению, между ней и Хэмишем еще так много недосказано...

— Прошу вас, называйте меня Роб, — предложил гость.

— А я — Хэмиш. Ваше имя — сокращенное от «Роберт»?

— Нет, от «Робайд». Это гэльское имя, и пишется оно гораздо сложнее, чем звучит на слух. — Он проговорил его по буквам. — Но для Лондона оно чересчур отдает вересковыми пустошами, поэтому я сократил его до Роба. — Расстегнув лежащую перед ним на столе кожаную папку, Роб достал несколько скрепленных листов плотной кремовой бумаги.

— Перейдем к делу?

— Согласен, — кивнул Хэмиш.

Десятью минутами позже, прочитав подготовленный Робом контракт, он полез во внутренний карман пиджака и достал массивную золотую ручку.

— Я должен подписать каждую страницу или только последнюю?

— Пожалуйста, каждую, там, где стоят карандашные пометки, — объяснил Роб и повернулся к Катрионе. — Полагаю, вы захватили чек на перевод?

Катриона извлекла из своей папки длинный конверт с красно-золотой эмблемой «Стьюартса». В клетке, где должна проставляться сумма, виднелось внушительное количество нулей.

Хэмиш коротко взглянул на чек, а потом — на Катриону.

— В этом деле я всецело положился на твое суждение, — мягко проговорил он. — И верю, что мои ожидания оправдаются.

Он подписал чек, сделав небольшой вычурный росчерк.

Роб вручил Хэмишу его копию контракта и, спрятав чек в папку, протянул партнеру руку.

— Все стороны заинтересованы в успехе фильма и возлагают на него большие надежды, — торжественно заявил он. — Тем не менее я не сомневаюсь, что Катриона все же объяснила вам сущность риска, на который вы идете.

Хэмиш коротко пожал протянутую руку.

— Конечно, объяснила, — сказал он, поворачиваясь к Катрионе. Пожимая ей руку, Хэмиш задержал ее в своей гораздо дольше, чем требовали приличия, и загадочно произнес: — Ты ведь полностью в курсе этого дела, не так ли, Катриона?

У Катрионы упало сердце.

— Я убеждена, что такое помещение капитала принесет выгоду обеим сторонам, — ровно произнесла она, отнимая ладонь. — И я с нетерпением ожидаю, когда мы увидим конечный результат.

— Слушайте, слушайте! — воскликнул Хэмиш, вставая и направляясь к обманчиво пустой стене позади стола. — Это требует шампанского!

Он нажал на одну из панелей, и она скользнула вниз, открыв спрятанный в стене холодильник. Хэмиш извлек из него зелено-золотую бутылку.

— К сожалению, я не могу с вами пообедать, потому что связан приглашением, но по крайней мере мы можем выпить шампанского за успех «Катрионы».

— Фильма или девушки? — с лукавой улыбкой осведомился Роб.

— Почему не за обеих? — предложил Хэмиш, высвобождая пробку. — Насколько я могу судить, каждая из них стоит миллиона.

Прозрачная жидкость, зашипев, полилась в бокалы, и Роб, подняв бровь, посмотрел на Катриону. Стоит миллиона? Да знает ли он хоть половину из того, что скрывает эта девушка?

Они распрощались в фойе верхнего этажа. Дождавшись, пока Роб отойдет, Хэмиш шепнул Катрионе:

— Я приготовил сюрприз, как и обещал. Буду у тебя завтра около шести.

Хоть Роб и не мог слышать слов, их короткий разговор не ускользнул от его внимания. Когда лифт тронулся, он в лоб спросил Катриону:

— А вы ведь не только его банковский управляющий?

Катриона почувствовала, как у нее внутри все перевернулось, и не только от внезапной остановки приземлившегося на нижнем этаже лифта. Они направились к выходу из здания.

— Это долгая история, — уныло произнесла она.

— Я не очень-то надеюсь ее услышать, но по крайней мере не согласитесь ли вы со мной пообедать? — Роб умоляюще взглянул на нее. — Вы спасете меня от долгого одинокого вечера.

— Хорошо, с удовольствием. Спасибо. — Катриона вдруг осознала, что действительно рада приглашению.

Ей нравились спокойная деловитость Роба, его добрая улыбка, наконец, ее привлекала перспектива провести вечер с человеком, который ничего не знал о мучивших ее проблемах.

Когда они вышли на Каин-Стрит, Катриона внезапно вспомнила:

— А как же Изабель и Андро? Мы должны сообщить им. Они там, наверно, уже извелись от нетерпения.

— Естественно. Но давайте вначале сдадим чек в банк, — предложил Роб, — а потом пойдем в «Георг» и оттуда позвоним.

Банк «Клайдсайд» был уже закрыт, но Роб воспользовался ночным сейфом. Заполнив бланк, он опустил конверт в щель, и тот скользнул вниз по желобу. Началось долгое путешествие миллиона фунтов по электронным банковским водоворотам от Хэмиша Мелвилла к «Пресипити Сити Продакшнз». Если бы ее личные проблемы можно было вот так же доверить бесстрастному и безошибочному компьютеру, вздохнула Катриона, думая о завтрашнем свидании с Хэмишем.

Поковырявшись в тарелке со спагетти, Изабель встревоженно уставилась на сидящего напротив нее за кухонным столом Андро.

— Ты и в самом деле думаешь, что все прошло о'кей? — в четвертый раз спросила она. — Мне кажется, они уже должны были позвонить.

Андро, внешне такой же веселый и спокойный, как всегда, казалось, был полностью поглощен едой и ничуть не волновался.

— Не паникуй, дорогая. Я уверен, они там распивают шампанское и совсем забыли, что им надо нас успокоить. Но Роб наверняка все держит под контролем.

— Мне бы твою уверенность, — вздохнула Изабель. — Господи, Андро, если это дело не выгорит, все пропало. Мы уже никогда не сделаем свой фильм.

Андро выглядел уязвленным.

— Послушай, Изабель, еще неделю-полторы назад у нас не было вообще никаких шансов. Оставалась последняя и единственная возможность, и, похоже, мы выиграли. Если бы мы ею не воспользовались, то были бы дважды идиотами.

— А как ты будешь чувствовать себя перед Катрионой? — язвительно спросила Изабель. — Сам понимаешь, после всего этого она не сможет думать о тебе иначе, как о большом куске дерьма.

Вилка Андро повисла в воздухе.

— М-да... Наверно, лучше мне самому как можно скорее ей во всем признаться. Впрочем, я не клялся ей в любви и ничего не обещал. — Собственное вероломство отягощало его совесть примерно так же, как школьника, которого застукали курящим в туалете, волнует его проступок: он жалеет не о том, что курил, а о том, что его поймали.

— Тем не менее она, наверно, думает по-другому, иначе с чего бы ей так ради нас стараться? А ты, по-моему, не испытываешь ни малейших угрызений совести, — упрекнула Изабель. — Может быть, тебе просто не хочется с ней рвать? — Ответом на этот выпад был уничтожающий взгляд.

— Не дури, Иззи! Это совсем непохоже на тебя — ревновать. Ты же знаешь, что я собой представляю — никто не знает этого лучше тебя. Поэтому-то нам так хорошо вместе.

Изабель скорчила гримаску.

— Но я не думала, что она окажется такой красивой. Ты не мог ею не увлечься. Ни один мужчина не смог бы.

Андро хмыкнул.

— О Господи, ну конечно же, я ею увлекся! Иначе я вообще ничего не смог бы сделать! Что я, по-твоему, жеребец?

— Во всяком случае, очень похоже на то, — пожалала плечами Изабель. Ее удлиненное лицо породистой гончей сейчас выглядело трогательно скорбным. — Значит, ты в нее не влюбился?

— Нет. — Андро глуповато усмехнулся, положил вилку и накрыл своей рукой безвольную руку Изабель. — Ты для меня единственная, Иззи. Ты знаешь это, даже если я иногда ненадолго сбиваюсь с пути. Мы с тобой — пара, и мы собираемся сделать самый блестящий фильм в истории британского кино. — Бледная улыбка ненадолго осветила хмурое лицо Изабель.

— Андро Линдсей, ты, конечно, мастер заговаривать зубы. Трепач и балаболка — вот ты кто. Женщины вообще не должны тебе доверять.

Ее речь перебил телефонный звонок. Андро подскочил и первым схватил трубку.

— Роб? Ну, как? Чек у тебя? О, уже в банке! Еще лучше! Молодец. Конечно, я скажу Изабель. Нет, мы как раз сейчас ужинаем. А вы поешьте, и, если хотите, попозже мы к вам присоединимся и все вместе выпьем. Хорошо, в «Георге», около десяти. Брат, ты гений! Передай Катрионе мою любовь, — при этих словах он взглянул на Изабель и скорчил рожицу. — До встречи.

— Начинаю допрос третьей степени, — многозначительно произнес Роб, вопросительно глядя на Катриону. — Какой тайной властью над своим банковским управляющим обладает Хэмиш Мелвилл?

Они сидели в ресторанном зале отеля, уютно устроившись за столиком, спрятавшимся между двумя огромными колоннами. Кроме этого, в зале было занято всего четыре стола.

— Прошу прощения, — отозвалась Катриона, смягчая свою реплику улыбкой, — но я вынуждена заметить, что это не имеет ни малейшего отношения ни к контракту, ни к вам.

— Да, разумеется, вы правы. Извините меня, — добродушно согласился Роб. — Это все мое ненасытное любопытство. Мать всегда говорила, что оно не доведет меня до добра.

— Мне нравится ваша мать. Она была настолько добра, что пригласила меня на званый обед, после которого мы играли во всякие забавные игры.

— Но, надеюсь, не в эту ужасную игру с отгадыванием? — Роб схватился за голову. — Иногда я прихожу в отчаяние от своих родителей. — Он внимательно взглянул на Катриону. — Вы тоже ей понравились. Она мне об этом говорила.

— Значит, вы с самого начала знали, кто я? — вспыхнула Катриона.

— Увы, боюсь, что так. Но я должен сделать еще одно признание. — И Роб рассказал ей о том, как они с матерью видели Катриону с Хэмишем в «роллсе» возле театра «Адельфи».

Прикусив губу, Катриона уставилась в скатерть.

— И что же ваша мать об этом сказала? — тихо спросила она.

— Ну, по правде говоря, она не казалась чересчур обрадованной. Сказала, что это ее вина, потому что она сама усадила вас рядом с Мелвиллом за обедом.

— Она так сказала? — удивилась Катриона. — Но, конечно, она этого не одобрила?

— Не одобрила, но совсем не в том смысле, как вы думаете, — он лукаво улыбнулся. — Она почему-то считает, что вы для него слишком хороши.

— Какая у вас свободомыслящая мать! — восхитилась Катриона. — Забавно, что моя тоже высказала подобные чувства, но от своей матери как-то больше этого ожидаешь. И тем не менее, обе они ошиблись. Это я подло обошлась с Хэмишем, а вовсе не наоборот.

— Почему вы так решили?

Этот в сущности незнакомый ей человек казался таким симпатичным и дружелюбным, от него веяло таким сочувствием и надежностью, что Катриона не выдержала и все ему рассказала. Она рассказала и о Хэмише, и об Андро, и о стоявшей перед ней дилемме ценой в миллион фунтов, и по мере того, как она говорила, Роб, к удивлению Катрионы, становился все бледнее и бледнее. Так бледнеют не от гнева или удивления, а от дурного, тошнотворного запаха.

— И вот вы здесь, — кое-как закончила Катриона, радуясь тому, что наконец облегчила душу. Что бы ни заставило его так побледнеть, подумала она, в конце концов, все равно он уедет в Лондон и сможет навсегда забыть о ней и об этой истории. — Я знаю, что выгляжу как какая-то «роковая женщина», но на самом деле я всего лишь обыкновенная дурочка!

В эту минуту подошел официант, и Роб был даже благодарен ему за вторжение. Пока они заказывали закуски, бифштексы и бургундское, к нему вернулся нормальный цвет лица и он успел обдумать свой ответ. Роб от души надеялся, что Катриона была искренна, когда говорила, что считает фильм блестящим способом вложения капитала, потому что, если она пошла на это только ради Андро, то ее положение даже более ужасно, чем ей представляется. Мерзавец Андро. Любой женщине, которая с ним свяжется, он способен принести только несчастье, и многострадальная Изабель не является исключением.

— Я ни на минуту не могу согласиться с тем, что вы дурочка, — решительно воспротивился Роб. — Никто никого не вправе судить, а тем более осуждать, когда речь идет о сердечных делах.

— Это так, — согласилась Катриона. — Честно говоря, мне кажется, мое сердце не было по-настоящему затронуто Хэмишем. — Осознав, что она сказала, Катриона почувствовала, что краснеет, и поспешила добавить: — Видите ли, при отсутствии сердечной склонности определенные отношения вообще теряют смысл.

— Да, я и сам всегда тяготел к таким взглядам, но все мне твердили, что я старомоден и сентиментален, — немного застенчиво признался Роб, — особенно Андро.

— Андро? Почему Андро? — встрепенулась Катриона. — Вы хорошо его знаете?

— Конечно. Еще бы мне его не знать — ведь он мой брат.

Уж это-то я должен ей сказать, подумал Роб. Может быть, этого будет достаточно: она умна и ей не составит труда домыслить и понять остальное...

— Ваш брат! Каким же образом?.. — Забывшись, Катриона невольно повысила голос почти до крика.

Если бы Роб не был так озабочен поведением своего брата, то, пожалуй, мог бы счесть ситуацию довольно забавной. Однако из рассказа Катрионы ему стало ясно, что его проклятый братец сознательно обманул и соблазнил девушку, чтобы добраться до денег Хэмиша Мелвилла. Андро, конечно, негодяй, но разве может он, Роб, открыть этому необыкновенному, хрупкому, прекрасному и доверчивому созданию глаза на подлость собственного брата? Кончится тем, что она возненавидит их обоих.

— Мы с Андро так не похожи, что порой я думаю, уж не согрешила ли моя обожаемая матушка с каким-нибудь красавцем-актером, — пошутил он. — Хотя, конечно, я понимаю, что хорошему сыну не подобает иметь такие мысли.

— Безусловно, — улыбнулась Катриона. — Но я понимаю, что вы имеете в виду. Вы абсолютно разные.

— Пожалуйста, развеите эту мысль поподробнее, — попросил он.

Им подали закуски. Может быть, подобной легкой беседой он сможет на некоторое

время отвлечь ее мысли?

— Ну, Андро импульсивный, живой, беспечный, — начала Катриона, тщательно выбирая слова, — а вы, насколько я могу судить, человек деловитый, серьезный и спокойный.

— Под чем подразумевается — осторожный, скучный, утомительный, — ухмыльнулся Роб. — Я понял намек.

— Нет-нет. Я этого не говорила и уж ни в коей мере не подразумевала! — возразила Катриона, укоряюще грозя ему пальцем и одновременно пытаясь орудовать перечницей, в результате чего оглушительно расчихалась. Расхохотавшись, Роб налил ей воды.

— Ну-ка, выпейте.

— Вот видите, такой вы и есть — деловитый, серьезный и спокойный, — заявила Катриона, когда вновь смогла говорить.

Они занялись едой и на некоторое время замолчали.

— По-видимому, Андро не говорил вам обо мне, — вскользь заметил Роб.

Катриона задумалась.

— Нет, не говорил. Однако, я полагаю, для этого и не было особых причин. Зачем ему было об этом говорить?

Но, чем дальше она думала об этом, тем яснее становилось, что у Андро имелись все основания, чтобы не говорить об этом. Потому что, если Роб — брат Андро, следовательно, тот тоже сын лорда Невиса и внук Лохабера. И когда они познакомились в Глендоране, он гостил там у своего деда и умышленно, с самой первой встречи, скрыл это от нее. Но почему? Ведь с помощью семейных связей он мог с таким же успехом, как и она, выйти на богатых и влиятельных людей? Тем не менее по каким-то непонятным причинам, возможно, связанным с его репутацией, он нуждался в посреднике, чтобы добраться до богатого клиента ее банка. Увидев ее на скачках с Хэмишем, он понял, что нашел человека, во всех отношениях подходящего для его целей. Значит, то, что он рванулся вслед за ней на Скай, было лишь следующим пунктом тщательно продуманного плана? Плана, осуществление которого было блестяще завершено как раз сегодня, когда банковский чек скользнул в ночной сейф?

Видя, как Катриона постепенно перестает есть, Роб чувствовал себя все более неловко. Он уже знал, каким будет ее следующий вопрос.

— Изабель и Андро действительно только друзья? — срывающимся голосом спросила она.

Ошеломленная обрушившимся на нее открытием, Катриона едва могла говорить. Во рту у нее внезапно пересохло, и пища, которую она только что проглотила, камнем легла на желудок.

— Ну, что же, они, конечно, друзья, а также коллеги, но, кроме того, они вместе живут. — Роб серьезно взглянул на нее. Как бы он хотел, чтобы не ему пришлось говорить ей об этом! — Я хочу сказать, они могут преподносить это как угодно, но они делят постель, ванную и все остальное.

— О Господи! Какая я идиотка! — вскрикнула Катриона и в ужасе зажала себе рот ладонями, уставившись на Роба широко раскрытыми глазами.

Теперь весь план Андро раскрылся перед ней, как на ладони. Мужчина за соседним столиком, услышав странный шум, обернулся, чтобы посмотреть, откуда он исходит, и сразу же отвернулся, увидев бегущие по щекам Катрионы слезы. Она смахнула их рукой и встала.

— Извините, я на минуту, — выдавила она и бросилась в тот конец ресторана, где располагалась дамская комната.

Там, в прохладной тиши, Катриона ощутила, как все ее высокие надежды и страстные устремления исчезают и растворяются, но растворяются не в слезах жалости к себе самой, а в волнах раскаяния. Да, Андро обманул ее, но разве она этого не заслужила? Разве она сама почти таким же способом не обманула и не ввела в заблуждение Хэмиша? Она всего лишь угодила в яму, которую выкопала для другого! Тупица, дура, идиотка, она прыгнула напрямик в расставленные Андро сети. Такая кретинка не заслуживает ни жалости, ни сочувствия. Она безропотно, как молодой ягненок на бойню, шла за Андро, и в это время вела с другим такую же игру, используя ту же наживку, на которую попалась сама... Это высшая справедливость, справедливость в чистом виде, твердила себе Катриона, утирая слезы бумажными салфетками. Но это очень жестокая справедливость и, Господи, до чего же это больно!

Роб с несчастным видом сидел за столом. Подошел официант, убрал тарелки с закусками и спросил, когда подавать бифштексы. Наверно, когда вернется леди? Роб кивнул и только попросил налить еще вина, решив, что оно может понадобиться Катрионе. Как бы ему хотелось утешить ее, развеять ее печаль! Но он не настолько глуп, чтобы воображать, будто сейчас она может позволить какому-нибудь мужчине пробиться сквозь броню ее ожесточения, в особенности если этот мужчина — брат Андро!

Незаменимый и вездесущий Минто вез Мелвиллов домой со званого обеда.

— Когда ты привезешь Макса? — сонным голосом спросил Хэмиш.

Они провели скучный вечер с президентом одного из крупнейших пенсионных фондов Эдинбурга, и, выполняя эту необходимую, но утомительную обязанность, Хэмиш выпил больше, чем обычно.

— Завтра утром мы с Минто выезжаем на юг, вечером я и Макс вылетаем из Гатвика, а Минто в субботу пригонит машину назад.

Хэмишу сразу же расхотелось спать.

— Но вы же собирались вернуться все вместе в субботу, — осторожно напомнил он.

— Собирались, но Макса, бедного мальчугана, так сильно укачивает в машине, что я решила воспользоваться самолетом, — ответила Линда. — Минто не обидится, если ему придется возвращаться одному, правда, Минто? К тому же это подарит нам лишний день, и в субботу мы с Максом сможем походить по магазинам, обновить его горнолыжное снаряжение. Не забудь, что в воскресенье мы уже улетаем.

Мелвиллы собирались провести пасхальные каникулы в Альпах, в Цермате, под сенью горы Маттерхорн. Все трое обожали горные лыжи.

Несколько минут Хэмиш провел в угрюмом молчании.

— Что такое? — наконец не выдержала Линда. — Надеюсь, завтра вечером ты будешь дома? Ты же не захочешь испортить мальчику первый день каникул?

Хэмиш раздраженно буркнул:

— Не бойся, не испорчу. Но, может быть, в Цермате я присоединюсь к вам немного позже. У меня еще есть кое-какие дела.

Линда придвинулась поближе, чтобы Минто не мог ее слышать, и, сузив глаза, прошипела:

— И что же это у тебя за неотложные дела, хотелось бы мне знать? Наверно, не успел уложить кого-нибудь в постель? — с осознанной вульгарностью спросила она.

После инцидента на балу она, несмотря на все усилия, так и не смогла вновь залучить Хэмиша к себе в постель и, хорошо зная его сексуальный аппетит, предполагала, что он удовлетворяет его на стороне — но с кем?

Хэмиш сердито отстранил ее. Несмотря на то, что он отказался от мысли о разводе, он никак не мог простить жене, что она выставила его дураком.

— Может быть, завтра я немного задержусь, но обязательно вернусь и пообедаю с мальчиком, — раздраженно проговорил он.

Хэмиш терпеть не мог менять планы на ходу, но сейчас он утешал себя мыслью, что в воскресенье, когда Линда и Макс благополучно отбудут в Цермат, они с Катрионой наконец смогут вдвоем спокойно наслаждаться досугом. Даже сейчас, закрывая глаза, он видел ее стройное белое тело, яркую львиную гриву, серебристо-серые глаза, в которых светилось желание. Прошло уже так много времени! Его снедала навязчивая эротическая идея: запереться с ней на несколько дней в каком-нибудь роскошном отеле. Мысль, что Катриона может отвергнуть его, никогда не приходила ему в голову. Все казалось ему простым, как дважды два: если он только что по первому требованию дал ей миллион фунтов, их секс должен быть чем-то из ряда вон выходящим!

Сидя в полумраке своей гостиной, Катриона с ненавистью смотрела на деревянные часы.

— Дорого бы я дала, чтобы никогда не встречаться ни с вами, ни с кем-нибудь другим из вашего проклятого семейства, о мой благородный лорд! — пригрозила она, как будто перед ней были не часы, а их создатель.

В ее теперешнем угнетенном состоянии злополучные часы казались ей олицетворением той кучи грязи, в которую внезапно превратилась ее жизнь, причем в качестве главного виновника выступал клан Гэлбрайтов. С презрением обманутой и оскорбленной она видела в них клику бессовестных лицемеров, ей были отвратительны их манеры, их приемы, их испорченность, их безвкусные салонные игры, то, как они прощали друг другу гнусные дела и грязные связи. И она сама с тех пор, как поступила к «Стьюартсу» и попала в орбиту Невисов, тоже превратилась в такое же чудовище. Да, она ничуть не лучше, чем эксцентричный старый граф, беспринципный лорд президент, его сплетница-жена или хитрый интриган Андро. Катриона едва не причислила Роба к исключениям, но быстро поборола искушение: в конце концов он тоже не лучше остальных, ведь это именно он, пусть даже не без оснований, заставил Андро добывать еще один миллион фунтов. Он должен был предвидеть, что его предприимчивый братец обязательно изберет для этого неэтичные, низкие способы. Оба они — выходцы из одного и того же привилегированного, двуличного, аморального сословия, где давно уже потеряли понятие о совести и о чести.

Катриона судила себя так же строго, как и их. Она сознавала, что обошлась с Хэмишем ничуть не лучше, чем Андро обошелся с ней, — так же расчетливо, без жалости и угрызений совести водила его за нос и использовала в своих целях. Никакими деньгами, лоском или обаянием невозможно прикрыть факт, что тот эгоистичный круг, в котором она сейчас вращается, — всего лишь кучка бесстыдных, хватких, жадных варваров. И она, и они — одного поля ягоды! Резким движением сорвав часы со стены, Катриона зашвырнула их в выдвижной ящик.

Один только Хэмиш, с иронией подумала она, вышел из этой истории благоухающим если не розами, то, во всяком случае, чем-то значительно более приятным, чем все остальные. По крайней мере, когда он чего-то хочет, то говорит об этом прямо. Единственным утешением Катрионы было то, что теперь ее уже нельзя упрекнуть в необъективности. Что бы там ни было, она все равно уверена, что фильм — блестящий способ вложения денег, и может с чистой совестью повторить это, глядя в глаза Хэмишу. Ей больше не нужно скрывать отношения с «Пресипити Сити Продакшнз» или с одним из его владельцев — их нет. Она благополучно достигла противоположного края пропасти — но какой ценой? Чего это стоило ей и другим?

Мысль о Хэмише повергла Катриону в еще большее уныние. Крушение иллюзий, связанных с Андро, не изменило ее отношения к Мелвиллу. Маленький пейзаж с видом Вига твердил ей со стены: «Ты приняла меня. Ты приняла миллион фунтов от имени «Пресипити Сити Продакшнз». У Катрионы были все основания полагать, что, когда Хэмиш завтра придет, он потребует чего-нибудь взамен, и на этот раз ей некуда отступать. Второго побега на Скай быть не может...

— Я знал, что ты самовлюбленный эгоист, Андро, но никогда не предполагал, что настолько неразборчив в средствах, — заявил Роб.

Его брат и Изабель только что вплыли в бар «Георга» — длинную, обшитую панелями комнату со столиками красного дерева, пушистым ковром и драпировками спокойных синих тонов. Это было местечко, куда постояльцы отеля — высокопоставленные служащие и состоятельные бизнесмены в серых пиджаках — заглядывали перед обедом, чтобы пропустить стаканчик сухого мартини для улучшения аппетита. Андро и Изабель с их экстравагантно-богемным видом совершенно не вписывались в здешнюю обстановку.

— Где Катриона? — поинтересовался Андро, усаживаясь и делая вид, что пропустил реплику брата мимо ушей.

Изабель, ни слова не говоря, устроилась напротив него. В этот час в баре было тихо. Кроме нескольких парочек за столиками и трех мужчин возле стойки, никого не было.

— Катриона сложила вместе два и два и получила крайне неаппетитное четыре. А поскольку она все-таки банкир, то хорошо умеет считать, — холодно проронил Роб.

— Что, черт побери, ты ей наговорил? — рассердился Андро.

— Я всего лишь сообщил ей, что ты — мой брат и что ты и Изабель — одно целое. А поскольку она уже кое-что обо мне знала, например, кто мой отец и дед, то стало ясно, что и ты связан с банком и Глендораном. Ну, а после этого Катрионе уже не потребовалось много времени, чтобы понять, какой хитрый, лживый и бесчестный ублюдок мой брат.

Роб повернулся к официанту, приблизившемуся к столу с ведерком, из которого торчала обложенная льдом бутылка шампанского, и тремя бокалами. Дождавшись, пока тот откупорил бутылку и наполнил два бокала, Роб накрыл третий ладонью.

— Благодарю вас, — вежливо, но твердо сказал он, — нет, я не буду, спасибо. Я ничего не отмечаю.

Официант поставил бутылку в ведерко и ретировался. Андро с вызывающим видом взял два наполненных бокала и протянул один из них Изабель.

— Ну, а нам с тобой есть что отметить, правда, Иззи? — Он приподнял бокал и объявил: — За первый фильм «Пресипити Сити Продакшнз» и за наше долгое и славное кинематографическое будущее!

Когда они чокнулись и выпили, Роб сухо заметил:

— Я мог бы с этим согласиться, если бы фундамент будущего не был построен на таком вонючем куске дерьма.

Изабель, не выдержав, взорвалась:

— Ради Бога, Роб, только не надо быть таким лицемером. Ты сам сказал нам, что нужен еще один миллион, Андро пошел и принес его. Конец истории.

— Может быть, для тебя это и конец истории, Изабель, но для Катрионы это начало крушения иллюзий и источник неуверенности в себе. Ты знаешь Андро лучше, чем кто-либо другой. Он непревзойденный плут. Он может продать снег эскимосу. Но уж эту-то роль он мог сыграть хоть с каким-то состраданием! Он не должен был заставлять бедную девочку в себя влюбляться.

— А она влюбилась? — восторженно спросил Андро. — Глупышка Кэт! Это был только минутный порыв — очарование островов и все такое.

— Очарование островов? Ты все испакостил! Ты обманывал ее отца и мать, ты ел их хлеб и спал под их кровом, ты надругался над всеми корнями Катрионы! Но хуже всего то, что она поверила не только в тебя, она поверила в твой проект и отстаивала его для тебя. И ты ей позволил!

— Ну что же, это только доказывает, что у нее хороший вкус, — пожал плечами Андро,

отпивая шампанское. — Послушай, Роб, я знаю, что был с ней не совсем честен, но цель оправдывает средства. Зато в результате у многих блистательных британских актеров и технических работников кино появится возможность проявить свои таланты. Мне очень жаль, но я вижу здесь скорее повод для ликования, а не для скорби. — Потянувшись, он вытащил бутылку из ведерка. — Успокойся, брат, перестань разыгрывать благородного рыцаря и давай-ка лучше выпьем.

Роб, нахмурившись, резко встал.

— Нет уж, увольте. Я отправляюсь спать. Я хотел бы только, чтобы вы видели лицо этой девушки, как видел его я, когда полчаса назад усаживал ее в такси. — Он извлек из внутреннего кармана толстый конверт и швырнул его на стол. — Вот ваш контракт. Берегите его, потому что это последнее, что я для вас сделал. Больше я вам не помощник. Наслаждайтесь своим шампанским — вы сами за него платите.

Развернувшись на каблуках, он зашагал к дверям. Перед ним все еще стояло напряженное, печальное лицо Катрионы, каким он его видел через окно такси.

— Вы знаете, я действительно думала, что у нас с ним что-то серьезное, — сказала она Робу, когда наконец вернулась из дамской комнаты. — Да, конечно, он никогда не говорил об этом, но нам было так хорошо вместе... И мне казалось... Я просто не могу поверить, что все это только игра.

Роб видел, как она безуспешно борется с собой, стараясь проглотить хотя бы кусочек бифштекса.

— Я понимаю, что это слабое утешение, но в данном случае вы не одиноки. Миллионы зрителей до вас попадались на ту же удочку. Мой брат, конечно, первосортный негодяй, но в своем актерском деле он мастер.

Хэмиш с побелевшим от гнева лицом ворвался в спальню, сжимая в руках журнал в глянцевой обложке.

— Что это за дьявольщина? — рявкнул он, тыча журнал в нос Линде, которая как раз собиралась лечь в постель.

На обложке под словом «Интродакшнз», напечатанным белыми буквами на красном фоне, красовалась фотография, на которой они с Линдой с немного смущенным видом застыли на фоне цветущих розовых камелий у себя в оранжерее. Поперек их ног шла надпись, которая гласила: «БРАК МЕЛВИЛЛОВ ПРОЦВЕТАЕТ — ИБО ОН УМЕЕТ ПРОЩАТЬ И ЗАБЫВАТЬ».

— Откуда, черт возьми, они взяли этот заголовок? — громыхал Хэмиш, лихорадочно листая журнал в поисках посвященной им статьи.

Линда, выпрямившись, уселась на край кровати. Она пыталась скрыть статью от Хэмиша хотя бы до приезда Макса, надеясь, что присутствие сына заставит его держать себя в руках. Однако, как назло, кто-то уже успел подсунуть ему журнал. Может быть, Минто?.. Да, не иначе. Наверняка Минто подложил один экземпляр в кабинет Хэмиша. Она еще с этим разберется!

— Да, какие дотошные журналисты, правда? — как можно спокойнее сказала Линда, хотя внутри у нее все дрожало от страха. По-видимому, кто-то дал им ниточку, иначе они никак не могли бы докопаться до этой истории.

— Кто им сказал?! — настаивал Хэмиш.

— Думаю, что не кто иной, как Виктория Монкрайф, — вздохнула его жена. — Вот что

бывает, когда женщина чувствует себя униженной и отвергнутой. За соответствующую цену она готова кого угодно целовать в зад.

— В данном случае это ты целовала кого угодно! — Превратившиеся в льдинки голубые глаза Хэмиша бегали по строчкам. — Они называют меня «великодушным и милосердным магнатом». Господи Иисусе, да теперь я окончательно превратился в посмешище!

— Наоборот, ты предстаешь, как сострадательная натура, живущая по христианским принципам.

— На моем языке это означает слабака и тряпку, — отрезал Хэмиш. — О Господи, теперь каждый ублюдок сочтет, что он может выгирать об меня ноги. Но пусть только попробует!

— Если ты спокойно и внимательно прочтешь статью, то увидишь, что на самом деле в ней не содержится ни одного конкретного факта, — подсказала Линда, потихоньку откидываясь на подушки. Видя, в каком настроении Хэмиш, она ужасно нервничала. — Одни только сплетни, на которые вполне можно не обращать внимания. Фактически, в нас запустили комом грязи, и мы вполне можем подать в суд за клевету.

— Не забывай, что мы в Шотландии, ты, дура! — грубо рявкнул Хэмиш, продолжая читать. — Сплошное злословие, но даже если это неправда, то все равно бесчестие. И все по твоей милости! — Прочитав последний абзац, он захлопнул журнал со звуком, похожим на пистолетный выстрел. Его лицо исказилось от ярости. — Дерьмо! Ах ты, тупая корова! Шлюха, блудливая тварь!

В одно мгновение, как будто что-то взорвалось у него в голове, Хэмиш потерял контроль над собой. Скрутив журнал в трубку, он начал, как дубинкой, колотить им Линду по голове и плечам, одновременно извергая потоки брани. Прячась от града посыпавшихся на нее ударов, Линда зарылась в подушки и, то ли благодаря им, то ли потому, что Хэмиш не очень точно попадал в цель, вышла из этого сражения без видимых увечий.

Все кончилось довольно быстро. Выпустив пар, Хэмиш напоследок запустил злополучным журналом в коллекцию фарфоровых кошечек Линды, превратив большую часть их в осколки. Затем вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Как и многие другие жены в подобных обстоятельствах, Линда склонна была винить в происшедшем самое себя. Нет, она не раскаивалась ни в связи с Брюсом, ни в том, что пригласила «Интродакшнз», но корила себя за то, что позволила Хэмишу обнаружить проклятую статью в момент, когда он был «утомлен физически и эмоционально».

Заставив себя подняться, она побрела на место кошачьего побоища и, собрав осколки, выбросила их в урну, потом зашла в ванную и умылась холодной водой. Без косметики она выглядела маленькой и жалкой, карамельные глаза, обычно живые и ясные, сейчас помутнели, веки опухли. Возвращаясь из ванной, она подняла журнал и попыталась перечитать статью, но из-за подступивших слез строки расплывались перед ее глазами.

В действительности ущерб от статьи не так уж велик. Если бы не намек на грешки Линды, она вообще была бы вполне приемлема и даже желательна в тот момент, когда имидж Хэмиша так серьезно пострадал от обвинений в жестоком обращении с должниками. Фотографии, представляющие дом и его владельцев в самом лучшем виде, великолепны, и текст, если не считать абзаца, содержащего намек на адюльтер, выдержан в безукоризненно мягком и вежливом стиле.

— Будь ты проклята, Виктория Монкрайф, — процедила Линда, опуская журнал на пол. — И будь проклят Чарли, который не дает ей денег, так что она вынуждена продавать

друзей, чтобы свести концы с концами!

Для Катрионы мучительно долго тянувшееся утро пятницы было немного скрашено звонком Сью Каррузерс, которая сообщила, что отныне официальной резиденцией ее семьи стала Глендоранская усадьба.

— Я подумала, что на Пасху вы, наверно, поедете на Скай и сможете заехать к нам по дороге туда или обратно, — предложила она. — Конечно, здесь еще полный хаос, но Ник творит чудеса. Кроме того, я ужасно хочу, чтобы вы познакомились с детьми. Вы расскажете им, какие порядки царят в хайлэндских школах.

— Боже мой, я уже не помню — прошла целая вечность с тех пор, как я училась в школе. Но как приятно, что вы обо мне вспомнили! Правда, я еще сама не знаю, каковы мои планы. Можно, я потом позвоню вам? — У Катрионы сдавило горло и заблестели слезы на глазах: в ее нынешнем состоянии нервного истощения любое проявление по отношению к ней доброты и участия вызывало эмоциональную реакцию.

— Да, конечно. Что-то не в порядке? — осторожно спросила почувывшая неладное Сью. — У вас какой-то странный голос.

Катриона заставила себя рассмеяться.

— Вы говорите точь-в-точь, как моя мать, — сказала она. — Нет, все нормально. А как у вас с деньгами?

— О, благодаря вам все отлично. Но проклятая страховка до сих пор не оплачена. Вы не знаете, как долго это еще может длиться?

— Хоть до второго пришествия. Если возникнут какие-то проблемы, дайте мне знать, хорошо?

— Не беспокойтесь, мы не подпишем ни одного сколько-нибудь значительного чека, пока не посоветуемся со своим оракулом.

— На прошлой неделе в Арджилле произошло новое нападение ШДШ. Я видела заметку в «Вест-Хайлэнд Фри Пресс». Надеюсь, в ваших краях они больше не проявляют активности?

— Нет, пока здесь все спокойно. Ник купил собаку, огромную немецкую овчарку. Она добрая и ласковая, как котенок, но вид у нее устрашающий. Я не думаю, что они опять сюда сунутся.

— Отличная идея.

— Да. Правда же, мой Ник — умный старичок? Пожалуй, не буду его бросать — даже несмотря на то, что сейчас мы все живем в кухне. Не забудьте насчет Пасхи. Жду вашего звонка.

Сью казалась бодрой и довольной, и Катриона подумала, что с удовольствием провела бы несколько часов в ее обществе. Однако она не была уверена, стоит ли ей показываться в Глендоране во время пасхальных каникул. Существовала вероятность, что Андро тоже приедет туда навестить деда, а перспектива встречи с ним казалась Катрионе убийственной. Внешне, особенно на работе, она старалась держаться как обычно, но внутри чувствовала себя слабой и дрожащей, как подтаявшее желе.

Мойра вернулась с перерыва, сжимая в руках номер «Интродакшнз».

— Ты это видела? — спросила она, раскрывая журнал и кладя его перед Катрионой. — Судя по всему, за королевой Линдой водятся грешки, а король Хэмиш настолько

великодушен, что смотрит на них сквозь пальцы. Однако это совсем на него непохоже.

Катриона схватилась за журнал. С распахнутой страницы на нее смотрели Хэмиш и Линда, сидящие на антикварном диване в своей «элегантной гостиной в стиле Георга».

— А здесь не говорится, с кем она согрешила? — спросила Катриона, хотя понимала, что если бы в статье упоминалось имя Брюса, Мойра не могла об этом умолчать.

— К сожалению, нет. Там больше намеков, чем информации. Но вообще-то это ужасный скандал! Обычно в этом журнале, наоборот, делают всяческие реверансы в адрес своих героев, так что все у них выглядят белей белого, чище чистого.

— Естественно, ведь если бы было по-другому, никто бы не давал согласия на интервью, — заметила Катриона.

— Правда, Мелвиллы здесь выглядят ужасно? — прошептала Мойра, заглядывая через плечо Катрионы. — А вот их дом — просто жемчужина. Посмотри, сколько антиквариата. Мамочка с удовольствием это почитает.

Голубые глаза Хэмиша пронизывающе смотрели на Катриону с глянцевої страницы, и она почувствовала, как внутри у нее все сжимается. Что она скажет ему сегодня вечером, когда он придет, чтобы увезти ее в укромное любовное гнездышко? Как отреагирует, когда она скажет ему, что не поедет и не хочет с ним встречаться? Катриона подумала было упросить Элисон, чтобы та присутствовала при встрече, но потом пришла к выводу, что это нечестно: у Элисон сейчас и без нее достаточно поводов для тревог и волнений. Не нужно ей быть свидетельницей того, как отвергнутый любовник обрушит свой закономерный гнев на голову ее лучшей подруги.

Однако все произошло совсем не так, как предполагала Катриона. Когда она слонялась по квартире, с трепетом ожидая Хэмиша, вдруг неожиданно позвонила Элизабет Николсон, и ее бодрый, жизнерадостный голос показался Катрионе дуновением здравомыслия в этом обезумевшем мире.

Представившись, Элизабет продолжала:

— Надеюсь, вы не в обиде, что я вам позвонила, моя дорогая. Я попросила у Фелисити ваш номер, потому что мы так интересно беседовали с вами у нее за обедом. Вы помните?

В первый момент Катриона была озадачена, но потом, вспомнив обед у Фелисити, сообразила, что ей звонит та самая устрашающего вида вдова, которая тогда сидела напротив и вела с ней оживленную беседу.

— Да-да, мы с вами говорили о благотворительности. Детские приюты и так далее. Я очень хорошо помню.

— Прекрасно! В тот раз мне показалось, что вас заинтересовала эта тема, поэтому я рискнула позвонить вам и попросить об одолжении. — Элизабет напомнила ей о «Веселых Ключках» и рассказала о том, что они уже сделали. — Ваши идеи, моя дорогая, произвели на меня такое впечатление, что я подумала, вдруг вы согласитесь присоединиться к нашему комитету, чтобы вместе работать над ними? Коллеги предоставили мне право привлекать к нашей работе нужных людей.

— Видите ли, тогда это был просто разговор за чашкой чая. Я просто высказывала свои мысли, не очень-то хорошо их продумав, — призналась Катриона, подумав при этом, что такая женщина, как Элизабет Николсон, наверняка деспотично и единовластно правит своим комитетом и, принимая решения по своему усмотрению, не нуждается ни в каком позволении коллег. В каком-то смысле Катриона даже завидовала ее решительности.

— Поэтому-то я и хочу, чтобы вы пришли к нам на заседание, дорогая, чтобы мы все

вместе как следует все обмозговали. Что вы на это скажете? — Элизабет явно не привыкла терять время на лишние разговоры.

— А когда состоится заседание? — спросила захваченная врасплох Катриона.

Она оказалась легкой добычей для умудренной опытом председательницы.

— Завтра. В три тридцать у меня дома. Хемитидж-драйв, номер десять. Мы вас увидим?

Пожалуйста, скажите «да».

Зазвонил дверной звонок, и у Катрионы упало сердце.

— Д-да. Да... хорошо, — плохо соображая, что говорит, выдавила она.

— Отлично! Я слышу, вам звонят в дверь, — проворковала довольная Элизабет, — так что не буду вас задерживать. До завтра!

Открыв дверь, Катриона немного удивилась смущенному виду Хэмиша, державшего в руках охапку алых роз и бутылку вина.

— Это не подарок, а извинение, — поспешил предупредить он, прежде чем обнял ее и вложил цветы в ее руки. — Потому что сегодня мы не сможем никуда поехать. Извини, мне так жаль!

Его сожаление было таким искренним и непосредственным, к тому же Катриона так удивилась его словам, что в первый момент растерялась и не нашла, что сказать. Она так и стояла молча, разглядывая и нюхая розы, пока Хэмиш снимал плащ. Он все еще был в обычном деловом костюме: отлично сшитый двубортный серый пиджак, безукоризненная кремовая рубашка и галстук с маркой известного дизайнера. В таком виде он совершенно не был похож на человека, который собирается провести греховный уик-энд с любовницей.

— Макс возвращается домой сегодня, а не завтра, поэтому сегодня вечером я обязательно должен быть дома. Вот это, — он показал на вино, — утешительный приз.

Это была бутылка «Полли Фюме» — точь-в-точь такая же, как та, которую они распили, когда первый раз ужинали наедине.

— Оно холодное, — заверил Хэмиш. — Я открою?

— Открой, — улыбнулась Катриона. — В кухне есть штопор.

— Я никогда не был у тебя в кухне, — заметил он, идя вслед за ней. — Обычно мы напрямик направлялись в спальню. — Не отреагировав на это замечание, Катриона молча достала из ящика штопор и протянула ему. — Поверь мне, — усмехнулся Хэмиш и подмигнул, — я с удовольствием и на сей раз поступил бы так же, но хочу поговорить с тобой, а на то и на другое, к сожалению, не хватит времени.

Катриона поставила на столик два бокала и смотрела, как он наливает вино.

— О чем ты хочешь поговорить? — осторожно спросила она.

— О нас, разумеется, — сказал он, вручая ей бокал. — За твоё здоровье!

— За твоё здоровье, — механически откликнулась Катриона.

Они выпили, глядя друг на друга. Серебристо-серые глаза встретились с голубыми.

— Возьмем вино в комнату? — спросила она.

Хэмиш покачал головой.

— Нет, давай лучше посидим здесь, чтобы между нами был стол — так у меня будет меньше искушений.

Катриона пожала плечами.

— Хорошо, как хочешь. — Она придвинула себе стул.

— Похоже, тебя не очень расстроило то, что поездка сорвалась, — заметил он, усаживаясь на другой стул. — А я-то думал, ты ждешь ее с таким же нетерпением, как и я.

Катриона вспыхнула и приложила стакан к щеке, чтобы остудить разгоряченную кожу.

— Откровенно говоря, Хэмиш, я и не собиралась никуда ехать, — скороговоркой пробормотала она, как будто боялась, что запнется и не сможет продолжать. — Я даже не приготовила сумку.

— Почему? Что случилось? — Хэмиш был потрясен.

Катриона отпила глоток вина. Оно было легким и свежим, пахло солнцем и цветами и совсем не соответствовало воцарившейся в кухне атмосфере напряженности.

— Все то же самое, ничего нового. Я поняла это уже некоторое время назад, только у меня не хватало мужества признаться.

— Что поняла? — резко спросил он. — В чем признаться?

— Что мы больше не можем — что я больше не могу — продолжать отношения с женатым мужчиной, у которого есть девятилетний сын, — ответила Катриона и уже более твердо продолжала: — Когда мы поехали в Лондон, я еще не знала про Макса. Наверно, я должна была бы знать, но я не знала. Когда ты сказал мне, это было как разрыв бомбы.

— Не понимаю, — искренне недоумевал Хэмиш. — Почему?

Катриона запнулась. Ею овладело ощущение, будто ее все глубже и глубже засасывает в какую-то яму.

— Меня с самого начала мучили угрызения совести из-за того, что ты женат, но потом, когда я узнала про Брюса и Линду...

— Ты знала про Брюса и Линду? — громыхнул Хэмиш.

— Да. Я случайно застала их... э-э-э... вдвоем во время обеда у Невисов. И я подумала: если у нее есть любовник, почему у тебя не может быть любовницы? И почему ею не могу быть я?

— Вполне логично, но ты даже не побеспокоилась о том, чтобы рассказать мне о них. — Немного остыв, Хэмиш перешел от негодования к сарказму.

— Зачем мне было это делать? К чему это могло привести? Только превратить Брюса в твоего врага.

— Ах да, конечно, банковская лояльность, — цинично усмехнулся Хэмиш. — Ты не хотела кусать руку, которая тебя кормит.

— Если хочешь знать, Брюс и Линда в какой-то мере оказали тебе услугу, — храбро заявила Катриона. — Поскольку ты хотел, чтобы наши отношения стали постоянными, их роман был как нельзя более кстати. Но потом ты сказал мне про Макса.

— Ну, вряд ли я мог делать вид, что его не существует в природе, — воскликнул Хэмиш. — Правда, я никогда не догадывался о твоих чувствах. Почему ты ничего мне не говорила?

— Для этого просто не было времени. Ты упомянул о нем вскользь, когда уже опаздывал, — напомнила Катриона. — Ты торопился, чтобы забрать Макса из школы. Но, может быть, это было даже хорошо, потому что у меня появилось время, чтобы все обдумать и понять. Теперь я уверена — не только Макс встал между нами, но и я — мой характер. Ты, конечно, можешь сказать, что я чересчур самолюбива или эгоистична, но я просто не создана для того, чтобы быть второй скрипкой. Не могу жить с чувством вины и неуверенности.

Сжав руку в кулак, Хэмиш обрушил его на стол. Вино в бокалах заплескалось.

— Но это было две недели назад! Две недели, Катриона! Тебе не кажется, что ты все-таки могла хоть что-нибудь сказать мне о своих чувствах раньше? До того, как я вложил

миллион фунтов в этот дурацкий фильм только потому, что я люблю тебя и ты попросила меня об этом!

— Он совсем не дурацкий — он совершенно... Ты — меня что?.. — упавшим голосом переспросила Катриона, когда осознала, что он сказал.

— Я люблю тебя, — повторил он, жадно шаря глазами по ее лицу. — Я и сам начал понимать это только в последние несколько дней. Как говорится, вот что делает разлука. В общем, мне кажется, я никогда ни к одной женщине не испытывал тех чувств, которые испытываю к тебе, Катриона. Ты постоянно занимаешь мои мысли, ты отвлекаешь меня от работы, ты тревожишь мой сон. Это глупо и странно, и это совершенно не соответствует моей натуре, но тем не менее это так. — Хэмиш схватился за голову. — И теперь ты преспокойно сообщаем мне, что две недели назад решила, что с тебя довольно! — Он бросил на Катриону полный гнева и укоризны взгляд, от которого у нее перехватило дыхание.

— Я... Я — мне очень жаль, — еле слышно прошептала она. — Я не хотела. Так случилось.

— Но почему ты мне не сказала? — настаивал Хэмиш. — Ты не играешь со мной в открытую, Катриона, и мне это не нравится.

Он ожидал, что его признание вызовет трепет, может быть, волнение, она будет растрогана, очарована и, уж конечно, счастлива. Вместо этого она испуганно смотрела на него, как затравленная лань.

Катриона покачала головой. Ее глаза наполнились слезами.

— Я знаю, что не была честна с тобой. Я вела себя ужасно и раскаиваюсь. Мне остается только надеяться, что ты простишь меня.

О Господи, подумала она, а вдруг он узнает об Андро?

— Я не хочу тебя прощать или не прощать, — рассердился Хэмиш. — Я только хочу любить тебя и чтобы ты меня любила. Можешь ты это понять?

Катриона вспыхнула.

— Нет. Нет, я не могу понять. Мне кажется, теперь ты не совсем честен. Ты хочешь иметь жену и сына и одновременно — постоянную женщину на стороне. Но я никогда бы не пошла на это, даже если бы любила тебя так, как тебе этого хочется, Хэмиш. Я уже говорила — я слишком эгоистична. Я хочу быть главной и единственной — говоря банковским языком, я хочу быть объединенным счетом, а не маленьким тайным вкладом, к которому обращаются только изредка, от случая к случаю. — Катриона залпом допила вино и скривилась: эта штука гораздо вкуснее, когда человек счастлив. Когда ему плохо, она кажется горькой.

— Я думал, мы будем счастливы, — сказал Хэмиш. — Я заказал на воскресенье номер в старинном замке на побережье и уже предвкушал, как увезу тебя туда и мы будем любить друг друга в той кровати, где, по преданию, Мария Стюарт когда-то спала с лордом Босуэлом.

Катриона вздрогнула.

— И посмотри, что с ними стало, — мрачно пошутила она. — Я не уверена, что нам нужно тревожить такие роковые тени.

— Можно взглянуть на это и с другой стороны, — возразил Хэмиш, — например, увидеть в них бесстрашных любовников, которые вопреки всему предавались своей страсти. Я предпочитаю романтическую точку зрения.

Катриона с сожалением покачала головой.

— Мне очень жаль, Хэмиш. Прости. Я уже попробовала «страсть вопреки всему». Ничего не получается.

— Но еще может получиться, — настаивал Хэмиш. — Особенно теперь, когда мы откровенно объяснились. Ты знаешь, что для меня ты не просто «женщина на стороне», как ты это назвала, а я знаю, что ты не хочешь подвергать опасности будущее моего мальчика. Но обе эти проблемы разрешимы. Мы справимся с ними, Катриона, обещаю! Ты увидишь, что быть любовницей богатого мужчины вовсе не означает быть второй скрипкой. У тебя будет все, что ты захочешь. Мы станем вместе появляться на людях. Я даже расскажу о нас Линде. Ей придется с этим примириться. Ничего, она очень практичная, эта Линда, реально смотрит на вещи и легко адаптируется.

Произнося этот монолог, Хэмиш встал и, обогнув стол, приблизился к Катрионе. Не понимая, что он намерен делать, она двинулась ему навстречу. Мысли вихрем кружили у нее в голове. Она могла бы многое возразить Хэмишу, но одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы она побоялась раскрыть рот. Точно так же Катриона не смогла оттолкнуть его, когда он сгреб ее в объятия и поцеловал. Это не был требовательный или грубый поцелуй, это было твердое, долгое подтверждение его чувств и намерений, наполненное желанием и обещанием.

— Подумай обо всем, — мягко сказал Хэмиш. Его голубые глаза смотрели на нее нежнее, чем когда-либо раньше. — Сейчас мне нужно идти, но не покидай меня только из-за Макса. Я никогда не допущу, чтобы он страдал. Он мой сын, и он очень для меня важен. Но и ты — тоже. И не забудь, что у нас уже есть кое-что общее: миллион фунтов, которые мы вложили в фильм. Это и будет нашим совместным предприятием, нашим «объединенным счетом». — Он подмигнул. — Я ведь пошел на это не вслепую. Теперь я уже очень много знаю о «Пресипити Сити Продакшнз», в том числе и то, кто его директор. Твой приятель, этот цыганского вида актер, оказался совсем не так прост, как кажется с виду. Я приеду за тобой в воскресенье, около трех. Не нужно меня провожать, я выйду сам. До свидания, моя дорогая, до воскресенья.

Катриона была словно в тумане. Откуда-то издалека донесся щелчок замка на входной двери. Что произошло? Что он имел в виду? Знает ли он все о ней и об Андро? Известно ли ему, что Андро сын лорда Невиса? Осознает ли Хэмиш до конца, насколько все сложно и запутанно? И сумеет ли она распутать этот клубок? Может быть, с ее стороны безумно надеяться, что достаточно просто сказать ему «прощай», и он уйдет?

Вопросы один за другим вспыхивали у Катрионы в голове только затем, чтобы потом повторяться снова и снова, до тех пор, пока она не почувствовала себя больной. Но она не могла ответить ни на один из них.

Андро и Изабель так и не ложились спать с тех пор, как получили свой контракт. После возвращения из «Георга» они провели предрассветные часы пятницы, обмениваясь трансатлантическими факсами со своими американскими брокерами, с главным агентом суперзвезды Джила Манро, с агентами остальных членов съемочной группы. Когда в Лос-Анджелесе отправились ко сну, уже были решены вопросы о художниках, дизайнерах, осветителях, гримерах, костюмерах, звукооператорах и так далее, а также оговорены многие другие организационные моменты, без которых невозможно начинать производство фильма. До начала съемок оставалось всего шесть недель, и они не могли позволить себе терять ни одной минуты. Андро приготовился лететь в Лондон для встречи с директором агентства по найму киноактеров, поскольку предстояло еще провести несколько кинопроб, в том числе на роли двух главных героев, юных влюбленных Дэвида и Катрионы.

— Но прежде чем уехать, ты просто обязан повидаться с Катрионой Стюарт, — настаивала Изабель, глядя поверх обложки «Фильм Бэнг», этой библии шотландских кинематографистов.

Андро нахмурился. Было субботнее утро, и они выглядели вымотанными и усталыми, под глазами обоих легли темные тени. Тихо жужжала кофемолка, стол был уставлен грязными чашками и пустыми картонками из-под молока.

— Зачем? — уточнил он. — Она знает, что я сделал. Что я могу ей сказать после этого?

— Попробуй начать с «извини», — посоветовала Изабель.

— Какой в этом смысл? — недовольно буркнул Андро. — От извинения все, что было, не исчезнет.

— Но и нам от нее никуда не деться, — напомнила Изабель. — Хэмиш Мелвилл вложил в наш фильм миллион фунтов, а она — его представитель. Мы не можем допустить, чтобы из нашего доброго ангела она превратилась в злого гения!

— Тогда пойдем вместе со мной, — мягко предложил Андро. — При тебе она не сможет устроить мне сцену.

— Это исключено, — возразила Изабель. — Ты должен пасть перед ней ниц. Сказать, что совсем не собирался соблазнять ее, но она такая неотразимо привлекательная, что ты не мог устоять и только поэтому зашел так далеко. Немного лести — и все будет в порядке.

— Ты так считаешь? — засомневался Андро. — Я не уверен, что Катриона восприимчива к лести.

— Почему же, она ведь очень доверчива, как ты уже имел случай убедиться, — напомнила Изабель. — Ты обдурил ее один раз, может быть, тебе удастся проделать это вторично.

Андро метнул на нее острый взгляд.

— А ты жестокосердна, Иззи, не так ли? Как, оказывается, немного человеческой доброты и сострадания помещается в твоей маленькой груди.

Иззи засмеялась.

— Оставь в покое размеры моей груди. Лучше пойдешь попрактикуйся перед зеркалом, чтобы твоя физиономия как следует ее разжалобила. Небольшая репетиция никогда не повредит.

Андро поймал Катриону в дверях — она выходила, чтобы отправиться на заседание к

Элизабет Николсон. Девушка едва не вздрогнула, когда вдруг увидела перед собой огромный ворох белых лилий, из-за которых потом появилось бледное лицо Андро.

— Я знаю, что этим уже мало что можно изменить, — сказал он, вручая ей цветы, — но я не мог придумать другого способа, чтобы попросить прощения.

Катриона без колебаний захлопнула за собой входную дверь. Она не хотела, чтобы Андро снова переступил порог ее квартиры; собственно говоря, сейчас ей хотелось одного — чтобы он ушел как можно скорее и как можно дальше. Казалось невероятным, что всего несколько дней назад за этой самой дверью они с упоением занимались любовью, а теперь она с трудом могла заставить себя смотреть на него.

Катриона равнодушно опустила лилии головками вниз, как будто это была метелка для вытирания пыли, и безразлично-деловитым тоном ответила:

— Я понимаю. Что ж, спасибо. Если не возражаешь, я возьму цветы с собой в машину — я уже опаздываю на встречу.

— Означает ли это, что ты меня не простила? — жалобно спросил Андро, спускаясь вслед за ней по лестнице.

Катриона старалась вести себя так, как будто случайно встретила в супермаркете знакомого: «Здравствуйте-Как поживаете-Всего доброго-Извините, я спешу».

— Нет, это означает только, что я тороплюсь, — коротко бросила она.

— Ты должна понимать, что я виноват только отчасти, — продолжал Андро, с трудом поспевая за ней. — Ты тоже должна взять на себя часть вины, ты и Скай.

— Да? Хотела бы я знать, как тебе удалось прийти к такому выводу? — поинтересовалась Катриона.

Они вышли на улицу и начали подниматься к арке, чтобы выйти на площадь перед замком.

— Очень просто: все произошло потому, что Скай так романтичен, а ты так красива. Я совсем не собирался заходить так далеко, но ничего не мог с собой поделаться. — Андро попытался забежать вперед, чтобы она могла оценить хорошо отрететированное выражение невольного восхищения на его лице. — Сама знаешь, что ты ходячее искушение, Катриона. Провокация на двух ногах.

Катриона остановилась. В течение тридцати шести часов ее отношение к Андро претерпело необратимые изменения. Однако она не была склонна во всем винить только его. Благодаря тому, что ей открылась правда про него, Катриона узнала кое-что новое и о себе, и это новое ее отнюдь не радовало.

— Ради Бога! — воскликнула она. — Только не надо морочить мне голову. — Она строго взглянула на Андро глазами, в которых вдруг заблестела сталь. — Даже с учетом Закона о равных возможностях я считаю твою ссылку на смягчающие обстоятельства абсолютно неправомерной. К стыду своему, должна признать, что тебе удалось провести меня насчет любви и нежных чувств, Андро Линдсей, или Гэлбрайт, или как там тебя еще зовут, но что касается секса, тут тебе меня не обмануть. Ты вовсе не был захвачен безудержным и неукротимым порывом страсти, нет, ты холодно и расчетливо выследил и соблазнил меня, чтобы наложить лапы на миллион фунтов Хэмиша Мелвилла. Кстати, я бы отнеслась к тебе с гораздо большим уважением, если бы ты пришел и чистосердечно в этом признался. Вместо этого ты ищешь оправдания, вроде того, что якобы не смог держать себя в руках. Однако я подозреваю, что ты умеешь контролировать свои эмоции, как никто другой, во всяком случае из тех, кого я знаю. И к сожалению, гораздо лучше, чем я! Ты можешь

управлять ими, как хочешь, включать и выключать по своему желанию, как водопроводный кран, и мне остается только надеяться, что ты с блеском проявишь свое искусство в будущем фильме — единственном положительном итоге этого достойного сожаления эпизода!

Ее вспышка застигла Андро врасплох. Он увидел новую, незнакомую Катриону — напористую, гордую, решительную.

— Значит, ты не повернешься спиной к нашему проекту? — осторожно уточнил он.

Катриона снова зашагала вперед, небрежно опустив вниз букет, так что великолепные лилии едва не волочились по земле.

— Нет, не повернусь, ведь я уверена, что для Хэмиша это хороший способ вложения капитала. И ты вполне мог прямо и честно обратиться ко мне с этим деловым предложением, а не подсовывать вначале свое неотразимое тело. — Она сделала паузу. — Конечно, если быть до конца честной, я тоже не должна была с такой готовностью на него бросаться. Я даже не знаю, кто из нас выглядит хуже в моральном плане — соблазнитель или соблазненная.

Они дошли до того места, где стояла машина Катрионы. Девушка открыла дверцу и небрежно, как ненужную тряпку, швырнула цветы на заднее сиденье. Когда она села за руль, ей потребовалось несколько попыток, чтобы вставить ключ зажигания. Андро, облокотившись на приоткрытую дверцу, спросил:

— О'кей, теперь, когда ты высказалась, можно считать, что мы помирились?

Катрионе наконец удалось завести мотор.

— Я бы не рискнула называть это примирением, — вяло улыбнувшись, ответила она, захлопнула дверцу и умчалась.

«Веселые Ключки» состояли из Элизабет, Фелисити и трех других спортивного вида дам различного возраста. Одна из них, Дженет, которую Катриона про себя сразу прозвала «Молодая мамаша», отличалась поистине атлетическим сложением, две другие, постарше, составляли неразлучную и неразличимую пару. Их звали Си и Фи (сокращенно от Селии и Фионы), и они непрерывно поддакивали друг другу и никогда не вступали в спор с остальными. Собственно говоря, они были настолько поглощены болтовней, что, если бы не Элизабет, которая то и дело подсказывала им, что они должны говорить и думать, комитет так никогда и не принял бы ни одного решения. Под ее мудрым и твердым руководством они быстро покончили с текущими делами: составили благодарственное письмо в местную газету, утвердили отчет, рассмотрели вопросы об организации школьных уроков плавания в одном из городских бассейнов, о чемпионате по ориентированию в Пентланде, об итогах юниорского первенства по лыжному спорту и о грандиозном спортивном празднике в Глазго. В разделе «Разное» Элизабет представила Катриону и ее идею о проведении крикетных матчей с участием знаменитостей, после чего сразу же было поставлено на голосование и единогласно принято решение включить Катриону в состав комитета.

— Если у вас есть несколько минут, Катриона, то оставайтесь. Мы вдвоем обсудим некоторые вопросы более подробно, — предложила Элизабет.

Катриона, которая рада была любому поводу, чтобы немного отвлечься, с готовностью согласилась, и после того, как Си, Фи, Дженет и Фелисити, угостившись чаем с гренками, отбыли восвояси, Катриона обнаружила себя сидящей в уютном кресле со стаканом крепчайшего джина с тоником в так называемой «берлоге» Элизабет — маленькой комнате, расположенной в задней части громадного каменного особняка.

— Я знаю, что большинство женщин, которые, подобно мне, остаются в одиночестве, предпочитают продавать фамильные особняки и покупать себе небольшие квартирki, но я не из их числа, — призналась вдова. — Мне нравится здесь, я одна, как последняя горошина в стручке. Вот устроила себе спальню в бывшей комнате для горничных над кухней, там уютно и тепло, и мне не нужно топить в основных комнатах, если только мои дочери не приезжают навестить меня со своими семействами. — Элизабет отхлебнула большой глоток джина и улыбнулась: — А у вас какое жилище?

— Маленькая квартирка с одной спальней, но зато из нее открывается великолепный вид на замок. Это ее главное достоинство, — пояснила Катриона.

— Значит, вы живете одна? — уточнила Элизабет.

— Да. Когда я работала в Пейсли, то мы с другими девушками снимали домик на троих, но, перейдя к «Стьюартсу», поняла, что могу позволить себе выбрать жилье по своему вкусу.

— И вы не чувствуете себя одиноко? Вам не хотелось бы жить с приятелем или с кем-нибудь еще?

— Нет. Я никогда не встречала мужчину, с которым бы мне хотелось жить. Слишком хлопотно, как говорит моя мать, — усмехнулась Катриона, на всякий случай пряча глаза от Элизабет.

Та шумно втянула воздух:

— Да! Хорошего человека найти нелегко. Уж это мне известно — сама я смогла найти только одного.

Катриона сочувственно улыбнулась.

— Вашего мужа?

— Моего последнего мужа, — поправила ее Элизабет. — Старый дурень! Он слишком быстро меня покинул.

— Простите, но я хотела бы задать вам тот же вопрос, что и вы мне, — мягко начала Катриона. — Чувствуете ли вы себя одинокой?

— Чертовски, смертельно одинокой. Но я учусь с этим жить. Я готова поверить, что не каждая женщина нуждается в том, чтобы в ее доме был мужчина, но я до сих пор в этом нуждаюсь и подозреваю, что и вы относитесь к тому же племени.

Катриона удивленно подняла брови.

— Что заставляет вас так думать?

— Интуиция. Я не права?

Катриона пожала плечами.

— Не знаю. Вряд ли можно страдать от отсутствия того, чего у тебя никогда не было, — предположила она и напонила: — Однако это весьма далеко от проблем гольфа и крикета.

— К черту гольф и крикет. Мы можем поговорить о них и в другой раз. Давайте лучше пропустим по второму стаканчику джина, — сказала Элизабет, опрокидывая в себя остатки первого и жестом предлагая Катрионе сделать то же самое. — И вы расскажете мне, почему, когда вы сегодня приехали, то были похожи на человека, побывавшего под обстрелом.

— В самом деле? — изумилась Катриона.

Элизабет хмыкнула.

— Во всяком случае, следы пуль были видны невооруженным глазом.

— Что ж, во всяком случае, у меня есть основания считать, что и мои выстрелы попали в цель.

— Вот это мне и хотелось услышать, — кивнула возившаяся возле подноса с бутылками

Элизабет. — Не давайте этим ублюдкам себя унизить.

— Полагаю, вы никогда никому этого не позволяете, — заявила Катриона, но была удивлена ответным хмурым взглядом хозяйки.

— Никто не защищен от артиллерийского огня, — вздохнула Элизабет, — даже такая старая боевая лошадь, как я.

— Вы не похожи на боевую лошадь, — возразила Катриона, с улыбкой принимая от немолодой женщины новую порцию джина. — Скорее, на маленький военный корабль.

— Мне нравится такое сравнение, — кивнула Элизабет, возвращаясь в свое кресло. — Я сразу кажусь себе хоть и маленькой, но деятельной, сильной и энергичной.

— А вы и есть такая.

— Замените только «энергичный» на «любопытный», и все будет почти правильно, — прокомментировала Элизабет. — И сейчас вы в этом убедитесь. — Поставив стакан, она начала делать пассы в сторону Катрионы. — Ну-ка, признавайтесь. Кто в вас стрелял и из чего были отлиты пули?

Катриона колебалась. Она нуждалась в том, чтобы с кем-то поделиться, но Элисон в данном случае не очень подходила из-за явно неодобрительного отношения Джона ко всей этой истории. Элизабет же — незаинтересованная слушательница и не имеет никакого отношения к тому, что Катриона называла для себя «порочным кругом Невисов». Кроме того, она одинока, то есть не станет сразу же делиться услышанным с мужем, она старше и опытнее и, вероятно, сможет дать Катрионе какой-то совет. Но можно ли ей доверять, или признания Катрионы неминуемо станут достоянием и пищей для сплетен всего гольф-клуба?

— Может быть, будет лучше, если для начала я сама расскажу вам все, что знаю, — предложила Элизабет, чтобы поощрить Катриону к разговору. — Мне известно, что Брюс Финли был любовником Линды Мелвилл. Об этом мне сказала Флик, то есть Фелисити. Но вот чего вы не знаете, так это того, что Флик подозревала, будто Брюс изменяет ей с вами.

— Со мной? — возмутилась Катриона. — Почему она так решила?

— Может быть, потому что на первый взгляд вы ни с кем не связаны, а тем не менее выглядите как девушка, у которой непременно должен быть мужчина. Одинокая красота, такая как ваша, вызывает подозрения, особенно со стороны таких уязвимых леди средних лет, как Фелисити.

— Она вовсе не средних лет, — запротестовала Катриона, — она всего лишь на восемь лет старше меня.

— Да, но ее брак уже достиг среднего возраста, и это делает ее уязвимой. Она не уверена, что еще привлекает Брюса, в то время как в его орбиту попадают такие яркие звезды, как вы.

— Но в данном случае она избрала для своих подозрений ложную цель, — сухо заметила Катриона. — Что касается Брюса, то, по-моему, он вступил в связь с Линдой только для того, чтобы доказать, что он еще может.

— Совершенно верно. Я посоветовала Флик черное кружевное белье и одну-две ночи где-нибудь вдали от детей, однако она считает, что уже слишком поздно.

— Брюс должен быть благодарен, что она вообще еще о нем думает.

— Да, она сущее золото, наша Флик. Однако в то время как общее внимание было сконцентрировано на Брюсе и Линде, Хэмиш и Катриона тоже переживали свою собственную маленькую бурю, не так ли? — Элизабет бросила на свою гостью пронизывающий взгляд и вновь приложила к стакану.

— Не думаю, что Хэмиш был бы счастлив это услышать, — осторожно ответила Катриона. — В особенности если учесть, что ваши предположения базируются только на догадках.

Элизабет покачала головой:

— Нет, не только. Квинни Невис — член нашего клуба. Кроме того, она страшная сплетница, и случилось так, что она посетила театр «Адельфи» в один вечер с вами.

Глубоко вздохнув, Катриона кивнула:

— Да, знаю. Роб Гэлбрайт говорил мне.

Элизабет подняла брови:

— Кто? Ах, да — неуловимый сын и наследник Квинни! А он-то здесь при чем?

Катриона наконец решилась.

— Послушайте, могу ли я вам доверять? — прямо спросила она. — Мне хочется с кем-то поговорить, но я слишком мало вас знаю и не могу сказать, что меня греет мысль о том, что мои личные дела могут стать темой следующей сессии в баре гольф-клуба. Извините, наверно, я кажусь вам очень грубой.

— Напротив, вы рассуждаете вполне разумно. Разумеется, я могу дать вам слово молчать обо всем, что от вас услышу, но вам самой придется решать, верить моему обещанию или нет.

Катриона медлила, наблюдая за Элизабет и думая, кого же ей напоминает собеседница. Джулию Эндрюс, вдруг догадалась она. Нет, не молодую Джулию Эндрюс, поющую и танцующую в «Звуках музыки», а такую, какой она должна была бы быть в шестьдесят. Под простой, грубоватой внешностью в Элизабет чувствовалась такая же привлекательная утонченность, а также надежность, честность и цельность. В школе вы не выберете ее в подружки, чтобы вместе курить под лестницей, но на экзамен или в трудный поход предпочтете пойти именно с ней.

— Предупреждаю, это достаточно длинная и запутанная история, — начала Катриона. — Вы уверены, что она вас заинтересует?

— А вы попробуйте, — посоветовала Элизабет.

Катриона так и сделала и сама удивилась тому, как легко было рассказывать этой женщине с совиным лицом о Хэмише, об Андро и о Робе, о миллионе фунтов и о том отвращении к себе, которым она прониклась в итоге всей этой малопривлекательной истории.

— И в конце концов мне захотелось, — закончила она, — вырваться из этого порочного круга, сказать «Стьюартсу» «прощай» и вернуться на свой остров.

— Да, я понимаю, что привело вас к такому решению, — сочувственно откликнулась Элизабет. — Но в этом случае вы кое-что потеряете — я имею в виду, материально?

— Все, — подтвердила Катриона. — Останусь почти ни с чем. Хотя, конечно, я не могу этого себе позволить, учитывая, что пообещала сестре помочь купить ферму, а для этого я должна оставаться у «Стьюарта».

— Что ж, может быть, вы не должны делать это в спешке, сию минуту, но если вы действительно чувствуете себя как рыба, вытщенная из воды, то можете уже сейчас начать готовить почву, чтобы изменить свою жизнь. Для начала давайте подумаем, как лучше поступить с Хэмишем. Это в первую очередь — после следующей порции джина, разумеется.

— Господи, если я выпью еще хотя бы глоток, то совсем опьянею! — воскликнула

Катриона.

— Это идея. Слегка напиток и позвонить Хэмишу.

— Я не могу ему звонить, вот в чем загвоздка:

— Чепуха! Просто позвоните ему домой, и если подойдет Линда, то спокойно попросите его к телефону. Никаких извинений или объяснений, как проповедует старушка Тэтчер. Кстати, это одна из немногих вещей, в которых она права, на мой взгляд.

— Наверно, к телефону подойдет Минто, — вяло улыбнулась Катриона.

— Минто?.. Ах да, я о нем слышала. Дворецкий, не так ли? — фыркнула Элизабет. — Подумать только, эти Мелвиллы держат дворецкого! Поверьте мне, дорогая, ваша дружба с Хэмишем все равно длилась бы недолго. Ни в коем случае, раз он держит дворецкого.

— Я никогда об этом не думала, — хихикнула Катриона, — но, пожалуй, вы правы.

— Разумеется, права, — проворчала Элизабет. — Я же вам говорила. Все, что вам нужно сделать, — это позвонить. Будет гораздо хуже, если он опять явится.

— Вы забываете о банке. Лорд Невис вряд ли оценит как достижение, если Хэмиш уйдет в другой банк только потому, что я попросила его уйти из моей жизни.

— Да, боюсь, что так. Здесь нужна тонкая игра. — Элизабет встала. — Ладно, чтобы планировать кампанию, нам нужно подкрепить мозги. Еще один джин!

— Нет. Если я намерена продолжать пить, то мне нужно что-нибудь съесть, — твердо заявила Катриона.

— Хорошая мысль. Сходим в ближайший китайский ресторанчик, закажем утку с пряностями и рисовой водкой.

— Лучше с зеленым чаем, — поспешно предложила девушка. — Но утка — это грандиозно.

Катриона вдруг поняла, что страшно проголодалась, ведь уже несколько дней она почти ничего не ела.

— Прелестно! — закричала Элизабет. — Мы будем обглаживать утку и обсуждать, как лучше уладить отношения с Хэмишем. Кроме того, мне бы хотелось услышать еще что-нибудь про этого сына и наследника Квинни Невис. Она всегда говорит о нем так, что можно подумать, будто он один на миллион, но я подозреваю, что это обычное материнское преувеличение. Однако не зря говорят, что хороший сын будет и хорошим мужем. — Она лукаво глянула на Катриону, но гостя, проигнорировав намек, передернулась:

— Только не упоминайте миллион, — попросила она. — У меня от этого слова мороз по коже!

Разговаривая с матерью по телефону в воскресенье вечером, Роб подтвердил, что собирается навестить родителей во время пасхальных каникул.

— И еще я обязательно хочу повидаться с дедом, — добавил он. Вы поедете в Глендоран?

— Полагаю, мы приедем туда в воскресенье после обеда и, как обычно, все вместе поужинаем на кухне. Ты же знаешь, как наш старый младенец любит соблюдать все традиции. А почему ты спрашиваешь, дорогой?

Прижав трубку подбородком, леди Невис расставляла цветы в вазе. В другом углу гостиной ее супруг спрятался за «Санди Телеграф».

— Дело в том, что я хочу туда кое-кого пригласить, — сообщил Роб, — конечно, если ты ничего не имеешь против.

— Разумеется, не имею, — завершила его мать, мгновенно наострив уши. — И кто же этот «кое-кто»?

— Одна девушка. Но, если не возражаешь, лучше я сначала узнаю, примет ли она приглашение, а уже потом скажу тебе, кто она. Я сообщу тебе, придет ли она.

— Мы ее знаем? — Квинни была заинтригована.

— Больше я ничего не скажу. И ради Бога, не говори Андро! — В голосе Роба явственно прозвучало раздражение, и Квинни нахмурилась.

— Андро уже сказал мне, что не придет на Пасху, — заметила она. — Он слишком занят с этим своим фильмом. Ты ведь еще не знаешь, что он раздобыл деньги?

— Конечно, знаю, мама. Ведь это я готовил их контракт, разве ты не помнишь?

— В самом деле, дорогой? Совсем забыла. Так или иначе, он позвонил Джорджу в банк сам не свой от радости, чтобы сообщить эту хорошую новость. Джордж был потрясен. Мне кажется, он думал, что Андро так никогда и не проявит ни энергии, ни инициативы.

— О нет, он проявил их вполне достаточно, даже с избытком, — заверил Роб. — Собственно, это он нашел решение проблемы с деньгами. Честно говоря, мама, я рад, что он не поедет в Глендоран. Чем меньше мы с ним сейчас будем видеться, тем лучше.

— О-о, дорогой, — простонала мать, — как же я ненавижу, когда вы начитаете ссориться.

— Ну, по крайней мере, мы хотя бы уже не деремся, как в детстве. Передай отцу мои наилучшие пожелания. Скажи, что в субботу я с удовольствием сыграю с ним в гольф, если у него появится такое желание.

— Чудесно, дорогой. Он еще дремлет после сегодняшней игры, но я обязательно ему передам. До свидания.

— До свидания. Скоро увидимся.

Положив трубку, Роб задумался, стоит ли ему немедленно звонить Катрионе. Идея пригласить ее в Глендоран появилась у него сразу же по возвращении в Лондон, однако Роб опасался, что его братец мог навеки отворить Катриону от желания общаться с его семьей. Будучи тем самым человеком, который открыл девушке глаза на двуличие Андро, он чувствовал себя более чем неуверенно. Не получится ли так, что он сам толкнул ее, заставив совершить головокружительный прыжок, а теперь пытается подхватить, когда она еще не успела приземлиться? Может быть, лучше дать ей время, чтобы она смогла обрести равновесие, прежде чем просить ее решиться на очередной прыжок?.. Однако Робу страстно хотелось исправить то зло, которое сотворил Андро, залечить раны, которые его брат нанес нежному, уязвимому сердцу Катрионы. Воспоминание о ее хрупкой красоте неотвязно преследовало Роба. Его рука нерешительно потянулась к телефону...

Из аэропорта Хэмиш прямиком поехал к Катрионе. Прощаясь с Максом, он на мгновение почувствовал себя виноватым и, глядя в скорбное лицо мальчика, пообещал:

— Я догоню вас через денек-другой. А ты пока тренируйся!

На вопрос Линды, когда точно он присоединится к ним в Цермате, Хэмиш неопределенно ответил:

— В среду или в четверг. Я позвоню вам, когда буду знать.

После разговора с Катрионой он ощущал смутное беспокойство. Врожденная сверхсамоуверенность не давала ему поверить, что она всерьез намерена порвать с ним, как намекнула в пятницу. Еще ни разу в жизни его не бросали и не отвергали, с тех самых пор,

как он шестнадцатилетним школьником бойкой болтовней и неотразимой улыбкой начал завлекать девушек в кусты возле танцплощадки. Практически все в конце концов уступали его природному дару соблазнителя и укладывались на капот машины или просто неумело прислонялись к кирпичной стене. Потом, поняв, что активное участие партнерши придает сексу дополнительную остроту, Хэмиш начал искать более длительных и устойчивых связей. К тому времени он уже начал свою блистательную деловую карьеру: делал деньги на том, что скупал дома в окрестностях Глазго и по бешеным ценам сдавал комнаты в них студентам, которые оказались выброшенными на улицу в результате проведенной в шестидесятых годах акции по сокращению мест в общежитиях. Таким образом, уже в ранней молодости у него всегда было место, куда он мог приводить девушек, и машина, на которой он мог их катать. Ни одной девушке даже в голову не приходило бросить Мелвилла ради другого: никто из ровесников не преуспевал так, как он. Только он решал, когда поставить точку, и рвал с очередной девушкой, когда неумемная жажда толкала его на поиски свежей плоти и новых наслаждений. Даже когда его первая жена, Энни, на которой Хэмиш женился, чтобы заполучить долю в процветающем торговом бизнесе ее отца, сбежала с американским дилером, он испытал скорее облегчение, чем досаду, и, получив в качестве извинения Пикассо, решил, что с лихвой компенсировал свою потерю.

И теперь, когда речь шла о Катрионе, только в самом отдаленном, незащищенном уголке его сознания копошились сомнения. Она совсем не похожа на всех остальных его женщин, даже на Линду, которой, несмотря на то, что она женила его на себе и сделала не только отцом, но даже рогоносцем, тем не менее не удалось превратить Хэмиша в послушного и смиренного мужа. Катриона, одна Катриона, была совсем другой — самостоятельной, независимой, гордой, она не хотела его подарков и даже заявила, что может не захотеть его самого, если он всецело не будет принадлежать ей.

Разве не к этому, в сущности, сводится то, что она сказала? Что она не хочет быть второй скрипкой. Хорошо, он может сделать ее и первой, если это необходимо, чтобы удержать ее. Или, по крайней мере, сказал себе Хэмиш, он может пообещать Катрионе, что она станет номером один, а потом, когда она потребует доказательств, может быть, он уже пресытится ею настолько, чтобы, как обычно, самому выступить инициатором разрыва. Закрывая машину, Хэмиш самодовольно улыбался. План готов, и он не сомневался в успехе.

Накануне, после нескольких солидных порций джина и последовавшего за ним рисового вина, Катриона, возвращаясь из китайского ресторана, была вынуждена взять такси. Она завезла домой Элизабет Николсон и, убедившись, что ее машина в целости и сохранности стоит перед особняком Элизабет, отбыла восвояси. В воскресенье днем она пешком вернулась туда, чтобы забрать автомобиль и по дороге немного проветрить мозги.

Остаток дня Катриона посвятила обдумыванию плана, который они с Элизабет накануне разработали. При трезвом дневном свете он выглядел далеко не столь привлекательно, как пропитанной алкоголем ночью.

— Если уж ты так хорошо к нему относишься и хочешь обойтись с ним как можно мягче, — наставляла ее Элизабет, — то лучше всего согласиться уехать с ним на одну ночь, но предупредив, что это в последний раз. И при любом удобном случае переводи разговор на фильм. Убедись, что он понимает — ты искренне считаешь фильм очень выгодным для него вложением. Ты можешь сказать, что постоянно будешь наблюдать за ходом дел, проследишь, чтобы он не упустил никаких дополнительных возможностей, вроде встреч с кинозвездами,

просмотров, премьеры — всего, из чего он может извлечь не только выгоду, но и удовольствие. Уверена, все это придется ему по вкусу — ведь это послужит ему отличной рекламой.

В тот момент Катрионе показалось, что это действительно оптимальный образ действий, однако чем больше она думала об этом на трезвую голову, тем меньше он ей нравился. По мере того как приближался час, когда должен был прийти Хэмиш, у Катрионы все сильнее холодели конечности. Сможет ли она, как ни в чем не бывало, отправиться с Хэмишем в какой-нибудь роскошный отель и заниматься с ним любовью в кровати Марии Стюарт, в то время как они оба будут знать, что эта их ночь — последняя? Не будет ли это немного смахивать на ночь королевы Марии с Босуэлом, если бы тем дано было знать, что ему суждено закончить жизнь где-то в датской темнице, а ей — на плахе? Можно ли приятно провести время, если знаешь, что над твоей головой занесен топор?

Хэмиш, светившийся плохо скрытым торжеством, появился ровно в шесть.

— Отныне все будет так, как ты хочешь, — объявил он, жадно целуя Катриону. — Нам не придется больше скрываться, прятаться по углам, выбирать места, где нас никто не знает. Мы будем в открытую появляться на людях и скоро станем почти что официальной парой!

Ошеломленная его словами, Катриона отпрянула назад и подняла на него глаза:

— Что ты имеешь в виду? А как же Линда? А Макс? Ты ничего не сказал им?

Уловив в голосе Катрионы панические нотки Хэмиш поспешил ее успокоить:

— Нет-нет. Мы же договорились, что Макса это не должно касаться. Во всяком случае, сегодня вечером они с Линдой в целости и сохранности прибудут в Цермат, а уже завтра устроят себе лыжный бал на склонах.

— И когда же ты намерен к ним присоединиться? — спросила Катриона, удивляясь происшедшим в нем переменам.

— Дня через два или три, какая разница — отмахнулся Хэмиш, наклоняясь, чтобы снова поцеловать ее.

Охватившее его возбуждение начало постепенно передаваться Катрионе. Его поцелуи становились все более глубокими и волнующими, и она почувствовала приближение знакомых ощущений. Он еще не потерял своей власти над ней, ему удалось разбудить ее чувственность и заблокировать все мысли и сомнения. Откуда-то издалека полузадушенный внутренний голос шептал ей слова предостережения, слегка гася пламя, вспыхнувшее от его поцелуев.

— Сейчас, я хочу тебя прямо сейчас, — вдруг сказал он, сжимая ее в объятиях. — Прошло уже столько времени. Я не в силах ждать, пока мы доберемся до отеля. Да и зачем нам ждать? — Он снова и снова целовал ее, его руки начали жадно блуждать по ее телу.

Одурманенная, замороженная, Катриона вдруг словно раздвоилась. Он вновь был тем самым Хэмишем, влечение к которому она почувствовала с первой же встречи, — обаятельным, неотразимым, страстным. Казалось таким соблазнительным просто расслабиться и поплыть по течению, предоставить ему, как опытному кормчему, провести ее сквозь бурный водоворот в озеро блаженной раскрепощенности. Однако под толщей воды скрывались невидимые препятствия, и главными из них были ее собственные моральные устои. Разве сможет она поступить так, как посоветовала Элизабет — поцеловать и убежать?

Но Хэмиш, одержимый своим пылким желанием, по-видимому, не замечал ее колебаний.

— Где мы этим займемся? — похотливо улыбаясь, спросил он. — В кухне, в спальне

или в гостиной? Или прямо здесь, в холле, на полу? Катриона, дорогая, я томлюсь по тебе уже несколько недель, которые показались мне месяцами или даже годами. Я думаю о тебе каждый день, каждый час, я целую и ласкаю тебя в моих снах и теряю в ночных кошмарах. Ты чудишься мне на улице среди прохожих, я вижу тебя в окнах пролетающих мимо автобусов и машин, но это никогда не оказываешься ты! Я вижу тебя в своем бокале вина, в тарелке с едой, среди газетных строчек и даже в ветровом стекле, когда веду машину. Ты постоянно присутствуешь в моих фантазиях, в моих мечтах, в самых глубоких и сокровенных моих желаниях. Но фантазии и мечты не могут заменить твое неповторимое, теплое, полное жизни чудесное тело, о моя милая Катриона!

Произнося этот пронизанный чувственностью монолог, он постепенно раздевал ее. Осторожно стащил с плеч Катрионы жакет и зарылся губами в ямочку на ее шее, потом заставил девушку опуститься на ковер и начал расстегивать пуговицы на ее блузке. Между пылкими фразами он сквозь тонкий шелк целовал ее груди. Загипнотизированная его речами, Катриона лежала неподвижно, глядя на шелушащееся пятно краски на потолке и не понимая до конца, сон это или явь. Она не знала, хочет ли она того, что сейчас произойдет, или просто у нее не хватает сил сказать «нет».

— У тебя самое красивое тело из всех, которые я когда-либо видел, — произнес Хэмиш, пожирая ее глазами, и начал расстегивать пояс. — И самая очаровательная, самая пышная, самая яркая в целом мире грива!

В это мгновение зазвонил телефон.

— Не отвечай, — настаивал Хэмиш. — Пусть звонит.

Но пронзительный звук вывел Катриону из оцепенения. Все ее сомнения всколыхнулись с новой силой, и она начала подниматься, собираясь ответить на звонок.

Хэмиш схватил ее за руку и попытался остановить.

— Не надо, Катриона. Позвонит и перестанет. Не ходи!

Его голос сорвался в фальцет — Хэмиш вдруг испугался, что сейчас она отойдет от него, и он уже никогда не сможет ее вернуть. Он не хочет, чтобы она подходила к телефону! Как она не может этого понять? Разве она не видит, как пульсирует его кровь, не понимает, что его тело болит от неистовой тоски по ней? Она намеренно ломается и капризничает, сознательно его раздражает. Хэмиш испытывал громадное искушение применить силу — схватить ее, удержать, опрокинуть на ковер и заставить ему покориться.

— Я должна взять трубку. Хэмиш,пусти меня! — Катриона выдернула руку и, подхватив свою блузку, убежала на кухню. Сдернув со стены переносной аппарат, она нажала кнопку «ответ».

— Алло, — еле слышно выдохнула она. — Катриона Стюарт. Слушаю вас.

— Добрый день, Катриона. Это Роб Гэлбрайт.

— О-о! Как поживаете? — Одновременно стараясь выровнять дыхание, надеть блузку и продолжать разговор, Катриона в итоге едва не уронила телефон. — Ой! Извините.

— Что случилось? — с изумлением спросил Роб, услышав треск и шум. — Неужели вы настолько удивились моему звонку?

Хэмиш сидел на полу посреди холла, уткнув голову в колени. Нужно как-то ухитриться и собрать себя по частям, думал он. Пришлите подъемный кран.

— Все в порядке, — заверила Роба Катриона, накидывая блузку на плечи. — Я чуть не уронила трубку, вот и все. Я сейчас на кухне.

— Готовите и моете? — усмехнулся он.

— Ни то ни другое. Просто слоняюсь без дела. Вы хотели поговорить о фильме?

— Нет. Я не стал бы звонить вам домой в воскресенье, чтобы поговорить о фильме, тем более что в последнее время он отнюдь не относится к числу моих излюбленных тем.

— Вот как? — удивилась Катриона, ведь вначале он выказывал такой энтузиазм и так старательно убеждал ее в необходимости дополнительного финансирования.

К этому моменту Хэмиш в достаточной степени пришел в себя, чтобы воспринимать ее часть разговора. Услышав упоминание о фильме, он сразу же вообразил, что это звонит тот нечесаный актер с мерзкой ухмылкой, который так не понравился ему при первой же встрече. Открыв, что Андро Линдсей является одним из директоров «Пресипити Сити Продакшнз», Хэмиш получил некоторую пищу для размышлений и долго колебался, но в конце концов решил, что ему легче поладить с Катрионой, если он согласится финансировать фильм, чем если он ей откажет. Все остальные сведения, которые ему удалось собрать о фильме, были положительными, и он не мог отрицать, что, как и говорила Катриона, это во всех отношениях подходящий для него проект.

— Я звоню, чтобы пригласить вас на Пасху в Глендоран, — торопливо проговорил Роб, как будто боялся, что она положит трубку. — Я подумал, что вы, вероятно, поедете на Скай повидаться с семьей и, может быть, согласитесь заехать к нам на обратном пути. Я проведу

там вторую половину воскресенья и весь понедельник. Было бы так приятно снова с вами встретиться.

На линии воцарилась тишина. Почему она молчит, в панике спрашивал себя Роб. Вероятно, его страхи были оправданы, и Андро внушил ей отвращение ко всему клану Гэлбрайтов.

Однако на самом деле Катриона просто не знала, что сказать. Наверно, со стороны все это выглядит ужасно смешно, подумала она. Она позволяет раздеть себя мужчине, которого не хочет, а в это время ее приглашает к себе мужчина, брат которого не захотел ее и который, наверно, тоже отказался бы от приглашения, если бы увидел ее в данных обстоятельствах, и все из-за этого злосчастного миллиона фунтов! Мысленно перебирая эту цепь событий, Катриона наконец поняла, что она должна сейчас сделать, невзирая ни на какие возможные последствия.

— Вот что... Вы не сочтете меня невежливой, если я попрошу разрешения перезвонить вам попозже, чтобы дать ответ? — спросила она, понимая, что Хэмиш тоже ее слышит.

Роб слегка удивился, но в то же время почувствовал облегчение. По крайней мере он не наткнулся на немедленный и решительный отказ.

— Нет, конечно. Это совсем не срочно.

— О'кей. Обещаю, что не заставлю вас слишком долго ждать. Самое позднее — завтра вечером. Просто вначале я должна уладить кое-какие дела. До свидания.

Она повесила телефон на место и, повернувшись, увидела в дверях голого по пояс Хэмиша.

— Что же это за дела, которые ты должна уладить? — саркастически осведомился он. — Может быть, закончить ту маленькую работенку, которую ты начала десять минут назад? — Хэмиш увидел, как она покраснела. — Ладно, не переживай. Огонь уже погас.

— Извини меня, Хэмиш, — с несчастным видом начала Катриона. — Я все время устраиваю какую-то жуткую путаницу.

Она стояла перед ним, понурившись, опираясь на край кухонного стола. Длинные стройные ноги торчали из-под доходящей до бедер просторной кремовой блузы. Катриона напоминала старую рекламу мужских рубашек: «На мужчинах они выглядят еще лучше» и казалась Хэмишу одновременно и дьявольски желанной, и смертельно опасной.

— Да, — печально отозвался он. — Я думаю, это единственное, в чем мы полностью согласны друг с другом. Но чего ты в конце концов добиваешься?

Катриона не замечала, что внутри Хэмиша в это время происходит борьба доктора Джекила с мистером Хайдом. Выдвинув стул, она устало опустилась на него, как будто ноги вдруг отказались ей служить.

— Беда в том, что я постоянно пытаюсь угодить всем людям одновременно, а мой отец всегда повторял, что это невозможно.

Катриона опустила голову и спрятала лицо в ладонях, под занавесом роскошных рыжих прядей. Хэмиш невесело рассмеялся.

— Ха! Было бы прекрасно, если бы ты старалась угодить не всем, а только некоторым. В особенности, если бы в число этих некоторых входил я.

Катриона подняла голову и встревоженно уставилась на Хэмиша.

— Но это так и есть, Хэмиш. Именно тебе я все время старалась угодить больше, чем кому бы то ни было. И только сейчас поняла, что это невозможно.

Он недоверчиво смотрел на нее.

— Прошу прощения, я не ослышался? Ты старалась угодить мне? Что ж, мне жаль тебя разочаровывать, но вынужден заметить, что твои добрые намерения были не слишком очевидны. Честно говоря, не могу припомнить, когда бы я чувствовал себя хуже, чем сейчас.

Катриона внезапно поднялась и вышла в холл.

— Поскольку у нас, по-видимому, намечается серьезный разговор, то мне нужно хотя бы одеться, — объяснила она, проходя мимо него.

Каким-то чудом Хэмишу удалось сдержаться и не сгрести ее в охапку. Он молча наблюдал, как она надела жакет и юбку и в мгновение ока приобрела холодно-деловитый облик. Ноги ее все еще оставались голыми, и она без всяких комментариев сняла колготки со стойки для зонтов, куда он их забросил, затем подобрала с пола его шелковую рубашку и так же молча вручила ему. Двигаясь резко, как марионетка, он, по-прежнему безмолвствуя, оделся.

Затем Хэмиш проследовал за Катрионой в гостиную, где оба, чувствуя себя скованно и неуверенно, уселись по разные стороны стоящего возле окна викторианского столика. Заходящее солнце, сияя из-за одеяла серых облаков, окрасило небо в необычный лиловый цвет. И снаружи, и внутри собиралась гроза.

— Я чувствую себя ужасно неловко, — призналась Катриона, умоляюще складывая руки. По ее губам скользнуло подобие виноватой улыбки. — Еще в пятницу я пыталась объяснить тебе, как обстоят дела, но, видимо, не сумела найти подходящих слов. Похоже, что ты их просто не услышал.

Хэмиш сложил руки на груди и скрестил ноги, безотчетно пытаясь защититься таким образом то ли от ее слов, то ли от своего темперамента.

— Попробуй еще раз, — буркнул он. — Что ты хотела мне сказать?

— Что больше не могу быть твоей возлюбленной, или любовницей, или парой, как ты это назвал. Не могу, потому что больше не испытываю к тебе соответствующих чувств и не вижу никакого смысла в том, чтобы притворяться. — Избегая взгляда Хэмиша, она смотрела поверх его головы на стену, на висящий там пейзаж Вига, страстно желая перенестись туда и раствориться в нем, стать частью этого маленького безопасного уголка.

— Я чем-то обидел, оттолкнул тебя? — раздраженно спросил Хэмиш.

Он плохо понимал, как себя вести, — ведь еще ни разу в жизни он не наталкивался на открытый и окончательный отказ.

— Нет! В тебе море привлекательности и обаяния — словом, ты совершенно неотразим! Это я проявила недопустимое легкомыслие, когда позволила вскружить мне голову. Признаюсь, после того, как мы в первый раз... занимались любовью, я была выбита из колеи, опьянена, околдована, — Катриона вспыхнула, и ее голос упал почти до шепота. — Но когда я немного пришла в себя, то поняла, что это только ослепление, наваждение, а не любовь. У наших отношений не было твердого фундамента, Хэмиш. Это был захватывающий эпизод, прыжок в бездну, сказочное приключение, но оно кончилось.

— Понимаю. Корабли приходят и уходят. — Он разжал руки и с угрожающим видом подался к ней. В первый раз Катриона почувствовала укол страха, поняв, что он на волосок от того, чтобы взорваться. — Предполагается, что я должен с этим смириться? Принять все, как должное, оставить тебя в покое и, высоко подняв голову, идти своей дорогой? — Хэмиш встал и начал кружить по комнате, как тигр по клетке. — А что, если я не соглашусь? Если не могу или не хочу уйти? Если не воспринимаю это как мимолетный эпизод? Осмелюсь напомнить, тут еще замешана такая мелочь, как миллион фунтов, вложенный в фильм, не

говоря уже о моем счете, который будут рады принять в любом банке!

— Это угроза? — внутренне сжавшись, спросила Катриона. Она знала, что он способен осуществить ее, и, более того, подозревала, что он не остановится и перед тем, чтобы прибегнуть к насилию. — Надеюсь, что нет. Я верю, что мы можем остаться друзьями, Хэмиш. Друзьями и коллегами.

— Нет! — выкрикнул он и, круто развернувшись на каблуках, угрожающе навис над ней. — Нет, это невозможно, потому что я никогда не смогу смотреть на тебя и при этом не испытывать безумного желания обладать тобой. Ты отравила меня, ты проникла мне под кожу, как клещ, и при одном взгляде на тебя у меня всегда будет начинаться зуд!

Он замолчал на полуслове, осознав, что происходит нечто непредвиденное:

— Какого черта ты смеешься? Над чем тут можно смеяться?

Но Катриона ничего не могла с собой поделать. Это была своего рода защитная реакция. Зажав рот руками, она тряслась от беззвучного хохота, но глаза ее были полны ужаса. Наконец она смогла выдавить:

— Извини меня. Я не хотела смеяться. Но твоё сравнение с клещом показалось мне таким нелепым! — Катриона сделала несколько глубоких вдохов. — Пойми, Хэмиш, я обыкновенная хайлэндская девушка — или женщина, если так тебе больше нравится — с провинциальными взглядами, с простым характером, из плоти и крови. Я не из тех роковых красавиц, которые проглатывают мужчин, высасывают их и потом выплевывают. Да, признаю, что совершила ошибку. И я искренне раскаиваюсь. Я не должна была соглашаться смотреть Пикассо. Я не должна была ехать с тобой в Лондон и, главное, не должна была делать вид, что все хорошо, когда все уже было плохо. Но все это произошло из-за моей глупости и наивности, а не из-за того, что я такая хитрая, изворотливая, неискренняя и хотела расколоть тебя на миллион фунтов, и не потому, что я цепляюсь за свое место в банке. Кстати, я вообще разочаровалась в своей работе. Мне не нравятся ситуации, в которые я из-за нее попадаю, мне не нравится большая часть людей, с которыми я сталкиваюсь в банке, мне не нравится, что деньги в этом мире имеют такую беспредельную власть. Скорее всего, мне не следовало становиться банкиром, я не гожусь в содержанки и не собираюсь становиться твоей или чьей-нибудь еще «парой» только потому, что мои ноги, глаза, волосы и губы соединились определенным образом. Мозги, деньги, даже красота — если, по-твоему, это и есть то, чем я обладаю, — все эти ценности кажутся мне сомнительными, и я все больше убеждаюсь, что могу прекрасно без них обойтись.

К концу этого монолога с лица Катрионы исчезли все признаки веселья, и она, поникнув, сгорбилась на стуле, как будто ее окончательно покинули все силы. Несколько секунд Хэмиш молча смотрел на нее.

— Откуда вдруг все это взялось? — с изумлением спросил он. — С кем это, черт побери, ты сейчас разговаривала?

Катриона подняла брови.

— По телефону? — удивленно переспросила она. — Да так, неважно. Во всяком случае, он тут совершенно ни при чем.

— Да? Однако, кто бы это ни был, настроение у тебя переменялось именно после его звонка. Когда я приехал, ты едва не растаяла в моих объятиях, и вдруг, после трехминутного разговора, превратилась в колючку. Пожалуй, лучше бы мне оказаться на месте того парня на другом конце провода. Судя по всему, ему удастся на тебя влиять, а у меня это перестало получаться.

Хэмиш метнул на нее яростный взгляд из-под насупленных бровей.

Сознательно идя на риск, Катриона встала и двинулась к нему. Приблизившись, она положила руки ему на плечи и поцеловала в щеку. Это был поцелуй сострадания, но не страсти.

— Никто другой не имеет ни малейшего отношения к тому, что произошло между нами, — твердо сказала она. — Телефонный звонок заставил меня очнуться, вот и все. Благодаря ему я увидела, что веду себя глупо и эгоистично и пора расставить по местам свои приоритеты, одним из которых являешься ты, Хэмиш. Не Хэмиш Мелвилл, миллионер, но Хэмиш Мелвилл — джентльмен — добрый, щедрый, милый человек, которого я очень хочу сохранить в числе своих друзей, чьего сына я хочу видеть счастливым и благополучным и чья жена, вероятно, любит его так, как подобает любить жене.

Хэмиш снял ее руки со своих плеч и сжал их в ладонях.

— Катриона, Катриона, — печально повторил он, мужественно изображая скорбь, в то время как истинными его чувствами в этот момент были негодование и досада. — Кого я должен в тебе видеть? Банкира, которого против воли заставили заниматься моими делами, равнодушную сиделку или неразгаданную тайну?

— Друга. — Она умоляюще взглянула на него. — Друга, хорошо? Пожалуйста.

— Проклятье! — громко вырвалось у Хэмиша после долгой, напряженной паузы, и, наконец смирившись, он пожал плечами. — Ах ты ведьма! Я ни в чем не могу тебе отказать.

Элисон ошеломленно уставилась на Катриону.

— Я не верю своим ушам! Ты сыграла такую шутку с Хэмишем Мелвиллом и, несмотря на это, он все еще разговаривает с тобой и все еще держит свои деньги у «Стьюарта»?! Полагаю, ты заслуживаешь Нобелевской премии мира. Тебе следовало бы работать в дипломатическом корпусе.

— Скорее, в МИ-5, — рассмеялась Катриона, — главой Департамента грязных дел. Но ты должна внушить Джону, чтобы он ни в коем случае ничего не рассказывал ни Брюсу, ни Дональду. Я не хочу, чтобы лорд Невис узнал, насколько он был близок к тому, чтобы потерять своего самого крупного клиента.

Был понедельник, и они с Элисон вновь зашли перекусить в бар напротив банка, но сегодня атмосфера между ними была значительно теплее, чем когда они приходили сюда в последний раз.

— Можешь об этом не беспокоиться. Кстати, твой высокочтимый президент сейчас, должно быть, упивается счастьем, потому что только что он с моей помощью приобрел новую картину — потрясающий пейзаж Мак-Таггарта, который бывший владелец отдал ему в счет своего астрономического долга банку. Дело было сугубо конфиденциальное, и я считаю, что это моя лучшая сделка за этот год.

Элисон с горделивым видом начала есть тост.

— Как долго ты еще собираешься работать, Элисон? — спросила Катриона. — Ты уже думала о том, как совместить грязные пеленки с изящным искусством?

— По-настоящему еще не думала, — состроила гримаску Элисон. — Джон хочет, чтобы я вообще бросила работу, но я не согласна. Разве можно позволить, чтобы все мои знания об изобразительном искусстве, накопленные за много лет, растворились в бутылочках с грудным молоком и укропной водичкой? — Она выразительно затрясла головой.

— Я думаю, это будет зависеть от твоего самочувствия, — заметила Катриона. —

Трудно представить, что ты сможешь совместить гуляние с коляской и полноценную карьеру, но кто знает.

Элисон насмешливо взглянула на подругу:

— Ты уверена, что хочешь продолжать эту тему?

— А почему нет? — растерялась Катриона.

— Потому что у меня сложилось стойкое впечатление, что тебе не хочется говорить о детях, — объяснила Элисон. — Или, может быть, ты избегаешь упоминаний именно о моем ребенке?

Лицо и шея Катрионы медленно залились краской.

— О Господи, — вздохнула она. — Я-то надеялась, что ты ничего не замечаешь.

Меньше всего на свете мне бы хотелось обижать тебя, особенно сейчас.

— Почему особенно сейчас? — с чувством произнесла Элисон. — Ты что, думаешь, что беременность делает женщину эмоционально хрупкой и более уязвимой? Или заставляет ее всецело сконцентрироваться на себе? Что меня обижает, так это подобное мнение. Это ты хрупкая и уязвимая, как хрусталь, Катриона Стюарт, и столь же прозрачная.

— Совсем не умею притворяться? — смущенно уточнила Катриона. — Вся как на ладони?

— Вот именно. Но что это значит? Тебе не нравится мой ребенок? Ты его не любишь? — Элисон делала вид, что обижена, но в глазах у нее плясали веселые искорки.

— Что ты, конечно, люблю, то есть буду любить, когда он родится, — заверила Катриона. — Если хочешь знать правду, то дело в том, что я дико, постыдно и непростительно тебе завидую.

— Я не думаю, что это так уж ужасно, — мягко сказала Элисон. — Я целую вечность завидовала всем беременным, пока сама, если можно так выразиться, не впала в это состояние.

— Неужели? — Катриона чувствовала одновременно и облегчение, и удивление. — Кстати, почему ты говоришь: «впала»? Как будто стать беременной — все равно что стать падшей! Тут пахнет первородным грехом, Адамом и Евой и злополучным яблоком.

— Ну, яблоки все-таки падают с деревьев, разве нет? Не забудь об Исааке Ньютоне. Так или иначе, то, что ты мне завидуешь, — хороший признак. Может быть, это заставит тебя искать... и в конце концов сделать правильный выбор.

Катриона отпила немного белого вина и сморщилась:

— Я не уверена, что смогу быть столь расчетлива.

— Разве кто-то говорил о расчетливости? Насколько мне известно, гормоны не умеют считать, — фыркнула Элисон. — Но, по крайней мере, может быть, впредь ты будешь держаться подальше от женатых мужчин.

Катриона передернулась.

— Можешь быть спокойна, мне не нужны дополнительные предостережения на этот счет. Знаешь, что самое забавное? Когда я узнала, что ты беременна, ты сразу стала казаться мне какой-то другой. Не милой старушкой Элли, а кем-то неизмеримо более важным, значительным, на кого я могу смотреть только снизу вверх. И ты стала уже не одним человеком, а сразу двумя, одного из которых я совсем не знала.

— И ты до сих пор видишь во мне это двуликое страшилище? — участливо спросила Элисон.

— Нет. Не знаю, почему, но ты опять стала прежней. Может быть, я просто привыкла к

мысли, что теперь ты начнешь округляться.

— Слава Богу!

— Между прочим, есть один вопрос, по поводу которого я нуждаюсь в твоём мудром и дружеском совете. Надеюсь, ты не откажешь мне в такой милости? Как по-твоему, что мне делать с Робом Гэлбрайтом? — перейдя на серьёзный тон, закончила Катриона.

— Роб Гэлбрайт?.. Ах, да — мистер «Комплишн Бонд». А он-то вдруг откуда взялся?

— Он пригласил меня в гости на Пасху. В свой деревенский дом, ну, ты знаешь, поместье Лохаберов в Глендоране, — с оттенком неуверенности объяснила Катриона.

Несмотря на то что она уже позвонила Робу и дала согласие, девушка все еще пребывала в замешательстве. Она никак не могла понять, почему человек, которому лучше, чем кому бы то ни было, известно все, что произошло между ней и его братом, тем не менее хочет поддерживать с ней отношения. Катриона по-прежнему испытывала определенное предубеждение к членам семейства Гэлбрайтов, считая всех их неразборчивыми в средствах, бессердечными эгоистами.

— Вот как? — удивилась Элисон. — Но ведь он — брат Андро, не так ли? Мне казалось, что ты хочешь полностью порвать все связи с Андро.

— При всем желании я не могу этого сделать. Хэмиш ожидает, что я буду присматривать за его деньгами, вложенными в фильм, а после всего, что произошло, разве я могу ему отказать? — напомнила подруге Катриона.

— Не знаю, — задумалась Элисон. — По-видимому, тебе удалось сделать с Хэмишем Мелвиллом то, что еще не удавалось никому. Однако, поскольку я не имею сомнительного удовольствия быть знакомой с братьями Гэлбрайтами, я не чувствую себя достаточно компетентной, чтобы давать тебе советы по их поводу. А тебе хочется ехать?

— Я все равно буду проезжать мимо по дороге со Ская, к тому же смогу навестить Каррузерсов, которые тоже меня приглашали... — растерянно произнесла Катриона.

— На тебя большой спрос, — улыбнулась Элисон. — Почему бы тебе немного не развеяться?

— Ты считаешь, мне следует поехать?

— А почему бы и нет? Это всего лишь один день твоей жизни, и никогда не знаешь, что из него может выйти.

— Ты заговорила совсем по-другому. Когда приглашал Хэмиш, ты меня отнюдь не поощряла.

— Теперь совсем другое дело, — не отступала Элисон. — Что бы ты о нем ни говорила, на мой взгляд, Хэмиш не более чем хитрый змей-искуситель, а это приглашение как-никак исходит от сына твоего босса.

— «Положение обязывает», и все такое? — съехидничала Катриона.

— Совершенно верно, дорогая! — согласилась Элисон и весело подмигнула.

После кинопроб Андро вернулся из Лондона крайне недовольный. Директор со стороны «Минервы», сдержанный, замкнутый и независимый человек по имени Сэм Фокс, выразил свое мнение по поводу исполнителей двух главных ролей — Дэвида Балфора и Катрионы Друммонд, однако его выбор совершенно не устраивал Андро, и он, прихватив видеозаписи кинопроб, чтобы представить их на суд Изабель, вылетел в Эдинбург.

— Андрина Гордон в роли Катрионы меня вполне устраивает, — объяснял он, вставляя кассету в видеомагнитофон их подвальной студии. — В жизни она едва ли является

образчиком хайлэндской непорочности, но достаточно талантлива, чтобы изобразить невинность, и, вот увидишь, она блестяще сыграет Катриону. К тому же у нее почти идеальный акцент, даже без всяких звукорежиссерских ухищрений. Но, если хочешь знать мое мнение, то выбор Сэмом исполнителя роли Дэвида — типичный пример американской самонадеянности. Вот взгляни.

Изабель покрутила ручку, и на экране монитора ожило изображение симпатичного темноволосого юноши. Марк Соль был совсем молодым английским актером, но уже добился большой известности, сыграв в телесериале, где ему досталась роль избалованного, закомплексованного папенькиного сынка, ненадежного, непостоянного и отличающегося непостижимой наивностью в отношениях с противоположным полом. Он обладал всеми необходимыми качествами, позволявшими надеяться, что он успешно сыграет Дэвида Балфора, за исключением голоса, точнее, произношения, которое было однозначно, бесспорно и категорически английским, слишком английским!

— Ему никогда не удастся добиться нужного акцента, пусть он хоть из кожи вон лезет, — уверял Андро, раздражая Изабель тем, что непрерывно морщился, дергался и всеми доступными способами выражал нетерпение и досаду. — Я встречался с ним — он никуда не годится. Можешь себе представить, явился на интервью вместе с мамашей? Парню девятнадцать лет! Сэм Фокс считает, что его внешние данные соответствуют роли, а акцент — дело наживное, но я в этом сомневаюсь. Очень сомневаюсь!

— Если бы ты поменьше суетился и не создавал столько шума, то я могла бы составить свое мнение, — буркнула Изабель, вглядываясь в экран. — Почему бы тебе не подняться наверх и не приготовить чай, а я тем временем просмотрю материал в спокойной обстановке?

Недовольно бурча, Андро поплелся наверх, но, вернувшись, мгновенно пришел в ярость, услышав, как Изабель по телефону убежденно говорит Сэму Фоксу:

— Я согласна с вами, Сэм. Марк Соль выглядит потрясающе. Как раз нужная смесь застенчивости и интеллигентности. А что говорит звукорежиссер?

— Господи Иисусе! — взревел Андро, расплескивая чай по видеомагнитофону. — Ты не можешь его утвердить! Он женоподобный, оцепенелый, невосприимчивый англичанин!

— Одну минуту, Сэм, — сказала в трубку Изабель и повернулась к Андро: — Поосторожней, дорогой, не надо так явно демонстрировать свою ксенофобию.

— Это не ксенофобия! — взвился Андро. — Это художественная, профессиональная оценка — мое резюме, понятно? Мальчишка все испортит, поверь мне на слово.

— Да, Сэм, отличная идея, так и сделайте, — кивнула Изабель, соглашаясь с предложением, сделанным на другом конце провода. — Жду известий от вас.

Она положила трубку и снова повернулась к Андро:

— Сэм собирается попросить звукорежиссера поработать с Марком и после этого устроить еще одну звукозапись, но я думаю, что в любом случае этот парень — то, что нужно. У него есть харизма, несмотря на то, что он совсем еще мальчик.

Андро был вне себя.

— Харизма! У этой пресной лепешки? Да этот юнец — просто шут гороховый. Он провалит нам весь фильм!

Изабель задумчиво посмотрела на него.

— Мы устроим еще одну пробу, — упорствовала она, — и тогда решим окончательно. Ты настоял на своем с Андриной Гордон, Андро. Не можешь же ты каждый раз выигрывать.

В глубине души Изабель подозревала, что Андро считал смуглого, красивого Марка Соля слишком опасным конкурентом. Он претендовал на то, чтобы самому в роли Алана Брека стать главным романтическим героем фильма, и не мог примириться с тем, что лавры, которые он приготовил для себя, стяжает какой-то малоизвестный юнец.

— Имя Андрина — женский эквивалент Андро, не правда ли? — мстительно ухмыльнулся Андро. — Может быть, это судьба сводит нас с ней? Как ты думаешь, Иззи, дорогая?

— Я думаю, что тебе следует побольше заниматься своей собственной ролью, герой-любовник, — ехидно напомнила Изабель. — Такой красавец мужчина, как ты, должен сыграть на самом высоком уровне.

— Я так рада, что вы смогли прийти к нам сегодня, накануне пасхальных каникул, — сказала Фелисити, принимая плащ Катрионы и вешая его в гардеробной просторного дома Финли. — Я должна принести вам свои извинения и хочу сделать это как можно скорее.

— Извинения? — повторила Катриона, разыгрывая неведение. — За что?

Фелисити начала подниматься по лестнице, полуобернувшись к своей гостье:

— Я скажу вам после того, как мы немного выпьем. Брюса еще нет дома, дети заняты уроками, так что у нас до ужина еще есть полчаса или около того. Других гостей не будет. Надеюсь, вы не обиделись, что мы пригласили вас на обычный семейный ужин.

— Наоборот, я очень довольна, — заверила ее Катриона. — Уехав из дому, я ужасно скучаю по семейным трапезам и домашней еде.

— Сюда, пожалуйста, — Фелисити распахнула двери в гостиную.

В очаг в стиле Адама был умело вмонтирован газовый камин, в котором сейчас поблескивало уютное, ровное пламя. Огромный букет нарциссов, стоящий на столике возле дивана, радовал и глаза, и обоняние. Обитая ситцем пастельных тонов комната, украшенная современными натюрмортами, сияла свежестью и весельем. Катриона уже была здесь, но тогда гостиная была полна людей и назойливой трескотни, сейчас же здесь было светло, тихо и уютно.

— Какая прелестная комната, — искренне одобрила Катриона. — У вас прекрасный вкус.

— Господи, неужели вы и вправду так считаете? — воскликнула польщенная Фелисити. — Просто я люблю яркие краски, вот и все. Боюсь, что и мне самой не хватает полутонов. — Сине-зеленые брюки и ярко-желтый кашемировый свитер Фелисити подтверждали эту характеристику. Рядом с ней Катриона в простом серо-розовом одеянии сразу почувствовала себя довольно бесцветной. — Что мы будем пить? Виски, джин или, может быть, вино? У меня есть охлажденное «Шабли».

— Это именно то, что нужно, — подтвердила Катриона, устраиваясь в предложенном ей уголке дивана. — Но все-таки я до сих пор не понимаю, за что вы должны передо мной извиняться.

— За то, что была подозрительной старой коровой, вот за что, — как ни в чем не бывало объяснила Фелисити, наливая вино в бокалы на высоких ножках. — За то, что смотрела не в ту сторону, куда нужно было смотреть.

— Если имеется в виду подозрение о моей связи с Брюсом, тогда все о'кей, извинения принимаются, — засмеялась Катриона и взяла из рук хозяйки бокал. — И если сегодня вы пригласили меня в виде компенсации, тогда я, пожалуй, отчасти могу даже радоваться тому,

что вы подозревали именно меня.

— Вы еще не видели мою семейку во всей красе. Но должна сказать, вы на удивление спокойно отнеслись к тому, что на вас едва не наклеили ярлык дурной женщины, — заметила Фелисити, усаживаясь на другой конец дивана. — А кстати, откуда вы вообще знаете, что я вас подозревала? Неужели это было так заметно?

— Нет, — усмехнулась Катриона, — просто мне рассказала Элизабет.

— Болтливая старая гусыня! — возмутилась Фелисити. — Как она могла!

— Не сердитесь на нее, — поспешно заступилась Катриона. — Между прочим, она говорит, что вы — чистое золото.

— В самом деле? — Фелисити немного смягчилась. — Ну ладно, что ни делается, все к лучшему.

— По крайней мере теперь мы обе знаем, что думаем друг о друге, — сказала Катриона, — то есть если вы уже не видите во мне падшую женщину.

— Конечно, нет, но, вынуждена признаться, вы для меня все еще загадка.

— Элисон, наоборот, утверждает, что я прозрачна, как стекло.

— Ну, она, разумеется, знает вас лучше, чем я. Лично мне трудно понять, почему такая яркая и необыкновенная девушка, как вы, не выходит замуж и хоронит себя в банке, вот и все. Наверно, я слишком старомодна.

— Скорее, у вас просто не слишком широкие взгляды. Я готова поспорить насчет эпитетов «яркая и необыкновенная», но даже если они справедливы, то почему в таком случае я не могу работать в банке точно так же, как в любом другом месте?

— Нет-нет, конечно, можете. Просто я не могу избавиться от мысли, что это не слишком вдохновляющее занятие для особы, которой внутренне присущи блеск и очарование.

— Во мне нет ни капельки блеска! Я — простая фермерская дочка, выросла среди коров и овец, под звук тракторов. Иногда сама удивляюсь, что я делаю среди вас, искушенных городских грешников.

— Вот как? Однако со стороны кажется, что вы чувствуете себя здесь как рыба в воде. Девушка, рожденная для того, чтобы сделать блестящую карьеру. — Лицо Фелисити потемнело. — Не то, что я. Я совсем не «городская грешница». Беспокойная мамаша и постоянная домработница — вот кто я. Порой я не очень-то удивляюсь тому, что Брюс начал искать развлечения на стороне.

— А я удивляюсь, — возразила Катриона. — Брюсу чертовски с вами повезло, и я далеко не единственная, кто так думает. Во всяком случае, мне кажется, он только один раз свернул с прямого пути, да и то потому, что уж очень ярко блестела приманка. Линде Мелвилл хотелось отплатить мужу за неверность той же монетой, и она сделала безошибочный выбор, избрав жертвой Брюса.

— Ха! — скептически фыркнула Фелисити. — Не думаю, что он был столь беспомощной и невинной жертвой. Не очень-то он сопротивлялся. — Она выразительно передернула плечами. — Ну да ладно, сейчас речь не о нем и не обо мне, а о вас. Вы счастливы здесь, в Эдинбурге?

Катриона не знала, как ответить на этот вопрос. Следует ли ей рассказывать о том, насколько сильно ею овладела болезненная тоска по дому, жене своего начальника?

— Должна признаться, что иногда я ужасно тоскую по острову, — в конце концов сказала она. — Но, наверно, это никогда не пройдет, сколько бы я ни прожила вдаль от

дома.

— А не захочется ли вам в один прекрасный день туда вернуться? — сочувственно спросила Фелисити. — Может быть, вам действительно следует уехать туда, если все это так много для вас значит?

Катриона кивнула.

— В последнее время я вынашиваю всякие дикие планы, вроде того, чтобы стать банкиром Хайлэнда, но ни один из них еще до конца не продуман. Кроме всего прочего, мой отец должен будет кому-то завещать свою ферму, и я смею предполагать, что это буду я. Так что, может быть, когда я стану седовласой старой девой, я осмелюсь поменять крутой банк на крутой склон холма.

— А вам обязательно нужно быть банкиром? Не можете ли вы устроиться финансовым консультантом или кем-то в этом роде? Ваши знания могут очень пригодиться тем, кто пользуется услугами банков, — предположила Фелисити. — О нет, я ни в коем случае не уговариваю вас уйти из «Стьюартса». Я знаю, что Брюс был бы этим очень недоволен.

— Возможно, мой приступ ностальгии скоро бесследно пройдет, — без всякой убежденности промямлила Катриона, пожимая плечами.

— Я уверена, что так и будет, если какому-нибудь симпатичному мужчине удастся превратить вашу ностальгию в романс, — лукаво прокомментировала Фелисити.

— Вот теперь вы и в самом деле старомодны! — воскликнула Катриона. — Я не думаю, что в наше время все еще справедливо мнение, будто единственное, что по-настоящему требуется девушке в жизни, — это хороший и добрый мужчина.

— Может быть, я и старомодна, но уверена, что найдется немало девушек, которые со мной согласятся, — не отступала Фелисити.

«И немало хороших жен, которые будут очень рады, если все красивые незамужние коллеги их мужей обретут собственное семейное счастье и не будут таким образом представлять постоянной угрозы для чужого», — цинично добавила она про себя. Катриона мила и обаятельна, но в глазах Фелисити она по-прежнему была сексуальным вызовом всем работающим мужчинам с горячей кровью, как свободным, так и женатым.

— Кто и в чем с тобой согласится? — осведомился Брюс, входя в гостиную и направляясь напрямиком к бару. — Катриона, ваш пустой бокал выглядит очень печально. Могут ли я его наполнить?

Обе женщины с готовностью подставили свои бокалы, и с вопросом о необходимости мужчин в жизни женщин было тактично покончено.

— Можешь начинать грузить машину, Минто, — крикнул Хэмиш через кухонную дверь дворецкому, который сидел в своей комнатке у телевизора, ожидая, когда хозяин прикажет везти его в аэропорт. Несколько чемоданов и длинный футляр с лыжами уже лежали посреди холла. — Я буду готов через несколько минут.

Пройдя в кабинет, Хэмиш набрал знакомую комбинацию и открыл стальную дверь сейфа. Пошарив в глубине, он вытащил то, что искал, — длинную узкую коробочку, обтянутую серым бархатом, — и раскрыл ее, чтобы взглянуть на содержимое. Алмазная змейка сказочным блеском сверкнула под электрическим светом. Ничто в ее холодном сверкании не заставляло предположить, что когда-то она бесцеремонно была опущена в карман пальто Катрионы, а затем ее небрежно пропихнули в щель почтового ящика. Ни одной женщине в мире, и уж никак не Линде, не догадаться о том, что эта вещь из разряда

«секонд-хэнд», что этот дар однажды был с презрением отвергнут другой. Перед этими камнями, так горделиво лежащими на своем ложе из синей парчи, невозможно устоять, подумал Хэмиш. Если им не суждено достигнуть цели, ради которой они были куплены, пусть теперь послужат другой. Пусть этот браслет станет символическим даром, знаком прощения и примирения. Он вручит его Линде в присутствии Макса, чтобы они оба знали, что их семья вновь едина.

Вздыхнув, он защелкнул коробочку. Хэмиш провел два трудных дня, пытаясь примириться с тем, что получил отставку. Бессонной воскресной ночью он несколько раз мысленно восставал, убеждая себя, что она еще передумает, что это только вопрос времени и терпения, а кроме того, еще и вопрос миллиона фунтов. Но к утру понедельника понял, что обманывает сам себя. Катриона так мягко и деликатно, как только это было возможно, поставила точку в отношениях, которые сочла для себя невозможным продолжать, и самое большее, на что он мог надеяться, — сохранить ее дружбу.

Хэмиш еще не знал, что лучше: согласиться на ее условия или одним ударом окончательно разрубить этот узел, то есть перевести все свои деньги и счета в другой банк и назначить другого агента, чтобы следить за производством фильма. Большую часть дня он занимался тем, что взвешивал «за» и «против» каждого из этих вариантов, и в конце концов пришел к выводу, что не может пойти на то, чтобы полностью вычеркнуть Катриону из своей жизни. Пусть в каком угодно качестве, но он должен хоть изредка встречаться с ней, разговаривать, сидеть за ресторанным столиком, любоваться совершенством ее неповторимого облика. Как оказалось, помимо несравненного сексуального блаженства, которое они дарили друг другу, Хэмишу еще слишком многое нравилось в Катрионе. Он ценил ее и не хотел терять. Пусть он больше не будет спать с ней, решил Хэмиш, но они могут оставаться друзьями. Как ни странно, по отношению к Катрионе он испытывал покровительственное чувство, которое никогда не испытывал ни к первой жене, ни к Линде, ни к одной из своих многочисленных любовниц. Ему хотелось быть ее защитником, оберегать ее — ее, единственную из всех женщин, которая устала от него раньше, чем он от нее...

Хэмиш спрятал коробочку во внутренний карман пиджака и на случай таможенных недоразумений вложил в бумажник квитанцию на браслет. Затем запер сейф и вышел в холл. Нагруженный «рейндж-ровер» уже ожидал его.

— Пожалуйста, Минто, следи, чтобы ночью не забрались воры, — наставлял он дворецкого, усаживаясь на заднее сиденье. — Черт тебя возьми, да знаешь ли ты, как я устал? Я действительно с удовольствием предвкушаю отдых.

Гора Куиллин возвышалась вдали огромным шатром, заснеженная вершина ярко выделялась на фоне серовато-синего неба. «Мимо Таммеля и Лох-Ранноха и Лохабера я поеду...» — пелось в знаменитой песенке «Дорога на острова», но дорога к западу от Лох-Ранноха давно уже перестала существовать. Старый путь на Скай через вересковые пустоши и горы Лохабера теперь можно было совершить только пешком, но Катриона, возвращаясь с острова, всегда выбирала наиболее близкие к нему дороги, чтобы в ясный день полюбоваться далекой горной грядой Куиллин.

Подъезжая к Маллейгской переправе, Катриона остановилась и некоторое время наблюдала, как на остров быстро надвигается темная дождевая туча. Сквозь пелену дождя еще можно было разглядеть темные холмы острова Сандей, где Гэвин Максвелл поместил свой «Круг чистой воды». Это было место, полное магии и тайны, поэзии и легенд, уголок, где мирное затишье вдруг внезапно сменялось бурей, где люди и животные вместе вступали в единоборство с природой, чтобы утвердиться на этом клочке негостеприимной земли, но где природа никак не желала им покориться. Это было место, где деньги ничего не значили, а человеческая красота меркла перед грандиозным величием неба, моря и гор.

Горожанам этого не понять, думала Катриона, укрывшись в машине от накрывшего землю дождевого шквала. Они утратили естественные мерки, с которыми надо подходить к жизни. И мне угрожает то же самое.

— Я хочу сделать признание, — запинаясь, сообщила своим родителям Катриона, когда после ужина они втроем уселись вокруг камина.

Единственный глаз Джемми Стюарта удивленно расширился:

— Очень хорошо, малышка, — сказал он, вставая, — в таком случае нам нужно пропустить по стаканчику.

В Страстную пятницу, посетив церковную службу, жители острова традиционно собирались возле домашнего очага. Это был день подведения итогов, день, когда вспоминали прошедшую зиму и строили планы на лето, день, когда обсуждали место человека в универсальном порядке вещей. Те, кто считал нужным смирять плоть, проводили день на хлебе и воде, остальные предпочитали философствовать, закусывая виски жирной селедкой. Стюарты уже полакомились сельдью и теперь не видели причин отказываться от капельки «огненной воды».

Катриона радовалась тому, что осталась наедине с родителями. Мария и Донни вместе с детьми проводили вечер у своего очага. Этот день был для них счастливым: Катриона показала им финансовые документы, согласно которым они получали возможность восстановить облюбованный ими дом в Долине Фей. Но то, о чем она сейчас намеревалась говорить с родителями, не предназначалось для ушей Марии и ее мужа, поскольку, узнай они о планах Катрионы, у них могли возникнуть законные опасения о судьбе займа.

— Я хочу вернуться домой, — начала Катриона, взбалтывая тягучую коричневую жидкость в своем стаканчике и вдыхая благословенный аромат виски. — Говоря «домой», я имею в виду не ферму, а остров. Я хочу вернуться в родные места, которым принадлежу, и к людям, которых понимаю.

В течение нескольких следующих минут ничего не было сказано, но атмосфера в комнате сразу ощутимо переменилась, наполнившись невысказанными мыслями и

незаданными вопросами.

Джемми первым нарушил молчание:

— Ты хочешь поставить крест на своей карьере? — спросил он, стараясь не показать, какое тяжелейшее разочарование испытывает.

— Не совсем, — ответила Катриона. — Конечно же, я должна буду как-то зарабатывать на жизнь. Но что касается карьеры в высших банковских сферах — да, я хочу с ней покончить. Не завтра, и скорее всего, даже не в этом году, но в недалеком будущем. — Она бросила взгляд на мать, но Шина сидела молча, задумчиво прикрыв глаза.

— Но почему?! — вынужден был спросить Джемми.

Большую часть своей жизни его дочь потратила на подготовку к карьере, недоверчиво думал он, и теперь Катриона готова отказаться от нее как раз в то время, когда она начала приносить плоды! Это казалось совершенно нелогичным и по меньшей мере неблагоприятным.

— Потому что я не гожусь для нее, — спокойно ответила Катриона. — Раньше я думала иначе, но теперь поняла, что не гожусь.

— Но ты достигла блестящих успехов! — запротестовал отец. — Посмотри, как ты обскакала всех своих ровесников. Никто из парней, не говоря уже о девушках, не добился столь многого за столь короткое время! Даже я, сидя здесь, в глуши, это понимаю!

— Две вещи, — быстро встала Катриона, — две вещи ты сейчас сказал, с которыми я не могу не согласиться. Первое — мне удалось то, что удается мало кому из женщин. Что ж, я горжусь этим, но в то же время я заплатила за это свою цену. Второе — что ты живешь «в глуши». Ты употребил это выражение иронически, папа, но не без тайного чувства превосходства. И ты прав. Островная жизнь, островная шкала ценностей лучше, выше, чище всего, что я видела в Эдинбурге. Я больше не хочу быть изгоем. Я хочу вернуться.

— Но почему? — настаивал Джемми. — Что здесь для тебя такого притягательного?

Катриона улыбнулась.

— Все. Все, что здесь есть. Объясни ему, мама. — Она перевела взгляд на Шину, которая по-прежнему хранила молчание, сидя в своем кресле возле камина.

— Ты же и сам вернулся сюда, Джемми, — напомнила Шина. — И никогда не жалел об этом, насколько мне известно.

— Но я тогда сделался инвалидом, — возразил Джемми. — Я искал убежища. Остров стал моим спасением.

— А откуда ты знаешь, может быть, Катриона тоже в этом нуждается? — мягко предположила Шина. — Много ли мы знаем о том, что приключилось с нашей девочкой с тех пор, как она отсюда уехала?

— Но она не попала в катастрофу, правда же, Кэт? — с сомнением спросил Джемми.

— Нет, папа, физически я не пострадала. В каком-то смысле я, конечно, обожглась, но если я вернусь, это не будет означать, что я сдалась. Нет, я буду работать, буду давать консультации, буду искать возможность применить свои знания и опыт здесь, на острове. Вам не приходило в голову, что мелкие хайлэндские предприниматели нуждаются в финансовых советах не меньше, чем в крупных городах?

— Что значит — обожглась? — внезапно насторожившись, спросила Шина. — Ты сказала, что заплатила свою цену. Что-нибудь случилось с тех пор, как ты была здесь в последний раз? И кстати, что с Андро?

У Катрионы вырвался невеселый смешок.

— Хороший вопрос. Андро оказался совсем не тем, кем представлялся вначале. Это только часть истории.

— Мы слушаем ее целиком. Нам некуда торопиться, у нас масса времени, — твердо заявила Шина. — У меня все-таки сложилось впечатление, что Андро — скорее симптом, чем сама болезнь.

— Ты права, — кивнула Катриона. — Ты, мамочка, как всегда, угодила в самую точку. А болезнь — это весь мир стяжательства, притворства, двуличия, сверкающей мишуры, куда я попала. Этот мир мне не нравится. Мне не нравится, на что люди идут, чтобы попасть в него, и что они делают, чтобы удержаться в нем на плаву, и меня ужасает, что я тоже оказалась втянута в этот круговорот и повела себя так же, как они.

Джемми одним глотком опустошил свой стаканчик и с раздраженным возгласом откинулся на спинку кресла.

— Ладно, для меня это все равно звучит не очень-то вразумительно, но если ты искренне намерена сюда вернуться, то должна знать, что рано или поздно эта ферма станет твоей, и мы надеемся, что ты будешь поддерживать ее и работать на ней и не позволишь, чтобы она пришла в запустение, как уже случилось со многими другими. Должна соблюдаться преемственность — это то, что мы здесь, на острове, твердо знаем.

— Это и многое другое, — согласилась Катриона. — Значит, ты будешь рад моему возвращению?

— Ну, в общем-то, конечно, рад, — признался отец. — Но я пока не понимаю, чем ты будешь заниматься. Ты можешь жить здесь с нами, сколько захочешь, но я должен тебе сразу заявить: мы с матерью не собираемся покидать наш дом, пока для этого не придет время.

— Об этом не может быть и речи! Не волнуйся, папа, я куплю квартиру, или старенький домик, или что-нибудь еще. Кроме того, речь не идет о завтрашнем дне или о будущем месяце. Я говорю о том, что произойдет, может быть, через год или даже позже. Вначале я должна по крайней мере проследить, чтобы у Марии и Донни было все в порядке с этим займом. Я просто хотела, чтобы вы с мамой знали, что у меня на уме.

Шина ласково посмотрела на дочь.

— Сомневаюсь, что мы знаем хотя бы сотую долю того, что у тебя в голове. Не пойми меня превратно, Кэт, мы будем счастливы, если ты будешь рядом, но твои мысли, моя дорогая, остаются для нас закрытой книгой.

— Ты не веришь, что я сказала вам правду?

Шина отпила глоток виски и пожала плечами.

— Нет, верю, только думаю, что за твоим решением стоит гораздо больше, чем просто неприятие городской жизни. Ты говоришь так, будто заглянула в магический кристалл и отвергла будущее, которое там увидела.

— Какое будущее может быть более надежным и благополучным, чем будущее банкира? — усомнился Джемми.

— Сейчас речь идет не об этом, Джемми, — с оттенком раздражения объяснила Шина. — Вернись мысленно в то время, когда тебе было тридцать с небольшим, как сейчас Катрионе. Что тогда было самым важным в твоей жизни?

Джемми нахмурился и уже открыл было рот, но вдруг задумался. Он взглянул на висевшую над камином фотографию в рамочке. Они вчетвером, держась за руки, счастливые, улыбающиеся, стоят перед домом, щурясь от солнца и ветра. Да, им с Шиной тогда как раз было немного за тридцать, а дочерям — лет по восемь-девять.

— Да, — медленно проговорил Джемми, потирая искалеченную голову. — Да, я понимаю.

В субботу накануне Пасхи было сыро и холодно. Мария и Донни привели детей к ленчу, но те так раскапризничались, что даже Катриона игрой в лошадки могла утихомиривать их только на короткое время.

— В Портри построили новый закрытый парк аттракционов, давайте отвезем их туда, — предложил Донни.

В результате Катриона очень активно провела вторую половину дня, вытаскивая Найела из груды шаров и помогая Кэти съезжать по крутой извилистой горке. Мария, которая стала уже просто огромной, призналась сестре, что напутала в датах и ребенок должен появиться на свет не в августе, а уже в июле.

— Так что Донни придется поторопиться с ремонтом нашего нового дома, — серьезно сказала она. — Сомневаюсь, что мы сможем переехать туда до осени. Благодарение Богу, что тебе удалось получить для нас этот заем, Катриона. Не знаю, что бы мы без тебя делали.

— Ты это заслужила, Мария, — с любовью сказала Катриона. — Теперь у вас не будет проблем с деньгами, и скоро Долина Фей опять наполнится человеческими голосами. Вам остается позаботиться только о том, чтобы поладить с привидениями.

— Найел и Кэти сделают это за нас, — усмехнулся Донни. — Готов спорить, ни одному призраку не устоять против этих шаловливых маленьких эльфов. — Он кивнул на свою малютку-дочь, взобравшуюся на крышу игрушечного резинового замка. Взмахнув облаком медных кудряшек, она спрыгнула в окружавший замок упругий надувной ров и, лежа там, радостно повизгивала от сознания собственной смелости.

— Я думаю, они ничего не будут иметь против вас, — заявила Катриона. — Им повезло, что у них появятся такие соседи.

— Приезжай и поживи с нами, хорошо, Катриона? Это будет почти в такой же степени твоя ферма, как и наша. — Мария ласково обняла сестру.

— Я еще тебе надоем, — пообещала Катриона. — В ближайшем будущем я намерена проводить здесь гораздо больше времени.

Переправившись через пролив в воскресенье днем, Катриона оставила дождь позади, на острове. Дорога на Глендоран была сухой и относительно пустынной. Девушка с удовольствием предвкушала встречу с Каррузерсами, однако грядущий понедельник представлялся ей тяжелым испытанием. Отдохнув и успокоившись в кругу родных, она уже жалела о том, что приняла приглашение Роба. Он и его семья по-прежнему казались ей миниатюрной моделью того ненавистного мира, который она жаждала покинуть.

Несмотря на то что перестройка усадьбы Каррузерсов еще далеко не была закончена, то, что предстало перед глазами Катрионы, разительно отличалось от печальной картины пожара и разрушения, которую она видела во время предыдущего визита. Неужели это было всего пять недель назад, недоверчиво спрашивала она себя, оглядываясь по сторонам. Неужели чуть больше месяца прошло с того дня, как она впервые встретила с Андро? Столько всего произошло за это время! Катриона чувствовала, что и сама очень изменилась.

— Вы так сильно похудели, Катриона, — неодобрительно заметила Сью, оглядывая гостью после того, как обменялась с ней приветственным поцелуем. — И зачем вам это было нужно? Что вы с собой делали?

Катриона неуверенно рассмеялась.

— Ничего. По-моему, я вовсе и не похудела. — Автоматически она засунула руку за ремень джинсов и слегка покраснела, увидев, насколько они стали свободнее. — Ну, может быть, сбросила один-два килограмма.

Она быстро достала из машины легкое пальто и накинула его — не столько для тепла, сколько для маскировки.

— Прошу прощения, но скорее, килограммов пять или шесть, — покачала головой Сью. — Если вы и дальше будете продолжать худеть, это отразится на вашей красоте.

— Может быть, я этого и добиваюсь, — задумчиво пробормотала Катриона. — В последнее время я усомнилась, что красота так уж важна.

Сью недоверчиво всплеснула руками.

— Что? Да такое может сказать только человек, у которого ее в избытке! — Она провела руками по своим растрепанным волосам, которые давно уже пора было подкрасить. — Вот меня бы в банке красоты наверняка зачислили в несостоятельные должники.

Катриона оценивающе посмотрела на розовые щеки Сью, на выцветшие джинсы, просторную куртку и невычищенные ботинки и улыбнулась:

— Вы выглядите как женщина, занятая настоящим делом. У вас еще будет возможность сыграть роль очаровательной трактирщицы.

— О-о, ну что до этого, — воскликнула Сью, — то вы еще не видели меня в моем белоснежном одеянии шеф-повара! Это блеск!

— Во всяком случае, сейчас вы выглядите здоровой и счастливой.

— И закаленной, — добавила Сью, призывно махая рукой двум подросткам, которые появились возле дома. Питер, Джон, идите сюда и поздоровайтесь с Катрионой! — крикнула она. — Вот они, мои новые хайлэндцы, — с гордостью обратилась она к Катрионе. — Разве не красавцы? Настоящие помощники. Они работают, как взрослые мужчины. Не знаю, что мы будем делать, когда кончатся каникулы и им надо будет идти в школу. А вот это наш страж, о котором я вам говорила, — Бран.

Катриона пожала руки мальчикам и потрепала собаку по голове. Само их присутствие придавало начинанию новый смысл — теперь это уже было вложение не только в настоящее, но и в будущее. Питер, с застенчиво-удивленным выражением лица, какое часто появляется у подростков вместе с первыми прыщами и стремительно прибавляющимися сантиметрами, в свои четырнадцать лет уже почти догнал ростом отца. Его младший брат, Джон, пока еще сохранил по-детски чистое, округлое лицо, и в глазах его еще не светилась юношеская неуверенность. В их темных волосах и крепких стройных фигурах было что-то неуловимо, но безошибочно англосаксонское. Они приветствовали Катриону с хорошо отрепетированной торжественностью, явно помня о том, что «хорошие манеры делают джентльмена».

— Так это и есть ваши потенциальные дьяволы на мотоциклах? — улыбнулась Катриона, оглядываясь по сторонам. — Но что-то я не вижу их адских машин.

— Слава Богу, пока еще они до этого не доросли, — сказал подошедший к ним Ник. — Однако Питер уже мастерски обращается с грузовичком, правда, Пит?

Старший мальчик покраснел и пробормотал что-то маловразумительное, но его менее застенчивый брат ввернул:

— Только не спрашивайте, почему вон там из стены выворочен кусок, — и молниеносно получил от брата толчок локтем. — Ох! — вскрикнул Джон, отплачивая

ударом кулака. — Я, что ли, виноват, что ты не умеешь ездить прямо?

— Зато ты очень хорошо умеешь подличать, — возразил Питер. — Я же не стал рассказывать, как ты чуть не замуровал себя в углу.

— Так вот сейчас же рассказал, — ухмыльнулся Джон.

— Мальчики, хватит препираться, — распорядилась Сью. — Пойдите умойтесь и переоденьтесь к обеду, потом разожгите огонь и, пожалуйста, накройте на стол. А мы пока быстренько проведем инспекторский обход. Вперед, Катриона, лестницы уже готовы. Вы можете подняться и полюбоваться видом из окон будущего ресторана.

Окна только что отстроеного верхнего этажа еще не застеклили, но тем не менее из них открывался чудесный вид на гряды холмов, покрытое рябью озеро и стоящую в отдалении березовую рощицу, из-за которой виднелись дымящиеся трубы домов. Даже в спускающихся сумерках от этой эпической панорамы захватывало дух.

— В этом ресторане не будет пустой болтовни, — заметила Катриона. — Вашим посетителям будет не до нее — они не смогут оторвать глаз от окон.

— Значит, мы можем даже не подавать им еды, пусть довольствуются красивым зрелищем? — хихикнула Сью.

— А вы уже придумали название для своего заведения?

— Мы перебрали несколько вариантов, — ответил Ник, — в основном исходя из того, что славный принц Карл производил здесь смотр своим войскам. Что вы скажете насчет «Штандарт принца»?

— Под который стекутся толпы людей, — добавила Сью.

— Или просто «Закусочная Чарли»? — продолжал Ник.

Катриона засмеялась:

— Ну, это подойдет разве что для бара, который будет внизу, но не для этого, — она обвела рукой просторное помещение и окна с неповторимым пейзажем. — Здесь нужно что-нибудь жутко романтическое.

— Но в то же время аппетитное, — подсказала Сью. — Ножи, вилки и все такое.

— Ну, если вы хотите что-то в таком духе, то как вам понравится «Походный ранец»? — предложил развеселившийся Ник. — Или «Бивуак»?

— Я чувствую, это не такой простой вопрос, как кажется на первый взгляд, — озабоченно проговорила Сью. — Его нужно серьезно обдумать.

— Раз уж мы заговорили о серьезных вопросах, — сказала Катриона, — как вы считаете, понадобились бы вам услуги финансового консультанта, если бы такой вдруг оказался поблизости?

— Что вы имеете в виду? — заинтересовался Ник. — Ведение бухгалтерских книг, составление налоговых деклараций и так далее?

— Да, и еще консультации по налогам, страховкам, найму работников, пенсионному обслуживанию, то есть нужен ли вам проводник по минному полю бизнеса?

— Что ж, я думаю, было бы очень здорово, если бы всем этим занимался один человек, — согласился Ник. — А то сейчас мой бухгалтер находится в Кенте, страховой агент — в Лондоне, банк — в Эдинбурге, и это не очень-то удобно.

— Так что вы согласились бы на такую рационализацию?

— Думаю, что да, хотя сейчас я еще слишком занят ремонтом, чтобы думать о таких вещах. А почему вы спрашиваете?

— Я подумываю заняться чем-то в этом роде здесь, в Хайлэнде. — В ответ на

удивленные возгласы собеседников Катриона пожала плечами. — Нет, это будет еще не очень скоро, так что не беспокойтесь о своем займе. За ужином я расскажу вам поподробнее.

Сью поежилась.

— Не уверена, что ужин будет очень скоро, но пока что могу предложить вам по стаканчику виски. Здесь жутко холодно. Пойдемте в коттедж, согласны? Мальчики, наверно, уже растопили печку, так что там по крайней мере будет тепло. — Она обеспокоенно взглянула на Катриону. — Вы захватили спальный мешок, как я вам советовала? А то, боюсь, у нас тут все еще совсем не приспособлено для нормальной жизни.

— Пустяки, на сегодня это самая меньшая из моих проблем, — весело успокоила ее Катриона. — Меня гораздо больше беспокоит то, что мне предстоит завтра.

— Завтра? Ах, да. Полезете в логовище лорда?

— Меня тревожит встреча не с лордом, — призналась Катриона. — Сам лорд — просто прелесть. Остальная часть его семейства — вот кто меня страшит. Лорд Невис, как вы знаете, мой босс, причем весьма строгий, не говоря уже о его супруге.

— Значит, вам придется все время помнить о том, что нельзя класть локти на стол и все такое, — засмеялась Сью. — Ничего, зато здесь вы можете ни о чем таком не беспокоиться, потому что из-за Ника и мальчиков, которые вечно распихивают свою одежду по всем углам, наша сырая захламленная комната покажется вам настоящей медвежьей берлогой.

— Это замечательно. Я рискую впасть в зимнюю спячку.

Кухня глендоранского замка вот уже пятьдесят лет не подвергалась никакой модернизации. В плите преобладали чугунное литье и эмаль, а глубокие старинные раковины с деревянными бортами были выскоблены добела. Стены примерно до уровня человеческого роста были выложены кремовым кафелем, а выше выкрашены переливчатой синей краской, которая, по мнению хозяек викторианской эпохи, отпугивала мух. Древний холодильник по-стариковски непрерывно урчал, а всякий раз, когда открывали дверь, еще и начинал неистово вибрировать. По обе стороны от него стояли два огромных шкафа из соснового дерева, вмещавших великое множество посуды и утвари, в том числе парадный позолоченный фарфоровый сервиз — тридцать тарелок разнообразных форм и размеров, глубокие чаши с крышками для овощей, гигантские плоские блюда, суповые миски, соусники, чашки для бульона, салатницы и кофейные чашки с блюдцами. Некоторые из этих изысканных предметов сейчас были выставлены на большой обеденный стол, крытый по торжественному случаю белой скатертью и искрящийся блеском хрусталя и фамильного серебра. Даже если леди Невис соглашалась обедать на кухне, она умела обставить это со вкусом.

Лохабер и его сын сидели на противоположных краях длинного стола, и стоящие посреди него мерцающие свечи, ко взаимному удовлетворению, мешали им как следует видеть друг друга. Между отцом и сыном был заключен молчаливый договор, позволявший им поддерживать отношения на уровне отчужденной терпимости. Роб и его мать, сидя напротив друг друга около длинной стороны стола, гораздо легче находили общий язык и время от времени даже транслировали послания от старого графа к его сыну и обратно. Немолодая пухлая женщина в цветастом фартуке торопливо сновала вокруг стола, выставляя на него блюда с овощами, пока лорд Невис резал и распределял по тарелкам окорок из оленины.

— Спасибо, Кирсти, — кивнула леди Невис, когда на стол была поставлена последняя

тарелка. — Ступай к Ангусу, а мы тут сами справимся. Посуду можешь вымыть завтра утром.

— Благодарю вас, миледи.

Кирсти и Ангус Маккинон составляли весь штат obsługi Глендоранского замка, вполне достаточный, чтобы удовлетворять скромные нужды старого лорда, за исключением тех случаев, когда его навещал кто-нибудь из родственников. Все парадные помещения дома были зачехлены и закрыты, так что регулярной уборки требовали только несколько небольших комнат, которыми обычно пользовался граф. Приезжая с визитами, лорд и леди Невис обычно привозили с собой готовую еду или полуфабрикаты.

— Вы знаете, Гэмпис, Роб пригласил кое-кого завтра к ленчу, — громким и ясным голосом обратилась к свекру леди Невис.

— Нет никакой необходимости так кричать, Рене, — буркнул Лохабер. Он был едва ли не единственным, кто называл леди Невис данным ей при рождении именем. — Почему я должен постоянно напоминать тебе, что не глухой?

— Но вы слышали, что я сказала? — терпеливо переспросила невестка. — Завтра у нас будет гость.

— Мужчина или женщина? — поинтересовался граф, игнорируя ее и обращаясь к Робу.

— Женщина, — ответил Роб, лукаво улыбнувшись деду. — Да ты ее знаешь, Гэмпис. Ты дал ей во временное пользование часы.

— Я одолжил часы одной девушке с островов, которая вдруг неизвестно откуда однажды появилась в моей мастерской, — сказал Лохабер, вонзая нож в кусок ветчины с такой же энергией, с какой он занимался своими деревяшками. — Подумать только, она сказала, что работает у Джорджа. Я посоветовал ей поскорее уйти оттуда.

— Благодарю покорно, — пробормотал лорд Невис так, чтобы его реплика не достигла ушей старого графа.

— Она говорит, что ты посоветовал ей вернуться на Скай и рожать детей, — сообщил Роб, повергнув свою мать в состояние глубокого изумления.

— Неужели? — ахнула она. — Гэмпис, вы просто невозможны!

Старый лорд, методично пережевывавший мясо, ничего не сказал.

— У меня не создалось впечатления, что она обиделась, — объяснил матери Роб. — По-моему, наш старый младенец ей понравился.

— Не смей называть меня старым младенцем, дерзкий щенок! — возмутился его дед, быстро проглотив то, что было у него во рту. — Насколько я помню, это была весьма симпатичная молодая леди. С какой стати она вдруг приняла твое приглашение?

— Ее покорила мой неотразимый шарм, — усмехнулся Роб, который глубоко уважал деда, но скупился на внешние проявления почтения.

— Скорее, она просто подлизывается к сыну босса, — хмыкнул граф. — Хотя, конечно, было бы приятно думать, что ты можешь понравиться такой хорошей девушке.

— А вы уверены, что она действительно хорошая девушка? — ехидно ввернула леди Невис, но, перехватив сердитый взгляд Роба, поспешно добавила: — Хорошая в прежнем, старомодном смысле этого слова, я имею в виду.

— А какая разница между прежним и современным смыслом понятия «хорошая девушка»? — ехидно спросил Роб.

— Меня не волнует, какой там смысл вы имеете в виду, — пробурчал граф. — Я отлично ее помню. Она была хорошенькая, вежливая и приятная, у нее были кельтские золотые волосы и сверкающие серебряные глаза. Это хорошо по любым понятиям.

— Было бы совсем хорошо, если бы мы должным образом принимали гостей в этом доме, — вмешался лорд Невис, который терпеть не мог, как он называл это, «питаться в людской». — Я не могу вспомнить, когда мы в этом доме в последний раз ели в столовой, как полагается.

Когда требовалось, слух Лохабера был достаточно острым.

— Когда ты пригласишь сюда кого-то достойного, я распоряджусь, чтобы в комнатах сняли чехлы, — задиристо сказал он. — Но не собираюсь швырять деньги на ветер ради твоих редких визитов.

— Мы могли бы приезжать чаще, если бы здесь больше заботились о наших удобствах, — громко заявил его сын.

— Скажи своему отцу, что меня несколько не интересует, удобно ему тут или нет, — с чувством произнес граф, обращаясь к Робу. — Он привозит сюда своих кровожадных банкиров, которые только и знают, что стрелять птиц и загонять оленей. А это охраняемое владение — здесь нет места всяким вредным тварям, вроде гадюк! — Он подмигнул внуку. — Вот ты, мой мальчик, если поведешь себя достойно, может быть, в один прекрасный день и заслужишь, чтобы ради тебя сняли чехлы.

— Когда я впервые приехала сюда, комнаты были такими красивыми, — ностальгически вздохнула леди Невис.

Она давно привыкла к перепалкам между мужем и свекром и, считая их бессмысленными, предпочитала не вмешиваться, а делать вид, что ничего не замечает.

— Там было столько солнца и всегда так вкусно пахло пчелиным воском и цветами, — продолжала она. — Мы тогда устраивали такие великолепные приемы.

— Что ж, Роб знает, что нужно сделать для того, чтобы в них опять вернулась жизнь, правда, Роб? — Старик сопроводил свое замечание дружеским подмигиванием.

— Между прочим, Гэмпе, я действительно хотел поговорить с тобой на эту тему, — проговорил Роб после паузы, нерешительно взглянув на родителей. — С твоего разрешения я бы хотел в недалеком будущем поселиться здесь, в замке.

— Неужели это правда, Роб? Что за дивная музыка для моих стариковских ушей! — удивленно воскликнул граф, одобрительно кивая и улыбаясь.

— Поселиться? И жить здесь постоянно? — недоверчиво переспросил лорд Невис. — Да что ты здесь будешь делать, скажи на милость?

— В каком смысле — что буду делать? — возмущенно отозвался Роб. — Для начала, поместье нуждается в капитальном ремонте. — В ответ на сердитое восклицание отца он смиренно поднял руки. — Да-да, я знаю, что, строго говоря, лезу не в свое дело. Но могу я хотя бы высказать свое мнение? Дед уже не может управляться тут в одиночку. Ему нужна помощь, и я буду рад ему помочь. Но, кроме того, я хотел бы начать здесь собственное дело, что-нибудь, что дало бы возможность с толком использовать землю и дать работу местным жителям. Я и так уже достаточно долго отсутствовал.

— Ты совершенно прав, мой мальчик, — живо поддержал внука лорд Лохабер. — А если твой отец думает иначе, то это очень печально.

— Я этого не сказал, — возразил лорд Невис. — Просто немного удивлен, вот и все. Мне всегда казалось, что Роб прочно обосновался в Лондоне. У него там прекрасная работа, престижная и интересная. В конце концов, ради нее ты в свое время отказался от работы в банке. — Он укоризненно посмотрел на сына.

— Да, так было восемь лет назад, когда ты основал банк. И я по-прежнему не хочу

заниматься банковским делом. Но, кроме того, теперь у меня пропало желание жить в Лондоне. Я отсюда родом, душой принадлежу этим местам и хочу жить здесь.

— Когда ты сможешь переехать? — жадно спросил Лохабер, донельзя довольный его речью. — Чем скорее, тем лучше!

— Нет, это еще следует хорошенько обсудить, — не желал сдаваться лорд Невис.

— Чушь и ерунда. Он хочет приехать — пусть приезжает, и дело с концом, — не скрывая ликования, вынес вердикт лорд Лохабер. — Ты можешь обсуждать это сколько тебе вздумается, Джордж, но, в конце концов, он — прямой конечный наследник. Ты должен быть доволен, что он хочет здесь жить! Отныне ты можешь спокойно предоставить нам с Робом заниматься поместьем, а сам возись в своем гадючьем гнезде, сколько душе угодно. — Потянувшись вперед, старик накрыл мускулистую руку Роба своими искривленными шишковатыми пальцами. — Ты просто закончи там со своими делами и перебирайся сюда, Робайд, мой мальчик.

— А как насчет Андро? — вдруг засомневалась леди Невис. — Не получится ли так, что это окончательно его оттолкнет?

— Не беспокойся об Андро, мама, — насмешливо посоветовал Роб. — Он своего не упустит; да он никогда и не упустил. Должен заметить, почему-то всегда выходит так, что он получает гораздо больше, чем заслуживает.

— Что ты имеешь в виду? — с жаром вступилась за младшего сына леди Невис. — В последнее время он добился огромных успехов. Отец говорит, что он в одиночку спас проект своего фильма от позорного провала.

— Совершенно верно, — закивал лорд Невис. — За три минуты до финальной сирены ему каким-то чудом удалось убедить Хэмиша Мелвилла вложить в проект миллион фунтов.

— Я в курсе дела, отец. Ведь это я составлял для него контракт и вел переговоры.

— В самом деле, мой мальчик? — удивился лорд Невис. — Ну что ж, согласись, что это был очень удачный ход. Я верю, что наш Андро наконец-то взялся за ум.

— Неужели? — саркастически усмехнулся Роб. — Только советую тебе не спрашивать, сколько ножей и в сколько спин он походя вонзил, пока добивался своего. Со своей стороны я уповаю на то, что теперь у него начнется блестящая кинематографическая карьера, потому что только это заставит его оставить меня в покое.

— Как бы я хотела, чтобы мои сыновья не были такими разными, — вздохнула леди Невис. — Мало того, что эти двое, — она кивнула на мужа и свекра, — все время ссорятся, так еще и вы. — Покачав головой, Квинни назидательным тоном обратилась к обоим благородным лордам: — Надеюсь, что хотя бы завтра, в присутствии бедного Ангуса Маккинона, вы будете вести себя, как подобает. Иногда я прихожу в ужас, когда представляю, что он должен о нас думать после этих ваших объездов поместья. Я сгораю от стыда, когда вы бранитесь и препираетесь, а Ангус в это время скрежещет зубами, сидя за рулем. — Она умоляюще взглянула на сына: — Почему бы тебе не поехать с нами, Роб? Пожалуй, только твое присутствие дает надежду сохранить мир.

Но Роб в ответ покачал головой и усмехнулся:

— Ни в коем случае! Я не хочу лишать их любимого удовольствия. Кроме того, в середине дня должна приехать Катриона, и я хочу быть здесь, чтобы встретить ее.

Подъезжая к Глендоранскому замку, Катриона вновь поразила его гостеприимному и приветливому виду. С раннего утра солнце начало прогревать окрестные холмы, и теперь, в

середине дня, его лучи всюду лились на древние камни фасада, отражаясь от длинных окон с квадратными фрамугами.

Парадные дубовые двери были распахнуты, и Роб, по-видимому, ожидал ее, потому что, едва машина подъехала к крыльцу, он открыл внутренние стеклянные двери и сбежал по ступенькам.

— Добрый день, добро пожаловать в Глендоран, — произнес он, обеими руками пожимая ее руку.

— Благодарю вас, — улыbnулась Катриона.

Она уже успела забыть, какие у него красивые и добрые глаза: мягкие, внимательные, с серо-голубой радужной оболочкой в мелкую крапинку, чистыми яркими белками и темными густыми ресницами. Они смотрят на нее так дружески и открыто... Или в них все-таки что-то таится?..

— Но это же не первый ваш визит, не так ли? — заметил Роб, хлопывая дверцу ее машины. — Вы уже бывали здесь. — Они начали подниматься по ступенькам.

— Да, но внутри еще не была, — ответила Катриона. — В тот раз я видела только службы и аллею вокруг озера.

— Понимаю. Андро вряд ли стал разыгрывать гостеприимного хозяина, я угадал? Ну, Бог с ним, с Андро, сегодня его здесь нет — только старики, а сейчас и они уехали, так что на некоторое время дом предоставлен нам одним. Чем бы вы хотели заняться до ленча? Посмотреть дом?

— Да, если можно, с удовольствием. Снаружи он выглядит очень дружелюбным и располагающим, совсем не таким устрашающе-напыщенным, как некоторые старые дома. — Она остановилась и подняла взгляд на высокий лепной потолок. — Но и здесь все очень величественно.

— Да, пожалуй, — скромно поддакнул Роб. — Только вам будет трудно это оценить, потому что в настоящее время все закрыто чехлами и ширмами, но остались доступны для обозрения довольно любопытные дубовые панели и лепнина. Не снимайте пальто, в доме очень холодно.

Несмотря на зачехленную мебель, в глаза бросались изящные пропорции комнат и сдержанная строгость убранства в стиле Адама. Белые пилястры и карнизы оттенялись пастельными оттенками голубого, серого и зеленого; дубовые панели были в отличном состоянии, и сквозь тонкий слой пыли просвечивала сочная глубина полировки. Переходя из комнаты в комнату, они болтали о стилях, убранстве и украшении интерьеров, фантазировали на тему, какую пользу можно извлечь из различных архитектурных излишеств, и Катриона постепенно перестала нервничать и успокоилась. Роб казался раскрепощенным и беззаботным и, демонстрируя свое прославленное наследство, вел себя очень естественно и спокойно, не скрывая в то же время, что гордится красотой своего родового гнезда.

В верхнем этаже западного крыла находились пять небольших комнат, где он задержался дольше, чем в других.

— Здесь располагались детские, — пояснил Роб, стоя посреди угловой комнаты, окна которой выходили на две стороны: на опоясывающие долину коричневые холмы и на поблескивающую среди леса серую гладь озера с видневшимися на юге остроконечными пиками гор. — В этой комнате была моя спальня. Андро занимал следующую комнату, а наша няня — две другие с противоположной стороны общей гостиной. Там в течение

нескольких лет с нами занимались гувернантки — пока мы не пошли в школу.

— Какая чудная комната, — отозвалась Катриона, очарованная открывающимися из окон видами. — Почему вы не спите здесь, когда приезжаете сюда?

Роб пожал плечами.

— Отопление другого крыла обходится намного дешевле. У меня там довольно безликая комната на первом этаже. Если и буду жить здесь постоянно, то, конечно, могу выбрать себе другую спальню.

— А вы собираетесь сюда переселиться? — удивилась Катриона.

Роб кивнул.

— Я уже говорил об этом с дедом. Он сильно сдал за последнее время, и, хоть и не говорит об этом, я знаю, что он с удовольствием принял бы помощь по управлению поместьем. Честно говоря, он немного запустил дела. Это не его вина, но я хочу выправить положение. В любом случае, я не могу дольше оставаться в Лондоне.

— Не можете? — эхом отозвалась Катриона.

— Да. Я намерен бросить работу и возвратиться к своим истокам.

— Самое забавное, что буквально на днях я говорила о том же самом со своими родителями, — улыбнулась Катриона и вдруг спохватилась. — Только, пожалуйста, не говорите ничего вашему отцу. Я не собираюсь немедленно увольняться из банка, просто подумываю о том, чтобы уехать.

— В самом деле? Покинуть Эдинбург? Не беспокойтесь, я не скажу отцу. Но даже если бы сказал, он все равно бы мне не поверил.

— Почему?

— Он не допускает мысли, что кто-нибудь, кому выпало счастье работать у «Стьюартса», может по доброй воле оттуда уйти. Наш банк — это одна большая семья, всегда повторяет он.

— Честно говоря, я ничего не имею против «Стьюартса». Просто я вообще разочаровалась в банковском деле и устала от того, что главное в этом мире — деньги.

— Чем же вы в таком случае намерены заняться? — спросил Роб. — Я имею в виду, что меня-то здесь уже ждет работа, но если вы уйдете из банка...

— Я могу оказаться в долговой яме или умереть с голоду — вы это хотите сказать? — рассмеялась Катриона. — Оказывается, вы совсем в меня не верите! — Она спрятала руки в карманы пальто. — А здесь и вправду холодно.

— Тогда пойдемте вниз, хорошо? В том, чтобы питаться на кухне, есть одно преимущество — там по крайней мере тепло, а у деда наверняка найдется в запасе бутылочка ликера.

В дверях Роб посторонился, пропуская Катриону вперед. Он заметил, что она старательно соблюдает дистанцию, тщательно избегая даже случайных прикосновений. Это наблюдение смутило и огорчило его.

— Так что же вы все-таки собираетесь делать? — мягко, но настойчиво повторил он, когда они спустились по довольно запущенной, покрытой пылью лестнице.

— Мне кажется, я могла бы стать кем-то вроде финансового консультанта. Обслуживать мелких предпринимателей западной части Хайлэнда. — Она нахмурилась. — Наверно, мои планы кажутся вам наивными? Понимаете, я хочу вернуться в родные места. Как и вы.

— Нет, они не кажутся наивными. Наоборот, на первый взгляд ваша идея представляется очень интересной. Но вы подумали о том, что вам понадобится хотя бы

небольшой стартовый капитал?

Катриона выразительно передернула плечами.

— Честно, говоря, нет, всерьез я еще ничего не успела обдумать. Я знаю только, что не хочу быть банкиром и жить в Эдинбурге. Все остальное — пока что всего лишь воздушные замки.

— Надеюсь, они станут реальностью.

Катриона и Роб вышли в коридор второго этажа. Ковры здесь были толще, а панели — чище.

— Здесь спальни взрослых, — объяснил Роб и с ноткой сожаления добавил: — Теперь и я сплю здесь, внизу.

— Какой ужас! — шутливо воскликнула Катриона. — Мне кажется, здесь, в этом орлином гнезде, у вас было очень счастливое детство.

— Возможно. По крайней мере няня меня очень любила.

Они начали спускаться по элегантной центральной лестнице.

— А Андро она тоже любила? — вдруг спросила Катриона.

— Он вскружил ей голову, — сказал Роб. — Он с раннего детства умел обольщать женщин.

— Наверно, научился у старшего брата? — уколола Катриона.

— Ни в коем случае. Я — воплощенная честность и прямота. Проходите сюда. — Он открыл дверь под лестницей. — Там вас ждут всевозможные удовольствия.

Но когда они шли по тускло освещенному коридору, из кухни вдруг послышались крики ужаса. Дверь распахнулась, и навстречу им выскочила перепуганная, белая, как мел, Кирсти.

— Ох, мастер Робайд! — закричала она. — Несчастье! Случилось несчастье!

Посреди кухни с растерянным и несчастным видом стоял мужчина в перепачканной непромокаемой куртке. Из раны на лбу сочилась кровь и стекала по щеке.

— Ангус! Что случилось? — встревоженно спросил Роб. Схватив стул, он пододвинул его мужчине, который с трудом стоял на ногах, и бережно усадил его. — Вот, садись.

— Вызовите «скорую помощь»! — потребовал Ангус Маккинон, в его светло-голубых глазах застыл испуг. — Они все ранены, и хозяин, и ваши мать и отец. Я не знаю, насколько серьезно!

— Катриона, наберите 999! — коротко распорядился Роб. — Кирсти, покажи ей, где телефон. — Он опять повернулся к Ангусу. — Что же все-таки произошло? Где они?

— На крутом берегу, возле бассейна. Там маленький каменный мостик, на котором нет ограждения, знаете? «Лендровер» вдруг взял да и покатился вниз по склону — я ничего не мог сделать! — Ангус начал задыхаться, внутри у него что-то забулькало.

— Ангус, успокойся. Тебе пришлось долго бежать, и ты ослабел. Оставайся здесь, объяснишь «скорой помощи» куда ехать. — Роб налил в стакан воды и поднес к дрожащим губам Ангуса. — Они сильно пострадали?

Тот с трудом отпил глоток, закашлялся, но потом сумел выдавить:

— Ваша мать — не очень. Она ухаживает за остальными.

— Хорошо. — Роб начал выдвигать один ящик за другим. — Кирсти! Где у нас аптечка первой помощи?

Перепуганная женщина метнулась к шкафчику и вытащила красно-белую пластиковую коробку.

— Вот. «Скорая» уже выехала.

Катриона увидела, как Роб начал наполнять водой из-под крана пластмассовую канистру.

— Я поеду с вами, — сказала она.

— Хорошо, — кивнул он и протянул ей канистру. — Наполните ее, а я пока приготовлю несколько пледов. Поедем на вашей машине. Она лучше справится с крутизной, чем отцовский «меркури», я только захвачу его мобильный телефон. Жду вас внизу.

Маленький серебристый «гольф» подпрыгивал и скользил на проселочной дороге, взбираясь по склону так быстро, как только Катриона могла осмелиться. Поездка по грязной и мокрой дороге, петлявшей по холмам среди сосновых рощ и зарослей засохшего папоротника, показалась ей бесконечно долгой. Наконец они выехали к тому месту, где дорога пошла вдоль берега ручья, впадавшего в небольшой искусственный водоем. Внизу, под переброшенным через ручей каменным мостиком, они увидели «лендровер», который, накренившись под невообразимым углом, лежал на боку у самой воды.

— Господи! Счастье еще, что он не свалился в воду! — воскликнул Роб, побледнев.

— Вон ваша мать! — крикнула Катриона, увидев женскую фигуру, которая склонилась над чем-то распростертым на земле между дорогой и «лендровером». Полоса свежевзрытой земли и гальки указывала место, где размыло дорогу, что и явилось причиной катастрофы.

— Поставьте машину вон там, — предложил Роб, указывая на крошечную ровную полянку неподалеку от моста. — Нужно оставить проезд для спасателей.

Не успела машина остановиться, как он уже выскочил наружу и, прижимая к себе

охапку пледов, полетел вниз, перепрыгивая через крупные камни и кусты вереска. Катриона не поспевала за ним: ее кожаные ботинки скользили по мокрой земле. Леди Невис стояла на коленях возле своего мужа, на ее оцарапанном и испачканном лице застыло выражение страдания, но глаза оставались сухими. На виске темнел кровоподтек, но она, казалось, не замечала его. Когда она заговорила, ее голос звучал неестественно ровно, как будто она изо всех сил заставляла себя сохранять спокойствие ради раненного мужа.

— Ему ужасно больно, — мягко сказала она. — Нога. Я его не передвигала.

Лорда Невиса вышвырнуло из «лендровера», когда тот кувыркался по склону, и теперь его правая нога была вывернута под непостижимым углом к телу. Лицо пострадавшего было искажено от боли, он часто и хрипло дышал. Лорд Невис был в сознании, но не мог говорить. Место, где сквозь штанину сочилась кровь, выглядело ужасно, как будто осколки костей пронзили сразу и плоть, и ткань.

Опустившись на колени, Роб открыл аптечку.

— Не волнуйся, отец, «скорая помощь» уже в пути, — сказал он, нащупывая место, куда следовало наложить жгут, чтобы остановить кровотечение.

— Где граф? — спросила Катриона, встревоженно оглядываясь.

Второго тела нигде не было видно.

— Он все еще в «лендровере», — объяснила Квинни Невис. — Я не смогла его вытащить. — Судя по ее тону, она не очень-то верила, что лорда еще можно было спасти. — Они оба сидели сзади и не были пристегнуты.

Подавив горестный вздох, Катриона, спотыкаясь, побежала к лежащему на боку тяжеловесному автомобилю, о сплюсненную крышу которого плескалась вода. Мотор не работал, запах разлитого бензина смешивался с ароматом свежевспаханной земли. Ангус и леди Невис, по-видимому, выбрались через переднюю дверь, оказавшуюся сверху, — она и сейчас оставалась незахлопнутой. Обойдя машину кругом, Катриона попыталась заглянуть внутрь через заляпанное грязью, но оставшееся целым заднее окно. Ей удалось различить трогательно скрючившуюся фигуру старого графа, лежавшего на задней дверце. Его голова была зажата между спинкой переднего сиденья и крышей. Катриона не смогла понять, открыты ли у него глаза и дышит ли он.

Проверяя устойчивость, она осторожно попробовала опереться о боковое крыло. Машина чуть-чуть качнулась, но, судя по всему, не собиралась переворачиваться. Взобравшись на крыло и приподняв одной рукой переднюю дверцу, Катриона, извиваясь, ухитрилась просунуть нижнюю часть тела внутрь кабины. Нашупав ногами твердую опору, она крикнула Робу, который, подняв голову, наблюдал за ее действиями:

— Я хочу попробовать залезть внутрь!

Роб перевел взгляд на мать, взял ее руку и положил на биндаж, которым он только что стянул бедро своего отца.

— Надави здесь посильнее, дорогая, и держи. Я на минутку.

Схватив валявшуюся неподалеку толстую сосновую ветку, он побежал к «лендроверу». Используя ветку, как рычаг, он закрепил дверцу в открытом положении, так что Катриона смогла окончательно забраться внутрь.

— Он дышит, — сообщила она, поведя рукой вдоль лица старого графа.

— Нам понадобятся дополнительное снаряжение и инструменты, — хрипло проговорил Роб, забрасывая в кабину плед. — Попробуйте накрыть его вот этим. Вы не могли бы продержаться там еще какое-то время, на случай, если он придет в себя? Я хочу позвонить,

вызвать подмогу. — Увидев, что Катриона кивнула, он криво улыбнулся: — Вы чудо! Я думаю, мать и отец благополучно дождутся приезда «скорой помощи». Она перенесла шок и контузию, но хорошо держится, а отец, хоть и страдает от боли, но потерял относительно немного крови.

— Скорее бегите звонить, — озабоченно покачала головой Катриона, перевешиваясь через спинку сиденья, чтобы укутать пледом бесчувственное тело. — Он слишком стар, вряд ли он долго вытерпит.

Но прошел еще целый час, прежде чем вызванные пожарники освободили графа из его металлической клетки, час, в течение которого Катриона, чувствуя, как постепенно немеют ее конечности, сгорбившись, балансировала возле ставшего вертикальным переднего сиденья и непрерывно говорила со стариком, не будучи уверена, что он ее слышит. Снаружи раздавался оглушительный шум гидравлических ножниц, но крепкая стальная оболочка «лендровера», спасая пассажиров от гибели, когда он катился по склону, теперь затрудняла работу спасателей.

Тем временем прибыл специальный вертолет медицинской помощи. Врачи подготовили лорда и леди Невис к транспортировке в Белфордскую больницу Форт-Вильяма и собрали особые носилки-колыбель, чтобы погрузить в вертолет Лохабера, когда его наконец извлекут из автомобиля. Однако они ему уже не понадобились.

С помощью Катрионы старику подвели капельницу, и в тот момент, когда пожарникам, работавшим по пояс в воде, наконец удалось отогнуть часть крыши, Лохабер пришел в себя.

Он смотрел прямо на Катриону, и в глазах его светилось сознание.

— Значит, вы вернулись, — проговорил он. — Вы привезли часы?

Катриона с трудом ловила его слова. Наклонившись как можно ниже, она сказала:

— Потерпите еще немного, скоро вас освободят. Все будет хорошо.

Его голова, зажатая, словно в тисках, чуть-чуть шевельнулась:

— Нет. Не успею. Просто рад, что вы здесь. — Голос старика сорвался, и в груди что-то задребезжало.

Катриона увидела, как его глаза медленно закатились под сморщенные старческие веки, и в порыве безнадежного отчаяния закричала:

— Нет! Не надо! Вы уже свободны!

Да, он уже был свободен, но только не на этой земле.

— Бог мой, ты меня просто потрясла, — признался Роб несколько позже в тот же день, когда они с Катрионкой пили в кухне горячий сладкий чай. — Не знаю, как ты вытерпела столько времени в такой неудобной позе. Ты, должно быть, валишься с ног.

И действительно, выбравшись из останков «лендровера», Катриона с трудом могла передвигаться. Ноги совершенно одеревенели и не сгибались, в голове, после того как в непосредственной близости от нее целый час грохотала гидравлическая машина, страшно шумело. Обессиленная и опустошенная, Катриона больше всего страдала от сознания, что все это оказалось впустую, что старый граф умер на ее глазах, когда спасение было уже совсем близко.

Однако она постаралась взять себя в руки — ей хотелось помочь Робу, потрясенному смертью деда, справиться со своим горем.

— Я рада, что в последние минуты с ним был кто-то, кто хоть немного знал его, — мягко сказала она. — Конечно, это должен был быть ты, но ты бы там просто не поместился. Как жаль, что он не выдержал, ведь он был таким стойким и крепким.

— Врачи считают, что у него был разрыв селезенки, — вздохнул Роб. — Не будь этого, он мог бы еще жить и жить. Надеюсь только, что он не сильно страдал в последние минуты.

— Нет, он не чувствовал боли, — покачала головой Катриона. — Он был в полном сознании, совершенно спокоен, и, ты знаешь, он сразу узнал меня. Так странно, просто удивительно! Едва открыв глаза, он уже знал, кто я. — И она передала Робу последние слова старика.

— Вот видишь, значит, ты произвела на него более сильное впечатление, чем тебе казалось, — прокомментировал Роб, слабо улыбнувшись. — Я думаю, ему повезло хотя бы в том, что последней в этом мире он видел тебя.

Прикусив губу, Катриона опустила глаза. Она искренне раскаивалась, что в недавнем прошлом так плохо думала о старом графе и его семействе.

— Я должен позвонить Андро, — устало произнес Роб, заставляя себя встать. — Он обожал деда едва ли не больше, чем кто-либо другой.

— Вот как? — удивленно пробормотала Катриона, мысленно пожалев о том, что хотя бы часть мудрости старика не передалась его младшему внуку.

Минут десять Роб разговаривал с братом, а потом звонил в больницу, чтобы узнать о состоянии родителей. Вернувшись в кухню, он увидел, что Катриона вместе с Кирсти готовит сэндвичи из той говядины, которую они должны были в горячем виде съесть за ленчем.

— Вам нужно поесть, мастер Робайд, — по-матерински заботливо обратилась к нему домоправительница. — И молодая леди тоже выглядит так, словно умирает с голоду.

— Катриона. Меня зовут Катриона, — представилась «молодая леди», намазывая маслом хлеб.

— Очень приятно, мисс Катриона, — кивнула Кирсти, отбирая у девушки нож. — Почему бы вам с мастером Робайдом не перейти в гостиную графа, а я принесу вам поднос.

Ее угодливая манера обращения показалась Катрионе, которая обычно со всеми общалась на равных, странной, но Роб, по-видимому, привык к ней и не обращал внимания.

— Кирсти, сегодня вечером придет Андро, — сообщил Роб. — Катриона, пойдем, разожжем там камин.

— Он уже горит вовсю. Вы просто сядьте и отдохните, — сказала Кирсти. — Я сама все сделаю.

— А как себя чувствует ваш муж? — участливо спросила Катриона. — Он не пострадал?

— Ангус в порядке. Перепугался, конечно, и набил огромную шишку на макушке, но доктор сказал, что ничего страшного, нужно просто отлежаться. Я благодарю Бога за то, что он остался цел, и молюсь за упокой души его сиятельства. Надеюсь, вы не вините Ангуса в том, что произошло.

— Ни в коем случае, Кирсти. Я уже говорил ему об этом, — успокоил ее Роб. — Пусть отдыхает и не волнуется.

Покойный граф, если не был занят в мастерской, обычно проводил время в небольшой комнате возле кухни. Там он слушал радио, читал, писал письма и изредка смотрел телевизор. Эта комната, где, казалось, еще витал дух хозяина, была уютной и удобной, с покрытым изразцами очагом и простой мебелью, которая видала лучшие дни. Повсюду были расставлены образчики его творчества — деревянные кувшины, чаши, тарелки из ореха и полированного бука. Огромное блюдо было доверху наполнено искусно изготовленными из различных пород дерева моделями овощей и фруктов самых разнообразных форм и оттенков.

— Мне даже не верится, что он уже никогда не будет сидеть здесь и слушать по радио программу новостей, — горько вздохнул Роб, обходя ближайшее к камину кресло, в котором всегда сидел его дед. — Всегда, сколько я себя помню, он был здесь, в этом доме, в этой комнате.

— Что сказал Андро? — тупо спросила Катриона, сворачиваясь клубочком в уголке дивана.

— Разумеется, он захотел узнать, как это произошло и где сейчас родители. Он собирается по дороге заехать в больницу.

Не успел Роб закончить фразу, как зазвонил стоящий на письменном столе телефон. Роб встал, взял трубку и несколько минут разговаривал сухим, официальным тоном.

— «Инвернесс курьер», — лаконично пояснил он Катрионе, закончив разговор. — Какой-то пронира-репортер уже успел просмотреть сводку происшествий. Хотели, чтобы я подтвердил им факт смерти деда.

— Наверно, будут еще такие же звонки, — предположила Катриона. — Репортер продаст эту новость информационным агентствам. Сейчас она, наверно, уже мчится по проводам.

Вошла Кирсти с подносом, нагруженным сэндвичами и чашками с бульоном, над которыми поднимался пар. Несмотря на подавленное настроение, Катриона вдруг почувствовала волчий аппетит. Роб, по-видимому, тоже здорово проголодался, и некоторое время они в тишине поглощали пищу, погружившись каждый в свои мысли, и лишь время от времени обменивались понимающими и успокаивающими взглядами.

Поев, Катриона вытерла рот салфеткой и неуверенно произнесла:

— Мне, наверно, пора ехать.

Роб почему-то нахмурился.

— Не уезжай, — вдруг вырвалось у него. — Я не хочу, чтобы ты уезжала.

— Но я не могу остаться здесь, — пробормотала Катриона, выпрямляясь на кончике стула, — я ведь не член семьи.

— Ну и что же? — удивился он. — Я прошу тебя остаться. Мне действительно тяжело одному.

— Но скоро приедет Андро. Если хочешь, я побуду до его приезда.

— Пожалуйста, оставайся вне зависимости от того, приедет Андро или нет, — настаивал Роб. — Дед любил тебя. Он бы хотел, чтобы ты была здесь. — Вновь раздался телефонный звонок. — О Господи, теперь он будет трезвонить весь вечер, — беспомощно вздохнул Роб, направляясь к письменному столу.

Катриона наблюдала за ним, пока он справлялся с очередным репортером. Несмотря на сухой и деловой тон беседы, усталое и бледное лицо Роба было трогательным и беззащитным. Он выглядел моложе своих лет и казался скорее юношей, который впервые переживает утрату близкого человека, чем зрелым мужчиной, неоднократно успевшим столкнуться со смертью. Катриона с сочувствием подумала, что, должно быть, это первое близкое знакомство Роба с Угрюмой Жницей. Собственно говоря, и сама Катриона впервые присутствовала при чьей-то смерти, и, несмотря на то, что покойный не был ее родственником, это явилось для нее огромным потрясением. Насколько же тяжелее должно быть тому, для кого умерший был горячо любимым и почитаемым дедушкой.

— На этот раз «Скотсмэн», — сообщил Роб, положив трубку. — Наверно, будут еще звонки.

— Ты уже совсем выбился из сил, — заметила Катриона. — Давай в следующий раз я подойду.

— Хорошо, — согласился Роб, — буду тебе очень благодарен. Это так ужасно — говорить о нем, как о мертвом. Все они уже задают вопросы в прошедшем времени.

Он опустился на диван рядом с Катрионой и закрыл лицо ладонями.

Она придвинулась поближе и обняла его за плечи.

— Поплачь, — мягко произнесла девушка. — Поплачь, никто не видит.

Она почувствовала, как затряслись его плечи, и услышала мучительные, полные бессилия и тоски рыдания, подействовавшие на нее, как катализатор. Катриона не выдержала, и по ее лицу тоже медленно заструились слезы. Снова зазвонил телефон, но она не шевельнулась. Пусть звонит. Катриона вдруг вспомнила, как вот так же, совсем недавно, в ее комнате зазвонил телефон, и это оказался он, Роб. Тогда Хэмиш умолял ее не отвечать, но она все-таки взяла трубку. Насколько же сегодня все по-другому!

Звонки прекратились, а вскоре стихли и рыдания Роба. Отняв руку, она нащупала в кармане бумажный носовой платок и сунула ему.

— Возьми.

Он послушно вытер глаза и высморкался, затем встал и бросил клочок бумаги в огонь. Вспыхнув, тот мгновенно превратился в пепел. Повернувшись к Катрионе, Роб устало улыбнулся.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Мне это было необходимо.

Она вернула ему улыбку.

— Чтобы как следует выплакаться, нужно более мощное плечо.

— Твое было как раз таким, как нужно, — ответил он.

Андро, трясущийся и бледный, появился около десяти вечера.

— Отца прооперировали, — сообщил он. — Я ждал, пока его вывезут из операционной. Ему в ногу вставили стержень, говорят, что со временем все заживет, только будет прихрамывать. Матери сделали рентген, у нее трещина свода черепа. Несколько дней ей придется пробыть в больнице, пока они убедятся, что не произошло смещения или чего-то в этом роде. Она хотела отправиться домой, но доктор сказал, что это рискованно.

— Бедные наши старики, — вздохнул Роб. — Все равно, конечно, им еще повезло. А здесь сумасшедший дом: звонят из газет, с радио и телевидения. Ты уже слышал выпуск новостей?

— Нет.

Андро выглядел возбужденным и нездоровым, было ясно, что он с большим трудом держит себя в руках. Направившись напрямиком к шкафчику, где, как он знал, его дед держал запасы спиртного, Андро с вызовом, как будто боялся, что присутствующие будут возражать, заявил:

— Мне нужно чего-нибудь выпить. Кто-нибудь присоединится?

Катриона молча покачала головой — она боялась, что если произнесет хоть слово, то Андро не выдержит и взорвется. Взгляд, которым он наградил ее, когда приехал, достаточно ясно продемонстрировал, как он относится к ее присутствию. Может быть, это потому, что при мне он должен сдерживаться, подумала Катриона. Может быть, ему тоже хотелось бы поплакать, но при мне он не может себе этого позволить. Она чувствовала себя весьма неудобно и не знала, как ей себя вести и что делать дальше.

Андро понес Робу его порцию и, подойдя вплотную, шепотом спросил:

— Какого черта ей здесь нужно?

— Катриона у меня в гостях, — не понижая голоса, ответил Роб. — Она была с дедом в его последние минуты и вела себя просто потрясающе. А ты имеешь что-нибудь против, Андро?

— Да, имею! Почему это она должна была быть с Гэмпсом, когда он умирал? Она для нас никто!

— Да, но тебя, старик, там не было, правда? А Катриона, по счастливой случайности, была. Я не понимаю, какие у тебя есть основания возражать против ее присутствия. Она очень много сделала для нашей семьи — и не в последнюю очередь для тебя.

— Вот что, послушайте, я поеду, — осторожно вмешалась Катриона. — Так будет лучше.

— Ты не сможешь в темноте спуститься по этой дороге, — возмущенно отозвался Роб. — И вообще, об этом и речи быть не может.

— В таком случае, может быть, ты скажешь, где я могу поспать, потому что, вынуждена признаться, я вымотана до предела. — Это было правдой, но главной причиной было то, что Катриона считала нужным оставить братьев наедине.

— Ты можешь занять мамину комнату. Сейчас я тебе покажу, — предложил Роб и бросил сердитый взгляд на брата. — Я вернусь через пару минут. Подожди меня здесь.

Когда они поднимались по лестнице, он сказал Катрионе:

— Не обращай внимания на Андро. Просто он очень расстроен смертью деда и в то же время чувствует свою вину перед тобой. Для него это оказалось чересчур, такая комбинация не могла не отразиться на его манерах.

— Я не хочу, чтобы он считал меня своим врагом, — вяло произнесла Катриона. — Постарайся объяснить ему это, хорошо? Пусть он не чувствует себя виноватым — я обошлась с Хэмишем ничуть не лучше, чем Андро — со мной.

Роб нахмурился.

— Тут я готов поспорить, — возразил он. — Ты не прилагала усилий, чтобы умышленно обольстить Хэмиша Мелвилла. Но если считаешь, что это поможет, я попробую убедить Андро, что ты не затаила против него зла.

— Да, — с облегчением подтвердила Катриона. — Именно так и есть. Я не держу против него зла.

— Вот мамина комната. Брак моих родителей основан на предпосылке, что те, кто спят порознь, остаются вместе. — Роб пожал плечами: — Сам я не очень в это верю, но для них это оправдалось. Моя комната — следующая вниз по коридору, а напротив — спальня Андро.

— Я могу запереться изнутри, на случай, если тебе не удастся его утихомирить, — наполовину в шутку, наполовину всерьез предложила Катриона.

— Не беспокойся, я с ним справлюсь. Увидимся утром, — сказал Роб. — Спокойной ночи.

Он нежно поцеловал ее в обе щеки, а потом, очень осторожно — в губы. Эти поцелуи повергли Катриону в недоумение. Они не раскрыли ей до конца, почему он пригласил ее в Глендоран, но в них содержался намек.

— Почему ты всегда бываешь таким дерьмом с женщинами? — потребовал ответа Роб, вернувшись к Андро, который за время его отсутствия успел прикончить как минимум две солидные порции виски.

— Потому что я не хочу быть такой половой тряпкой, как ты, — заплетающимся голосом ответил Андро. — Ты вечно позволяешь им вытирать об себя ноги. Теперь это делает Катриона. Она крутит тобой, как хочет.

— Глупости. Она совсем не такая, и кому это знать, как не тебе. По крайней мере, я обращаюсь с женщинами как с человеческими существами, — изо всех сил стараюсь сдерживаться, возразил Роб и, взяв свою недопитую рюмку, сделал глоток. — Я не веду себя как олень-самец во время брачного периода — сделал свое дело и помчался за другой самкой.

— Вряд ли Изабель согласится с твоим сравнением, — хмыкнул Андро. — Во всяком случае, мы с ней вместе гораздо дольше, чем ты с любой из твоих женщин.

Роб заставил себя проигнорировать насмешку.

— Изабель — нетипичный случай. У нее есть более интересные дела, чем следить, как ты гоняешься за ланями. Но существует предел терпению даже таких ангелов, как Изабель. И я нисколько не удивлюсь, если у Изабель оно уже скоро лопнет.

— И тогда ты с удовольствием возьмешь ее себе, да? Судя по всему, тебе нравится подбирать за мной объедки, — не отставал Андро.

— Почему ты так упорно стараешься вывести меня из терпения? — поинтересовался Роб. — Или таким образом ты оплакиваешь смерть Гэмпса? Довольно-таки специфический способ выражения скорби.

— Гэмпс меня понимал, — мрачно изрек Андро. — Он — единственный, кто меня понимал.

— О-о, нет, я тоже очень хорошо понимаю тебя, Андро, но дело в том, что я тебя не одобряю, а вот Гэмпс, должно быть, жалел тебя и поэтому мирился с твоими сумасбродствами. Он считал, что ты мечешься, потому что чего-то ищешь, и, будучи сам настоящим мужчиной, дед надеялся, что поможет и тебе стать им. Он не понимал, что как только ты что-то найдешь, так тут же начинаешь думать, что это совсем не то, чего тебе хотелось.

— Он знал, что я люблю Глендоран. Он знал, что я готов бороться за то, чтобы сохранить и уберечь его.

— Уберечь? Что ты имеешь в виду?

Роб нахмурился, увидев, как Андро снова подливает себе виски. Он заметил, что у брата уже начали трястись руки, и пододвинул ему блюдо с сэндвичами, которое Кирсти, уходя, заботливо накрыла прозрачной пленкой.

— Вот, поешь. Тебе нужно подкрепиться, если собираешься и дальше пить в таком темпе.

— Бр-р, я и думать не могу о еде, — скривился Андро. — Это благодаря усиленному питанию ты стал таким толстячком?

Оба брата были почти одного роста, и нельзя было отрицать, что Роб выглядит гораздо шире и плотнее, чем его тонкий, гибкий брат. Тем не менее определение «толстячок», безусловно, было явным преувеличением. Но Роб еще раз удержался от того, чтобы поднять брошенную перчатку.

— Лучше искать утешения в усиленном питании, чем в виски. Собираешься объяснить мне, что ты подразумевал под словом «уберечь»?

— Уберечь от пришлых, от чужаков. Сохранить для истинных жителей долины, — с готовностью объяснил Андро. — И Гэмпс в данном случае был на моей стороне.

— Нет, не был! — выкрикнул Роб. — Да, он считал, что люди должны возвращать долг земле, которая их вскормила, но не отказывал другим в праве внести их вклад. Он не был изоляционистом.

— Да какое, черт побери, теперь имеет значение, кем он был и кем он не был? — вскипел Андро. — Он умер, а вы с отцом, я полагаю, теперь перевернете здесь все вверх дном и превратите Глендоранское поместье в Мекку для туристов. Скоро мы здесь будем иметь этнографический парк с бревенчатыми хижинами и центр досуга имени славного принца Карла. Гэмпис перевернется в своем гробу раньше, чем осядет земля на его могиле.

— Ты, должно быть, сошел с ума! — возмутился Роб. — Кто внушил тебе эти бредовые мысли?

— Да хотя бы те английские свиньи, которые уже начали строить придорожную закусочную на месте бывшей фермы. Жаль только, не удалось их оттуда выкурить. Твоя подружка, Катриона, которую они сумели обвести вокруг пальца, обманутая их мнимым английским добродушием, только и делает, что вытирает им сопли. А я-то считал, что она настоящая патриотка Хайлэнда.

Роб решительным жестом заткнул бутылку пробкой и спрятал в шкафчик.

— Когда ты напиваешься, то сразу начинаешь нести чепуху, — заявил он. — Сегодняшний день был потрясением для всех нас, но не нужно использовать смерть Гэмписа для того, чтобы бросаться обвинениями. Пока что ни ты, ни я не имеем ни малейшего представления о том, что отец собирается делать с поместьем, однако, смею тебя заверить, если мое мнение будет иметь хоть какое-то значение, здесь не будет ни этнографического парка, ни кемпинга для туристов.

— В отличие от меня, у тебя, по крайней мере, будет право голоса, — буркнул Андро. — Ты ведь теперь, надо полагать, становишься виконтом Невисом? Только не воображай, что по этому поводу я собираюсь рвать на себе волосы.

— Господи Иисусе! Теперь у нас к паранойе прибавилась зависть, — со вздохом констатировал Роб. — Единственное, чего бы мне хотелось, идиот ты эдакий, — чтобы ты съел хотя бы один из этих сэндвичей. Тогда, может быть, завтра ты сможешь помочь мне в организации похорон. А сейчас ты в таком состоянии, что от тебя нет никакого толку.

— Наверно, еще должно быть дознание или что-нибудь в этом роде? — спросил Андро и, плюхнувшись на стул, сорвал с блюда пленку. Он с жадностью начал есть два сэндвича одновременно, как будто это была его первая еда за целый день. — Не могут же люди внезапно умирать без того, чтобы кто-нибудь не начал задавать вопросы?

— Власти уже поставлены в известность, и я думаю, будет проведено обычное дознание. Ведь это обычный несчастный случай. Нам еще повезло, что все так кончилось.

— А что могло быть хуже? — с полным ртом спросил Андро. — Ах, да, Ангус мог с тем же успехом, оставшись без единой царапины, благополучно угробить все семейство.

— Ангус не виноват, — терпеливо возразил Роб. — Он не мог знать, что в этом месте дорога размыта дождями. Это могло случиться в любой момент с любым водителем. Не надо искать козла отпущения.

— А мне хочется! — взвизгнул Андро, не переставая жевать. Его глаза наполнились слезами, он тяжело дышал. — Гэмпис был такой славный старикан! Он мог прожить еще много лет и спокойно умереть в своей постели. Это чертовски несправедливо!

— Что ж, хоть в чем-то мы согласны, — кивнул его брат.

— Послушай, ты ведь не собираешься и дальше продолжать встречаться с

Катрионой? — внезапно спросил Андро, застав Роба врасплох.

— Не знаю, — ответил тот. — Может быть. А почему бы и нет?

— Это чертовски неловко, — сквозь зубы процедил Андро.

— Ты не имел права играть жизнью другого человека, — непримиримо заявил Роб. —

Во всяком случае, я не стану обращаться с ней как с бумажным носовым платком — использовал и выбросил. И если в будущем между мной и Катрионой возникнет что-то серьезное, тебе придется помалкивать о том, какую неприглядную роль ты сыграл в ее жизни, в противном случае дела примут для тебя дурной оборот. Ты же не захочешь, чтобы дорога в Глендоран навсегда была для тебя закрыта?

— Господи, — изумленно пробормотал Андро и, прихватив с блюда оставшиеся сэндвичи, встал. — Ты еще не унаследовал Эдем, а уже разыгрываешь Бога.

Катриона мгновенно провалилась в сон, не успев даже как следует разглядеть элегантную спальню Квинни Невис, обитую шелком аквамаринного цвета и уставленную мебелью красного дерева. Девушка опасалась, что, стоит ей закрыть глаза, перед ней вновь встанет страдальческое и трогательное лицо старого графа, каким оно было перед смертью. Но вместо этого она немедленно впала в забвение и, проснувшись с ощущением, что проспала всего несколько минут, увидела пробивающиеся сквозь задернутые занавеси рассветные лучи. До середины лета оставалось каких-то десять недель, и ночи в Хайлэнде уже стали довольно короткими. Взглянув на часы на прикроватном столике, Катриона обнаружила, что уже половина шестого.

Она привстала, на мгновение забыв, где находится, но в ту же минуту все события предыдущих суток нахлынули на нее. Откинувшись на подушки, в течение нескольких минут Катриона обдумывала ситуацию. Все, что произошло накануне, было стечением обстоятельств, и сегодня Глендоранский замок уже не был подходящим местом для посторонней девушки, которая всего лишь проезжала мимо, возвращаясь после пасхальных каникул, и ненадолго заехала в гости. Вчера Роб был благодарен ей за помощь и компанию, но с приходом Андро положение в корне изменилось. Теперь Катриона понимала, что стала лишней, и, как бы ни старался Роб по доброте душевной уверить ее в обратном, чувствовала себя незваной и нежеланной гостьей.

Решительно отбросив одеяло, Катриона встала. Брюки, рубашка и свитер, в которых она была накануне, висели на спинке стула. Торопливо натянув одежду, она взяла в руки ботинки и на цыпочках пошла к двери. Ей хотелось как можно скорее сбежать отсюда и вернуться домой. Здесь в ней больше не нуждаются, и лучше всего, если она не станет вносить раздор между двумя братьями, а просто исчезнет из их жизни. Андро ее терпеть не может, а Роб только что еще на один шаг приблизился к тому, чтобы стать графом Лохабером. На него ложатся новые обязанности и высокая ответственность, и девушка, которую он однажды случайно пригласил к ленчу, теперь может оказаться помехой.

Вчера, вернувшись с места происшествия, Катриона поставила «гольф» в гараж позади замка, поэтому сегодня смогла легко выбраться из дома через заднюю дверь, которая запиралась только на засов. Но, прежде чем исчезнуть, она должна была еще кое-что сделать. В багажнике ее машины лежали деревянные часы. Катриона собиралась вернуть их графу, объяснив, что она больше не нуждается в них, потому что поняла то, что он хотел ей открыть, поняла быстротечность времени и бессмысленность его растрачивания. Как хорошо, что перед смертью старик каким-то чудом узнал об ее прозрении и успел за нее порадоваться. Может быть, это и не было самым большим его достижением, но, так или

иначе, оно оказалось последним.

Торопливо пройдя через кухню, Катриона отнесла часы в комнату, где они с Робом провели предыдущий вечер. Воспользовавшись листом личной почтовой бумаги графа и его ручкой, она написала:

«Дорогой Роб, вот часы твоего дедушки. Он знал, что я собираюсь их вернуть, потому что они исполнили свое предназначение. Как жаль, что его больше нет. Он был чудесным человеком, необыкновенно добрым, восприимчивым и понимающим. Я бы очень хотела узнать его поближе. Пожалуйста, передай мои соболезнования родителям и Андро и скажи отцу, что я обо всем проинформирую руководство банка. Надеюсь, они оба скоро поправятся. Я буду о вас думать. Катриона».

Прикрепив записку к часам, она ушла с мыслью, что эта глава ее жизни благополучно завершилась.

— Отлично, давайте прогоним еще разок. Пожалуйста, потише, дайте съемочной группе возможность сосредоточиться.

Несмотря на то, что ассистент режиссера, маленький юркий уроженец Глазго по имени Кенни, был вооружен мегафоном, он предпочитал наводить порядок на съемочной площадке, пользуясь исключительно могучей силой своих легких. Уже наступила середина мая, и компания «Пресипити Сити Продакшнз» заканчивала первую неделю съемок фильма «Катриона» по одноименному роману Роберта Льюиса Стивенсона.

Камера была закреплена на тележке, двигающейся вдоль рельса, проложенного во дворе одного из старинных зданий Эдинбурга. В обычное время здесь располагалось кафе, которое охотно посещали туристы и служащие расположенных поблизости юридических контор, но на время съемок кафе закрыли и дому придали соответствующий вид, сделав его таким, каким он был в середине XVIII века. Во дворе толпились актеры, изображавшие лордов и леди, проституток, солдат и разносчиков. Здесь солнечным майским утром двадцатого столетия должны были снимать роковую встречу Катрионы Друммонд, якобитки, и Дэвида Балфора, вига, сцену любви с первого взгляда, равнозначную встрече Монтекки и Капулетти.

— Господи, Алекс, да она весит как минимум полтонны! — взмолился Тони, ассистент оператора, пытаясь сдвинуть с места тележку с камерой.

— Мало каши съел, Тони, — усмехнулся в ответ Алекс Дункан, который на время работы сменил свой изысканный костюм-тройку на столь же безупречный черный комбинезон.

— Ты хотел сказать — выпил мало эля, — расхохотался круглый, как бочонок с пивом, Тони. — Эй, Шона, кадр ВД-40, ты готова?

Нахального вида девчушка с косичками, которая отмечала на доске-хлопушке номера кадров, бросила карандаш, извлекла из вместительной сумки оператора аэрозольный баллончик и начала аккуратно разбрызгивать смазку по поверхности рельса. Шона была девочкой на побегушках, которой давали указания все до единого члены съемочной группы.

Сэм Фокс, прислонившись к стене, наблюдал за репетицией через экран маленького монитора, изображение на который поступало с видеокамеры, укрепленной рядом с основной съемочной камерой. Он обдумывал план следующей сцены, когда его размышления были прерваны одетым в старинный костюм юношей с симпатичным и свежим лицом, на котором сейчас почему-то было написано отчаяние. Это был Марк Соль, исполнитель роли робкого и застенчивого Дэвида Балфора. Многие отмечали его сходство со знаменитым портретом Роберта Бернса работы Александра Найсмита, но сейчас он был больше похож на несчастного школьника, вечную жертву более задиристых и нахальных товарищей по играм.

— Кто-то побывал в моей примерной, Сэм, — выдавил он. — Там все перевернуто вверх дном и испачкано краской.

— Что такое? — недоверчиво откликнулся Сэм. — Не может быть. Покажи мне. Подожди, Алекс, я сейчас вернусь.

Сэм был истинным нью-йоркцем с медленной речью, но быстрыми мозгами и добрым сердцем. Он заботился о том, чтобы его актеры чувствовали себя довольными и счастливыми. Дружески обняв Марка за плечи, он повел его к выходу.

Передвижные вагончики для актеров располагались в следующем дворе на той же улице. Суперзвезда Джил Манро зарезервировал для себя отдельный домик, возле которого всегда толпилась кучка поклонников, надеявшихся лицезреть своего кумира — шотландца и бывшего эдинбургского мусорщика, превратившегося в Голливуде в мировую знаменитость. Примерные остальных актеров размещались в обычном, разделенном на секции вагончике. Сэм Фокс прошел мимо охранника, приветствовавшего его кивком головы, распахнул дверь гримерной Марка Соля, заглянул внутрь и остолбенел.

Одну из стен каморки Марк оклеил фотографиями своего семейства. Сейчас они были изуродованы намалеванным сверху красной краской наглым требованием: «Английская свинья, убирайся домой». На зеркале несколько раз было написано «ШДШ», и те же три буквы, написанные той же яркой краской, повторялись везде, где только можно было: на столе, на стенах, на дверце шкафчика и даже на умывальнике. Чья-то мстительная и злобная рука прошлась по всей комнате: обивка мягкой мебели была испорчена, на полу валялось содержимое ящиков и шкафов, облитое и измазанное красками и косметическими средствами с туалетного столика.

— Тьфу, дерьмо! — выругался Сэм Фокс, одним взглядом охватив картину побоища, и, отступив на шаг, захлопнул дверь. — Есть у тебя ключ? — спросил он у Марка. Тот молча отдал ему ключ и смотрел, как директор запирает дверь. — Пусть полиция глянет на этот разгром, прежде чем мы начнем уборку. Марк, поверь, я тебе очень сочувствую. Никогда не думал, что здесь может произойти что-нибудь подобное.

Все еще не пришедший в себя Марк кивнул.

— Как и я, — слабым голосом произнес он. — Правда, я знал, что кое-кто недоволен тем, что я играю Дэвида, но я не предполагал, что эти люди настолько фанатичны.

— Что случилось? — Из-за двери соседней гримерной показалось тонкое и нежное, как у фарфоровой куклы, личико. — Почему вы оба выглядите такими опечаленными? — удивленно распахнула свои детские голубые глаза Андрина Гордон, сгорая от любопытства.

— Андрина, ты была здесь в течение последнего получаса или около того? — игнорируя вопрос, уточнил Сэм. — Слышала ли ты какой-нибудь шум из этой комнаты?

Прикусив розовую губку, Андрина покачала головой.

— Нет, ничего не слышала. А что случилось? Взлом? Ограбление?

— Да, в некотором роде, — признал Сэм. Сдернув с крючка на поясе радиотелефон, он вызвал своего ассистента: — Кенни, будь добр, вызови полицию. Пусть зайдут в актерский вагончик.

— Полицию! — возбужденно пискнула Андрина. — Ух ты! Значит ли это, что сегодня утром не будет съемки?

— Нет, не значит, — отрезал Сэм. — Это значит только, что мы начнем максимум на полчаса позже. Оставайся в костюме и никуда не уходи.

Сэм знал, что если Андрина решит, что у нее появилось свободное время, чтобы поразвлечься, весь съемочный день может пойти насмарку. Он понятия не имел, кто ее нынешний партнер, но репутация Андрины была ему известна, и, насколько он мог судить, актриса вполне ее оправдывала.

От дверей вагончика упала тень. Там стоял Андро в своем обычном костюме — джинсах и кожаной куртке. В этот день он не должен был появляться перед камерой.

— Что это за чушь насчет вызова полиции? — лаконично поинтересовался он и, выгнув бровь, посмотрел на Марка. — Что я вижу? Соль чем-то расстроен? — по его тону было

понятно, что если это так, то сам он ничуть не огорчится.

— В гримерной Марка совершен акт вандализма, — отрывисто произнес Сэм. — Какой-то ублюдок с нулевым коэффициентом интеллекта разбрызгал повсюду краску из баллончика и натворил еще кое-что похуже, так что я вызвал полицию.

— Я слышал по радиотелефону. Неужели это действительно необходимо — из-за какой-то несчастной краски? — скептически пожал плечами Андро.

— Расистские лозунги, на мой взгляд, не так уж безобидны, — твердо ответил Сэм. — Марк пережил потрясение, и я его понимаю. — Повернувшись к взволнованному молодому актеру, он добавил: — Послушай, парень, почему бы тебе не пойти в буфет, выпить кофе или что-нибудь в этом роде? Я пришлю к тебе полицейских, чтобы они приняли у тебя заявление. Думаю, все это займет не более сорока минут. О'кей?

Марк кивнул и проскользнул мимо Андро, как будто хотел оказаться подальше от него.

— Я хотел бы, чтобы этот инцидент был расследован как можно скорее, — продолжал Сэм. — Я не хочу, чтобы он повлиял на игру Марка.

Андро цинично рассмеялся.

— О какой игре вы говорите? Несколько лозунгов, написанных поверх фотографий дорогих папочки и мамочки, не могут испортить то, чего никогда не было.

— Откуда вы знаете, что они были написаны поверх фотографий его родителей? — резко спросил Сэм. — Я этого не говорил.

— А где еще они могли быть? — равнодушно отмахнулся Андро. — Он оклеил их дурацкими жирными физиономиями всю эту проклятую комнатенку. Он настоящий маменькин сынок — плакса, размазня, инфантильный слюнтяй в мокрых штанишках.

— Бедный маленький Марк, — хихикнула Андрина, подмигивая Андро.

— Пусть катится назад к своей маменьке, — прошипел тот.

— Ради Бога, Андро! — зарычал Сэм. — Ты с самого начала не скрывал своего отношения к Марку. Поскольку ты тоже заинтересован в том, чтобы съемки этого фильма благополучно завершились, будет лучше, если впредь ты будешь держать свои чувства при себе, — бросил он через плечо, проходя мимо Андро.

— Для фильма будет лучше, если малютка Марк уберется к чертовой матери, дав нам возможность найти настоящего актера, который может произносить слова, не растягивая их, как принц Уильям в конфетной лавке на Хай-стрит, — фыркнул Андро, направляясь к Андрине, все еще стоявшей возле своей двери. — Принимаете ли вы гостей, мисс Гордон? — спросил он, обнимая ее за талию и наклоняясь, чтобы поцеловать выпирающую из тесного декольтированного лифа половинку груди.

— Смотря кого, — проворковала Андрина, не делая ни малейшей попытки оттолкнуть его. — Спасибо этому неизвестному взломщику, благодаря ему съемка начнется позже и у меня появились лишние полчаса.

— Прекрасно, — усмехнулся Андро, нежно подталкивая ее к порогу.

Войдя вслед за Андриной в ее гримерную, он тщательно запер за собой дверь.

Партнеры Андрины по фильмам порой вслух удивлялись, как это она, постоянно развлекаясь с мужчинами у себя в гримерной, вообще находит время, чтобы появиться перед камерой. Кто-то, остроумно перефразировав слова, которые произносит ассистент, щелкая хлопушкой перед камерой, прозвал ее «Коитус третий, дубль второй», но Андрину это ничуть не смутило. «Бери от жизни то, что тебе нужно» — было ее девизом, и так она и поступала.

На время съемок «Пресипити Сити Продакшнз» арендовала также здание церкви неподалеку от Эдинбургского замка, под сводами которой два раза в месяц обычно звучали псалмы Свободной пресвитерианской церкви Шотландии, отправлявшей свои службы на гэльском языке. Теперь же зал ежедневно бывал переполнен техниками в джинсах и пропотевших рубашках, актерами в париках и пышных юбках, обвешанным снаряжением обслуживающим персоналом. Самое напряженное время приходилось на ленч, когда официанты выставляли на стойку заказанные блюда — от низкокалорийных диетических салатов до жирного рагу в сметанном соусе. Обедаящие рассаживались за низкими длинными столами, и так случилось, что Хэмиш и Катриона, впервые придя на съемки фильма, оказались за столом рядом с Изабель.

— Кажется, вы еще ни разу не встречались? — довольно неуклюже начала Катриона. — Хэмиш Мелвилл — Изабель Карлайсл. У вас есть общий миллион фунтов.

Изабель отличалась умением очаровательно краснеть. Ее длинное, обычно желтоватое лицо при этом сразу приобретало великолепный персиковый румянец, а густые темные ресницы так красиво трепетали, когда она скромно опускала глаза. Против обыкновения, в этот день она была одета в яркий брючный костюм абрикосового цвета с шарфом более темного оттенка, и даже очки на ней сегодня были не обычные, в круглой металлической оправе, а очень дорогие, в черепаховой. В таком виде, подумала Катриона, Изабель кажется лет на десять моложе своего возраста.

На Хэмиша она тоже определенно произвела впечатление.

— Я и понятия не имел о том, что вложил деньги в такой очаровательный талант, — галантно произнес он, беря ее за руку. — Очень, очень приятно.

Катриона спрятала улыбку. С тех пор как Хэмиш вернулся из Швейцарии, их отношения в корне изменились. Теперь она даже наслаждалась регулярными встречами с ним, встречами, посвященными исключительно его финансовым делам и не имеющими никакого отношения к делам любви. Хэмиш обращался с ней скорее как с любимой сестрой, чем с бывшей любовницей, так что, по-видимому, с прошлым покончено. Он сам предложил, чтобы они вместе сходили на съемки, и Катриона с удовольствием согласилась. Однако Хэмиш ни на йоту не утратил своего мужского обаяния, только теперь его талант соблазнителя не был направлен на Катриону, а всецело сконцентрировался на Изабель.

— Мне очень жаль, что я так и не настояла на знакомстве с вами, мистер Мелвилл, — проговорила Изабель. Румянец, делавший ее столь привлекательной, по-прежнему оставался на щеках. — Однако вы постоянно присутствуете в моих мыслях. Все мы прекрасно понимаем, что, если бы не вы, нас здесь сегодня не было бы.

— Да, это так, — откровенно признал Хэмиш. — И я начинаю понимать, как это было бы ужасно. Надеюсь, у вас найдется немного времени, чтобы дать некоторые пояснения мне лично?

— Разумеется, — с готовностью, может быть, даже чересчур поспешной, согласилась Изабель, которая совершенно позабыла про стоящий перед ней салат из крабов. — Что бы вы хотели узнать?

Воистину, вот поворот, достойный романа, иронически усмехнулась про себя Катриона. Судя по всему, мне давным-давно следовало представить Хэмишу Изабель.

В этот момент она заметила Андро, который появился в зале, держась в опасной близости к миниатюрной актрисе в пышном муслиновом платье XVIII века. Изабель и Хэмиш были слишком увлечены беседой, чтобы обратить внимание на эту пару, но почти все

присутствующие провожали ее любопытными взглядами. Некоторые просто были заинтригованы эффектным зрелищем — молодой красавец актер и прелестная «якобитская» леди, другие, более посвященные, шептались между собой об этом быстро развивающемся по эту сторону экрана романе. Многие, звавшие об отношениях Андро с Изабель, исподтишка поглядывали на нее, ожидая взрыва, но, полностью поглощенная Хэмишем, она оставалась безучастной.

— Может быть, Катриона тоже захочет к нам присоединиться? — вдруг спросил Хэмиш.

Катриона осознала, что понятия не имеет, о чем идет речь. Ее мысли, как уже бывало не раз, вновь вернулись к тому ужасному дню в Глендоране, когда умер граф. С тех пор она видела Роба только один раз, на похоронах Лохабера. Как и подобало, церемония похорон главы клана была очень торжественной и официальной и не располагала к интимным беседам. Тем не менее Катриона ловила себя на том, что Роб постоянно присутствует в ее мыслях, особенно теперь, когда он закончил свои дела в Лондоне и в ближайшие выходные должен был окончательно перебраться в Глендоран.

— Прошу прощения, — виновато сказала она Хэмишу. — Я не слушала. К чему присоединиться?

— Мы предлагаем тебе завтра поехать с нами посмотреть, как будут снимать сцены на берегу моря, — объяснил Хэмиш. — Макс приезжает на уик-энд, я уверен, что ему тоже будет интересно.

— Нет, спасибо, боюсь, что я не смогу, — пробормотала Катриона. — Я собираюсь в другое место.

Роб пригласил ее в Глендоран, и это будет первый раз, когда она приедет туда после происшествия. Отношения Роба и Катрионы, если их можно назвать таковыми, с тех пор не претерпели изменений и не прогрессировали. Со своей стороны Катриона в какой-то степени была благодарна судьбе за эту передышку. Им обоим нужно многое обдумать и решить для себя, каждому нужно прийти к компромиссу с самим собой, а на это требовалось время. Этот уик-энд покажет, закончился ли уже период осторожного приглядывания и, может быть, заложит фундамент на будущее.

— Я уверена, что вы получите огромное удовольствие, — сказала Катриона. — Правда, Изабель? А Андро завтра будет сниматься?

Хорошо бы, подумала Катриона, если бы Андро завтра был занят на съемках. Тогда его наверняка не будет в Глендоране.

— Да, — спокойно подтвердила Изабель. — Это одна из его основных сцен, так что завтра он в свое удовольствие сможет помахать шпагой. — Она увидела, как через зал пробирается Сэм Фокс, и встала. — Извините. Кажется, директор хочет со мной переговорить.

Сэм выглядел хмурым и озабоченным.

— Вы уже слышали, что произошло в примерной Марка Соля? — спросил он, сдвинув на затылок бейсбольную кепку, которую постоянно носил, чтобы прикрыть наметившуюся лысину. — Какой-то ублюдок устроил там настоящий погром.

— Как?! Что произошло?

— Какой-то придурок из шайки, называющей себя «ШДШ», с помощью баллончика с краской намалевал повсюду свои визитные карточки, а поперек семейных фотографий бедного Марка — расистские лозунги. Я вызвал полицию, но Марк не хочет подавать

заявление. Говорит, что предпочитает об этом забыть. Мы предоставили ему другую примерную, а эту уже начали приводить в порядок.

При упоминании о ШДШ Катриона наострила уши. Она следила за газетами, но в последнее время расисты вели себя тихо, если не считать того, что время от времени их лозунги появлялись в популярных среди английских туристов местах.

— Да как же им удалось пройти мимо охранников? — возмутилась разъяренная Изабель. — За что же мы тогда им платим?

— Охранники утверждают, что все время были на месте и что в вагончик не заходил никто, кто не имел бы на это права, — сообщил Сэм. — Так что, похоже, это работа кого-то из своих. Поэтому-то Марк и не хочет предпринимать никаких шагов. Говорит, что подозревает, кто это мог быть.

— Кто же? — настаивала Изабель. — Мы не можем так этого оставить!

Сэм покачал головой.

— Ничего не получится. Парень отказывается назвать имя. В этом смысле он оказался настоящим англичанином — ну, знаете, гордость и все такое.

— Он очень расстроился?

— Да, вначале очень. Но потом взял себя в руки, потрясающе сыграл свою сцену перед камерой, и даже его акцент был безупречен. Звукорежиссер в восторге. Вынужден признаться, я удивлен.

Изабель сухо рассмеялась.

— Что ж, значит, наш взломщик в каком-то смысле оказал нам услугу, — заметила она. — Рада за Марка. Я с самого начала подозревала, что за его свежим личиком таится недюжинная внутренняя сила.

— В самом деле? — удивился Сэм. — Я, честно говоря, до сих пор считал, что он настолько хорош на экране, что проблемы с голосом можно будет как-нибудь отрегулировать. Но как раз сегодня его «р-р-р» катились, как камушки.

— А Андро всегда утверждал, что Марку никогда не справиться с буквой «р», — злорадно отметила Изабель. — Вот тебе, Андро!

— Андро имеет что-нибудь против Марка? — спросила Катриона у Изабель, когда Сэм отошел.

— Он не может примириться с тем, что роль шотландского литературного героя исполняет англичанин, — объяснила Изабель. — И многие с ним в этом согласны. Однако нет никаких сомнений, что внешне Марк очень подходит для этой роли. — Она вздохнула. — Трудно найти идеального исполнителя.

— Поинтересуйтесь у Андро, нет ли у него баллончиков с краской, — неожиданно предложила Катриона.

Может быть, мрачно подумала она, и тогда, в марте, это он изготовил несколько зажигательных бомб. Катриона знала, что Андро — закомплексованная и сложная личность, а кроме того — большой мастер притворства, великолепно умеющий представляться тем, чем он отнюдь не является. Но может ли он быть также и поджигателем? Мог ли тот самый человек, который накануне поджег дом Каррузерсов, на следующий вечер как ни в чем не бывало сидеть с ними в баре за одним столом и пить виски?

— Если есть, то лучше вам побыстрее с ним разобраться, — угрюмо посоветовал Хэмиш. — Еще один такой инцидент — и фильму конец.

— О-о, я непременно разберусь с ним, не сомневайтесь, — пообещала Изабель. — Он

очень удивится, когда узнает, что его актерский контракт совсем не так неуязвим, как он воображает.

Хэмиш с интересом присматривался к Изабель. Еще раньше на него произвела сильное впечатление ее необычная внешность, но сейчас он пришел в восторг, ощутив в ней также незаурядную личность. Хэмиша привлекали женщины с сильным характером. Ему нравилось вступать с ними в противоборство. Правда, Катриона пока что была единственной, которая осмелилась им пренебречь. Теперь они перешли к платоническим отношениям, которые, кстати, доставляли Хэмишу гораздо больше удовольствия, чем он ожидал. В лице Изабель он столкнулся с новым и необычным вызовом. В Швейцарии он вручил Линде залог примирения — алмазный браслет, но Хэмиш был не из тех мужей, которые долго остаются верными...

Роб слушал родителей, которые излагали ему подробности своего выздоровления, и тихо радовался тому, что джин с тоником хоть немного оживляет монотонную беседу. Лорд и леди Невис были всецело поглощены своими медицинскими горестями и злоключениями и ничуть не интересовались глобальными изменениями, происходившими сейчас в его жизни в связи с переездом из Лондона в Глендоран. Робу казалось, что он стоит в начале полного опасностей и препятствий неизведанного пути, и рядом нет деда, который мог бы взять его за руку и повести за собой. Он был бы рад обсудить все это с отцом, но новый граф, все еще пребывавший в специальной коляске на колесиках, способен был сокрушаться только по поводу того, что еще не в силах вернуть в свои руки бразды правления банком.

— Брюс Финли уверяет, что держит все под контролем, но я не успокоюсь, пока снова не попаду в свой кабинет, — жаловался больной. — Разве может корабль идти правильным курсом, когда на мостике нет капитана?

— Тебе просто хочется верить, что ты незаменим, — с легким упреком заметил Роб. — Дай немножко порулить и другим.

— Я уже дал, — буркнул отец. — Но это длится чересчур долго. Доктора слишком осторожничают. На следующей неделе, пусть хоть земля перевернется, я поеду в банк.

— Ну и как ты туда доберешься, Джордж? — резонно спросила его супруга. — В обычный автомобиль ты не сможешь влезть, пока твоя нога находится в таком положении, а вызывать машину частной медпомощи, только чтобы она отвезла тебя на работу, было бы довольно странно.

— Я могу нанять один из этих фургонов, что ездят по городу. Ты сможешь вкатить туда инвалидную коляску, — раздраженно ответил Лохабер. — Множество людей-инвалидов, сидя в такой коляске, полноценно трудятся целый рабочий день. — Стукнув по подлокотнику кресла, он нахмурился. — Теперь я могу ими только восхищаться.

— Но ты до сих пор очень легко утомляешься, — напомнила мужу леди Невис. Сама она все еще страдала от ужасных головных болей — последствий катастрофы, и в иные дни по утрам была не в силах оторвать голову от подушки. — Ты доберешься до своего кабинета и сразу уснешь.

Роб слушал вполуха. Он уже неоднократно выслушивал все те же сетования по телефону и чувствовал, что его терпение иссякает. Ему, молодому и здоровому мужчине, трудно было влезть в шкуру родителей, которые не были уверены в своем скором и полном выздоровлении.

— Я так понимаю, что в ближайшем будущем вы вряд ли доберетесь до Глендорана, —

прокомментировал он, отпивая глоток джина с тоником.

— Пока я в таком состоянии, мой мальчик, об этом не может быть и речи, — нетерпеливо объяснил отец, указывая на свою торчащую ногу в гипсовой повязке. — Я даже не смогу подняться на крыльцо.

— Мы с Ангусом могли бы внести тебя.

— Нет, я не хочу туда ехать. Ты там потихоньку приводи все в порядок, а мы приедем потом, когда станем более мобильными. Только не предпринимай ничего радикального, не посоветовавшись со мной.

— Если можно, Роб, пожалуйста, сними чехлы, — застенчиво попросила его мать. — Будет так приятно снова увидеть дом во всей красе.

— Сделаю все, что в моих силах. Завтра я захвачу с собой Катриону. — Перехватив острый взгляд матери, Роб усмехнулся: — Ну-ну, мама! Ты уже, конечно, слышишь свадебные колокола? Ничего подобного. Просто мне нужна компания. И так будет очень тяжело приехать и не найти там деда.

— Я не слышала свадебных колоколов, дорогой, — возразила Квинни. — Но я ощутила в своем обычно индифферентном сыне проблески романтического интереса. Я не ошиблась?

— Почему это я индифферентный? — возмутился Роб. — Вовсе нет. Просто немного более разборчивый, чем другие, вот и все.

— Только это я и имела в виду, дорогой, — спокойно ответила леди Невис. — Но теперь ты, кажется, сделал определенный выбор. Вот и все, что я сказала.

Роб задумался.

— Что ж, может быть, и сделал, — наконец кивнул он, — но все равно это еще только начало, и я не уверен во взаимности.

Его мать неодобрительно хмыкнула.

— Она-то в свое время сделала весьма сомнительный выбор, если то, что мы видели в Лондоне, имело продолжение. Может быть, вы оба все-таки будете настолько благоразумны, чтобы немного осмотреться, прежде чем бросаться головой в омут.

Роб изумленно уставился на мать.

— Насколько я помню, мама, тогда ты была преисполнена сочувствия к Катрионе. Ты считала ее невинной жертвой.

— Это было до того, как ты стал проявлять к ней интерес, — пожала она плечами. — А теперь ее послушной список уже не кажется мне таким уж блестящим.

— Но ведь она тебе нравится, не так ли? Признай это! И ты же не хочешь, чтобы я привел какую-нибудь наивную девственницу, вроде Дианы Спенсер. Посмотри, чем это может кончиться!

Нахмурившись, леди Лохабер в течение нескольких секунд обдумывала это заявление. Потом ее лицо просветлело:

— Ты прав, она мне нравится. И она прекрасно проявила себя в тот день, когда умер твой дед.

— Кроме того, она отличный управляющий, — вставил свое слово граф. — Она обладает интуицией, и на нее можно положиться.

— О-о, ну, раз так, все в порядке, — с тяжеловесной иронией прокомментировала его жена. — Как раз то, что нужно нашему сыну и наследнику.

— Господи! Пока что мы собираемся всего лишь на уик-энд в Глендоран, — напомнил ей Роб, — а вовсе не в собор Сент-Джайлс!

— Твой отец сделал мне предложение на берегу Глендоранского озера, — ностальгически вздохнула леди Лохабер.

— Совершенно верно, — угрюмо подтвердил ее супруг. — Мои брюки так никогда и не смогли очистить от грязи после того, как я стоял перед тобой на коленях.

— Бог с ними, по крайней мере мы прилепились друг к другу так же прочно, как эта глина — к твоим брюкам, — отозвалась Квинни.

— Друг к другу, но не к Глендорану, — тихонько пробормотал Роб.

— Это был ты, не так ли? Сознайся! — обрушилась Изабель на Андро, когда в этот вечер он вернулся домой, в их общую квартиру.

Последовав совету Катрионы, она обыскала его комнату и на верхней полке шкафа обнаружила целую сумку, полную аэрозольных баллончиков с краской.

— Это ты испакостил комнату Марка.

— Что? — Он выглядел ошеломленным, как будто такое предположение явилось для него совершенно невероятным. — Почему вдруг я? Зачем мне это?

— Затем, что ты хотел запугать его. Надеялся, что он расплачется и убежит, но вместо этого он играл, как никогда. Ты просчитался, ловкач Андро, — злорадно объявила Изабель.

— Что значит — играл, как никогда? — с заметным раздражением спросил Андро.

— Так считает Сэм. Ты не видел, как Марк сыграл сегодняшнюю сцену. Это было изумительно. Все-таки мы сделали правильный выбор, пригласив его на эту роль!

— Что? Ты утверждаешь, что этот слабак за одну ночь превратился в чудо? Невероятно!

— Нет, не за одну ночь. Это все благодаря ШДШ, или как там вы себя называете. Это был ты — я знаю, что это был ты! — Вытащив один из баллончиков из стоящей за ее спиной сумки, она помахала им перед его лицом. — И Сэм знает, и Марк! Ты знал, что испорчены его фотографии, хотя никто не говорил тебе об этом, потому что ты сам их изуродовал. Кроме Марка и Сэма, никто их не видел. Только благодаря Марку против тебя не выдвинули обвинение в возбуждении национальной вражды и умышленном нанесении ущерба. Он отказался подавать заявление.

Лицо Андро угрожающе потемнело.

— Как чертовски великодушно с его стороны! Святой великомученик Марк! Будь проклят он, и будь прокляты все англичане, которые отнимают у нас лучшие рабочие места! Как бы я хотел от всех них избавиться!

— А я бы хотела избавиться от тебя! — в ярости выкрикнула Изабель. — Полагаю, будет лучше, если ты уберешься отсюда и прихватишь с собой все свои мерзкие краски! — Она запихнула баллончик, который держала в руках, обратно в сумку и швырнула ее прямо в лицо Андро.

Только многолетний опыт футболиста позволил ему избежать травмы.

— Ах ты, сука! — взревел он. — Ты едва не поставила мне фонарь под глазом, а завтра мне сниматься!

— Но не поставила же, — возразила Изабель. — Кстати, «Пресипити» готова пересмотреть и даже расторгнуть твой контракт, если ты сию секунду не выметешься отсюда вместе со своими пожитками.

— Что значит — выметешься? — выпятил губу Андро. — Я здесь живу, запомни. Здесь мой дом. А расторжение моего контракта обойдется слишком дорого, чтобы ваш бюджет это выдержал.

— А вот тут, дорогой, ты жестоко ошибаешься, — не скрывая ликования, сообщила Изабель. — Твой агент составил его кое-как, потому что знал, что ты — один из партнеров. В твоём контракте больше дыр, чем в эмментальском сыре. Так что если ты заинтересован в том, чтобы играть в этом фильме — а я знаю, что ты этого хочешь, — то советую вести себя тише воды, ниже травы. А это значит — ищи себе другое жильё.

— У тебя, похоже, мания величия, — холодно заключил Андро. — Может быть, ты принадлежишь к мафии — делаешь людям предложения, от которых они не могут отказаться? Но правда состоит в том, что ты рехнулась от ревности — только потому, что я пару раз трахнул Андрину. Господи, да она все равно что общественный транспорт — любой может на ней проехаться. Ты же знаешь — она для меня ничего не значит.

— В этом-то все и дело, — в отчаянии простонала Изабель, разуверившись в том, что он способен ее понять. — Никто для тебя ничего не значит, теперь я в этом убедилась. Я верила, что ты меня любишь, хотя знала, что ты не пропускал ни одной юбки. Но я ошибалась. Ты бессердечный, самовлюбленный подонок. Я с самого начала знала, что ты при каждом удобном случае трахаешься с Андриной, но вовсе не по этой причине я тебя вышвыриваю. Ты чуть не погубил весь фильм, и я не могу делить свою постель с расистом и саботажником.

— Да кому вообще нужна твоя вонючая постель! — с издевкой процедил Андро. — В последнее время мне приходилось затыкать нос и закрывать глаза, прежде чем заставить себя лечь в нее. И что-то я не вижу очереди из жаждущих занять мое место.

Изабель хотела возразить, что не далее как сегодня Хэмиш Мелвилл недвусмысленно дал понять, что заинтересован именно в этом, но вовремя прикусила язык. Если она пустит Хэмиша в свою постель, то это произойдет на ее условиях, и ключа от ее двери он не получит. Один раз, с Андро, она совершила ошибку, но больше этого не повторится.

— Давай обойдемся без грубостей и оскорблений, — спокойно произнесла Изабель. — Просто собери вещи и выметайся. — Она взяла свою сумочку и повесила на плечо. — Меня пригласили на обед. Чтобы к моему возвращению тебя здесь не было. А завтра на съемке, будь добр, веди себя как паинька, иначе запахнет эмментальским сыром.

— Не смей мне угрожать, ты, блудливая корова! — выкрикнул ей вслед Андро. — И не думай, что я буду продолжать работать в твоей вонючей фирме. Я буду приходить, сниматься и сразу же исчезать.

Изабель остановилась и, обернувшись, едко заметила:

— Это уже что-то новое. Обычно ты трахаешься и сразу же исчезаешь. И, кстати, делаешь это не очень-то хорошо!

Май в Шотландии всегда был волшебным месяцем. Хоум-Муры решили воспользоваться длинными солнечными днями, и в пятницу вечером устроили у себя во дворе барбекю, пригласив нескольких друзей поужинать в их прелестном уединенном садике. Элисон уже заметно округлилась и носила широкий свободный свитер с узором из разноцветных ярких шариков, который, вместо того чтобы скрывать ее живот, скорее привлекал к нему внимание.

— Да, я не стесняюсь выставлять напоказ то, что у меня есть, — усмехнулась она в ответ на соответствующую остроту Дональда. — По крайней мере теперь я нашла применение булавам, — весело добавила Элисон и, приподняв свитер, продемонстрировала свои ставшие узкими джинсы, которые теперь держались только благодаря булавам.

— Когда же все-таки должен родиться ребенок? — поинтересовалась Джиллиан, как всегда, маячившая неподалеку от Дональда.

— В сентябре, так что у меня есть еще около трех с половиной месяцев, чтобы щеголять в одежде с шарами, не обращая внимания на то, что меня саму можно сравнить с надутым шариком, пошутила Элисон.

Джиллиан не находила ничего забавного в том, чтобы раздуться до размеров воздушного шара.

— Бр-р-р! — вздрогнула она. — Нет, уж лучше я усыновлю чужого ребенка.

Элисон, смуглая красота которой просто расцвела за время беременности, рассмеялась:

— Не сходи с ума, Джиллиан. Усыновлять во всех отношениях гораздо сложнее. Нужно сначала подтвердить, что ты честная и добропорядочная гражданка, и так далее.

— Что могут сделать далеко не все из тех, кто заводит ребенка обычным способом, — продолжил Дональд и вздрогнул, когда Джиллиан в ответ ткнула его под ребро. — Что такое, дорогая? Извини, если я задел твою скромность.

— Придется тебе смириться с этим, Джиллиан, — с улыбкой предостерегла Элисон. — Тебе уже не удастся отучить Дональда от его шуточек.

Несколько недель назад Дональд и Джиллиан объявили о своей помолвке, никого, впрочем, не удивив. Это был первый зародившийся в стенах «Стьюарта» союз, и за объявлением последовала череда знаменующих событие вечеринок, одной из которых и было нынешнее барбекю.

— Теперь твоя очередь, Катриона, — заявил Джон, выкладывая на блюдо шипящие подрумянившиеся сосиски. — Мы не можем допустить, чтобы среди управляющих нашего банка был хотя бы один, лишенный возможности наслаждаться супружеским блаженством.

— Для этого не хватает одного необходимого ингредиента, — засмеялась обносившая гостей вином Катриона. — Нужен храбрец, который осмелился бы жениться на управляющем.

— Но Катриона работает над этим, правда, Кэт? — добродушно произнесла Элисон и, схватив подругу за руку, увлекла ее в сторону, подальше от толпящейся вокруг барбекю компании. — Что за история насчет завтрашней поездки? — настаивала она. — Или это «Лохабер — и только»?

Катриона нахмурилась.

— Честно говоря, я и сама в ужасе. Роб — чудесный человек, но я не представляю, чтобы между нами что-нибудь могло быть. Это уже чересчур, ты понимаешь, что я хочу сказать?

Элисон шумно втянула воздух.

— Ха! Нет, не понимаю. То, что ты сначала бросилась на шею его сумасбродному братцу, а потом искренне в этом раскаялась, еще не значит, что ты должна избегать Роба. Если для него это не имеет значения, то почему должно иметь для тебя?

— Я думаю, что ему это не безразлично.

Уже сгущались сумерки. Они беседовали шепотом, отойдя от основной группы, но Катриона все равно чувствовала себя неудобно. Это слишком деликатная тема, чтобы обсуждать ее на вечеринке. После того как Роб пригласил ее в Глендоран, она уже несколько ночей не спала, анализируя свои чувства. Катриона понимала, что этот уик-энд в их отношениях станет своего рода водоразделом, и ей хотелось заранее решить для себя, какое дальнейшее развитие событий она предпочитает.

— Поставь себя на его место, — предложила она Элисон. — Разве ты не подумала бы десять раз, прежде чем подбирать объедки своего брата?

— Я не думаю, что так легко влезть в шкуру другого человека, — возразила Элисон. — В конце концов у него уже было время, чтобы обо всем подумать, и, по-видимому, он решил, что для него это не имеет значения. Теперь важно, что ты чувствуешь по отношению к нему, а не то, как ты представляешь его чувства к тебе.

— Ответ простой — я не знаю! — призналась Катриона. — Он кажется мне очаровательным, добрым, щедрым, заботливым — короче, абсолютно положительным, но... но я не чувствую, что земля плывет у меня под ногами.

— Ну что ты, Кэт, в самом деле! — нетерпеливо воскликнула Элисон. — Насколько я могу судить, земля плыла, когда ты влюбилась в Хэмиша, и едва не перевернулась, когда появился Андро, и что хорошего из этого вышло? Когда ты наконец поймешь, что доброе старомодное ухаживание делает дальнейшие отношения устойчивее?

Катриона прикусила губу. Она не могла отрицать, что Элисон права. Она очертя голову, импульсивно бросилась в отношения и с Хэмишем, и с Андро, и в результате обожглась так, что ее пальцы, образно говоря, до сих пор покрыты волдырями. Самое глупое, что она может сейчас сделать, это позволить себе новое неосторожное, необдуманное увлечение. Однако в ее голове еще звучало тиканье отсчитывающих время деревянных часов старого графа. Где-то на этой земле должен быть кто-то, предназначенный именно ей. Она не создана для того, чтобы навсегда оставаться одинокой сухой банкиршей, она не хочет бессмысленно растрачивать свою жизнь, считая чужие деньги. Она не хочет жить в городе. Катриону радовало, что Роба, судя по всему, тянуло к деревенской жизни с такой же неукротимой силой, как и ее саму. Это нравилось ей ничуть не меньше, чем его вьющиеся светлые волосы и добрые, излучающие тепло глаза. Но в то же время существовало нечто, с чем дочери фермера трудно будет справиться. Роб — наследник графского титула, и это отпугивало Катриону. Да, он ей ужасно нравится, но это не тот человек, к которому она может приблизиться с легким сердцем и веселой непринужденностью.

— Не беспокойся. Во всяком случае, я не собираюсь бросаться ему на шею, — немного натянуто пообещала она Элисон. — Скорее, наоборот.

— Но вы уже подружились, а теперь, когда Роб возвращается в Шотландию, он, вероятно, особенно нуждается в друзьях. Разве этого пока недостаточно? Просто будь его другом, Катриона, и позволь ему быть твоим, а там будет видно. — Элисон взяла из рук Катрионы бутылку с вином и наполнила ее бокал. — Вот, возьми. Я не могу за это выпить, а ты выпей. — Она подняла свой стакан с апельсиновым соком. — За отсутствующих друзей и будущих графинь! — со смехом провозгласила Элисон.

— Ах ты, хитрая лиса! — воскликнула Катриона, не удержавшись от смеха. — Ты, как всегда, угодила прямо в точку!

Роб заказал новый «лендровер» взамен того, в котором умер его дед. В субботу утром, получив машину у эдинбургского дилера, он сразу же заехал за Катрионой. Колеса направлявшегося к северу нового автомобиля без всяких усилий весело проглатывали милию за милей, но атмосфера внутри него была далеко не столь радостной.

— Я чувствую себя как-то совершенно по-особому, — признался Роб, когда они уже приближались к цели своего путешествия. — Чем ближе мы подъезжаем к Глендорану, тем сильнее я нервничаю. Несмотря на то что я здесь вырос и сотни раз проезжал по этой дороге, сегодня для меня все как будто впервые.

— Интересно, почему? — спросила Катриона, которая тоже чувствовала себя беспокойно, хотя и по другим причинам. — Может быть, потому, что ты теперь хозяин и боишься, что это на тебя повлияет. Знаешь ведь: «Власть разлагает, а абсолютная власть разлагает абсолютно».

Он на мгновение отвел глаза от дороги, чтобы взглянуть на нее.

— Ты считаешь, что я закончу жизнь абсолютно разложенным властью?

— Нет, конечно, нет, — рассмеялась Катриона. — Это всего лишь цитата. Я даже не знаю, кто это сказал.

— Некий лорд Эктон. Выдающийся человек, живший в викторианскую эпоху.

— Ох, еще один лорд. Как вас тут много.

— Это имеет значение?

— Что? Такое множество лордов? Нет, никакого. Почему это должно иметь для меня значение?

— Не множество — один, конкретный.

Катриона нахмурилась.

— Ладно, милорд Невис, честно говоря, у меня есть одна проблема с вашим титулом...

— Какая же?

— Та, что вы названы в честь горы Бен-Невис. Общение с вами может показаться своего рода... ну, социальным альпинизмом.

— Нахалка! — Он шутливо потрепал ее по руке. — Веди себя прилично, иначе, — Роб усмехнулся, — я тебя выпихну из машины.

— Вот что случается с социальными альпинистами. Их находят мертвыми на обочине.

Воцарилось молчание. Через несколько минут Катриона спросила:

— А откуда ты знаешь?

— Что знаю?

— Что это был лорд, как его там, ага — Эктон?

— Всякий, кто изучал в Кембридже историю, это знает.

— А ты изучал? О Господи!

Он усмехнулся.

— Нет. Я изучал право, но лорд Эктон был знаменитым в прошлом историком. Отчасти он был либералом — дружил с Гладстоном, выступал за свободу меньшинств, и так далее. Он считал, что государство подавляет и душил маленького человека.

— Это его хорошо характеризует. В таком случае, наверно, он был бы на моей стороне, — заметила Катриона.

— На твоей стороне? — удивленно повторил Роб.

— Да. На стороне маленькой фермерши против деспотичного лендлорда.

— Уж не утверждаешь ли ты, что я — деспотичный лендлорд? — вознегодовал он.

— Конечно, — язвительно подтвердила Катриона. — Абсолютно деспотичный и абсолютно разложившийся феодал.

— Хорошую же помощь ты окажешь мне в этот уик-энд, если начнешь подстрекать всех арендаторов к бунту.

— Разве не крестьяне всегда устраивали бунты?

— И ты претендуешь на то, чтобы считаться одной из них? — сухо поинтересовался Роб.

— О-о, нет. Фермеры — это не крестьяне. Мы — независимые, самостоятельные, свободные налогоплательщики с гарантированным сроком владения.

— Помогите! — взмолился Роб. — Слава Богу, что в Кембридже я тоже изучал законы.

Они объехали вокруг замка и остановились возле гаражей — бывших конюшен.

— Только гости оставляют машины у парадного входа, — прокомментировал Роб.

Кирсти Маккинон встретила их возле дверей.

— Добро пожаловать, милорд, — торжественно произнесла она. — Добро пожаловать, мисс Катриона. Если вы еще не ели, у меня есть для вас холодный цыпленок.

— Спасибо, Кирсти, мы останавливались в Форт-Вильяме, в этом прекрасном рыбном ресторане на берегу озера, — сказал Роб, которому всю дорогу почему-то хотелось оттянуть момент прибытия, но теперь, когда они уже были на месте, он сразу почувствовал себя бодрым и полным энергии.

— Я приготовила вам ту же комнату, что всегда, а мисс Катрионе желтую, — продолжала Кирсти. — Вы не возражаете?

— Кирсти, все просто замечательно, — успокоил ее Роб. — Первое, что я собираюсь сделать, — пройти по основным комнатам и поснимать чехлы. Я даже не могу вспомнить, что там под ними, так долго их уже не снимали. Так что, будем надеяться, в течение следующих двух-трех дней погода будет хорошей и мы сможем открыть окна и дать дому глотнуть свежего воздуха.

Кирсти радостно заулыбалась.

— Для меня ваши слова — уже глоток свежего воздуха, милорд. Я припасла пылесос и средство для полировки и в любой момент договорюсь с местными девушками, чтобы они пришли помочь. Вам нужно только слово сказать.

— Отлично. Как Ангус? Пришел в себя после катастрофы?

— Ну, у него еще бывают ночные кошмары, но дорогу уже починили, и теперь вы с трудом найдете место, где это случилось. Однако нам очень не хватает вашего дедушки.

— Да, конечно. Нам всем его не хватает, — грустно сказал Роб.

Он отнес дорожную сумку Катрионы в симпатичную комнату, расположенную в передней части дома. Она была большой и светлой, в ее убранстве преобладали различные оттенки желтого цвета — лимонный, кремовый, золотой и бежевый. Мебель, хоть и не новая, была удобной и чистой, из окон открывался вид на сапфировую чашу озера, лежащую среди полукруга холмов. На их склонах уже появились яркие пятна — это березы и рябины успели надеть свой летний наряд. Весна поздно приходит в Хайлэнд, но сейчас Катриону заворожил контраст между застывшим серым гранитом, свежей зеленью папоротника и золотым сиянием цветущего дрока. Несколько минут Катриона простояла у окна, впитывая

эту картину и думая о том, что никогда не устанет любоваться красотой Хайлэнда.

— Чувствуешь ли ты себя в силах приняться за работу? — спросил ее Роб, когда, распаковав свой скромный багаж, она спустилась вниз. — Я хотел бы прямо сейчас снять чехлы в парадной гостиной, и мне понадобится твоя помощь.

— Ага, теперь я знаю, почему ты меня пригласил, — воскликнула Катриона. — Тебе нужна поденная работница!

— Правильно, — кивнул он. — А если начнешь бунтовать, я достану хлыст и высеку тебя.

После напряженной получасовой работы все великолепие парадной гостиной, так долго скрывавшееся под чехлами, наконец предстало перед ними в полном блеске: позолоченные стулья с обивкой из темно-синего Дамаска, два изумительных комода розового дерева, пара столиков с мраморными крышками, несколько каминных экранов ручной работы и ошеломляющей красоты голубой ковер с изображениями львов и павлинов.

— Здесь очень красиво и элегантно, — заметила Катриона, когда они стояли, любуясь плодами своих усилий, — но я не вижу примет принадлежности к клану. Где символы клана Гэлбрайтов? Где оленьи головы, фамильное оружие, охотничьи трофеи и плевательницы?

— Ты забываешь, что символы кланов были запрещены после Каллодена. А моя прапрабабушка была, вне всяких сомнений, очень утонченной дамой, — серьезно произнес Роб. — В ее гостиной подавали только чай и никому не разрешали плевать в камин. Конечно, вожди кланов были более грубыми личностями, и в других комнатах ты увидишь больше кожи и дуба.

— Интересно, по какому пути — рафинированной элегантности или грубоватой мужественности — пойдешь ты? — поинтересовалась Катриона.

— О, без сомнения, по пути простоты и целесообразности, — ответил он. — Правда, при этом я постараюсь не переусердствовать и не быть смешным.

— А ты не собираешься вновь завести лошадей в конюшнях?

— Почему ты спрашиваешь, увлекаешься верховой ездой? — заинтересованно спросил Роб.

— Фермеры редко умеют ездить верхом, — заявила Катриона. — Но мне всегда хотелось научиться.

— Почему ты постоянно подчеркиваешь, что ты — дочь фермера? — упрекнул Роб, которого это, судя по всему, задевало.

— Потому что я, как и ты, горжусь своим происхождением.

— Или потому что по каким-то причинам считаешь нужным все время мне об этом напоминать?

Это был опасный момент. В течение нескольких секунд Катриона обдумывала обвинение, затем неловко пожала плечами.

— Честно говоря, мне легче разговаривать с тобой, как с мистером, чем как с лордом, — призналась она.

Он мгновенно рассмеялся, снимая напряжение.

— Как и всем, наверно, — сказал он. — Быть лордом — не такое уж удовольствие. Сомнительная ценность, как ты когда-то сказала о красоте и об уме.

Катриона почувствовала огромное облегчение.

— Да, могу себе представить, — кивнула она, но тут же добавила: — Но тысячи людей не могут! — Взглянув на часы, она увидела, что уже половина шестого. — Может быть, у

тебя есть желание пойти со мной — я хочу навестить Каррузерсов, а сейчас самое подходящее для этого время.

— Хорошая идея, — согласился Роб. — С удовольствием пойду с тобой, я еще не знаком с Каррузерсами. Кирсти готовит для нас обед. Сказать ей, что мы сядем за стол около восьми?

— Да, отлично.

Представляя Роба Каррузерсам, Катриона ужасно волновалась. Ей казалось очень важным, чтобы они нашли общий язык, ведь им предстоит жить в непосредственном соседстве друг с другом. Но была и еще одна, не столь значительная, причина: все они были ее друзьями, и ей хотелось, чтобы они понравились друг другу. Если Каррузерсы проникнутся симпатией к Робу, то это укрепит ее растущее расположение к нему, а если и он нормально их воспримет, то это будет означать, что молодой, лорд разделяет ее понятия о честности, долге и хорошей репутации.

Вначале Катрионе показалось, что ничего не выйдет. Когда они свернули на стоянку позади дома, то увидели, что какой-то человек красит рамы в ярко-оранжевый цвет.

— Черт возьми, — выругался Роб, который не мог избавиться от чувства собственника по отношению к этому месту, несмотря на то что оно больше не являлось частью его владений. — Это невозможно! Они не могут оставить такой цвет!

Увидев, кто к ним приехал, Каррузерсы бросили все дела и подбежали к гостям. Во время церемонии представления Катриона заметила, что Роб то и дело бросает взгляды на злополучные окна и, по-видимому, умирает от желания поднять этот вопрос. На всякий случай она решила опередить его.

— Что с этими окнами? — спросила она после того, как все полагающиеся в таких случаях слова были произнесены, имена названы и закончен обмен рукопожатиями. — Почему вы красите их в такой цвет?

Ник громогласно расхохотался.

— Не бойтесь! — воскликнул он, отдышавшись. — Это только нижнее покрытие. Неужели вы подумали, что мы хотим встать под антиякобитские знамена?

— Я уже испугался, что попал на новое сражение у реки Бойн, — с заметным облегчением признался Роб. — Малиновый и белый — вот два цвета, которые признают в Хайлэнде.

— Да, мы это уже заметили, — ухмыльнулся Ник. — Но это специальное покрытие, предназначенное для защиты от влаги, солнечных лучей, пыли и тому подобного. Если не считать этого, то как вы находите наши достижения? Пожалуй, можно сказать, что в каком-то смысле ШДШ оказала нам услугу: если бы не пожар, мы ни за что не решились бы на такое радикальное переустройство.

Роб оглянулся, осматривая крепкие каменные стены, покатые крыши, покрытые новым шифером, мощную опорную стену, отгораживающую сад и подсобные помещения. Несмотря на все нововведения, усадьба, сохранив присущее ей своеобразие, ненавязчиво вписалась в окружающий пейзаж и казалась отлично сохранившимся осколком прошлого.

— Очень хорошо, — одобрил он, — только рамы должны быть белыми.

— Они и будут белыми, — со смеющимися глазами подтвердила Сью, — из-за названия, которое мы выбрали. Посмотрите на новую вывеску.

Она сдернула брезент с большой гладкой доски, прислоненной к стене. На зеленом фоне была изображена знаменитая бело-золотая якобитская эмблема, а ниже красовалась

надпись «Белая кокарда». Блестящий стальной кронштейн, к которому должна была подвешиваться доска, уже был прикреплен к углу дома, где он мог быть виден издалека.

— Сами понимаете, разве можно было при таком названии оставлять оранжевые окна? — уточнила Сью.

— Вряд ли, — улыбнулся Роб. — Когда вы открываетесь?

— Через две недели, — вздохнула Сью. — Мне все не верится, что мы будем готовы, но Ник говорит, что успеем.

— Конечно, успеем, — вставил Ник. — Мы не можем пропустить пик сезона.

— Наверно, сам принц Карл окажет вам честь своим посещением, — сказал Роб. — Говорят, его призрак видели в Гленфиннне, так что ему недалеко будет добираться.

— Мы пошлем ему факс с приглашением, — усмехнулся Ник, но тут же посерьезнел: — На самом деле мы собирались просить вашего дедушку присутствовать на открытии. Мы ужасно расстроились, узнав о несчастье.

— Да, мы все скорбим по нему, — признал Роб. — Он с удовольствием согласился бы перерезать ленточку на вашем заведении, но взамен взял бы с вас обещание использовать местную рабочую силу.

— О-о, только так мы и намерены поступать, — заверил его Ник. — Мы уже наняли двух парней, чтобы сделать опорную стену, а теперь они останутся работать садовниками. Мы хотим выращивать свежие овощи — вон там, за кухней. Еще несколько парней и девушек хотят выучиться и работать у нас официантами, да плюс два опытных повара уже работают под руководством Сью. Так что мы уже внесли свою скромную лепту в процветание местной общины.

— Может быть, лорд Невис, вы могли бы оказать нам честь вместо вашего дедушки? — робко предложила Сью.

Сейчас, когда приближался день открытия, она выглядела уже совсем по-другому, не так, как в прошедшие тяжелые месяцы. Ее волосы были со вкусом подстрижены и выкрашены в теплый пшеничный цвет, и хотя Сью по-прежнему много и тяжело работала, она посвежела и очень мило выглядела в своих темно-розовых брюках и белой трикотажной блузе.

Предложение Сью застало Роба врасплох. Он уже начал привыкать к положению наследника Лохаберов, и в этом качестве, решил Роб, его, по-видимому, хоть и не без некоторых сомнений, воспринимают как опору и главу общины.

— Это очень любезно с вашей стороны, — нерешительно произнес Роб, вопросительно поглядывая на Катриону, словно ожидая от нее подсказки. — Кстати, пожалуйста, называйте меня Роб, — добавил он. — Я не привык к тому, чтобы меня называли «лорд Невис», и не знаю, смогу ли когда-нибудь привыкнуть.

— По-моему, это грандиозная идея, Сью, — сказала Катриона, благодарно улыбнувшись приятельнице. — Если Роб откроет ресторан, то тогда он должен будет обедать здесь как минимум раз в месяц.

Все ее тревоги о том, смогут ли эти трое найти общий язык, были напрасны, с облегчением подумала Катриона.

— В таком случае, надеюсь, ему понравится наше угощение, — заявила Сью. — Я собираюсь начать с относительно простого меню. Конечно, в него войдут местная дичь и рыба. Кстати, Роб, это с вами я должна говорить насчет того, чтобы получать дичь и оленину из поместья?

— Теперь, наверно, со мной, — подтвердил Роб. — Пожалуйста, и если хотите, берите еще кроликов и зайцев. Я даже подумываю о том, чтобы начать разводить перепелов. Будет очень хорошо, если часть их я смогу сбывать здесь же, а кроме того, это послужит мне рекламой.

— Раз так, я думаю, мы с вами сговоримся, — заявила Сью, — конечно, если сойдемся в цене. Я начинаю подыскивать подходящие рецепты.

— Думаю, нам прямо сейчас нужно опробовать одно из моих вин, — гостеприимно предложил Ник, приглашая их пройти в помещение. — Отделка еще не закончена, но вы уже сможете получить представление, как это будет выглядеть.

Ресторанный зал был выдержан в стиле XVIII века — преобладание зеленых тонов, тонкое изящество оформления. Сделанные на заказ стулья «под старину» были удобными, устойчивыми и в то же время достаточно элегантными. К рассеянному свету настенных светильников-канделябров, объяснил гостям Ник, добавится освещение от стоящих на столах ламп в виде свечей. На столах будут лежать белые льняные скатерти, и везде, где только можно, будут стоять белые розы, символ якобитов.

— Я подумывал о том, чтобы расставить на столах традиционные кувшины с водой, — признался Ник, орудуя штопором, — но потом мы решили, что может получиться конфуз.

— Мы подумали о том, что американцы начнут пить воду, а французы будут использовать ее для ополаскивания рук, — рассмеялась Сью.

— Это очень легкое и приятное красное вино, — похвастался Ник, наливая понемногу в каждый из четырех стаканчиков. — Я могу доставать его по приемлемой цене, так что, возможно, оно станет у нас фирменным напитком.

Они попробовали вино, и после обмена соответствующими комментариями Катриона спросила:

— А где же мальчишки? Для дискотеки еще вроде бы рановато.

— Поверите ли, они оба теперь целые дни проводят вне дома. Питер все время ходит в походы, а Джон вступил в школьную футбольную команду. Они уже стали настоящими маленькими хайлэндцами, — с нескрываемой гордостью сообщила Сью. — Мы видим их только по воскресеньям, когда по моему настоянию они обедают дома.

— Так что, насколько я могу судить, у вас все хорошо?

— Смею сказать, что да. И пока мы здоровы и полны энергии, надеюсь, так и будет. Если, конечно, снова не пожалуют молодчики из ШДШ.

Катриона обменялась взглядами с Робом, и тот угрюмо произнес:

— Не думаю, что эта организация еще будет вас беспокоить. Как мне случайно удалось узнать, в этом регионе с ними как будто покончено.

Сью спросила у Катрионы, не хочет ли та взглянуть на новую дамскую комнату, и отвела ее в симпатичное, выдержанное в розово-салатных тонах помещение, где, помимо обычных умывальников и кабинок, было еще несколько туалетных столиков с зеркалами.

— Я хотела, чтобы все было как можно более по-домашнему, — поделилась Сью. — Без этого казенного запаха дезинфекции. — Придвинувшись ближе, она добавила: — Мне очень понравился новый лорд. А он, по-моему, очень хорошо к вам относится.

Катриона вспыхнула.

— Вообще-то он еще не совсем лорд, то есть не владелец поместья, но я думаю, что все управление будет в руках Роба. Его отец, похоже, не очень-то всем этим интересуется.

— Тем хуже для него и тем лучше для нас, — заключила Сью. — Можно ли сделать

вывод, что теперь, когда Роб здесь, мы будем чаще вас видеть?

— Не знаю, — пожала плечами Катриона. — Мы с ним просто друзья, как говорят в романах.

— Ну да, а потом он и она вместе скажут вдаль в лучах заходящего солнца.

— Так бывает только в кино, — улыбнулась Катриона. — А пока что у меня есть моя работа, а у него — тридцать тысяч акров, которыми он должен управлять. Я думаю, единственное место, куда мы поедем вдвоем, — это железнодорожная станция, когда он будет провожать меня до поезда.

— Но ведь это будет еще только завтра? — лукаво подмигнула Сью. — А до завтра еще многое может случиться!

В лунном свете озеро, гладкая поверхность которого лишь чуть-чуть отсвечивала серебром, выглядело мрачным и загадочным. Дул легчайший бриз. Крошечные волны с тихим шорохом набегали на прибрежную гальку. Где-то неподалеку репетировал лягушачий оркестр, состоящий в основном из ударных инструментов. Вокруг царили мир и спокойствие, и ночь окутала Роба и Катриону своим примиряющим покрывалом.

— Ты по-прежнему собираешься вернуться на Скай? — спросил Роб.

Атмосфера веселого взаимного поддразнивания, царившая между ними днем, незаметно сменилась на более спокойную и серьезную. Они уютно пообедали на кухне жареной бараниной, приготовленной Кирсти, а затем отправились на прогулку, чтобы полюбоваться медленным угасанием длинного дня.

— Да, собираюсь. Только вчера я говорила об этом с Хэмишем Мелвиллом. Он даже предложил мне финансовую помощь — иронически, разумеется.

— Почему иронически?

— Ну, это было бы странно после того, как я так или иначе вытянула из него миллион фунтов. Я сказала, что не считаю себя достаточно надежным финансовым вложением, а он ответил, что готов рисковать. Этот человек действительно настоящий притворщик — делает вид, будто он безжалостный делец, в то время как на самом деле у него золотое сердце.

— Скорее, он просто питает к тебе слабость, — предположил Роб. — А ты уверена, что и у тебя под слоем золы до сих пор не тлеет маленький уголек?

Роб задал вопрос как будто случайно, но они оба знали, что это не так.

— Конечно, уверена, — быстро и даже с некоторой горячностью ответила Катриона. — Уверена, как ни в чем другом.

— Ты разрешишь ему помочь тебе?

— Нет. Я с удовольствием воспользуюсь его советами, но не приму его денег. Я сделаю заем через обычные каналы.

Катриона почувствовала, как ее ботинки проваливаются в мягкую грязь, и, шагнув в сторону, на твердую землю, подумала о том, удалось ли ей одновременно выбраться из трясины иносказаний.

— А как насчет тебя? — спросила она. — Ты уже решил, чем будешь заниматься?

— Пока что нет. Я говорил Каррузерсам о разведении перепелов, но готов выслушать любые другие идеи, если они у тебя есть.

— Надо подумать. А что ты о них думаешь?

— О ком, о Каррузерсах? — Катриона услышала, как он глубоко вздохнул, а потом заговорил, тщательно выбирая слова: — Интересные, трудолюбивые, целеустремленные,

энергичные, веселые — я понимаю, чем они тебя привлекли.

Она удовлетворенно вздохнула:

— Я рада.

— Надеюсь, что они приживутся в Глендоране. Народ здесь довольно своеобразный. Местные жители не выносят, когда на них оказывают давление. Они привыкли всегда поступать по-своему, и Каррузерсам поначалу, возможно, придется нелегко. Но им нужно запастись терпением, тогда в конце концов все окупится.

— Надеюсь, им можно не бояться еще одной огненной церемонии?

Роб невесело рассмеялся.

— Нет, я думаю, та была единственной.

— Почему ты так уверен? Ты что, знаешь, кто это сделал? — испытующе спросила Катриона.

— Может быть, — осторожно ответил он.

— Не думаешь ли ты, например, что в этом мог участвовать Андро? — задала следующий вопрос Катриона, понимая, что ступает на зыбкую, полную опасных неожиданностей почву. — Что он — член организации?

— «Шотландия для шотландцев»? А почему ты спрашиваешь?

По его голосу Катриона не могла понять, сердится ли он или просто встревожен, но все-таки рассказала ему об инциденте с Марком Содем и о своих подозрениях.

— И он был в Глендоране оба раза, когда совершались поджоги, — мрачно закончила она. — Когда складываешь два и два, то почему-то всегда получается четыре.

— Да, Андро иногда бывает непредсказуем. У него неустойчивая психика, — признал Роб. — Но я все-таки не могу поверить, что он настолько глуп. У нас ведь нет доказательств, что это он, не так ли?

— Нет. И мы не хотим, чтобы кто-нибудь раздобыл их.

— Да, не хотелось бы. Могу себе представить, какой шум подняли бы газеты. Я уже вижу заголовки: «СЫН ГРАФА — ТЕРРОРИСТ!»

— «ВЫСОКОРОДНЫЙ ПОДЖИГАТЕЛЬ», — с невеселой улыбкой предложила свою версию Катриона. И осторожно добавила: — Может быть, это не столь уж важно, но я не думаю, что Каррузерсам было бы приятно узнать, что они живут по соседству с семьей человека, который поджег их усадьбу. Лишь бы он не сделал это еще раз.

— Я поговорю с ним, — пообещал Роб. — Попробую возвать к его совести и одновременно припугну. — Он озабоченно провел рукой по волосам. — Но только я не знаю... Дед был единственным, кто мог держать Андро в руках.

— Что ж, теперь ты здесь хозяин, стало быть, это придется делать тебе, — твердо заявила Катриона.

— Это и значит обладать абсолютной властью?

Она натянуто улыбнулась.

— Нет. Это значит быть ангелом-хранителем своего брата.

Несколько минут они молчали, слушая, как шелестят по сухой траве и вереску их ботинки.

— Я хотел бы, чтобы мы почаще виделись, Катриона, — наконец решился прервать молчание Роб, обращаясь к ее слабо очерченному бледному профилю, обрамленному облаком рыжих волос. — Такая идея привлекает тебя или отпугивает?

Сердце Катрионы забилось быстрее. Это был момент, которого она ждала, момент

истины. Она почувствовала, как у нее сдавило горло, и с трудом произнесла:

— Скорее, привлекает.

Повернув голову, она робко взглянула на Роба и уже более уверенно подтвердила:

— Безусловно, привлекает. Если это подходит тебе, то подходит и мне.

Даже в темноте было видно, как просветлело его лицо. Он остановился:

— В самом деле? Несмотря на высокогорные препятствия?

Катриона догадалась, что он намекает на свой титул.

— Думаю, я смогу привыкнуть к социальному альпинизму, — беспомощно кивнула она. — В конце концов, это же не твоя вина.

— Отсюда не так уж далеко до Ская, — напомнил он ей.

— Какая-то сотня миль! — рассмеялась Катриона. — Столько же, сколько приходилось преодолевать Томасу Карлейлю, чтобы повидаться с Джейн Уэлш.

— Неужели? — изумился Роб. — Должно быть, он был безумно влюблен в нее.

— Да, был. Он ухаживал за ней пять лет, прежде чем она согласилась выйти за него замуж.

Катриона двинулась дальше, но Роб нашел в темноте ее руку и заставил остановиться.

— Эй, — нежно позвал он, не выпуская ее руки. — Означает ли это, что я должен принять пятилетний план? Если да, то не могли бы мы начать прямо сейчас? Я не хочу терять ни минуты.

Испытывая непонятную робость, Катриона почувствовала, как он обнял ее и привлек к себе. В его объятии было что-то мучительно дразнящее, от чего захватывало дух, что-то бесконечно важное и значительное, чему она не могла найти названия. Теперь они стояли так близко, что видели глаза друг друга, глаза, казавшиеся в лунном свете бесцветными, но при этом столь красноречиво говорящие об их чувствах.

— У меня возникает странное, но стойкое ощущение, — мягко произнес Роб, наклоняясь к ней, — то, что сейчас началось, может быть, и не займет целых пять лет.

Катриона ничего не ответила, только слегка шевельнулась, подставляя ему губы. В их поцелуе было все — сладость и острота, веселье и торжественность, счастье и тревога. Он говорил о надеждах и страхе, о смехе и слезах, он наполнил их трепетом и восторгом.

— Я не хочу быть назойливым, — нерешительно произнес Роб, оторвавшись наконец от губ Катрионы и изучая ее лицо, — но как ты относишься к отдельным спальням?

Лукаво улыбнувшись, Катриона шепнула, почти прикасаясь губами к его уху:

— Я против них.

С глубоким вздохом облегчения Роб зарылся лицом в ее волосах.

— Благодарю Тебя, Господи, — прошептал он. — Потому что я тоже.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

